

ВОЕННЫЕ
XX ТАЙНЫ

Михаил
ИЛЬИНСКИЙ

ВЕКА

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

БЕНИТО МУССОЛИНИ

**ВОЕННЫЕ
XX ТАЙНЫ
ВЕКА**

**ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
БЕНИТО МУССОЛИНИ**

Михаил ИЛЬИНСКИЙ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ БЕНИТО МУССОЛИНИ

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

«ВЕЧЕ»

МОСКВА

2 0 0 0

ББК 63.3(2)
И 46

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24,
издательство «Вече»,
телефоны: 188-16-50, 188-88-02, 182-40-74,
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. НА ЧАШКУ КОФЕ С МУССОЛИНИ

Над этой книгой я работал много лет. Для человека моего поколения, многим из тех, кто родился до Второй мировой войны, одно слово «фашизм» и все, что с ним связано, вызывало и вызывает по меньшей мере неприязнь. Это из разряда эмоций. Слово «фашист» воспринималось как оскорбление, и, думается, вряд ли на протяжении десятилетий многие обитатели Европы, Америки и других континентов пытались уяснить, есть ли вообще разница — а если есть, то какая — между итальянским фашизмом и германским нацизмом; что объединяло и что разъединяло их, в чем проявляется сегодня оставленное ими наследство, надводные и подводные «риффы», пробивающие днища кораблей современного общества в Германии, Франции, Италии, США и других странах Запада и даже на Востоке Европы. И это многим казалось по меньшей мере удивительным, ибо именно Восточная Европа особенно сильно пострадала от черно-коричневой чумы. Теперь к слову «фашизм» нередко прибавляется приставка «нео», но что стоит за ней?

Многое история забыла, но не могла оставить незамеченным явление, по поводу которого сложились тома, груды книг, написанных с разных идеологических, социально-экономических позиций, с векторами часто противоположными: враждебными, похвальными-

ми, осуждающими, часто впадающих в крайности и тогда легко теряющих чувство всякой меры, объективности, реальности. И это понятно и объяснимо.

Именно такой была и остается тема «диктаторы XX века» и главные величины среди них: Сталин, Гитлер, Муссолини. Они сыграли свою роль в истории Европы и мира; каждый по-своему оставил след, который, уверен, не затеряется в летописи тысячелетий и получит оценку поколений не только XX века, но и последующих столетий.

Центром моих исследований, субъектом и объектом этого повествования избран Бенито Муссолини, его эпоха, его ближайшее окружение, то, что ушло вместе с Муссолини, и то, что осталось и останется надолго, после него и после нас.

Муссолини многолик и сложен. Мы привыкли видеть его напыщенным, надменным, самодовольным. Остались многие фотографии, километры пленки кинохроник, картины, рисунки, бронзовые, гипсовые, выбитые в камне, в базальте и мраморе скульптуры дуче. Стелы в Риме с надписью на них: «Дуче. Муссолини»; целые проспекты и улицы в Милане, Неаполе, Турине, особый архитектурный стиль, дома во Флоренции, Риме, Палермо, Бари, Болонье, где бывал Бенито Муссолини, помещения театров «Ла Скала», «Сан-Карло», «Фениче», где выступал фашистский лидер, основоположник диктаторского фашистского режима в Италии.

Слово «основоположник» означает в нашем представлении что-то положительное, основополагающее, готовое жить в светлом будущем. Так было с марксизмом-ленинизмом и многими другими «измами». Но никому не приходила мысль искать и определить основоположника фашизма. К фашизму применительны любые слова с негативным значением, но только не «основоположник». Но таковой, хотим мы того или нет, объективно был. Бенито Муссолини.

Только, пожалуй, к шестидесяти годам Муссолини

постиг мудрость шекспировских слов: люди должны терпеливо ожидать своего естественного ухода из этого мира, так же, как состоялся их приход. И в этом — еще не мудрость, а только проявление зрелости.

Муссолини обладал своим мнением по любому поводу. Право на собственное мнение дуче хотел бы тоже узурпировать и навязать его всем окружающим. Но, по мнению супруги Ракеле и старшей дочери Эдды, в одном он был прав: высказываемая точка зрения должна быть компетентной и аргументированной, а иначе надо уметь воздерживаться и ее не высказывать. Хотя за человеком закреплено право на суждение, на его высказывания на бумаге или вслух (по радио или в широком кругу людей), но может быть опасным. И даже более опасным, чем человек предполагает. А в остальном, как Цицерон, Муссолини любил повторять: «Помню все, даже то, что не хочу помнить, и хочу забыть то, что никак не могу забыть». Муссолини умел помнить, говорить, убеждать, увлекать...

Италия эпохи революционно-демократической, эпохи Рисорджименто — борьбы за объединение в государственном плане — в сравнительно короткий исторический период (примерно за сорок лет) превратилась в Италию, угнетающую другие народы, грабящую соседние Турцию и Австрию, захватывающую земли в Африке, аннексирующую Албанию, превратившуюся в реакционную, грубо националистическую, империалистическую Италию. Так считали марксисты-ленинцы и во многом были правы. Крупные итальянские историки (Дж. Вольпе в книге «Итальянский народ между миром и войной 1914—1915 гг.», вышедшей в Милане в 1940 году) настаивали на концепции, из которой следовало, будто бы фашистский режим стал прямым наследником Рисорджименто. Он преодолел кризисные послевоенные трудности 20-х годов, с которыми никогда не смог бы справиться слабый либеральный государственный аппарат, предшествовавший переходу власти в руки фашистов и лично Муссолини.

Весьма убедительно звучала и другая теория, главный тезис которой состоял в том, что приходу фашизма в условиях Италии способствовали сама Первая мировая война, отсутствие сильной руки, слабость экономики, эклектика во взглядах, анархия, царившие на Апеннинах, разгул мелкого бандитизма. Сама обстановка требовала восстановления порядка и дисциплины, хозяйственной стабилизации и прогресса, восстановления и развития экономики, завоевания новых рынков. И наконец, еще одна, на мой взгляд самая справедливая концепция, вобравшая в себя «рациональные зерна» из всех предыдущих теорий и концепций. Она квалифицирует приход фашистов к власти в Италии как постепенно подготовленный государственный переворот. Это был путч, действовавший как мина с мощным зарядом, мина, разорвавшаяся в точный исторический момент. В период, выбранный с мая 1915 года по октябрь 1922 года, фашистский комплот окончательно разрушил непрочные институты либералов и псевдодемократов. И на благоприятной почве солнечных Апеннин поднялось бетонированное, оштетинившееся штыками и пушками здание фашизма — жандарм, инициатор будущих экспансий по самым разным направлениям и в различных сферах жизни.

Я полностью согласен с теми, кто считает, что в период двадцатилетней фашистской диктатуры подлинную историю фашизма, жизнеописание Муссолини, Италии в целом нельзя было написать, живя на территории Италии, где была ликвидирована свобода мысли и главное ее выражение — свобода слова. Свобода растворялась в «фашистском пространстве относительности», становилась свободой только для тех, кто следовал в фарватере Муссолини, иерархов фашизма. О каком объективном написании истории «двадцатилетия» — с 1922 по 1945 год — могла идти речь?

Кто повлиял на формирование характера, утверждение политического кредо и духовного склада Бенито Муссолини? На этот вопрос он обычно любил от-

вечать сам: «Когда мне было двадцать лет, меня приводил в восхищение Ницше, он-то и укрепил антидемократические элементы моей натуры. Прагматизм Уильяма Джемса мне также очень помог в моей политической карьере. Он дал мне понять, что тот или иной человеческий поступок должен оцениваться скорее по своим результатам, чем на основании доктринальной базы. У Джемса я научился той вере в действие, той пылкой воле к жизни и борьбе, которой фашизм обязан значительной долей своих успехов... Но более всего я обязан Жоржу Сорелю; этот учитель синдикализма своими жесткими теориями о революционной тактике способствовал самым решительным образом выработке дисциплины, энергии и мощи фашистских когорт».

Что это? Рисовка, самолюбование, экстаз, вспышка, всплеск ораторского мастерства? Нет. Всего понемногу. Это был, пожалуй, синтез политического мышления раннего Муссолини. Так сказал сам Муссолини уже в зрелые годы. Возьмем и мы это мнение за «основу».

Муссолини любил повторять: «Я слушаю голос моей крови. Когда я доверяюсь моему инстинктивному сознанию или чувству, я никогда не ошибаюсь». Впрочем, ошибок Муссолини допускал действительно немного. Но все они были для него роковыми, и он всегда, следуя инстинкту, упорно шел к своему трагическому концу. Это была линия судьбы Муссолини — человека, политика, лидера фашизма.

Многое в судьбах народов и отдельных личностей решали на нашей Земле войны. История XX века — не исключение, а, напротив, подтверждение этой истины. Инициаторам войн всегда было важно выбрать момент, а многим участникам установить, с кем и куда следует идти. Италия в этом отношении — уникальный пример. Начиная политическую игру на одной стороне, она неизменно завершала партию на стороне бывшего противника и всегда выходила в числе побе-

дителей. Дело выгодно: быть беспроегрышным игроком. Но такова Италия со времен Древнего Рима.

Итальянский ученый, специалист в области международных отношений Луиджи Бонанте написал книгу «Война» — о всех войнах, происходивших в мире с 1648 по 1989 год. Войн оказалось 177, причем 67 из них проходили после 1816 года. Самые большие потери воюющие стороны понесли на всех фронтах в 1917 и 1943 годах. Италия в процентном отношении всегда в победителях и при наименьших потерях.

Самой воинственной страной автор называет Францию, участвовавшую за этот период в 22 войнах. Англия и Россия вступали в войны 19 раз. На 70 процентов войны выигрывали те, кто их начинал, но если начавший проигрывал, то разгром был тотальным, бескомпромиссным. «Война в истории человечества, — писал автор, — это самое сильное напряжение, мобилизация всех ресурсов, концентрация ценностей, которые только можно представить». «На современном этапе, — продолжал Бонанте, — война между великими державами, даже между бывшими жесточайшими врагами, стала невозможной, но количество локальных войн растёт». (Тогда еще не было распада социаллагеря, СССР, было далеко до Чечни, Югославии, до агрессии стран НАТО против Белграда, когда в военных действиях впервые после 1945 года участвовала Германия, а Италия стала главным плацдармом для нанесения воздушных ударов по Сербии, и т.д.) Но многому ли учат войны?

Вступление Италии в мае 1915 года в Первую мировую войну, как известно, на стороне Антанты, после разрыва обязательств по Тройственному союзу, в котором Италия пребывала с 1882 года, состоялось почти через десять месяцев после того, как в Европе уже грохотали пушки, а дипломаты покинули враждебные столицы и территории государств противника. Италия спокойно выжидала. Выжидала, когда силы ближайшего соперника — Австрии будут обескровлены,

надломлены руками других, а храбрых итальянских солдат ожидала бы не очень рискованная военная кампания. «Концепция» может показаться примитивной, упрощенческой, но не лишенной оснований. Особенно для тех, кто изучил национальный характер итальянцев, людей всегда правых, всегда на стороне более сильных, а значит, рассчитывающих на победу, хотя нередко в азарте забегающих вперед. И тогда?.. Так или иначе Италия вступила в войну, перешла с позиций длительного нейтралитета к политике активной интервенции — отдала приоритет идеологии войны и территориальных захватов, экономических приобретений и трофеев. И это был камень, заложенный в фундамент будущего фашистского режима Муссолини.

В июле 1999 года газета «Коррьере делла сера» сообщила о переиздании и выходе в свет двух томов книги историка фашизма Ренцо де Феличе: «Фашизм. Интерпретации современников и историков». И это — немалое событие в современном переосмыслении событий начала XX века. В книге автор показал наконец, долго скрываемую «объективную реальность»: фашизм в Италии поддерживался не только аграриями, промышленниками, финансистами, монархией, как писали и говорили раньше, но и большинством населения страны. Альтернативные личности в период 1914—1922 годов в Италии, безусловно, существовали. Но социалисты из авангарда перебрались в нестройные ряды арьергарда, их лидеры сдали позиции, но могли бы и последовать за Муссолини. В этот период социалисты пытались прикрепить Муссолини ярлык предателя соцдвижения, что вряд ли было правомерным. Во-первых, Муссолини был исключен из партии, и незачем было благородным синьорам бросать камни вдогонку. Во-вторых, Муссолини играл только *свою* игру, точно рассчитывал политические ходы и каждое «посеянное в почву толпы» слово. Ставки были очень высоки, и разговор о предательстве — это было выражение слабости, досрочная констатация предстоявше-

го тяжелого поражения социалистов и парламентаризма в Италии. Муссолини было некого предавать, а себя предавать он пока еще не научился.

Бенито Муссолини преодолевал как бы три этапа собственной политической эволюции: во-первых, перешел к политике интенсивной интервенции и порвал с итальянской соцпартией; во-вторых, укрепились националистические позиции и усилилось политическое влияние Муссолини в конце 1917 — начале 1918 года; в-третьих, «фаши» заявили о себе как о политической силе, способной подмять либеральную Италию, установить авторитарную власть. Все было закономерно и последовательно.

Фашистский государственный переворот в Италии оказался бы невозможным или нереализуемым, если бы либералы, социалисты, социал-демократы и парламентарии из палаты депутатов не утратили полностью своего авторитета. Этот период жизни Бенито Муссолини получил больше гипотетическое, теоретическое, чем практическое значение. Он мало изучен историографами и описывался с предвзятых позиций. Одни были явными апологетами фашизма и на все лады восхваляли провидца-дуче, преклонялись перед его прозорливостью и гениальностью (стиль и обязательное обрамление всех тоталитарных режимов первой половины XX века). Другие подвергали Муссолини «зубодробительной» критике, особенно тогда, когда завершалась Вторая мировая война. Дуче не стало, и ни одного слова в его защиту не было и не могло быть сказано. Никто не оправдывал и не обелял нацизм и фашизм. Они осуждены народами, а юридически (на будущее) повергнуты на Нюрнбергском процессе.

Фашизм и нацизм судила история человечества. И Муссолини по заслугам попал в ее жернова. Как основоположник. Кто-то говорил, что Бенито Муссолини не умел ошибаться, а если ошибался, то шел до конца. В пропасть.

Но на переломе XX и XXI веков наступило время исторической «оттепели», наметился интерес к новым взглядам и оценкам роли диктаторов в истории.

«Ревизионизм» во взглядах на роль личности Муссолини в 1933—1939 годах дошел до такой «смелой» степени, что некоторые историки (в основном не итальянские, а английские) стали представлять дуче таким «голубем», миролюбом по сравнению с «ястребом» Гитлером, а походы в Африку — своеобразными «прогулками», «детскими шалостями», игрой в солдатики... Поход в снега России — просто ошибка, вызванная необходимостью шагать в ногу с Берлином.

Историки Макгрегор Крюкс и Денис Максмит пытались представить события 30-х годов, сговор Рима с Берлином как вынужденные меры: будто бы у Муссолини не было иного выхода, а сам он позитивно влиял на Гитлера, оттягивал Берлин от территориальных притязаний, а если сам шел на завоевание чужих земель, то лишь для того, чтобы не быть «белой вороной», да и немного «развлечь нацию заморским походом».

Но это было не так, возражал историк, 37-летний италого-англичанин Роберт Маллетт. «Миролюбивым ликом Муссолини никогда не располагал, — писал Маллетт. — Напротив, он был сторонником активных, острых военных действий, готовившихся в полной тайне, проводившихся внезапно и большими силами, подобно тому, как это сделали японцы в Пёрл-Харборе».

Что касается своей зоны военного интереса, Муссолини сам расчертил географическую карту, отметил в Средиземноморье английские и французские базы, подлежащие нейтрализации или уничтожению. Это были Гибралтар, Суэц, Мальта, Тулон, Бизерта... Аден рассматривался как плацдарм для экспансии и контроля над Красным морем; Баб-эль-Мандеб — как «ворота в Индийский океан». В канун Мюнхенского сговора начальник генштаба итальянских военно-морских сил адмирал Доменико Каваньяри дал тайное

указание своим ближайшим сотрудникам: «Готовьтесь к походу. Все решено на самом высшем уровне. В Берлине и Риме». Захват же Эфиопии считался выигрышем легкой фигуры, но он предполагал уже победу во всей игре. Адмиралтейство сделало заказы на новые корабли, которые должны были быть сданы флоту к 1943 году. Из этого кое-кто делал скоропалительный вывод: «большая война» начнется не раньше лета 1943-го. Но время летело быстрее и по своим законам...» Италия ими не управляла.

Летом 1938-го, сразу же после аншлюса, адмиралтейство разослало новые заказы и требования скорейшего выполнения. Ясно, что начиналось форсирование вооружения. Но зачем? Если война, то с кем и когда? По мнению Маллетта, итало-британские соглашения в январе 1937 года и в апреле 1938 года не говорили в пользу того, что противоречия Рима и Лондона могли бы смягчиться. Планы Муссолини строились в согласии с Берлином, ориентировались на экспансию в районе Средиземноморья, Красного моря и Индийского океана.

Американский ученый Роберт Н. Проктор в 1999 году издал в Италии (издательство «Рускони») книгу «Эумесвилл», в которой утверждает, что Третий рейх и режим Муссолини имели не только одни дефекты. Это не были просто милитаристские государства. Там развивались культура, медицина. Например, Берлин первым начал борьбу с раком, пытался запретить курение в общественных местах и даже в казармах летчиков люфтваффе. Муссолини делал вид, что прислушивался к «голосу Берлина»; впрочем, однажды он тоже бросил курить.

Самым известным «экологом» в гитлеровской Германии считался Гиммлер. Рейхсфюрер СС был женат на санитарке Маргарите Боден, которая приучила мужа пить настойки из трав, употреблять гомеопатические лекарства и купаться в стогах сена (только в овсе). Она сумела уговорить Гиммлера (которого

называли «оздоровителем фюрера») помочь Гитлеру отказаться от курения, создать «зеленый райский уголок» в лагере Дахау, где их друг доктор Фаренкамп не только уничтожал евреев в камерах смерти, но и по соседству... разводил целебные травы, установил «фирменные ульи», мед из которых рассылался зарубежным друзьям. В частности, через сотрудников СС мед Гиммлера из Дахау доставлялся в Рим. Как отмечал капитан эсэсовцев Эрих Приебке, осужденный на пожизненное заключение в Италии, некоторые молодые немецкие офицеры в Риме бросали курить, объявляли, что становятся «вегетарианцами» и, как фюрер, готовы «разводить пчел и пить только «медовуху».

Муссолини тоже хотел выглядеть «экологом». Первые заповедные парки были созданы в Италии при Муссолини, желавшем иметь свою меховую промышленность общеевропейского значения.

Две шубы из норки и лисы дуче направил в Берлин лично для Евы Браун и получил в ответ благодарственные послания, а также просьбу прислать ей еще норковый полушубок. Просьба была выполнена с итальянским шиком, скоростью и вкусом.

На многих фотографиях Ева Браун в полушубке. Это именно тот самый полушубок, сшитый из 45 шкурок под Флоренцией, в городе Пистойя, чьи мастера-скорняки одевали самых изысканных синьор из рода Медичи и их окружения еще в XV—XVI веках. (В 30-х годах в Италии разводили примерно 20 тысяч норок, 30 тысяч лис, 5 тысяч бобров. Ныне в Италии на фермах 40 тысяч норок — визони, 40 тысяч лисиц — вольпи, 5 тысяч бобров — кастори. На одну шубу используется 34—54 норки, 10—24 лисицы, 16—20 бобров и т.д.)

...Последняя военная Пасха выпала на 1 апреля 1945 года. У нас «первый апрель — никому не верь», в Италии, Франции, многих других странах Европы — «poisson d'avril», «pesce di aprile» с тем же, одинаковым смыслом, но «день шуток» использовался тогда по-

разному, и последние аккорды войны звучали далеко не в шутовой тональности. Северная Италия — Милан, Болонья, Мантуя, Турин — находилась еще под контролем гитлеровских солдат. Не хватало хлеба, во многих городах не было света, газа, работало с перебоями водоснабжение. С одной стороны, голод и холод, с другой — бравурные речи, ежедневные приговоры чрезвычайных судов и специальных трибуналов, объявления о смертных казнях партизанам, обвинявшимся в соучастии в преступлениях, в вылазках вооруженных банд. Но чем более жесткими были приговоры, тем решительнее и упорнее становилось сопротивление. Настоящая война выплескивалась на улицы и площади городов и селений. Режим Муссолини трещал, прогибался, давал течи, и было ясно, что никакие дамбы и подпорки не сдержат нарастающего мощного «наводнения».

«Пальмовое воскресенье» 1945-го отличалось от других пальмовых воскресений (*La domenica delle Palme*) тем, что люди заполняли церкви, несли в руках освященные оливковые ветви и вкладывали в каждое слово только один смысл, одно всеобъемлющее стремление — скорейшее достижение мира. А восстановление, достижение и утверждение мира в Италии было возможно лишь одним путем — устранить Муссолини и других иерархов фашизма. Война и ее законы безжалостны. Все возможности любых компромиссов были исчерпаны.

В Миланском соборе молил о мире, встав на колени у алтаря, архиепископ Шустер: «Всевышний, мы просим только о мире. Прости нас за все...» А у Шустера с Муссолини были свои особые отношения.

...Был прекрасный солнечный день. Дети носились за стайками голубей на площади перед Миланским собором, кормили птиц и фотографировались с родителями (удивительно, все как сегодня, на рубеже тысячелетий!). А это было на самом финише войны. Впрочем, конец кровавой бойни и выход из нее Италии

предсказал еще 21 июня 1944 года бывший корреспондент в Париже, временно исполнявший обязанности редактора туринской газеты «Стампа» Кончетто Петтинато. Он написал передовую статью, в которой прямо сказал: «Протрите глаза, наш дуче-то гол, как тот король. Ошибки больше непростительны». Первым отреагировало на «провокационную» статью правительство Салó, создавшее дисциплинарную комиссию, которая освободила Петтинато от должности. Муссолини же последним ответил на выпад.

16 декабря 1944 года. В Миланском драматическом театре дуче появился бледный, похудевший. Весь его вид производил впечатление человека, проигравшего свой последний бой, теряющего волю, упорство. Муссолини произнес свою последнюю речь: «Мы должны зубами и когтями впиться в землю Паданской равнины и не уступать ни йоты...» Но это уже был пустой звук, «выдох бессилия». Все видели и понимали: «Кончетто Петтинато, убежденный фашист, сторонник Гитлера, Муссолини, «войны до победного конца», высказал очевидное: «Дуче — гол. Война подходила к концу...»

И эту же мысль в Милане весной 1945-го во всеуслышание высказал эсэсовский полковник Доллманн, интеллигент, разведчик, эстет, выступавший в роли переводчика на встречах Гитлера с Муссолини: «Я приехал в Италию, чтобы посмотреть «голого короля», а повстречал только Муссолини...»

Я опишу тринадцать встреч Гитлера и Муссолини с 1934 по 1945 год, и это позволит проследить эволюцию взглядов и внешности этих тиранов.

...Рим. Вечный город потому и вечный, что в нем все передавалось по наследству в течение более 2700 лет, сменялись поколения, столетия, тысячелетия, а все неизменно соседствовало, одно дополняло другое... И никто не посягал, не поднимал руку на прошлое, хотя один дворец, храм, дом нередко строился на фундаменте своего предшественника. Под нынешним Римом скрыт Рим раннего средневековья, ниже — ан-

тичные камни... И только Муссолини пошел против потока времени. По его личному распоряжению группа зодчих приступила к ревизии архитектурного наследия прошлого. Муссолини не боялся крушить, разрушать старые камни вечности. Имел ли он на это право? А кто имеет право на разрушения?

То, что, по мнению «всесильной группы зодчих», не имело «культурной и исторической» ценности, не использовалось утилитарно, по какому-либо полезному назначению, мешало движению транспорта и т.д., подлежало уничтожению. И Муссолини с этим был согласен. Разрушались камни «вечности». Для многих — ужас. Для Муссолини — росчерк пера. Но об этом особо.

Муссолини многое определял по-своему и на каждом этапе ценил только то, что видел в выгодном для себя свете. Например, в 1921 году, утверждая, что надо менять не людей в государстве, а саму государственную либеральную систему, он так формулировал сущность итальянской государственной системы: «Государство стало теперь гипертрофично, сланообразно, всеохватывающе, а потому уязвимо. Оно захватило чересчур много таких функций, которые следовало бы предоставить свободной игре частной хозяйственности. (Не созвучно ли с заявлениями и формулировками некоторых политиков на Востоке Европы через семьдесят—семьдесят пять лет?) Государство теперь играет роль табачного и кофейного торговца, почтальона, железнодорожника, страхового агента, корабельного капитана, банкомата, содержателя бань и т.д... Мы — за возвращение государства к присущим ему функциям, а именно: к политико-юридическим функциям... Укрепление государства политического не противоречит, а сопутствует всесторонней демобилизации государства экономического».

Готовясь к захвату власти и играя на настроениях в кругах промышленников, аграриев, среднего класса, рабочих и крестьян, то есть большинства граждан Ита-

лии, Бенито Муссолини — бесспорный трибун и искрометный оратор — громил основы итальянского государства, уже начинал представлять ту структуру общества, которую он вскоре создаст. «Либеральное государство, — с гневом обличал Муссолини в речи 4 октября 1922 года, — это маска, никого не скрывающая. Это вид строительных лесов, за которыми не возводится никакого здания...» Да и само слово «либеральное». Что за ним кроется? Шаткость, аморфность, неуверенность, нестабильность. «Те, кто идет вместе с этим государством, чувствуют, что оно подошло к последней черте. К черте позора и даже трагикомизма». После «пропагандистско-идеологической» обработки Муссолини пускал в действие силу своих фашистских легионов или дожидался, когда противник сдастся на его «милость», а то и просто уйдет. Бывали и самоубийства. Впрочем, где такое не случилось. (Вспомните хотя бы Москву в разные годы, включая и август 1991-го.)

Муссолини чаще категоричен, чем дипломатичен. Ему нравилось иногда даже выглядеть «кровожадным». «Я все тверже убеждаюсь, что для блага Италии было бы полезно расстрелять дюжину депутатов парламента, а также сослать на каторгу хотя бы несколько экс-министров (не помешало бы и в российскую Сибирь). Я все больше укрепляюсь в мысли, что парламент Италии — это чумная язва, отравляющая кровь нации. Необходимо вырезать ее».

Впрочем, он найдет через семь-восемь лет способ ликвидировать эту «язву» без острого «бистури» — хирургического ножа, который он ловко научился заменять с юности на простой крестьянский серп, всегда находившийся в его распоряжении как «предмет, оружие для отрезания».

Муссолини был трибуном толпы. Он обладал особым чутьем лидера массовых волнений, политической интуицией, волей, организованной сноровкой и самодисциплиной, беззастенчивым цинизмом и практициз-

мом. Это был «виртуозный циркач», «артист действия», человек, подстегиваемый личным честолюбием, неумолимой решительностью и необычайной умственной возбудимостью. И все это сочеталось с псевдопатриотическими и псевдосоциалистическими, националистическими воззрениями, усиленными, словно многими рупорами, ораторскими способностями, большим природным даром и физической силой.

В каждой фразе Муссолини-оратора все искали смысл. А если порой не находили и не было ничего в речи, кроме пафоса и напряжения голосовых связок, то все равно «фаши» упорно искали смысл или, точнее, по-своему домысливали сказанное дуче. Например, он сказал: «Да», а все вокруг повторяли: «Да, это очень важно... так и будет...»

...Как мне пришла мысль начать эту непростую книгу о Муссолини, о его и о нашем времени?

Лет пятнадцать тому назад в Комо, что на севере Италии, проходила встреча мэров ведущих городов Европы. Там мои итальянские друзья рассказали, что на берегу озера Комо в одном из старинных строений объявился некто Микеле Моретти, бывший партизан-гарibaldiец, личность загадочная, немногословная, с редкой судьбой. Он прожил почти сорок лет в Швейцарии, в эмиграции, под чужим именем.

— Почему понадобилось ему выехать из демократической свободной Италии в не менее свободную Швейцарию, жить там под чужим именем? — недоумевал я.

— Так было надо, — последовал ответ. — Микеле — лицо закрытое, секретное. Это он застрелил Муссолини в апреле 1945-го.

— А как же полковник Валерио? Его имя приводится во всех энциклопедиях. Это он считается исполнителем приговора участников движения итальянского Сопротивления, — продолжал сомневаться я.

— Если хочешь, можем организовать встречу. Все выяснишь сам. Только что-либо писать временно запрещено. Партийное табу. В интересах безопасности

и Микеле Моретти, и того, кто желал бы сделать секретное гласным. Но расстрелял Муссолини не Валерио, а Микеле...

История Микеле Моретти меня заинтриговала. В декабре 1985-го состоялась наша первая встреча, которая и заложила интерес к теме «Последние дни Муссолини», стремление проникнуть в тайны той далекой, сложной, опасной и очень противоречивой эпохи.

От Моретти я узнал многое о Муссолини, иерархах, Кларетте Петаччи. Затем были прочитаны тома литературы. Итальянской из разных десятилетий, отечественной, союзнической... Дневники супруги Ракеле, записи мужа дочери — графа Чиано. Все ищут дневники Муссолини, но тщетно. Я думаю, что дуче дневников как таковых просто не вел. Они были ему не нужны. Все, что он успел написать, публиковалось немедленно. А для «разговора с самим собой» в дневниковых записях у дуче просто не было времени.

То, что писалось в Италии о Муссолини, и то, что оставил в сборниках статей он сам, не создает полной картины его личности. По понятным причинам все было тенденциозным, направленным на пропаганду политики, внутренней и внешней, проводимой фашистским режимом. Противники и критики «фаши» стояли на непримиримо противоположных позициях по отношению к режиму Муссолини. В итоге они вышли победителями из Второй мировой войны, завершившейся полным разгромом гитлеровского национал-социализма и итальянского фашизма. Отсюда понятны характер, политическое наполнение всех произведений и исторических исследований, выходявших из-под пера победителей. Нейтралов практически не было, да, впрочем, и не могло быть.

В 80-х—90-х годах интерес к персоне Муссолини проявился вновь. И особую роль сыграла внучка дуче Алессандра Муссолини, чуть было не ставшая на муниципальных выборах в Неаполе мэром этого одного из ведущих по размерам и значению городов Италии.

Алессандра — член палаты депутатов парламента, один из лидеров парламентской группы от партии Национальный альянс (несколько лет назад Итальянское социальное движение — неофашисты). Несмотря на то, что в интервью она не отвечает ни на один вопрос о собственном деле, кроме того, что достойна своего исторического предка, она заставила многих внимательнее и неоднозначно заглянуть в прошлое.

Алессандра, поверив, что я, российский публицист, не гонюсь за «горячими» сенсациями вокруг новых сведений из личной жизни дуче и членов его семьи, познакомила меня со своей матерью Марией — младшей сестрой Софии Лорен и отцом Романо (он — в разводе с Марисей. Женат во второй раз) — музыкантом, композитором, но главное — историком, прожившим почти пятьдесят послевоенных лет в непростых условиях с тяжелым «багажом» сына дуче. Его, талантливого пианиста, из понятных соображений до середины 90-х годов не выпускали на ведущие сцены больших городов. Еще в 1985-м я слушал его концерты в предместьях Флоренции. В Риме он, римлянин, был запрещен. И только к завершению тысячелетия, он заговорил открыто. И языком музыки, и воспоминаниями историка, свидетеля событий. Свидетеля, безусловно, заинтересованного, но обладающего уникальной памятью, удивительной начитанностью, широкой осведомленностью и эрудицией, большой подвижностью. Он не сидит на одном месте, но его передвижения всегда с большим смыслом. «Время жизни для каждого неограничено, и терять его после семидесяти, да и раньше, просто жаль. Теперь я в постоянной погоне за моим временем...»

...26 апреля 1999 года в Риме состоялась премьера фильма известного режиссера Франко Дзеффирелли «На чашку чая с Муссолини». О периоде зрелого дуче, его женском и другом светском окружении. После просмотра Романо Муссолини пригласил меня в кафе на окраине Рима, на чашку кофе и готов был комменти-

ровать любую сцену из фильма. Делал он это доброжелательно, с улыбкой, понимая и должным образом оценивая трудности режиссера, практически его сверстника Франко Дзеффирелли.

Романо написал книгу и серию статей в толстых еженедельных журналах о разных периодах жизни отца. Нетрудно понять, что на каждое событие можно взглянуть под разным углом зрения и каждый факт расценить как «плюс» и как «минус». А видение сына — чаще всего в пользу отца, какой бы одиозной фигурой в истории он ни был (для других или даже для большинства).

Многое могла бы поведать будущим поколениям старшая сестра Романо Эдда (1910—1995), но ее уже несколько лет как отпел в римской церкви на площади Святого Эуклидио ирландский священник. Личные записи старшей дочери Муссолини, жены расстрелянного по приказу дуче графа Чиано — бывшего министра иностранных дел в правительстве Муссолини, члена Большого фашистского совета, имевшего самые широкие контакты с западными дипломатами, остаются пока неопубликованными и заперты, видимо, до поры до времени в рабочем столе из ясеня у старшего сына Эдды 68-летнего Фабрицио. Все ждут исторических откровений.

Но где содержимое четырех коричневых чемоданов, в которых Муссолини якобы хранил свои личные архивы и которые он утопил на дне озера Комо, вблизи швейцарской границы? Ящики нашли, содержимого ящиков — нет! Где они? Как и почему исчезли?

Другая тайна века — о чем вели переписку в течение десятилетий Уинстон Черчилль и Бенито Муссолини. Факты переписки зафиксированы точно и документально, но где письма? Почему их так упорно искал на берегах Комо еще в 1946 году сам бывший британский премьер, считавший Муссолини в конце 20-х годов самой значительной и перспективной политической фигурой Европы.

Интересный материал для историков и широкой аудитории читателей оставила в мемуарах о своей жизни с Бенито его единственная супруга Ракеле Гвиди-Муссолини (1893—1979). В ее записях чувствуется чужая опытная журналистская рука (что нормально), которая убедительно, по-муссолиниевски расставляла все нужные акценты, точки и запятые. Но многим фактам и оценкам нельзя верить. Они субъективны. И пусть простят меня Ракеле и Романо. Я тоже пользуюсь информацией очень выборочно, с долей сомнений, которые есть у каждого человека.

И, наконец, личные впечатления о местах действия, о том, как и где жил, был расстрелян и повешен дуче, Кларетта Петаччи, четырнадцать иерархов фашистского режима. (Заметим, что само слово «режим» первоначально вошло в политический лексикон в сочетании и для обозначения понятия «фашизм».)

Авторская ненасытность неутолима и растет, как аппетит во время еды. Но, думается, что я достиг определенной информационной насыщенности, «напился» из разных источников, позволяющих мыслить объективно, свободно, независимо, без каких-либо давящих «решений», без идеологических вериг. И пусть не смущает читателя мой метод частого использования интервью с разными деятелями и цитирование выдержек из выступлений самого дуче, оценок и заметок Ракеле Муссолини, Галеаццо Чиано и других.

Ушел ли Муссолини из жизни сегодняшнего итальянского общества? Ответ на этот вопрос дало открытие музея в Предаппио, там, где находится семейный склеп Муссолини, покоится прах дуче. Ежегодно сюда приезжают десятки тысяч туристов, и вот руководимая экс-коммунистами коммунальная и провинциальная джунты принимают решение взять на себя охрану могилы, создание всех условий для массового посещения места захоронения дуче итальянскими и иност-

ранными паломниками и туристами. «Могилы, памятники, мавзолеи — это история, — сказал мэр Форли, — и мы обязаны хранить их для будущего и настоящего, какие бы «революционные соображения» ни сотрясали воздух».

Исторический парадокс: наследники тех, кто поконтчил с фашизмом, его идеологом и основоположником, теперь сделали все необходимое для сохранения памяти о дуче.

Итак, позади XX век. Век сложный, противоречивый, кровавый. Век войн. Многое видится теперь «на расстоянии» иначе, чем в минувшие десятилетия. Изменяется «чтение и понимание» отдельных фактов, событий, роли личности в истории, но многие тайны столетия все еще не раскрыты, требуют последовательного выяснения.

В Италии на финише тысячелетия нарочито шло видимое переосмысление роли Бенито Муссолини в истории страны и Европы. И теперь это не сплошной негатив. Никто, понятно, не собирается «реабилитировать» дуче, перелицовывать, изменять вердикты времени и народов, но многое предстоит еще расставить по своим местам. Вокруг Муссолини немало тайн. Вот некоторые из них: истинное отношение дуче к Гитлеру, Сталину, Черчиллю, Де Голлю, Рузвельту, Галифаксу, Ганди? Связи и контакты Муссолини с Ватиканом, кто и почему спас папу римского от берлинского плена? Как и кем был убит сам Муссолини? Почему историкам прошлого понадобилось назвать инде лицо исполнителем смертного приговора Муссолини? Какова была личная жизнь фашистского диктатора, его взаимоотношения с членами семьи? Ответы на эти и другие вопросы я искал на протяжении многих лет.

О Бенито Муссолини в Италии каждую неделю все средства массовой информации публикуют различные материалы, открывают все новые, прежде неизвестные страницы истории. Интерес к личности Муссо-

линии в Италии не ослабевает. Каменная стела, на которой выбито: «Дуче. Муссолини», висит в Риме перед Олимпийским стадионом. В городских музеях, в частности в области Абруцци, хранятся подарки, предметы народного промысла, которые по разным поводам преподносились Муссолини. И никто их не уничтожил. Почему?

И наконец через пятьдесят пять лет после Второй мировой войны, что осталось в Италии от Муссолини, от его эпохи, от его окружения? Завершу эту работу историографией — перечнем дат, фактов, событий, примечаниями, некоторыми комментариями; завершу общими штрихами, описывающими Италию и ее мир с начала XX века до конца Второй мировой войны, падения фашизма, гибели Бенито Муссолини; переброшу некоторые «мосты времени» в сегодняшний и завтрашний мир Италии. И это, на мой взгляд, особенно важно для понимания роли Муссолини в прошлом, настоящем и будущем.

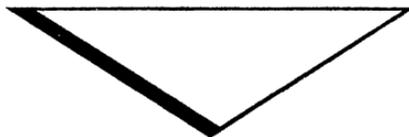
*Михаил Ильинский,
президент итальянской
Академии народов мира,
Рим*

ФРАЗЫ БЕНИТО МУССОЛИНИ И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ О НЕМ

- *Многие считают королевской привилегией знать время рождения будущего сына и час своей смерти. Я знаю все о детях и о себе...*
- *Помню все, даже то, что не хочу помнить, и хочу забыть то, что никак не могу забыть.*
- *Время жизни для каждого человека ограничено. Человек в постоянной погоне за своим временем.*
- *Политика — это страсть. Как любовь и ненависть. Но политика сильнее любви.*

- *Мой главный враг — лесть.*
- *Орденами-погремушками можно не только легко услаждать глаз и слух, но и управлять людьми. Это сказал еще Наполеон, учреждая новые ордена; у нас в Италии (это говорю я, дуче) «орденолюбие» развито еще сильнее.*
- *Если мы начали катать головы в пыли, то делать это надо до конца.*

ГЛАВА I

ЭТО Я, МИКЕЛЕ МОРЕТТИ, РАССТРЕЛЯЛ ДУЧЕ

— Историю нельзя повернуть назад, но по-иному взглянуть и проанализировать многие факты можно. Например, как был убит Муссолини? Во всех учебниках и энциклопедиях было написано, что застрелил дуче партизан по кличке полковник Валерио. Но это не так. Застрелил Бенито Муссолини другой партизан. Он был известен под псевдонимом Пьетро. Настоящее имя и фамилия: Микеле Моретти, 1908 года рождения. И этот Моретти, партизан Пьетро — я.

Моретти положил на стол свои сильные большие руки.

— ...Судьба Муссолини была предрешена задолго до окончания войны. Руководители сил освобождения Италии единогласно приговорили еще в августе 1944 года Бенито Муссолини и 14 главарей итальянского фашистского режима к смертной казни. В знак отмщения (зуб за зуб) за убийство 14 августа пятнадцати антифашистов.

Охоту на Муссолини одновременно с партизанами-гарибальдийцами, коммунистами, социалистами, демокристами, «партией действия» вели агентура маршала Бадольо, английская и американская разведки. Одни требовали немедленного публичного расстрела дуче при его аресте; другие стремились к тайному уничтожению лидера итальянского фашизма; третьи настаивали на взятии его под стражу, чтобы Муссолини оказался бы на скамье подсудимых будущего Нюрнбергского или другого процесса, где главным обвиняемым стал бы фашизм в целом. Фашисты, верные Муссолини, еще на что-то надеялись, считали, что союз с немцами их спасет. А для этого надо было спасти Муссолини.

Муссолини, как и Гитлер, избежал приведения в исполнение приговора международного трибунала. Бытовала версия, будто Бенито и Кларетта покончили, как Адольф и Ева, жизнь самоубийством*. Эта версия была опровергнута, но отработана официальная, по которой расстрелял дуче один из членов партизанского штаба полковник Валерио (подлинное имя — Вальтер Аудизио). Но теперь и эта «последняя истина» оказалась «не истиной». Последнюю точку в жиз-

---

* В итальянской печати, видимо в противовес отношениям Муссолини и Петаччи, широко публиковались материалы, как заключался брачный союз Гитлера и Евы Браун 29 апреля 1945 года. Гитлер оставил «Политическое завещание», Муссолини — нет.

ни дуче поставил партизан Пьетро — Микеле Моретти.

— Это я застрелил Муссолини. Полковник Валерио не смог поднять пистолет. У Валерио тряслись руки. Оружие не сработало. В его кармане был револьвер дуче. Но он его даже не попытался вытащить. А автомат...

По решению партии, тем не менее, он, Валерио, вошел в историю как человек, расстрелявший дуче. Решений не меняют. Но стрелять был вынужден я. Затем эмигрировал. Жил под чужим именем сорок лет... Тогда при расстреле дуче присутствовали еще девять партизан-боевиков.

— Я прошу вас не сообщать в прессе обо мне, пока я жив или пока в мире радикально не изменится политическая обстановка, — говорил мне Микеле. Мы беседовали более двух часов. Он сидел в сером плаще. На шее, на лице не дрогнул ни один нерв. Редкая выдержка. Внутренняя сила. Бывшему партизану Пьетро — более девяноста лет, он жив. Но политическая обстановка в Европе и мире изменилась, и я, с согласия Микеле Моретти, рассказываю о нашей беседе в Комо. (Теперь о нем открыто сообщает итальянская печать. О Валерио ныне — ни слова. Зачем ворошить старое? «Герой» остается «героем»...)

— Известно, что в теле Муссолини осталось шесть пуль, четыре из которых, по данным экспертиз, выпущены в спину, — сказал я.

— В спину? Это не мои пули, — ответил Моретти. — Моих всего две. Впрочем, могли стрелять и позже. Уже в труп. В Милане...

— Он пытался защищаться?

— Только словно прикрыл лицо руками.

— Что было на нем надето? Доктор Алессини, юрист, утверждал, что на Муссолини были лишь майка и трусы. Одели его только потом. Сапоги на мертвого дуче едва натянули, но застегнуть «молнию» не смогли.

— Правда, но только отчасти. В отношении сапог. Они были растегнуты...

— Утверждают, что Петацчи пыталась заслонить дуче и погибла первой?

— Домыслы. Но в Петацчи я не стрелял. Ей предлагали уйти. Но она решила принять смерть вместе с Муссолини.

— Другой вопрос истории: зачем потребовалось скрывать подлинное место, где расстреляли дуче и Кларетту, почему изменили дату и время расстрела? Почему исполнение приговора не произвели публично, на той же площади Лорето в Милане, где 29 апреля 1945 года были повешены за ноги Муссолини, Петацчи, четырнадцать фашистских иерархов?

— Нам было не до церемоний. Война еще не окончилась. Могли вернуться эсэсовцы и освободить Муссолини. Как это уже было в 1943-м. Немало еще оставалось и сторонников фашистов... — рассказывал Моретти. — В ночь перед расстрелом дом-сарай, где были Муссолини и Петацчи, охранял всего один партизан со старым ружьем. Неясно, почему Муссолини не предпринял попытку бежать. А мог бы... Мы исполнили приказ 28 апреля 1945 года. Трупы погрузили в кузов грузовика желтого цвета, доставили в Бонцаниго — Джулино ди Меццегра. Это неподалеку от озера Комо. Там «историческая точка» в истории жизни Бенито Муссолини — дуче.

Примерно за сутки до смерти Муссолини написал последнее письмо к супруге Ракеле. На небольшом листке — строки синим карандашом, и подпись — красным. (Это был своеобразный их шифр цветом. Означало: последнее письмо.) Далее дата: 27 апреля 1945 года. Вот текст: «Если не пройдете через швейцарскую границу, вам придется сдать на милость союзников, которые, может быть, будут более великодушны, чем итальянцы... Прости меня за то зло, что я тебе причинил... Я отчетливо осознаю, что все конечно...» Ракеле простила, и лет через двадцать появи-

лись ее записи о 36 прожитых вместе годах. Она знала все. Если не все, то многое. Была хорошо осведомленным лицом, имела свою «агентуру» из разных доносчиков, чиновников, военных, приближенных к дуче.

Прежде чем появились последние строки обращения Муссолини к жене, была длинная жизнь диктатора, фашистского лидера и, надо признать, одного из крупнейших политических и государственных деятелей XX века. В последнюю ночь перед расстрелом, а в том, что та ночь станет последней, Муссолини был убежден, человек вспоминает всю свою прожитую жизнь. Такие, как Муссолини, себе поблажек не дают... «Умея размениваться, он был личностью цельной». Так считала Ракеле Муссолини.

СЕМЬЯ. ПЕРВЫЕ ШАГИ

В десяти километрах от Предаппио в местечке Монтемаджоре, где находится семейный склеп Муссолини на кладбище Сан-Кассьяно, есть старый дом. На его фасаде с 1931 года прибита памятная доска — «лапида». Надпись составлена самим дуче:

«С 1699 по 1900 год на этой ферме жили несколько поколений крестьян из семьи Муссолини. Здесь же 11 ноября 1854 года родился мой отец Алессандро».

В семье кузнеца, убежденного социалиста и атеиста Алессандро Муссолини и его жены учительницы Розы Мальтони было трое детей. Старший из них — Бенито Муссолини. Он появился на свет 29 июля 1883 года. Спустя девятнадцать лет получил диплом преподавателя, учительствовал в начальных школах Эмилии-Романьи, затем (в поисках лучшей жизни) эмигрировал в Швейцарию, где перепробовал все: был чернорабочим и преподавателем, журналистом и грузчиком, примкнул к кружкам политэмигрантов, пил пиво в том же женеvском заведении, где собирались «политические»:

русские, немцы, поляки, и якобы помнил невысокого лысоватого с бородкой, который картавил и вполне мог быть Владимиром Ульяновым (Лениным). Впрочем, Ленин, Троцкий, Плеханов при разных обстоятельствах упоминали о Муссолини и, видимо, даже встречались с ним.

Особого вреда безопасности Швейцарии Бенито Муссолини не причинял, но однажды его в 1903 году все-таки арестовали и выслали из страны. Он вернулся в Италию с маленьким чемоданчиком и скрипкой, которую пронес с детства через всю жизнь. В те годы сбрил густую черную бороду. Она его выдавала. Он переезжал из одного города в другой на севере Италии. Не находил «общего языка» с охранкой, стал «постояльцем» полицейских карцеров в Болонье, Равенне, Роверетто. Его считали решительным сторонником социалистов, а точнее «ирредентистов» — поборников националистического движения, выступавших за присоединение к Италии всех земель, где проживали даже небольшие общины итальянцев. В те годы среди левых партий в Италии самой влиятельной была социалистическая, и Муссолини становится одним из ее лидеров.

Что известно о детстве Муссолини? Его сын Романо преподносит все так, как поведала ему мать Раке-ле, от которой он появился на свет в 1927 году, на семнадцать лет позже старшей сестры Эдды.

«В конце прошлого века Предаппио был маленьким городком, каких много в Романье. Кроме развалин старого замка там было только одно значительное сооружение — здание муниципалитета, возвышавшееся над низкими домиками; вокруг — виноградный край, богатые виноградники, на которых трудились знающие свое дело люди.

Именно там, а точнее, в небольшом соседнем местечке Сальто в семье Аугустина Гвиди и Анны Ломбарди 11 апреля 1892 года я и родилась», — писала Раке-ле Муссолини, и эти слова знает наизусть Романо.

Сегодняшний Предаппио — город, сильно изменившийся с тех пор. Он превратился в современный центр, который раскинулся в долине со стороны Довии, промышленного поселка, выросшего как по мановению волшебной палочки на левом берегу небольшой реки.

«В доме, где я впервые увидела свет, — рассказывала Ракеле, — наша семья обитала на протяжении трех поколений. Прадед служил управляющим этих земель во времена, когда они принадлежали графам Раньери-Биша, древнему аристократическому дому Эмилии-Романьи. В замке Сальто, ветхом и разрушенном, сохранились еще следы фресок. Их непонятный смысл поражал детское воображение, внушал любопытство, смешанное со страхом. В замке размещались две часовни — одна в самом здании, другая в саду, где служили мессы. Два колодца открывали вход в подземелье, которое, как рассказывали, в средние века было местом пыток и казней. И действительно, здесь можно было увидеть железные пики, которыми поражали жертв. Все это способствовало созданию особой атмосферы вокруг древнего жилища. Многие утверждали, что слышали ночью стоны или даже в окна стучались привидения. (Что-то мистическое всегда жило в доме Ракеле.

В семье нас было четверо девочек и двое мальчиков, продолжала Ракеле. Я была самая младшая. Мальчики умерли в детском возрасте. Девочки очень рано были вынуждены заниматься хозяйством. Готовили деревенские блюда, что-то вроде мучной лепешки без дрожжей. Это был местный хлеб. В четыре года девочкам уже доверили ухаживать за курами...

Когда мне было, кажется, шесть лет, я потребовала, чтобы меня отправили в школу, и мы с матерью пошли записываться в начальную приходскую школу Предаппио. Там девочки занимались на втором этаже, а мальчики — на первом. Я была усердная ученица,

отличалась общительным и живым характером, но товарищи, жившие в городе, считали меня «деревенщиной».

Я закончила начальное образование. В тот год мы переезжали с фермы Сальто. Сестра Джованна вышла замуж, и мы лишились значительной помощи по хозяйству. Свадебный обряд был совершен в приходе Риджианео. После пиршества, шумного веселого застолья, она уехала за десять километров от Сальто, где и прожила долгие годы. В счастье и добре. У сестры родилось 14 детей.

В Довии я начала посещать среднюю школу, которая помещалась в большом сельском здании, называвшемся Палаццо Варано (ныне здесь находится муниципалитет) Моей учительницей стала Роза Мальтони-Муссолини. Ее большие черные глаза, глубокие и грустные, поражали меня, внушали уважение и симпатию. Она жила с мужем и тремя сыновьями в комнатах, примыкавших к школе. Ее муж, Алессандро Муссолини, занимался кузнечным делом, но между ударами молота давал волю своим чувствам страстного социалиста. Его буйный темперамент был причиной бесконечных инцидентов и частых огорчений для доброй Розы Мальтони. Крикливость и буйство — эти черты характера мужчин Муссолини передавались из поколения в поколение и не изжиты внуками и правнуками дуче.

В школе численность учащихся снижалась, многие родители не решались доверить детей жене столь невыдержанной личности. Власти даже провели расследование, оно не дало никаких негативных результатов; тем не менее антисоциалисты упорно отказывались отдавать своих детей в класс Муссолини. В тяжелые дни учительница изливала душу перед нами, своими верными друзьями. «Вы знаете мои заботы, мои беды, но вы не можете понять, что значит надрываться день и ночь, чтобы прокормить детей, да еще слышать ос-

корблениа от людей, которые ничего не знают о нашей тяжелой жизни». Старший из детей, Бенито, в то время учился в педагогическом техникуме в Форли-пополи и во время каникул помогал своей матери в преподавании. Он был на десять лет старше меня. Мы все чувствовали, что это был необычный, не похожий на других учитель. Я была зачарована магнетической силой его черных и блестящих глаз. Много лет спустя я узнала, что и он заметил меня среди других учениц. Его, оказывается, увлекли мои длинные светлые волосы и непоседливость. Он требовал от нас строгой дисциплины и порядка, которых сам строго придерживался всегда. Я была исключением...

...Мне было 8 лет, когда умер отец. Однажды вечером, вернувшись домой поздно, он лег в кровать, пожаловался на усталость. Около одиннадцати часов мать проснулась. У него было очень затрудненное дыхание. Доктор объяснил, что у отца — глубокий обморок. Это случилось 11 сентября 1899 года. Смерть отца была для всей семьи страшным несчастьем. В доме не было ни гроша. Расходы по похоронам взяла на себя коммуна, и они обошлись в 24 лиры... Семью Анны Ломбарди записали в список остро нуждающихся и в качестве первой помощи выделили килограмм соли на месяц...

Трудные были те годы. Менялись места жительства. Все было в постоянном поиске работы.

До меня доходили разные новости о Бенито Муссолини. Я узнала, что он был руководителем группы демонстрантов, захвативших молотилки в округе Сансовино. Хозяин одной из молотилок сказал мне: «Ты знаешь, взбалмошный Муссолини арестован. Этот сумасброд думал сразиться с нами. Помни, что тот, у кого деньги, всегда держит нож в руке. Вот он и получил теперь!» Как и многие в то время, я симпатизировала Муссолини. Я не смогла сдержаться и возразила: «Нет ничего позорного в том, чтобы пойти в тюрьму за правое дело».

Позже я узнала, что Муссолини получил диплом преподавателя в Форлимпополи, учительствовал в начальных школах Гуальтьери-Эмильи, затем эмигрировал в Швейцарию. Спустя несколько лет он рассказывал мне о своей жизни в этой стране: «Однажды вечером я бродил с каким-то случайным спутником, с которым я остался, чтобы только не быть одному. Это был странный тип, молодой русский, говоривший на всех языках и увенчанный в Санкт-Петербурге или Москве всеми лаврами; но за границей он был доведен до состояния нищеты. Он был тоже без работы. Выражение его лица было всегда угрожающим; глаза сверкали». Внезапно Бенито обратил внимание на тиканье часов и увидел, что часы спутника привязаны к запястью толстой бечевкой. Пораженный, Муссолини спросил:

— Ты случайно не украл их?

— Конечно! Рано или поздно и ты тоже будешь воровать.

— Я думаю, со мной этого никогда не случится, — возразил Муссолини.

Спустя два дня Бенито был арестован за бродяжничество и помещен в камеру. Там было темно; мало-помалу он начал различать какие-то лица. Один из обитателей камеры бросился к нему с восклицанием:

— Вот так-то, ты не избежал нашей новой встречи.

Это был тот тип с часами. Напрасно Муссолини старался объяснить ему то, что произошло на самом деле, что он не бродяга...»

На следующий день Муссолини освободили, а русский остался в камере.

Муссолини был выслан из Швейцарии. Вернулся на родину и сразу же явился в 10-й стрелковый полк берсальеров гарнизона в Вероне для прохождения военной службы. Именно в этот период, в феврале 1905 года, умерла учительница Роза Мальтони-Муссолини, мать Бенито. Сын едва успел приехать, получив увольнительную.

В конце армейской службы, осенью 1906 года Муссолини был назначен учителем в начальную школу Канева ди Толмеццо.

— ...Я вышла после мессы из церкви, — вспоминала Ракеле, а сын Романо записывал. (Я веду повествование в первом лице, как говорила и записывала Ракеле, а затем все повторял Романо.) Как было принято тогда и как делается еще сейчас, мы остановились на паперти Санта-Меркуриале, чтобы поболтать и погреться на солнышке. Я услышала, как кто-то назвал мое имя. Обернулась, и мои глаза встретились со взглядом горящих глаз. Это был Бенито Муссолини. Он сильно изменился с тех пор, как я его видела в последний раз, отпустил черную бородку. Одежда была сильно поношена. Карманы полны газет. В руках — книги:

— Вы меня узнаете? Я — Бенито. А вы стали совсем барышней, — произнес он, рассматривая меня с головы до ног.

Это повергло меня в еще большее смущение. Я была не в состоянии произнести и слова, но он вывел меня из замешательства:

— Когда я был далеко отсюда, часто вспоминал о той девочке-шалунье из школы в Предаппио.

Потом он махнул мне рукой и ушел.

К тому времени семья Муссолини покинула Предаппио, переехала в Форли, где глава семьи, Алессандро, открыл ресторанчик около вокзала.

Мать Ракеле последовала за ним.

Счастливые часы — самые короткие: как-то вечером Бенито вызвался проводить меня. Мы шагали один подле другого. Довольно долго. Не произнося ни слова. Внезапно он сказал:

— Почему вы не хотите переехать к нам? Будете рядом с матерью. Переезжайте, я уверен, вам там будет лучше.

Мы пришли на площадь Дель Дуомо перед собором, он пригласил выпить чашечку кофе, но я отказа-

лась. В те времена репутация молодой девушки была бы скомпрометирована, если бы она только показалась в компании с молодым человеком. Бенито все понял, и мы расстались.

Я провела бессонную ночь, была так счастлива и говорила себе, что наконец-то смогу обрести тепло семейного очага...

Прошло немного времени, и Муссолини назначил дату отъезда. Накануне вечером мы организовали небольшое празднество и после скромного ужина танцевали до поздней ночи. Бенито был необыкновенно весел, играл на скрипке по очереди со своим другом. Я заметила, что он очень хорошо играет, и это мне нравилось. В конце вечера он отвел меня в сторону и сказал:

— Я уезжаю, но когда вернусь, вы станете моей женой. Ждите меня.

Эти его слова застали врасплох. Я стояла словно пораженная молнией. Попыталась улыбнуться, потому что показалось, что он шутит, и, как бы подыгрывая ему, ответила:

— А если вы не вернетесь?

Он серьезно отрубил:

— Вот увидите, я вернусь. Я всегда возвращаюсь, если хочу вернуться... А я всегда хочу...

За время своего пребывания в Тренто и в Австрии Муссолини прислал только одну открытку. Но не Ракеле, а своему отцу. В записке было несколько строк и для Ракеле. Он спрашивал, помнит ли она то, что он сказал ей накануне отъезда.

Его пребывание за границей внезапно закончилось из-за одной фразы, написанной в момент увлечения ирредентизмом: «Италия не кончается в Ала!» (село в области Трентино, из-за которого был тогда острый спор).

Власти отдали приказ о высылке Муссолини. Он

возвратился в Италию таким же бедным, как и уехал. С маленьким чемоданчиком и неизменной скрипкой. Ракеле знала, что отец был вынужден послать ему денег на дорогу от границы до Форли.

Внешне он изменился к лучшему, продолжала Ракеле. Поправился, сбрил бороду, выглядел более ухоженным, почти элегантным. Улыбаясь, что случилось с ним редко, он сказал:

— Вы видите, я вернулся.

Он долго рассказывал мне о своей политической деятельности и журналистской работе. Позже, когда доверие между нами еще болсе возросло, он намекнул на какие-то любовные приключения, и это вызвало во мне странное чувство девичьей ревности и неловкости. Он понял мое смущение и подтвердил свое твердое намерение жениться на мне. И добавил, что поговорит об этом в самое ближайшее время со своим отцом и моей матерью. Через несколько дней после приезда он был арестован. Поводом был какой-то штраф, который был ему выписан на предыдущем процессе и который он еще не заплатил. В наказание он должен был отсидеть 18 дней в тюрьме. Отец, привыкший к такого рода неприятностям, не придавал этому никакого значения. Я же плакала, когда один из его друзей, некий Феррети, секретарь в муниципалитете, пришел просить меня отнести Бенито еду и несколько книг. Я ходила в тюрьму каждый день, носила передачи, и благодаря адвокату Бонавита мне удалось отправить Бенито книги, чему он очень обрадовался. Он отбывал наказание в башне, называемой Толлионе делла Рока Катерина Сфорца.

Когда вышел из тюрьмы, он сразу возобновил контакты с товарищами-социалистами из Форли. Они решили основать еженедельную газету. Готовили ее с лихорадочным возбуждением, и через несколько дней вышел первый номер «Ла Лотта ди Классе». Стиль письма Муссолини поражал своей агрессивностью даже

самых близких его друзей и тем более самых ярких противников.

Я в это время получила предложение о замужестве от некоего Оливейро, молодого топографа из Равенны, имевшего приличное состояние. Отец Бенито, человек практичный, ухватился за это предложение и говорил даже с родителями претендента на мою руку. Моя судьба была предрешена. Когда Бенито узнал об этом, он упрекнул отца, сказав ему сухо: «Ты хорошо знаешь, что именно я женюсь на Ракеле». Алессандро попытался разубедить его: «Оставь девушку в покое. У тебя нет работы, нет заработка, у тебя есть только твоя политика, которая принесет страдания не только тебе, но и женщине, которая будет рядом с тобой. Вспомни, что пришлось вынести твоей матери. Хорошо ли ты себе представляешь, что нужно для того, чтобы создать и содержать семью? Ракеле — славная девушка, ей попался человек, который сможет обеспечить ее будущее. Так не мешай ей!»

Это были убедительные аргументы, но не для Бенито. Он не сдавался и даже сам написал моему воздыхателю, чтобы тот оставил меня в покое.

Я уже любила его. Мне нравился его характер, его горячность, с которой он бросался на преодоление любых препятствий, упорство, с которым он преодолевал трудности. Я с радостью, а иногда с тревогой слушала его слова. Я восхищалась им. Еще я любила его за доброту, скрывавшуюся под внешней суровостью. Однако мысль устремиться навстречу беспокойной жизни приводила меня в отчаяние. Мне нелегко было забыть те трудные уроки, которые уже преподнесла моя короткая жизнь. Я любила его, но колебалась. Он же привык побеждать и получать всегда то, чего он хотел. Он был ужасно ревнив. В какой-то момент он запретил мне даже выходить из дома, чтобы идти в ресторан к его отцу. Он предпочитал работать в ресторане за меня в те часы, когда был свободен. Потом он запретил мне ходить к подругам.

Однажды мы пошли в муниципальный театр. Я в первый раз была в театре, и драматическая пьеса взволновала меня. Когда мы вышли, Бенито сказал мне, что пришло время принять решение о бракосочетании. «Я хочу построить свою жизнь и создать семью. Я хочу, чтобы вы стали моей женой и матерью моих детей». Это было сказано категорично. Возражения не допускались.

Я не ответила.

На следующий день он позвал мою мать, своего отца и меня. Достал из кармана револьвер и серьезно сказал: «Здесь шесть пуль. Одна для нее, остальные для меня». Моя мать, хорошо знавшая решительный характер молодого человека, сдалась первая. Затем его отец сделал то же самое. Он напутствовал Бенито пожеланием сделать меня счастливой и предупредил: «Твоей матери пришлось многое вынести из-за политики, и этой малышке предстоит пережить то же самое рядом с тобой».

Бенито никогда не откладывал выполнения своих решений. Тем же вечером, едва дав мне собрать скромный узелок, он повез меня в Сан-Мартино, находившийся в трех километрах от Форли, к моей сестре Пине. Я подчинялась во всем его железной воле.

Я оставалась в Сан-Мартино, пока Бенито искал в городе в аренду жилье. Он приносил свежие номера «Ла Лотта ди Классе», гордился своими заметками и, главное, своим умением излагать просто сложные мысли. И я разделяла его гордость, восхищалась и хвалила его. Мой инстинкт, секрет влюбленной женщины подсказывал мне, что в моих чувствах к нему есть что-то материнское. Он это сознавал и любил меня за это.

В конце концов Бенито нашел две комнатки в Палаццо Меренда на улице с тем же названием. Он пришел за мной вечером, усталый, но счастливый. Он не знал, что я скажу, так как необходимые бумаги для

заклучения нашего брака еще не были готовы. Мы жили нерасписанными, а это было непросто в католическом ханжеском окружении. Я поняла его тревогу. Я видела мужчину, заполнившего мое сердце, человека, измотанного борьбой, ждущего от меня только любви. Я последовала за ним, не оформив никаких документов.

Две меблированные комнатки были совсем крошечными, но имели большое преимущество: стоили менее 15 лир в месяц. Такую плату бюджет в сотню лир мог вполне вынести. Жалованье за работу в газете составляло 120 лир, но 20 лир выплачивались в кассу партии. Все семейное имущество состояло из четырех простыней, четырех тарелок и четырех столовых приборов, доставшихся от родителей. Мы были богаты нашей молодостью и надеждами. Бенито сам — гораздо позднее — часто повторял, что это были самые счастливые дни в нашей жизни. Бенито работал. Я, напевая народные мелодии Романьи, занималась хозяйством в нашем маленьком жилище. Таким мирным и безмятежным. А за его пределами бушевали политические конфликты. Разногласия между партиями становились такими, что не проходило вечера, чтобы наиболее разгоряченные не подрались. Бенито умел постоять за себя и за других. И не без синяков.

Работа в редакции «Ла Лотта ди Классе» способствовала росту популярности имени Муссолини. Газета широко читалась, статьи Муссолини обсуждались. Ему посылали одобрительные и подбадривающие телеграммы. Послания приходили от французских и швейцарских социалистов, от эмигрантов из Америки. Среди социалистов в США статьи Муссолини пользовались таким успехом, что возникло предложение поручить ему редактирование одного крупного партийного еженедельника. Он принял это предложение, и, может быть, Муссолини отправились бы в Америку, если бы новое событие круто не изменило жизнь. От

Америки Муссолини избавила рождение маленькой Эдды.

— Мы с сожалением расстались с мыслью о поездке в США, — продолжала Ракеле. Первого сентября 1910 года родился наш первый ребенок, Эдда, но Бенито не мог объявить ее своей дочерью, потому что мы еще не были женаты по закону. Поэтому и возникла глупая легенда, что якобы Бенито прижил ее от социалистки-агитатора Анжелики Балабановой из России, представительницы русской революционной эмиграции, примкнувшей к итальянскому социалистическому движению. Близкие отношения между ними были «на партийной почве» и в серьезную связь превратиться не могли. Тем более что Анжелика была неврастеничкой, впадала в «кризисы настроений», и это было бы невыносимо для Муссолини. (Ракеле к Анжелике не ревновала.)

Рождение Эдды повергло Бенито в большое волнение, а поскольку эмоции у него всегда выражались в неистовом желании работать, он с новой силой включился в борьбу.

Бенито сам выбрал имя Эдда заранее, он был уверен, что у него родится девочка. Уже тогда у него появлялась эта абсолютная уверенность в своей способности «все знать и чувствовать» в любых обстоятельствах. Он был необыкновенно счастлив, а все находили в малюсеньком личике новорожденной волевые черты ее отца. Бенито купил деревянную кровать за пятнадцать лир и с гордостью принес ее на плече. Перенес кровать через весь город, прошел дважды по улице. Чтобы все его могли видеть. Его — отца Эдды!..

Один республиканец пустил слух, будто Эдда — не дочь Бенито. Тот выволок республиканца на улицу, поставил его на колени и потребовал публичного извинения. После нескольких ударов кулаком республиканец раскаялся, признался во лжи. (В Милане 29 декабря 1925 года, когда Эдде уже было пятнадцать лет,

родители оформили брак, и дочь подарила Бенито и Ракеле букет алых роз.)

Следуя своим экстремистским принципам, Бенито не хотел крестить Эдду. Ракеле не настаивала, демонстрировала послушание, которое свойственно женам из Эмилии-Романьи. Здесь воля мужа — закон. Но произошло вот что: республиканец, служащий муниципалитета, распространил слух, что Муссолини лично носил крестить свою маленькую дочку в церковь. Бенито отыскал чиновника и с помощью пощечин заставил его опровергнуть свою ложь, целью которой, как сказал Бенито, было «стремление посеять недовольство среди социалистов».

Через некоторое время семью Муссолини постигло несчастье. Однажды вечером, изъявив желание побыть с внучкой, Алессандро Муссолини скончался. На похороны собралось огромное количество людей: социалисты Романьи приехали проводить в последний путь своего старого товарища. Раздел имущества по наследству был быстрым. Алессандро оставил ферму в Валлоне; она была продана за девять тысяч лир, которые поделили между детьми. Бенито отдал свою долю полностью Ракеле.

• • •

...К концу 1910 года республиканцы и социалисты стали высказывать отрицательное отношение к колониальной войне в Ливии. Почти каждый вечер Бенито выступал на улицах и площадях. Однажды Бенито председательствовал на собрании на бирже труда. Цель митинга — показать пагубность операции в Триполи. Вдруг стали раздаваться антиправительственные выкрики, люди пришли в движение. Муссолини и другие лидеры, среди которых был Пьетро Ненни, старались успокоить людей. Рядом на вокзале стоял поезд с солдатами, готовый тронуться к порту отгрузки. Толпа устремилась на железнодорожную станцию, взяла штурмом поезд и заставила солдат выйти на перрон.

Полиция не смогла противостоять этой силе. Но несколько демонстрантов были задержаны и отправлены в тюрьму. После этого события осведомители не беспокоили Муссолини и Ненни, но полиция пристально следила за ними. Бенито чувствовал, что его скоро арестуют, и думал о том, в каком положении он оставит семью. Чтобы Ракеле не осталась без денег, он решил попросить займы у адвоката Нанни де Санта София пятьсот лир. Он встретился с ним в кафе «Макарон». Двое полицейских подошли к Бенито в момент передачи денег и арестовали его. Деньги были конфискованы. Он смог лишь черкнуть мне две строчки и передать десять лир...

О случившемся Ракеле сообщил официально полицейский. Он сказал безразличным тоном: «Мы арестовали Муссолини». Но увидев, что жена арестованного молча смотрит на него, прижав к себе Эдду, внезапно добавил: «Вы не плачете?»

«Боль не лечится слезами», — ответила Ракеле. Оставшись одна, она расплакалась от отчаяния. У нее оставалось всего двенадцать лир, и предстояли мрачные времена лишений. Друзья-социалисты помогали чем могли, причем самые бедные оказались наиболее щедрыми.

В тот же день был арестован Ненни. Вместе с Муссолини его заключили в форлийскую тюрьму. Ракеле регулярно получала ежемесячное пособие от партии, и это позволяло ей выжить. Раз в неделю она передавала пищу Муссолини.

Ракеле удалось принести Бенито итальянские, французские и английские книги. Во время тюремного заключения он продолжал изучение немецкого языка. В камере смог завершить работу, за которую ему уже заплатили, — перевод с итальянского на французский одного химико-фармацевтического трактата.

У ворот тюрьмы Ракеле почти каждый день встречала мать и жену Пьетро Ненни. У них была дочурка чуть старше Эдды...

Через три месяца Ненни и Муссолини были переведены в Болонью. В тюрьму Сан-Джованни-ин-Монте. Их положение значительно ухудшилось, так как в Форли они были окружены друзьями и сочувствующими, а в Болонье оказались изолированными от единомышленников и заключены в общую камеру. Ракеле хотела последовать за мужем немедленно, но потом решила дождаться от него новостей. Наконец он написал, что здоров, но в камере страшно холодно. Процесс в Форли закончился вынесением приговора: один год тюрьмы и оплата судебных издержек. Бенито решил подать на апелляцию. Он снова оказался в Болонье, и некоторое время о нем не было сведений...

Однажды, февральским утром 1912 года Ракеле неожиданно увидела Бенито в сопровождении группы друзей. Они бурно приветствовали его. Апелляционный суд благополучно закончился. Бенито был освобожден из-под стражи. Ракеле подняла Эдду и дала ее в руки Бенито. Девочка тоже по-своему радовалась отцу...

Но у Бенито Муссолини — покорителя женских сердец была и другая, «вторая жизнь». Кое-кто назвал бы ее «сладкой», но дуче так не считал. «Вторую жизнь» он чаще всего сочетал с работой и называл ее «рабочей жизнью». Так было с Анжеликой Балабановой. Так было и с другими...

ФРАЗЫ БЕНИТО МУССОЛИНИ И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ О НЕМ

- *Чем короче прощанье (с жизнью), тем оно лучше.*
- *Счастливые часы — самые короткие.*
- *Боль слезами не лечат.*
- *Бедные часто бывают самыми щедрыми.*

- *Терпение спасет общество, а терпимость разрушает сознание.*
- *Чтобы легко жить, надо парить в облаках и на всех и на все смотреть свысока...*

СКАНДАЛ В ГОСПИТАЛЕ

«...Я тебе помогала в самое тяжелое время. Имей хоть немного сострадания к женщине, которая тебя обожала и теперь носит в чреве твое дитя.

Я обливаюсь кровавыми слезами, и ты раскаешься однажды. Возможно, в погребальной ночи ты увидишь глаза младенца, в тишине последних мгновений услышишь его голос: «Отец, вернись к нам...»

Это письмо из 1915 года обнаружено только недавно, в конце 90-х.

Бенито Муссолини — в то время журналист, главный редактор газеты, не пожелал лично встретиться с Идой Далсер — автором письма, но послание со следами высохших слез сохранил на всю жизнь в своих секретных архивах вплоть до отъезда из Милана вечером 24 апреля 1945 года.

Чудом письмо оказалось не уничтоженным, попало в руки коллекционеров, несколько раз перепродавалось, пока 44-летний историк Джанкарло Морони не опубликовал его в номере еженедельника «Дженте».

Ида Далсер была на два года старше Бенито Муссолини. Родилась в Тренто, в 1881 году, в богатой австро-венгерской семье. Получила блестящее образование в Вене и Париже. В 1912 году случайно на одном из партийных собраний социалистов познакомилась с великолепным оратором Бенито, была очарована его красноречием, мужественным видом революционера и прониклась чувствами настолько, что не могла отказать себе в удовольствии слушать пылкие речи ита-

льянца в эту и многие последующие ночи напролет. Политика, амур и деньги Иды удачно уместились под одной гостиничной крышей в Тренто.

Но Бенито, или Бен, как ласково называла возлюбленного Далсер, не мог долго находиться на одном месте. Политическая жизнь сильнее любви, Ида с этим легко мирилась и, конечно, не знала, что ее героический итальянец уже был отцом маленькой Эдды, рожденной от тихой и молчаливой Ракеле Гвиди, пребывавшей в гражданском браке с Бенито. На все были свои оправдания: бурная революционная деятельность с недолгими перерывами на тюремные отсидки, затем Первая мировая и ранение в ногу, отчего Муссолини остался хромым и вынужден был скрывать физический изъян — носить только высокие черные ортопедические сапоги.

И все же имитация свадьбы Бенито и Ракеле состоялась — в военном госпитале, 17 декабря 1915-го. Об этом узнала Ида Далсер. Но ведь и она тоже стала матерью — матерью маленького Бенито Албино Муссолини, родившегося 11 ноября 1915 года, на пять лет позже Эдды.

Обманутая Ида нашла любимого в госпитале и устроила великий скандал. У нее были свои права на Бенито: для кого она содержала салон восточной медицины, в кого она вкладывала средства и кто героически сбежал от нее на фронт?! Муссолини вырвался из рук влюбленной Иды, выпрыгнул в окно, отнял карабин у находившегося случайно на улице солдата, вернулся в приемный покой, где рыдала несостоявшаяся супруга, и процедил сквозь зубы: «Пристрелю, лучше убирайся. Навсегда!»

Ида убралась, но... в здание суда. Там после недолгих усилий добилась от соблазнителя алиментов — 200 лир в месяц. Но Ида добивалась не денег, а справедливости; и она, как ей казалось, достигла своего. Впрочем, Бенито и не сопротивлялся. Он даже согласился дать ребенку свое имя, а затем быстро отправил

Иду и малыша в Неаполь. Законная жена Ракеле ничего об этом не знала, жила вдали от войны и бурных будней Бенито в родном Предаппио. Муссолини супругу регулярно навещал, и у них в 1916-м счастливо родился сначала сын Витторио, а в 1918-м — Бруно, любимый сын Муссолини (в будущем летчик, погиб в авиакатастрофе в 1941 году).

Ида Далсер оказалась в психлечебнице сначала под Тренто, потом в Венеции, и навсегда ее следы затерялись в 1926 году. Ближайшие друзья Муссолини, знавшие о ее существовании, один за другим исчезали при самых невероятных обстоятельствах.

«Засекреченный» мальчик Албино рос под фамилией Бернарди в семье брата Муссолини — Арнальдо. Бенито Албино Бернарди погиб в горах под Ливорно в 1942 году при странных обстоятельствах. Он был моряком.

Эксперты утверждали, что у Муссолини было тридцать две постоянных любовницы, то есть тех, к кому он возвращался чаще, чем дважды или трижды.

Самой известной любовницей Муссолини остается Кларетта Петаччи — товарищ, шпионка, жертва.

ЛЮБИМАЯ ЖЕНЩИНА ДУЧЕ

1926 год. В римском Капитолии ирландская гражданка Виолетта Албина Гибсон (преклонного возраста, врачи нашли ее невменяемой) с близкого расстояния стреляла в Муссолини. Дуче отделался легкой царапиной. Газеты, посвятившие покушению первые полосы, всю игру на повышение авторитета диктатора. Патриотический бум и визг, сопровождался многочисленными письмами поддержки из всех районов страны. Одна четырнадцатилетняя девочка писала Муссолини:

«О, Дуче! Почему я не смогла своими руками задуче»

шить ту, которая покушалась и ранила тебя. Дуче! Моя жизнь — твоя и для тебя!»

1928 год. Муссолини — на вершине славы и могущества. В июле он совершал обычную поездку в Остию (под Римом) на пляж и на одной из приморских улиц увидел девушку в коротком светлом платье, которая посылала ему воздушные поцелуи.

«Прекрасное создание», — заметил, обращаясь к своему водителю дуче.

Через день в тот же час, на том же месте Муссолини увидел ту же девушку. Такие же трогательные воздушные поцелуи.

А через месяц случайные уличные зеваки могли разглядеть девушку в простеньком светлом платье рядом с дуче на заднем сиденье автомобиля диктатора...

Начались тайные свидания. Кларетта, как когда-то Ида, называла Муссолини «своим Беном». Это навело диктатора на недобрые воспоминания, но с Клареттой скандалов не было. Никаких претензий на материнство. Смирение, любовь, умение слушать...

Петаччи жила в Риме в доме рядом с церковью Святого Петра в веригах (Сан-Пьетро-ин-винколи), в десяти минутах ходьбы от Венецианского дворца — одной из резиденций Муссолини (на площади Венеции вам всегда покажут балкон на фасаде палаццо, откуда дуче обращался к толпе). Она добиралась сюда почти ежедневно на велосипеде или на мотоцикле с коляской вплоть до 25 июля 1943-го, когда был совершен переворот и Муссолини арестован.

Тогда Кларетта с семьей срочно покинула Рим, укрывшись вдали от столицы на Лаго-Маджоре. Она была там обнаружена и арестована (всем членам ее семьи было предъявлено обвинение — чисто по-итальянски — в мошенничестве). Ее отправили в тюрьму города Навара.

18 сентября 1943 года Петаччи была освобождена, переправлена в селение Гарньяно на берегу озера Гарда, где находилась под защитой не только отряда Мус-

солини, но и под охраной эсэсовцев во главе с лейтенантом Францем Шпеглером.

В Швейцарии в 1995 году в секретных архивах обнаружены документы, которые утверждают (но пока не доказывают), что Петаччи была завербована гитлеровской разведкой и стала важнейшим агентом, дававшим Берлину информацию о Муссолини не просто из первых рук, а из самых нежных объятий самого дуче.

Видимо, Муссолини не догадывался об этом он был очень осторожным и подозрительным человеком иначе несмотря ни на что с Клареттой бы расправились.

С июля 1943 года вся Италия, а также семья Муссолини достоверно знали о связи Бенито и Кларетты. При обыске дома Петаччи в Риме были обнаружены и опубликованы тринадцать писем дуче к Кларетте. Дети Муссолини пытались скрыть от матери содержание писем, но не смогли: Ракеле получала анонимки; более того, главным подтверждением было свидетельство горничной Ирны.

Когда освобожденный после ареста Муссолини (его спас отряд СС во главе со Скорцени) встретился с Ракеле, в доме произошел, как позже напишет старшая дочь Эдда, страшнейший скандал.

«Отец так кричал и хлопал дверьми, что можно было оглохнуть...» Дело дошло даже до драки...

10 августа 1943 года агенты контрразведки совершили обыск на вилле Фьордализо, где находилась Петаччи, и обнаружили пять документов, компрометировавших ее. Кларетта выхватила револьвер и была готова открыть огонь. Агенты ретировались и позже доложили обо всем Муссолини. Однако Кларетте удалось успокоить дуче. «Если бы я не была твоей, я бы застрелилась. Но я жива. Значит, я — твоя», — позже объясняла Кларетта, и Бенито ей вновь поверил...

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ

В 19 часов 25 апреля 1945 года Муссолини в сероватом плаще покинул епископский дворец в Милане (неясно, почему его сразу не взяли партизаны, знавшие о каждом его шаге), и затем в течение трех суток дуче вместе с Петаччи в составе крупного отряда итальянских фашистов и гитлеровцев метался по дорогам Северной Италии.

27 апреля отряд был перехвачен, Муссолини, переодетый в немецкую форму, опознан священником (а не партизаном, как принято было считать). Гитлеровцам была дана возможность беспрепятственно уйти в Швейцарию. А шестнадцать человек, включая Муссолини и Кларетту, ожидал смертный приговор — акт возмездия за смерть антифашистов. (Кларетта попала под расстрел и повешение добровольно.)

Партизаны поместили Муссолини и Кларетту в сарай под охраной пожилого конвоира, у которого даже «не стреляло ружье».

По «замечаниям» сторожа, они в свою последнюю ночь лежали на соломе крепко обнявшись. Кларетта была спокойна. Она получала свое.

Глубокой ночью 28 апреля пришли партизаны. По одной из версий, выдвинутой неофашистами, партизаны стали насиловать Кларетту, Муссолини бросился на защиту Петаччи и был застрелен. Затем убили и женщину. Подтверждений этой версии нет. По другой версии, когда партизаны вывели на расстрел Муссолини, Кларетта с криком: «Вы этого не сделаете!» бросилась к дуче.

«Убирайся, женщина! Тебя никто не собирается убивать», — отталкивали ее партизаны. Но Кларетта закрыла собой Муссолини и получила пулю...

В кузове грузовика трупы были доставлены в местечко Бонцаниго — Джулино ди Миццегра. В Милане на площади инсценировали расстрел, затем дуче,

его любовницу и остальных иерархов подвесили за ноги... (Я расскажу в конце книги иную версию смерти дуче.)

ПОСЛЕДНЕЕ «ПРОСТИ»...

Последнее письмо дуче к Ракеле было написано, видимо, 26—27 апреля. Где была в это время Петаччи? Что подумала, что сказала «Бену»?

Ракеле с детьми — Романо и Анной — не смогла перейти швейцарскую границу, они были арестованы. Дети помещены в тюрьму города Комо. «Воссоединение» матери и детей Муссолини произошло в концентрационном лагере под охраной американских солдат. Затем ссылка на остров Иския.

...В 60-х годах Ракеле поселилась в городе-курорте Кастрокаро, где, как мне рассказывали местные жители, была известна добротой и спокойствием. Умерла в 1979 году. Прах ее покоится в склепе на кладбище Сан-Кассиано Предаппао рядом с Бенито Муссолини...

ДЕТИ ДУЧЕ

Сложно складывалась судьба старшей дочери дуче Эдды Чиано-Муссолини. Сначала в середине 20-х годов деспот-отец не разрешил ей выйти замуж за еврейского промышленника, чем, как она считала, отец лишил ее счастья и, возможно, иудейской веры, которую она собиралась принять. Эдда перенесла эту потерю и боль. Затем в 1930-м состоялась пышная свадьба в Риме с графом Галеаццо Чиано, доверенным лицом Муссолини во всех внешнеполитических делах,

журналистом и дипломатом, сделавшим бурную быструю карьеру министра.

Но Чиано стал активным участником заговора 25 июля 1943 года против Муссолини. На процессе в Вероне 8 января 1944-го он был приговорен к смертной казни. Спасти мужа Эдда не сумела и, кроме того, не смогла простить графу многочисленные измены. Последняя (с ведома Муссолини) произошла... в тюрьме, в ночь перед расстрелом Чиано, 11 января 1944 года.

В камеру Чиано была допущена для последнего свидания 22-летняя эсэсовка фрау Феличитас Бетц, сотрудник гестапо и «пассия» Чиано.

Итальянские источники не исключают, что это был последний «выдох» страсти шпионки и раздавленного графа. Сама же Феличитас заверяет, что любовью в камере смертника не занималась, хотя и прилегла на жесткую кровать вместе с Чиано, чтобы «облегчить ему душу», скрасить последние минуты. Охранники через глазок в двери камеры видели все или почти все... Только потом в камеру вошел священник и принял исповедь Чиано.

Феличитас жива. Имеет квартиру в Кёльне. Я звонил по телефону и разговаривал с ней, но никаких деталей она не сообщила...

В последний раз Романо видел Петацчи 16 апреля 1945 года. Он прервал исполнение вальса Штрауса, встал из-за фортепиано и резко спросил Кларетту: «Когда ты оставишь в покое отца?»

«Никогда, — ответила Петацчи. — Я с ним навсегда...»

Романо в лицах показывал мне эту сцену...

...Семья Муссолини разрослась и ныне без всякой дискриминации живет в Италии. Мужскую линию продолжает лишь один правнук — Гай Юлий Цезарь Муссолини (внук Витторио, сын Гвидо). Ему 30 лет, он женат на 23-летней Франческе Боссетти.

Из самых знаменитых женщин Муссолини в сегодняшней Италии — внучка дуче Алессандра Муссолини (1962 года рождения), депутат итальянского парламента. По матери Алессандра — племянница Софии Лорен. Замужем за майором финансовой гвардии Мауро Флориани. В честь рождения дочери Катерины в июле 1995 года Алессандра устроила на вилле Карпена пир, собрала всю большую семью Муссолини. Присутствовали пятнадцать взрослых родственников дуче. Жизнь продолжается. У Алессандры теперь две дочери. Младшая — Бенита...

ВНЕБРАЧНАЯ ДОЧЬ РАСКРЫВАЕТ ТАЙНУ СВОЕГО РОЖДЕНИЯ

Дети лейтенанта Шмидта, как известно, национальности не имеют и прекрасно передвигаются по планете, меняя государства, города и веси. Не меньше и женонаследников знаменитостей и еще больше внебрачных детей. Были такие дети у римских императоров, у королей, маркизов и графов, были они и у любвеобильного дуче Бенито Муссолини.

Не секрет, что один сын (внебрачный) погиб во время войны, но вот то, что у Муссолини была еще незаконнорожденная дочь, до сих пор было неизвестно; и эта новость почти семьдесят лет спустя прозвучала в Риме сенсационно.

Оказывается, у Муссолини была тайная любовная связь (среди многих) с юной принцессой Свевой Витторией Колонна, которая в феврале 1929 года дала жизнь девочке Клаудии. И только теперь проясняются некоторые детали. Семидесятилетняя Клаудия Априотти, очень похожая на дуче, заявила журналистам: «Я понимаю, что доказать наше родство будет непросто, но чтобы установить истину, необходимо провести все анализы. Моя мать всегда хранила тай-

ну, а чтобы спасти ее честь, все права материнства взяла моя бабушка — мать принцессы».

«Что вы думаете об этой сенсации?» — спросили журналисты внучку Муссолини Алессандру.

«Разве это сенсация? — ответила депутат парламента. — Мы на такие «новости» просто не реагируем. Никаких комментариев. Хотя, впрочем, у меня есть друг — адвокат, который также очень похож на дуче, но он почему-то на продолжение рода Муссолини не претендует... У нас в роду хватает прямых наследников».

ДИВАН БЕЗ РОДОСЛОВНОЙ

Стиль «ретро» в моде на многое. Но еще больше в Италии сегодня в моде оригинальная, теперь уже антикварная, мебель и разные украшения 20-х годов. На одном римском аукционе, например, продавался спальный гарнитур (из клена), который был сделан якобы, в 1928 году по рисункам Марчелло Пьячентини — придворного художника и архитектора Муссолини.

Гарнитур этот по виду напоминал свастику. Сам дуче, как говорится в проспекте, обожал проводить на диване, чем-то похожем больше на катафалк, свободное от государственных дел время с Клареттой Петаччи. Диван-кровать пошел с молотка за 120 миллионов лир — примерно 80 тысяч долларов. Приобрели историческую и антикварную ценность счастливые братья Фарсетти. Но каково было их разочарование, когда они узнали, что купили... подделку.

И даже не подделку, а неизвестную вещь. Единственный свидетель тех давних времен — сын Муссолини Романо (остальные официальные четверо ушли из жизни) утверждает, что такой мебельной безвкусицы не могло быть в доме дуче. Не следует все дово-

дить до абсурда: «Папа никогда не спал в таком катафалке ни на вилле Торлония, ни во дворце на площади Венеция», — заявил Романо Муссолини. (Только он теперь имеет право опознания подлинности вещей Муссолини. Признает — вещь подлинная. Нет — значит, имеем дело с подделкой.) А что касается братьев Фреддиано и Франко, то они остались «с кроватью без исторической родословной». Даже следов Петацчи на ней не отмечалось...

ГЛАВА II

КОМПРОМАТ НА МУССОЛИНИ

Был ли Муссолини тайным агентом российской царской разведки, получал ли он деньги от финансистов Антанты? Кому служил лидер «фаши» до начала Первой мировой?

Вопросы не риторические, имеющие теперь точные обоснованные ответы.

...Осень 1914 года. В миланской пивной «Шпатен» за столиком у окна сидели два довольно молодых чело-

века. Одним был Бенито Муссолини, в то время директор газеты социалистов «Аванти!». Он только что опубликовал результаты всенародного референдума, проведенного 26—27 сентября 1914 года по призыву социалистической партии, и выразил дружное мнение итальянцев выступать против войны, за абсолютный нейтралитет, именно после войны в Ливии (1911—1912 гг.), когда Италии нужны были мир и стабильность.

Муссолини констатировал факты опроса общественного мнения, но они не отвечали его мыслям. Он думал и считал иначе. Бенито уже занимал позиции интервентистов — сторонников скорейшего участия в войне. (И не важно, на чьей стороне быть для начала. Принципиальный вопрос — расшатать обстановку в стране, заставить прийти в движение внутренние силы, подготовить позиции для новой «политической волны», которая в скором будущем назовется «фаши».)

Место напротив за пивным столиком с литровыми кружками занимал доктор Ф. Нальди — издатель газеты эмилианских аграриев «Ресто дель карлино» (выходит и в настоящее время), один из активнейших интервентистов, обладавший широкими связями в Италии и Европе. Он был готов платить за любой заголовок в газете, если тот выдержан в следующих тонах и выражениях: «Тевтонская орда набросилась на всю Европу», «Германский вызов латинянам, славянам и англосаксам» и т.д. Такие заголовки охотно публиковал в «Аванти!» Муссолини, входя в конфликт с центральным руководством ИСП; упорно заявлявшим о существовании неискоренимой антитезы между войной и социализмом. Никаких уступок войне и тем более ее пропаганде!

Муссолини скандально шел наперекор, за что в ноябре 1914 года был исключен из соцпартии. Это не обескуражило Бенито. На средства промышленников и аграриев (об этом было договорено заранее) он начал издавать ежедневную газету «Пополо д'Италия», которая, как следовало из подзаголовка, должна была

дублировать центральный орган социалистов, но с противоположной ИСП политической ориентацией. Такого поворота на 180 градусов пока не делала и не знала ни итальянская, ни другая европейская газета, вся мировая журналистика.

«Казус Муссолини». «Предательство дела рабочего класса, продажность. Обольщен поджигателями войны в интересах производителей оружия...» Муссолини на нападки бывших «товарищей» не реагировал.

Он вил свое политическое гнездо. Газета «Пополо д'Италия» быстро набирала тираж и вскоре имела уже почти сто тысяч читателей. Популярность Муссолини росла, и одновременно все с большим интересом к нему приглядывались промышленники, финансисты, военные за Альпийской грядой и в странах, далеких от Средиземноморья, но имевших там немалые военно-политические интересы. По свидетельству Ф. Нальди, последовавшему сорок шесть лет спустя, в 1960 году, уже в 1914 году Муссолини тайно финансировали представители французского и английского капитала. Из итальянских кредиторов особенно щедрыми были руководители туринского автомобильного концерна «Фиат», который тогда еще не отметил и первого двадцатилетия своего существования, Объединение поставщиков вооружения, фирма «Бреда» из Пистойи, где создавались паровозы и боевая техника, электрокомпании «Эдисон», «Ансальдо», финансисты Милана, Генуи, Неаполя, Равенны, Венеции.

Тот же Нальди подтвердил, что в феврале-марте 1915 года Муссолини планировал получить миллион франков от царского российского правительства за организацию провокации на итало-австрийской границе, после чего Италия оказалась бы вовлеченной в военные действия, отказалась бы от нейтралитета, выступила бы на стороне Антанты.

«Деньги пошли бы на «дело», — заверял Муссолини, явно сожалея, что сделка и пограничная операция не удались.

Говоря современным шпионским языком, «на связи» тогда держал Муссолини агент царской разведки, действовавший в министерстве иностранных дел в ранге статского советника. Звали его Геденштром. Он считал Муссолини — «обозначенного итальянского лидера» — самым ценным источником военно-политической информации, а также знатоком внутренней жизни Италии, различных экономических и философских течений. «Его осведомленность очень велика», — доносил Геденштром в Петербург.

С помощью Муссолини в течение зимы 1914—1915 года были помещены в газете «Пополо д'Италия» статьи с целью повлиять на скорейшее нарушение нейтралитета, объявленного Италией, а также указаны выгоды для Италии от утверждения России в зоне Средиземноморья, занятия ею Константинополя и проливов.

Далес статский советник предупреждал «Центр», что всякие сношения с «упомянутым лидером» могут производиться только через него при сохранении полной тайны контактов. В случае обнаружения подобных отношений «лидер» и его партия потеряют всякий престиж и влияние в Италии. Агенту может угрожать разоблачение и репрессии*.

Но думается, что какая-то утечка информации, видимо, была: наверное, не случайно, намекая на связи Муссолини с Петербургом, газета «Унита Каттолика» от 27 февраля 1915 года, за три месяца до вступления Италии в войну, назвала редактора «Пополо д'Италия»: «Муссолинов». Бенито вновь не отреагировал.

Затем война, ранение, госпиталь, революция в России, и необходимость в Муссолини-информаторе, рус-

---

* Аналогий быть не может. Но в октябре 1999 года в Риме разразился скандал. Из Англии было передано досье Митрохина, из которого следовало, что 261 итальянец был агентом КГБ в 70—80-е годы. Многие считают, что это абсурд. Но доказать обратное — непросто. Как и в «деле Муссолини».

ском шпионе «Муссолинове» полностью отпала. Но при этом возникает множество вопросов в связи с этой малоизвестной страницей биографии дуче.

Сейчас, более полувека спустя после войны и семьдесят семь лет после прихода «фаши» (октябрь 1922 года), можно отметить, как много общего было в России и Италии. На Апеннингах то и дело звучал лозунг «Делать, как в России»; именно в Италии, в Рапалло в апреле-мае 1922 года был подписан исторический договор с Германией, прорвавший блокаду Советской России и фронт империалистических государств.

Делегация во главе с Георгием Васильевичем Чичериным (в составе делегации Красин, Воровский) находилась под наблюдением «фаши», но ни одной провокации, ни одной «накладки» в отеле «Палаццо Имперiale», где находились руководители внешнеполитического ведомства России, не произошло. И вот я стою в холле отеля «Палаццо Имперiale» вместе с Франко Москелли. Несмотря на столько прошедших лет все сохранилось как тогда, в 1922. Комната-люкс Г.В. Чичерина, та же люстра, та же, правда реставрированная, мебель. Фотографии на стене... Память о Генуэзской конференции, Рапальском договоре. Как объяснить, что в период фашизма, противостояния насмерть во время Второй мировой войны все было не тронуто «рукой врага», силой ненависти? Франко Москелли, отец которого, итальянец, был капитаном советского НКВД, только и сказал: «Это — вопрос к Муссолини».

Муссолини обладал аналитическим складом ума, и поэтому понятно, что его информация «статскому советнику» была насыщена не просто разведывательными сведениями из Италии, а прогнозами, реальными предположениями и этим увеличивала свою ценность. Но было и другое: ориентируя Петербург, Муссолини как бы проверял и самого себя, развивал политику интервенционизма, превращался в «воинствующего вождя» и не был просто агентом, примитивно «продажным или продавшимся социалистом».

Это была уже его личная большая игра, в которой он сделал ставку на Антанту, на поражение Германии и Австро-Венгрии в войне, на передел турецкого наследства в Малой Азии, на укрепление позиций Италии в Средиземноморье и на Балканах. Но это — с одной стороны. С другой стороны, он превращался в подходящую, сильную, если не основную, политическую фигуру для международных и итальянских военно-финансовых кругов, включая и американские. И для этого работала разведка Антанты. Муссолини все это понимал и сознавал, не мог не сознавать, что «его дело» пухло в спецотделах разведки в разных европейских столицах, в том числе и в России. Агенту платят, но и он за все должен отплатить... И Россия платила Муссолини.

В архивах российского царского МИДа сохранились многие документы, донесения Геденштрома, но Советская Россия почему-то не давала им «хода». Дженгльменство профессионалов? Расчет на будущее, когда цена документа и компромата значительно возрастет? Просто забывчивость, во что трудно поверить? Желание использовать компромат как разменную карту в будущих дипломатических и разведывательных действиях в интересах Италии и СССР? Список вопросов может быть очень длинным. Но ни Москва, ни Рим за двадцатилетие итальянского фашизма ни словом не обмолвились о сотрудничестве Муссолини с царской разведкой в 1913—1915 годах. Точно так же почему-то молчали о связях Мартина Бормана с НКВД. Об этом мне сообщил Валентино — директор римской газеты «Манифесто», считающей, что один из главных военных преступников умер в Риме в 1952 году под именем Курта Гауса*.

---

* Борман, как установила франкфуртская прокуратура (дело от 4. IV. 1973. № Js 11/61), погиб 2 мая 1945 года. Останки были идентифицированы с помощью лечивших Бормана зубных врачей. (Прим. ред.)

...От сохранения тайны сотрудничества выигрывали и Муссолини, и Италия, которая через действия и нейтраллистов, и интервентистов (и ИСП, и Муссолини) выторговала, не дожидаясь победы, у партнеров из Антанты немалые уступки. В частности, по Лондонскому соглашению Италии с державами Антанты, по договору, заключенному 26 апреля 1915 года об условиях итальянского участия в Первой мировой войне, Рим получал перспективы на стратегическое, политическое, экономическое и военное господство или приоритетные позиции в Адриатике, в Средиземноморье и Африке. По тайному сговору Италия приобретала право на территории, где проживало преимущественно итальянское население, а также на земли «разных народов». Взгляды Рима простирались на Трентино, частично на Тироль, Триест, Истрию, Далмацию. Во владения Италии попадали Додеканесские острова, Валона с островом Сасено, прилегающие территории, а также «анклавы» в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Поднимался воинствующий националистический дух, который требовал от итальянцев «не принимать что-либо в дар, а уметь завоевывать, как это делали римляне в античные времена». Кто как не Муссолини насаждал эти мысли! Уникальный случай, когда империализм навел мосты единства с национально-освободительным движением. Тактически все сводилось в мае 1915 года к следующей «схеме» итальянски: не допустить подавления балканских государств и малых наций. В их автономии были заложены гарантии для успехов итальянской внешней политики. В этом контексте Италия становилась рядом с государствами Антанты, на стороне которой уже с сентября 1914 года воевали итальянские добровольцы — четырехтысячный легион под командованием Пеппино Гарибальди. Он влился во французскую армию и принял участие в боях на Западном фронте.

В конце 1915 года погибли внуки национального героя Италии Джузеппе Гарибальди — Бруно и Костан-

те. Муссолини, Нальди, интервентисты и К° умело использовали обстановку, свои печатные средства и массовые демонстрации для раздувания милитаристского и шовинистического психоза. Муссолини позже (28 февраля 1915 года) потирал руки: «Брошены добрые семена, и все увидят, что они не окажутся бесплодными». И они, эти «семена», действительно попали в благодатную почву фашизма, укрепления националистической идеи сначала Великой Италии, а затем Великой Римской империи, новое «летоисчисление» которой начиналось уже после «похода на Рим» в 1922 году.

Германия и Австро-Венгрия долго пытались удержать Италию в орбите Тройственного союза. В начале мая 1915 года фон Бюлов — представитель кайзеровского германского правительства передал в Риме список таких значительных территориальных уступок со стороны Австро-Венгрии, что, казалось бы, такого не добьешься никакой победоносной войной, но было уже поздно. Нарушено было и обещание короля Витторио Эмануэле III, данное в августе 1914 года императорам Германии и Австро-Венгрии, — соблюдать «благожелательный нейтралитет».

Раньше говорили «мир» и спрашивали: «А что после мира?» Теперь громко произносили ужасающее слово «война», и никто не задавал вопрос: «Что после войны?» Много было ясно: Италия к войне не готова, армия почти небоеспособна, ее рядовой состав набирался, как говорили в то время, «из самых глупых сыновей», а генералитет, превышавший в количественном отношении все разумные рамки, сверкал погонями на плацах, в салонах и дворцах, но большего не умел.

Префекты 69 итальянских провинций давали правительству приукрашенную картину положения на местах, но залатать бедность словами было трудно или невозможно. Муссолини в своих публицистических выступлениях «заплаты» не скрывал, а выделял, и тем

самым был полезен и для сторонников войны, и для ее противников. Беспроигрышная позиция. Его обвиняли в предательстве, но он логично парировал все нападки: как можно считать предателем лицо, которое никаких заверений не давало, чаще всего было в оппозиции и к либералам, и к реформаторам, и к нейтралистам?

Король изменял слову. Он то поздравлял одних императоров, то слал приветствия другим — Георгу V Английскому, Николаю II Российскому, приветствовал француза Пуанкаре-«Война». Правительство вынуждено было лицемерить и юлить; парламент постоянно пел с чужого голоса, изыскивая способы, как бы устоять. «Столкновение смертельно опасно: или парламент свалит нацию, или нация низвергнет парламент. Если парламент сгнил, новая Италия сметет его со своего пути», — писала «Идея Национале» от 15 мая 1915 года. (История не любит аналогий. Но почему бы не перебросить мостик через десятилетия и через три тысячи километров в сегодняшнюю Россию. Слава Богу, нет военной ситуации, но многое повторяется в новых условиях и в других государствах. Как часто мы, подобно Италии, чувствуем себя побежденными, находясь в стране победителей, и с готовностью получаем кредиты на последующее развитие и сегодняшнее существование. Но по кредитам надо платить, или восторжествует далеко не демократический тоталитарный режим.) Италия эту «грамоту» прошла, изучила сполна во всех ее красках и нюансах. По крайней мере в той ее части, где крупные промышленники и финансовые клубы ставят или стремятся делать ставку на выигрывающую лошадь на ипподроме жизни только потому, что они обеспечивали ей успех, заранее ее «подкармливая». К 30 октября 1922 года, к приходу фашистов к власти (от этой даты Муссолини повел свой отсчет времени «новой фашистской эры»), фашистское движение в Италии финансировалось на 71,8 процента промышленниками и финансовыми компаниями, на

8,5 процента — институтами страхования и кредитными обществами, на 19,7 процента — частными лицами в Италии и за рубежом, итальянцами, постоянно находившимися в эмиграции.

Сколько итальянцев сегодня живет за границей? Более 20 миллионов. А тогда, в начале века? Ежегодно эмигрировали сотни тысяч человек. В 1926 году из Италии выехало всего 280 тысяч, а 150 тысяч вернулись на родину. Муссолини считал, что перед лицом 90 миллионов немцев и 200 миллионов славян 40 миллионов итальянцев — маловато, и страна должна насчитывать не менее 60 миллионов жителей (ныне 57,8 миллиона человек). В связи с этим государство спешно ввело налог на холостяков, усложнило правила выезда за границу, стало внимательнее относиться к эмигрантам, чтобы зарубежные итальянские общины не утратили родной язык, традиции, национальный дух, даже привычки в еде — спагетти, пицца, итальянские вина и кофе по-итальянски. Ныне от 3,64 миллиона итальянцев, живущих за границей и имеющих право голоса, в парламент Италии будут избираться 16 депутатов и 8 сенаторов.

Но главное, считал Муссолини, видимо вспоминая свой сложный юношеский опыт и постоянные столкновения с полицией, чьи недостатки в «работе» он изучил на самом себе, — это создание мощной политической полиции, сыска и слежки. Созданная им в 30-е годы для борьбы с политическими противниками специальная организация ОВРА (Организация по наблюдению и подавлению антифашизма) мало чем уступала НКВД, а может быть, по некоторым позициям и шла впереди, учитывая более долгий опыт и более свободное передвижение по Западной Европе и Америке.

Более того, стремление к доношительству в характере многих итальянцев и желание создать широкую разветвленную сеть из многих десятков тысяч тайных осведомителей, оплачиваемых из средств крупных фи-

пансистов, как бы шли в одном направлении. ОБРА стала всесильной «ПЬОВРой» — спрутом (как теперь называют мафию). Но ОБРА — это была действительно государственная «пьювра».

«Мы должны преобразовать специальную инспекцию полиции в таинственную, могущественную и всеохватывающую организацию», — говорил Муссолини — и действовал. *«Все итальянцы должны ежеминутно чувствовать, что находятся под контролем, что за ними наблюдает и их изучает глаз, который никто не может обнаружить... Каждый итальянец должен находиться как бы перед жерлом орудия, перед двумя сильными руками, готовыми в любой момент схватить его за горло. Эта организация должна обладать неограниченной властью и неограниченными возможностями. Она должна охватить всю страну, как чудовищный дракон, как гигантский спрут. Именно так, как гигантский спрут».*

Впрочем, слежка коснулась и самого Муссолини. Но он быстро избавлялся от тех, кто «много знал, и не то, что следовало бы знать». В этот период 30-х годов сложилась система слежки, доносов, цензуры и заказных газетных статей и сообщений.

Муссолини был с давних времен мастером по написанию заказных «заданных» корреспонденций. Теперь заказывал он сам. Впрочем, и писал он сам. Раньше компроматы собирал он, теперь стали собирать и для него, и на него. И об этом он знал и «изменников» из управлений сыска и в печати карал сурово. Все было под контролем. Второе, пятое, шестое управления КГБ вряд ли умели действовать более гибко и ловко, чем аналогичные службы во времена Муссолини.

А гонения на евреев! В Италии антисемитизм надолго не прививался никогда в истории. И Муссолини это знал лучше других. Тем более что и жену дуче звали еврейским именем Ракеле (Рахиль). Кое-кто пробовал привносить в итальянскую жизнь несвойственные стране «арийские» теории. Они нашли для себя почву, но не очень-то благодатную. Ибо евреи издав-

на поселились в Италии, и корни их проникли глубоко. Муссолини прекрасно знал, что, например, Колизей две тысячи лет назад строили пленные евреи, многие из которых стали затем свободными гражданами Рима. На ряд вопросов истории нет и не будет ответа, но домыслить можно многое. Почему 15 марта 43 года до нашей эры после убийства Цезаря — великого диктатора и автора Юлианского календаря — его оплакивали в основном «дети Иерусалима»? Если папа римский Павел IV (бывший инквизитор Карафа) ввел в Риме в 1555 году еврейское гетто с двумя выходами и входами, открывавшимися и закрывавшимися в определенное время суток, обязал итальянских евреев носить особые одежды и иметь условленные опознавательные знаки на рукавах или головных уборах, то делал это не столько в расистско-националистических целях, сколько в интересах социальной безопасности. Гетто (так называется и сейчас район в Вечном городе) расположено в историческом центре Рима, в квартале площади Дей Фьори, где был сожжен на костре инквизиции в XVII веке Джордано Бруно.

Бенито Муссолини, рассуждая на тему о свреях, нередко вспоминал древнего философа Сенеку, который всерьез упрекал евреев только за субботний досуг, которым они сознательно убивают одну седьмую часть жизни.

«Упорствующих иудеев» в Италии немного. Большинство евреев растворились в массе коренных жителей Италии, прижились и многие столетия сосуществуют с итальянцами под одной крышей. Все фамилии итальянцев, происходящие от названий городов и селений (Романо, Феррара, Милано, Фиорентини и т.д.) и напоминающие о роде занятий предков — портной, каменщик, столяр и т.д., в своей основе еврейские, с поколениями стали итальянскими.

Утром 20 сентября 1870 года представители римской еврейской общины через генерала Рафаэля передали королю Витторио Эмануэле петицию, в которой

говорилось: «Под скипетром Вашего Величества мы, евреи, впредь вне нашего храма будем именовать себя только итальянцами и римлянами». Вот и определяйте: кто есть кто? Муссолини «этих» евреев отнес к категории «итальянцев», а нудеями считал только «упорствующих» или тех, кто регулярно посещал синагогу, — около 30 тысяч евреев.

А исторически с 1870 года в один день только в Риме стали итальянцами более 40 тысяч евреев. (13 апреля 1987 года в Риме, когда состоялась первая в истории Италии встреча папы римского Иоанна Павла II с раввином столичной синагоги, были зарегистрированы, согласно СМИ, 26 тысяч еврейских семей.)

Дискриминация евреев в Италии при Муссолини, который, в общем, шел в фарватере Германии, все же не была столь воинствующей, физических расправ по национальному признаку было меньше, чем в других европейских странах. В Италии были репрессированы 7680 евреев, в Греции — 67 тысяч, во Франции — 77 300, в Австрии — 65 439 человек... Это был «особый предмет», не развитый «маэстро» Муссолини.

Почему расизм и антисемитизм не стали главными элементами фашистской идеологии в Италии? На этот вопрос в Италии без улыбки или иронии стараются не отвечать — ни прежде, ни теперь. Пишут о поисках «еврейского золота», о вывозе в Швейцарию и Германию во время войны ценностей, принадлежавших еврейским семьям, и возвращении их «на родину», в Италию, пишут много и во всех тонкостях. Но преследований евреев с пытками, расстрелами, концлагерями, газовыми камерами и другими атрибутами СС в Италии не было. Муссолини даже при встречах с Гитлером умел заминать или вообще обходить «еврейский вопрос», не касаться острых углов этой темы.

«Дела на евреев» в Италии заводила не итальянская полиция, а германские эсэсовские следователи при содействии местных информаторов. На суде в мае 1999 года, когда шел процесс над начальником СС в

Лигурии с 1943 по 1945 годы ныне 90-летним Зигфридом Энгелем, выяснилось, что после войны на провокаторов и тех, кто непосредственно преследовал евреев в Лигурии во времена Муссолини, было заведено 695 «фашикол» — личных дел для передачи в суд, но все они пропали.

В главной прокуратуре в 1946 году собралось 2274 дела по обвинению тех, кто громил еврейские дома, но и здесь не осталось и следа. Впрочем, никто особенно и не пытался провести дознание и установить, где же эти «секретные фашиколи». Летом 1994 года произошла «юридическая сенсация»: в одном пыльном, заваленном старыми бумагами шкафу были обнаружены дела далеких военных лет. Но разбираться с ними не стали — вспомнили, что в 1955 году после вступления ФРГ в НАТО многие дела подпали под амнистию в Италии, а с 1960 года должны были оказаться в железных сейфах, в архивах.

ФРАЗЫ БЕНИТО МУССОЛИНИ И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ О НЕМ

- *Расстреливайте и ни в чем себе не отказывайте. Знайте: только мертвецы надежно умеют хранить молчание.*
- *Итальянец должен воспитать в себе закаленного, безжалостного, полного ненависти гражданина, и чем менее привлекательным он будет, тем лучше.*
- *К весне 1939 года, когда конфискация еврейского имущества впервые в Италии приняла повсеместный характер, Муссолини ставил цель так организовать антисемитскую кампанию, чтобы, как он говорил, «привить буржуазии — вялой по природе, пессимистичной и обожающей иностранцев — империалистический образ мышления».*

ГЛАВА III

«ПОХОД НА РИМ» И ДАЛЬШЕ В ТОТАЛИТАРИЗМ

Каждый народ управляется элитой. Но элиту надо создать. И каков народ, такова и его «элита». Иначе говоря, каждому — свое...

24 октября 1922 года. Неаполь, театр Сан-Карло. Здесь открылся съезд фашистов, в поддержку которых в город у подножия Везувия съехались более 40 тысяч чернорубашечников из всех районов страны. В день открытия съезда Муссолини, словно ультиматум, произнес свою «тронную речь». В ней сформулировал свои радикальные требования, начинавшиеся, как рефрен, словами: «Мы хотим».

«Мы хотим роспуска палаты, смены избирательной системы, проведения новых выборов. Мы хотим пять портфелей и комиссариат авиации в новом министерстве. Мы хотим и требуем для себя министерство иностранных дел, военное, морское, труда и общественных работ. Я уверен, что никто не сочтет эти требования чрезмерными».

После съезда в Неаполе прошел парад фашистов. И Муссолини на террасе в гостинице «Везувий» в узком кругу единомышленников принял окончательное решение о «походе на Рим» с 27—28 октября 1922 года. (Штаб-квартира была в номере 212.)

Главный штаб организации марша находился в Перудже, но Муссолини из номера 212 в отеле «Везувий» в Неаполе поехал в Милан, где, по конфиденциальным сведениям, он получил от банкиров 20 миллионов лир для финансирования фашистского «похода на Рим». Цифра эта и сам факт получения денег от банкиров держались в строжайшем секрете, и тот, кто «ворошил эту тему», рисковал головой. Никакой документации, расписок, бухгалтерских отчетов об этой «политико-экономической сделке», понятно, не осталось.

Но в 10 часов 42 минуты 30 октября Муссолини уверенно выходил на римский вокзал в качестве главы нового кабинета министров. В то же самое время по всем дорогам, ведущим в Рим, в Вечный город без всяких помех и сопротивления вступили колонны ликовавших фашистов.

Фашизм не бывает тихим и незаметным. Его приход не бывает бесшумным. Но приход фашизма — это, как тогда говорили, дым под дверь дома перед большим пожаром.

Свое первое фашистское правительство Муссолини сделал коалиционным и не распустил парламент. Откуда такая лояльность, здравомыслие, демократизм? Каждый мог оценивать этот факт по-своему. Но вот что на публике высказал в парламенте 16 ноября

1922 года лично новый премьер, объясняя свой временный политический выбор на первом этапе: «Я мог бы воспользоваться победой. Я мог бы превратить это темное и серое здание в солдатский бивуак. Я мог бы разогнать парламент и сформировать чисто фашистское правительство. Тем не менее я составил правительство коалиционное (портфели министров промышленности, торговли, сельского хозяйства, общественных работ получили представители крупного капитала), чтобы призвать на помощь истощенной Италии всех — независимо от партий, — кто хочет спасти ее. Я не хочу править вопреки палате. Но палата должна понять, что от нее самой зависит, жить ли ей еще два дня или два года (фактически приговор парламенту был вынесен). Мы требуем всей полноты власти, ибо хотим полной ответственности и возлагаем ее на себя». И палата депутатов покорно проголосовала за вотум доверия кабинету дуче.

Законодательный орган стоял на коленях, а Муссолини усиливал нажим. Он уже правил, а не выполнял чью-то чужую волю, кто-то уже готов был платить, не требуя расписок и памятуя об истине: «Скупой платит дважды».

Муссолини постепенно, шаг за шагом разбивал духовные постулаты прошлого, модернизировал и подлаживал под себя материальную базу, создавал и пропагандировал комплекс новых ценностей, точек отсчета «новой фашистской эры». Он заверял, что «фашизм не боится прослыть реакционным, он не признает идолов (кроме самого себя), не боготворит фашей».

Первое, что стало мешаться под ногами, — это анахронизм, последыш XIX века в культуре, политике, администрировании — либерализм. Муссолини начал его громить, давая пример другим странам и народам, как следует расправляться с противником. У него за спиной был исторический опыт инквизи-

ции, философия и практика Макиавелли. И действовал Муссолини филигранно, умело аргументировал свои позиции, оставляя оппоненту лишь один выход — слаться. С развешиванием «ярлыков» у Муссолини было особенно хорошо поставлено дело. Либерализм был им навсегда объявлен «политической формой плутократической эпохи», эпохи господства личности, индивидуума над государством. «Либерализм, — обвинял дуче, «закапывая прошлое», — не есть последнее слово, окончательная формулировка искусства управлять. Либерализм — ушедший метод XIX века, который вряд ли подойдет реалиям XX века. Факт весит больше книги, опыт — больше доктрины... Доказано, что можно править помимо и против всякой либеральной идеологии». А далее напрашивается вывод: «Либерализм умер. Мы присутствовали на его непышных похоронах». И все это было необходимо для закладывания не булыжников для растаскивания, а мощных краеугольных камней фундаментального постамента фашизма — фашистского государства. *Дуче обещал нации «светлое, блестящее будущее, новые свободы (свободы времен богатых отличаются от свобод периода нищеты) только в условиях, когда все будет в государстве и ничего вне государства. Нельзя представить человека (он называл его «индивидуумом») вне государства, разве лишь дикаря, ищущего для себя уединения среди песков пустыни».* В образности речи Муссолини уже почти не имел соперников хотя бы потому, что с 1928 года говорил или «направлял итальянскую мысль» лишь он один в Риме.

Инакомыслящим и инакоговорящим в Италии Муссолини уже не оставалось места. После введения чрезвычайных законов многие антифашисты были вынуждены покинуть Апеннины, эмигрировать, создать свои центры за границей, главным образом во Франции. Профсоюзы были подмяты фашистами. Даже криминальная мафия, и та прекратила существование.

А народ? «Что народ? Вы думаете, он многое реша-

ст?» — говорил Муссолини и готов был цитировать Макиавелли, которого особо почитал и посещал регулярно во Флоренции собор Святого Креста, где покоится прах философа. «При переменах необходимо сохранить тень прежних установлений, чтобы народ и не подозревал о перемене порядка (слова «режим» тогда еще не существовало, но речь шла именно о смене политического режима, строя. Иначе говоря, о революции). Большинство людей больше боится внешности, чем сущности».

Была ли тогда, в 1922-м, выработанная, научно продуманная политическая программа фашистского движения? Не было такой программы ни раньше, ни тогда, ни позже. Муссолини считал, что надо «доверяться интуиции», согласовывать действия с конкретными условиями и соотношением сил, согласовывать все с «внутренней логикой», считал программы условностью и релятивизмом — полной относительностью, необязательной для срочного выполнения. «Фашизм, придя к власти, не имел сколько-нибудь определенной и органической программы политической и административной реформы государства, хотя и располагал некоторыми программными пунктами», — справедливо заключал историк Альберто Аквароне в работе «Организация тоталитарного государства». Муссолини импровизировал, но с учетом итальянской действительности и международной обстановки. В этом и смысл *его режима* — «муссолинизма».

А политические партии рабочего класса — коммунистическая, социалистическая, унитарная социалистическая? Они оказались на «арьергардных позициях». (Марксизм-ленинизм такой дефиниции не перенес бы. Но всему свое время.) Формально на первых порах ни одна из антифашистских партий не была запрещена, распущена, не получила юридических предупреждений и ограничений. Выходили и антифашистские газеты. Но усиливался террор, репрессии против антифашистов. Аппарат для этого был создан

быстро и начинал действовать активно и систематически*.

И вот уже в 1923 году Муссолини так суммирует свои взгляды на гражданские свободы: «Люди устали от свободы. Теперь свобода уже перестала быть той непорочной и строгой девицей, ради которой боролись и гибли поколения второй половины прошлого века. Для взволнованной и суровой молодости, вступающей в жизнь в утренних сумерках новой истории, есть другие слова, имеющие гораздо большую привлекательность. Эти слова: порядок, иерархия, дисциплина».

Государство же рассматривалось не как «простая сумма индивидуумов, живущих в определенное время и на определенной территории», а как «организм, содержащий в себе бесконечные ряды прошлых, живущих сегодня и будущих поколений, для которых отдельные лица представляются лишь проходящими моментами». Примерно в таких фразах излагалась философско-юридическая основа первой аморфной программы фашистской партии в 1921 году, и сводилась она к следующему: «лица и группы должны подчинять свои интересы высшим интересам национального организма». (Примерно через 50 лет в Кампучии я читал подобные же программные строки в документах партийной организации АНГКА (кхмерские коммунисты Пол Пота — Иенг Сари), уничтожившей более двух миллионов камбоджийцев из «высших интересов национального и партийного организма». Но это был Восток. Не восточный коммунизм, а восточный фашизм.) А что собирался дуче в «высших национальных интересах» подарить Западу, Европе, Италии за свое «двадцатилетие» Великой Римской империи?

---

* До 1998 года в современной Италии действовали тринадцать разных спецслужб. Не опыт ли старых времен?

ФРАЗЫ БЕНИТО МУССОЛИНИ И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ О НЕМ

- *Приход фашизма — это дым под дверь дома перед большим пожаром. Фашизм не бывает тихим и незаметным.*
- *Факт весит больше книги, опыт — больше доктрины.*
- *Большинство людей больше боится внешности, чем сущности.*
- *Отдельные лица — это проходящие искры истории.*
- *Люди устали от свободы. Теперь свобода перестала быть непорочной и строгой девой, ради которой боролись и гибли целые поколения.*

КАК ВОЗНИК ФАШИЗМ

«Начнем с «азов». Невмешательство противоречит идеям Италии. Я буду до конца придерживаться «политики вмешательства», — заявил на страницах газеты «Аванти!» Муссолини. Так он начал закладывать первые камни итальянского фашизма. Вокруг газеты «Аванти!» группировались все недовольные и другие лица, жаждавшие удовлетворения своих политических амбиций. С мелких подачек началось привлечение первых рядовых членов в первую фашистскую организацию в Италии и мире. (Дата основания первой итальянской боевой фаши-, группы «Союза борьбы» — 23 марта 1919 года.)

В Древнем Риме фашии — пучки связанных прутьев с топором посередине — служили знаком достоинства магистратов. В начале XX века фашии-фасции — связки колосьев, маленькие снопы символизировали крестьянское единство, способное обеспечить продовольствием рабочий класс и интеллигенцию.

«Программа нашей организации, — проповедовал Муссолини, — четкая социалистическая ориентация, проникнутая патриотическим националистическим характером. «Плоды победы» в Первой мировой войне у нас были похищены бывшими союзниками и экстремистами внутри страны. Нам достались лишь крохи. И это — толчок к переделу мира, к новой войне». Такая позиция «Союза борьбы» не устраивала социалистическое руководство. «Вы ненавидите меня сегодня потому, что завидуете и любите меня. Но вы возлюбите меня еще больше». И Муссолини не ошибся. Они возлюбили, и очень скоро...

С чего начал Муссолини? «Крайне необходимо, чтобы у меня была собственная газета. Если я буду писать в лучшие газеты, мне всегда будет казаться, что прошу милостыню». Так родилась его газета «Пополо д'Италия».

Монархия? Сначала фашисты, как и социалисты, были за ее свержение, но и те, и другие быстро поняли, что монархия как государственное устройство никому и ни в чем не помеха. С монархией может соседствовать, договориться, сожительствовать любой строй.

Фашизм — не доктрина, а метод, способ захвата и удержания политической власти. Его не следует относить ни к правым, ни к левым силам, ни, тем более, к центру. Фашизм претендует на единовластие. И Муссолини стал его «крестным отцом».

Как замечали историки, в детстве Муссолини поздно начал говорить, и родители даже опасались, не глухонемой ли у них ребенок. Но он вскоре так разговорился, что был многословным всю прожитую жизнь, а себя называл «ходячим граммофоном». (Он был достаточно смышленным, чтобы быстро понять: ему никто не поможет, кроме как он сам.) И он сделал все себе сам. Не зря в детстве ходил по его спине широкий и тяжелый отцовский кожаный ремень. Отец был неловок в движениях, особенно после принятия

лишнего стаканчика граппы — виноградной водки, более резкой, чем грузинская чача или болгарская ракийка.

Дед Бенито был бунтарем по натуре, отец — бунтарь по характеру и призванию, а сам Бенито? Он был бунтарем по меньшей мере в третьем поколении, то есть как помнил себя и всех своих предков по мужской линии. Он возмущался по любому поводу и всегда был готов доказать свою правоту при помощи кулаков, палки, камней и даже холодного оружия. Он как-то в возрасте десяти лет полоснул ножом своего сверстника, приятеля по школьной скамье во втором классе. За это маленького Бенито вышвырнули из школы, но «этот акт учительского произвола и недопонимания» не снизил его тягу к знаниям, учебе, книгам.

Всего за годы получения школьного образования (до 1901 года) Муссолини четыре раза исключали из школы, но каждый раз после вмешательства родителей восстанавливали. Друзей среди мальчишек у Бенито не было, но зато к девочкам он с детства имел большое и сильное влечение. Противостоять случайному влечению, внутреннему «зову», как говорил Бенито, он не умел и не считал нужным. С семнадцати лет он стал постоянным посетителем публичного дома в Форли, а когда установил «тесное знакомство» со всеми гостеприимными девицами, стал приставать к «недоступным» или малодоступным на улицах и аллеях. В 18 лет его словно остепенили. Кто, как, почему? Этого не знает никто, но соседи заметили, что Бенито стал замкнутым, сутками не выходил из дома. Отец объяснил: «Это не я ремнем, а книги со всей своей силой дали ему по голове...» Так или иначе он мог часами, закрыв глаза, читать наизусть стихи Данте и Петрарки. Но его поэтические настроения не снижали позывов «внутреннего голоса». Он то и дело выбирался «наружу» в поисках девичьих ласк и легко находил их. Правда, иногда при помощи угроз ножом или кастетом. Физическое насилие было его «психической атакой», способом до-

бываться удовлетворения желаний. И таким он был в юные годы во всем: и в любви, и в знаниях, и в поисках работы, куска хлеба. Сам же он дал себе определение в 1903 году: «авторитарный коммунист». Понимай как знаешь.

Официальным идеологом и философом фашизма был не Муссолини, а синьор Джованни Джентиле (в 1922 году он получил портфель министра образования в первом коалиционном правительстве Муссолини). В 1923 году он проповедовал систему воспитания фашистов с детства. Каким образом? В шесть лет ребенок забирается из семьи и воспитывается в «фашистской среде» до шестнадцати лет. Своеобразная школа по подготовке фашистов. (Почти копия полпотовской АНГКА в 70-х годах.)

Сам же Джентиле делал вид, что на многое не претендует, создавал легенды и мифы вокруг Бенито Муссолини, который «скромно» держался как бы в стороне. Только в 1932 году, когда выходил четырнадцатый том «Итальянской энциклопедии», Муссолини поставил свою подпись под «теоретической статьей» об итальянском фашизме. Хотя опять же говорили, что большая часть статьи написана была Джентиле.

Журналистскую деятельность Муссолини начал в молодые годы с написания статьи в социалистическую газету и понял, что это — его стезя. Здесь можно не только выразить мысль, но и настаивать на своем, получать и «считать» сторонников. А средства? Не главное. Средства к сильному публицисту всегда придут. К 1904 году Бенито Муссолини уже заметили как «врага общества». И позже, когда он стал редактировать еженедельную четырехполосную газету «La Lotta di Classe» («Классовая борьба»), чье название, придуманное самим Муссолини, отвечало его убежденности: «пришло время не изучать, а изменять мир, всю систему взаимоотношений».

В 1912 году Муссолини занял вакантное место в газете социалистов «Аванти!», а также стал издавать соб-

ственный журнал «Утопии», рассчитанный на интеллектуалов. В этот период он был назначен членом совета партии и главным редактором газеты «Аванти!». Ему предложили зарплату в тысячу лир в месяц. Но он, не желая обременять бюджет газеты, согласился только на пятьсот лир. Среди других редакторов были художник Скаларини и русская революционерка Анжелика Балабанова — «живой ум в малограциозном теле», как называли ее итальянцы.

Итак, Муссолини обосновался в Милане. Ракеле последовала за ним, как только он нашел небольшую квартиру по адресу: 19, виа Кастель-Мороне с оплатой в тысячу лир в год. Это казалось огромной суммой, хотя сам дом понравился: коммунальные удобства были самыми современными. Бенито перевез книги, с которыми он не расставался. Чтобы покрыть расходы на переезд, пришлось продать часть мебели, оставив только кровать, колыбельку Эдды, стол и набор кухонной посуды.

Муссолини работал день и ночь, газета «Аванти!» получила новый импульс. Другие партии пытались противостоять атакам Муссолини, вызывая интерес читателя. Бенито часто разговаривал вслух с самим собой, а Ракеле была внимательным оценщиком его самых сокровенных мыслей и будущих проектов. Тем временем тираж газеты в двенадцать тысяч экземпляров, который наследовал Муссолини, увеличился до тридцати тысяч, пятидесяти тысяч и, наконец, до ста тысяч.

Бенито очень быстро писал свои статьи. Ракеле помогала ему редактировать комментарии, на написание которых у Бенито уходило не более четверти часа. Но после работы был дом.

Понемногу Муссолини приобрели необходимые предметы домашнего обихода. Бенито купил бы все, чего не хватало. Ракеле же предпочитала обладать малым количеством довольно скромной мебели, но чтобы эти предметы использовались полностью. Так

они и жили, пока не началась Первая мировая война, отметившая новый этап в превратностях семейной жизни.

Журнал «Утопис» не пошел. Успеха эта журналистская затея не имела, и Бенито быстро сумел от нее отказаться. В «Аванти!» Бенито окружил себя «верным женским коллективом», который служил ему и щитом, и «вантузами» — банками и «пиявками», снимавшими усталость и напряжение. Сначала заместителем редактора «Аванти!» была Анжелика Балабанова (итальянцы, французы и немцы звали ее просто Анжелик). Кое-кто открыто называл Муссолини и Анжелику любовниками, и он этого не отрицал. Но большинство считало, что Муссолини не выдержал бы долго роль любовника Анжелики: она бы его заговорила. Тем более что он в этот период имел «прочный амур с австриячкой Идой»; однако Бенито был способен вести борьбу на «многих фронтах».

Другим «третьим фронтом» в «Аванти!» была критик Маргерита Сарфатти, «влюбленная в Муссолини по уши», как говорили по кабинетам. У Маргериты был ребенок, которого Муссолини даже называл «своим», пока он не бросил обоих, правда сделав Сарфатти редактором престижного журнала «Иерархия». Сарфатти стала первым официальным биографом Муссолини, но дуче об этом старался не вспоминать, особенно после того, как начались в Италии антиеврейские кампании. А Сарфатти не скрывала своего иудейского происхождения. Все считали, что «помогла» дуче и Клара Петаччи, оттеснившая конкурентку. Воспитанная интеллигентная Маргерита, дама с властным характером, была уже в возрасте и вынуждена была уступить более молодой и активной итальянке — Петаччи.

Расцвет журналистских способностей Муссолини относился ко времени его работы в ежедневной газете «Пополо д'Италия». «Мне нужна собственная газета», — неустанно повторял Муссолини. В этот период

он начинал подумывать о возможности государственного переворота в Италии при его непосредственном участии и даже о руководстве путчем. (Чем черт не шутит!)

Тем временем были арендованы небольшие комнаты по адресу: 35, виа Паоло-да-Каннобио. Комнаты были темные, невзрачные, без мебели. В кабинете главного редактора стояли только трухлявый стол, один стул и несколько ящиков. С большими трудностями нашли типографию, согласившуюся печатать газету. Что же касается названия, то оно возникло из заявления Бенито о его намерении трудиться во благо всего итальянского народа. Под названием была напечатана фраза: «Тот, кто владеет мечом, имеет и хлеб». Почему такой лозунг? Муссолини объяснил: «Наиболее важным для страны является армия. О ней правительство должно всячески заботиться. Сильный всегда будет сыт, как как умеет завоевать себе пищу».

Примерно в это же время на квартиру Муссолини пришел человек непонятной национальности. Он предложил Бенито передать его газету в распоряжение Австрии. Взамен он обещал все, о чем бы тот ни попросил. Ракеле была в соседней комнате и слышала, как разгневанный Муссолини отвечал суровым тоном: «Уходите! Идеалы не покупаются за деньги». Затем, повернувшись к жене, сказал: «Ракеле, открой дверь этому господину». Мгновение посетитель оставался в замешательстве, затем, взяв руку Муссолини, крепко пожал ее и сказал: «Я восхищаюсь...».

Первый номер «Пополо д'Италия» вышел 15 ноября 1914 года; это был успех. Несмотря на противодействие противников. Тираж рос очень быстро, достигнув за несколько месяцев тех 100 тысяч экземпляров, которые когда-то Муссолини обеспечил «Аванти!», между тем как популярность социалистической ежедневной газеты падала день ото дня. Именно «Аванти!» наградила редакцию газеты «Пополо д'Италия» эпитетом «вязкое пристанище» (логово), но это по-

правилось Муссолини, и он его часто повторял в позитивном смысле.

Чтобы понять, как относится к газете широкая публика, чета Муссолини частенько наведывалась инкогнито в киоски или стояла около уличных продавцов газет. Им неизменно отвечали на миланском диалекте: «Идет хорошо. Особенно когда в ней есть статья этого башковитого Муссолини; если бы мы его знали, мы бы посоветовали ему писать каждый день».

В октябре 1917-го Муссолини смотрел на мировую войну, как на шаг к революции в Италии, и он был готов приветствовать революцию в России, но воздержался. А вскоре революция (не его «революция» — хотя он уже любил это слово) вызвала у него негативную реакцию.

Ленин, писал Муссолини, был «соломенным чучелом, трусом, предателем истинно революционного пути». «Только татары и монголы могли принять его программу». «Ленин, — продолжал он, — был всего лишь новым изданием всероссийского самодержца, если не хуже; он попросту обращался к народу с лозунгами и взывал к животным инстинктам. Русские были примитивным азиатским народом, который следовало штыками загнать обратно за Уральские горы...»

Утверждают, что эти заявления были связаны с депрессией, последовавшей в настроении Муссолини после поражения итальянцев в сражении с австрийцами при Капоретто 24 октября 1917 года. А русские оказались виноваты в том, что дали австрийцам возможность перебросить силы с Восточного фронта в Альпы. Но главное, виноваты русские были в том, что Муссолини очень хотелось сидеть за обеденным столом во фраке лидера, а ему его не давали.

В это время Муссолини даже отказался от своих слов о том, что когда-то в Женеве или где-то еще в другом месте Швейцарии он видел и даже беседовал с Лениным. «Было или не было? Забыл», — только и бросил Муссолини 3 ноября 1917 года...

С конца 1917 года газета «Пополо д'Италия» получила большие заказы на рекламу от военных концернов; она выходила тиражом 60 тысяч экземпляров, что было экономически рентабельно и даже прибыльно. Теперь Муссолини писал в «Пополо» на первой полосе: «Революция — это идеи, пронесенные на штыках». Какова была его личная роль? Бенито уже не скромничал: «Я положил палец на пульс масс и сразу же обнаружил состояние полной дезориентации. Общество ожидало моего появления, и мне осталось лишь дать ему возможность меня узнать с помощью моей газеты». Газета стала его «боевым конем»...

И в этом — проявление тщеславия и завистливости дуче. Он завидовал всем современникам, которые выходили из сражений победителями и проявляли себя сильнее, чем он, Бенито Муссолини. Но он умел признавать свою слабость, и это становилось на определенном этапе его силой. Он завидовал Гитлеру, который филигранно использовал влияние газет, он завидовал Ленину, которым втайне восхищался. Он критиковал Россию — страну тирании, где царил жесточайший режим, отсутствовала свобода слова, были запрещены забастовки, но главное — он уже боялся коммунистической опасности, коммунистов, которыми «через группу интеллигентов» управлял Ленин с его партией. И поэтому Ленин стал для него самым «отрицанием социализма». «Мы пойдем другим путем», — перефразировал Муссолини известную фразу, рассчитывая с помощью внешних кампаний заполучить «увесистую дубинку против славяно-варваров: тогда он уже мечтал о господстве в акватории Средиземноморья, где бы прошла «ось» от Лондона и Парижа к Риму — географическому центру, лежащему между Востоком и Западом». Он любил видеть себя в воинственной победной позе, повелевая всеми, всем и везде.

• • •

Родившийся под знаком Льва, Муссолини, по словам Ракеде, лишь хотел казаться львом, на самом деле он был «просто несчастным малым», а иногда и «жалким котенком». Врач-психиатр Альфред Адлер отмечал, что у Муссолини с детства проявлялось «резко выраженное чувство неадекватности». Что это значит? Хемингуэй, наблюдавший Муссолини вблизи, дал ответ: «Отважный человек не станет драться, например, на дуэлях, как и не станет позировать перед фотоаппаратами, изображая прирученного льва на пляже в Риччоне. А уж тем более, будучи скверным и неопытным водителем, садиться за руль казенного автомобиля и мчаться на большой скорости по плохим дорогам, а затем хвастаться». Абсурд! Но это был Муссолини. «В этом вся его натура и суть, создававшая в стране и за рубежом ореол «рискованного, непредсказуемого человека, лидера, диктатора, любимца женщин, за которым все окружающие его должны чувствовать себя как за каменной стеной».

• • •

Был ли Муссолини атеистом, бескомпромиссным антиклерикалом, как его отец Алессандро? Биографы Муссолини (синьора Сарфатти и другие) утверждали, что дуче с юных лет провозгласил себя атеистом, «сурово обвинял тех социалистов, которые считали религию делом совести». «Наука доказала, что Бога нет, — утверждал он, — а история Христа — это история отверженного еврея, которого родственники считали сумасшедшим и который в сравнении с Буддой был просто пигмеем». Но это его утверждения до 1914 года, когда Муссолини заверял, что на него самое большое влияние оказал Маркс, гораздо более значительное, чем французский социалист Жорж Сорель или Ницше. На стене в комнате всегда висел портрет Маркса.

После начала мировой войны он стал осторожнее в публичных высказываниях, а после ранения в ногу перестал вообще отрицательно отзываться о Боге. Чем у Всевышнего он вымолил прощение? Видимо, тем, что в 1917-м снял со стены портрет Карла Маркса.

• • •

В феврале 1905-го на сорок восьмом году жизни умерла мать Бенито. И его действительно охватило горе. Он бился в истерике, прятался по углам во дворе, боялся переступить порог дома, в котором лежала его мать. На кладбище он произнес такую трогательную речь, от которой у всех проступили слезы. Он говорил о великой религиозной вере, которая не смогла уберечь мать и облегчить горе, но такая вера — от Бога и в Бога — существует. Таким образом, был ли Бенито верующим или атеистом? Или его слова даже на могиле матери вообще ничего не стоили? Думается, что всего было понемногу. Когда похоронили мать, он провел ночь в слезах и в объятиях «прекрасных девиц», снимавших душевную боль в публичном доме. Где логика поведения?

Кроме женских объятий никаких других глубоких убеждений он не признавал. При чем здесь Бог, Маркс, Энгельс, Дарвин и другие мыслители из столетия, которое даровало ему, Бенито, жизнь... Он продолжал нападки на церковь. Священников называл «черными микробами», «насилъниками над свободой мысли». И за все эти выходки папа римский Пий XI назвал Муссолини... «человеком, ниспосланным Провидением», чтобы избавить Италию от либерализма и «атеистических заблуждений»... Опять вне логики!

Бог же продолжал помогать Муссолини. В феврале 1917 года Муссолини взорвался вместе с перегревшимся минометом. Погибло пять человек. В теле Муссолини оказалось сорок три осколка, и ни одна рана не была смертельной! Позже Бенито вспоминал о взрыве как о самом прекрасном моменте в его жизни...

О том, как был ранен Муссолини, рассказывал друг Бенито Морганьи, который разыскал его в военном госпитале Ронки. ...В тот момент Муссолини стрелял из миномета в траншею. Он обратил внимание лейтенанта, что ствол орудия сильно перегрет. Но лейтенант не придавал этому значения и приказал заряжать следующую мину. После этого миномет и взорвался. На земле остались лежать пять трупов и многочисленные раненые, среди которых был Муссолини. Его перевезли в медпункт, а затем в госпиталь. Взрыв был настолько сильный, что Бенито остался наполовину голый, с огромным количеством ран на теле. Самая опасная рана была на большой берцовой кости левой ноги. Врачи полевого госпиталя потеряли надежду сохранить жизнь раненому, но крепкий организм победил. В скором времени австрийцы начали обстреливать госпиталь, раненых пришлось перевозить в тыл, но состояние Бенито было настолько серьезным, что он не перенес бы транспортировки. Посоветовавшись, хирурги решили ампутировать ногу. В бреду больной кричал: «Делайте что хотите». Врачи сделали операцию, и она оказалась успешной. Нога была сохранена.

Жизнь в госпитале была монотонной и мучительной. Его друзья иногда навещали Бенито. Однажды и король Витторио Эмануэле проводил инспекторский смотр. С ним были английские и французские генералы. Произошла встреча с королем. Неизвестно кто кого развлекал — король Бенито, или Бенито короля и генералов.

Когда состояние раненого улучшилось, он был переведен в Удине, а оттуда наконец в Милан. Ракеле поспешила на встречу с ним: он страшно изменился. Прежним остался только живой взгляд его глаз, похожий «на черный блеск на бледном лице». Во второй раз они встретились в больничной палате. Когда Ракеле пришла к нему, он воскликнул: «Я думал, что больше не увижу тебя, но теперь ты рядом со мной, и

я надеюсь выкрутиться». Это словечко «выкрутиться» с тех пор вошло в лексикон Бенито Муссолини.

Пребывание в госпитале не было спокойным. Его директором был дантист из Пармы, разбогатевший на спекуляциях и в конце концов покончивший жизнь самоубийством. Бенито лечил один его близкий друг, доктор Амброджио Бинда. Он разрешил Ракеле надеть форму медсестры Красного Креста, чтобы она могла ухаживать за Бенито, не раскрывая, кто она есть на самом деле. Раз в три-четыре дня надо было прижигать раны ляписом, при этом боль была адской. Ракеле удавалось оставаться там в течение нескольких месяцев, но однажды директор раскрыл хитрость, и Ракеле пришлось уехать...

После выхода из больницы Муссолини вновь занял пост главного редактора «Пополо д'Италия». Боли были еще сильные, и он не мог ходить без костылей.

Так минул год, а затем пришла победа в войне. Казалось, что начнется спокойная жизнь. Эдда играла на скрипке; она начала заниматься в четыре года. Плата учительнице музыки доходила до 10 лир за урок. Это было дорого, но не было жалко этих денег. Муссолини любил быть последовательным, а в своих письмах с фронта Бенито настойчиво советовал учить малышку музыке. Для всех было радостью видеть крошечную ученицу, усердно игравшую на скрипке. Когда она музицировала, она еще больше походила на Муссолини, хотя резко очерченные черты отца смягчались в личике девочки. Эдда всегда тонко чувствовала музыку, и Бенито гордился ее способностями в искусстве, к которому он сам имел пристрастие.

Эдда ревновала к своему маленькому брату Витторио; вначале она боялась, что привязанность и любовь к ней родителей уменьшится, из-за этого у нее часто и подолгу бывали приступы плохого настроения. Она даже выкидывала скверные шутки. Как-то она внезапно вырвала стул из-под бабушки, державшей младенца на руках.

Витторио, напротив, рос веселым и беззаботным и с удовольствием воспринял известие о рождении брата Бруно, появившегося на свет 22 апреля 1918 года.

Рождение Бруно было связано с забавным происшествием. Бенито не присутствовал при рождении Витторио, так как был на фронте. Он частенько повторял: «И надо же такому случиться, что все радостные новости в нашей семье мне приходится узнавать от других!» И вот за месяц до апреля Бенито постарался составить расписание своих поездок так, чтобы в нужный момент быть на месте. Но непредвиденные обстоятельства заставили его поехать в Геную; дело было срочное, и, кроме того, предположительная дата родов была еще далеко. Итак, он уехал. Стоило ему покинуть Милан, как у Ракеле появились первые симптомы приближения родов, и все произошло так быстро, что даже срочно вызванная акушерка не прибыла вовремя. Бенито приехал на следующий день, расстроенный и рассерженный. Радостную новость ему сообщил его друг Морганьи, встречавший его на вокзале. Он обрушился на Ракеле, которая надолго запомнила его фразу: «Ты, конечно, не могла меня, как всегда, подождать!» Потом он сам смеялся над этими выпаленными в горячке словами.

Тем временем политическая напряженность на улицах усиливалась: стачки объявлялись одна за одной, происходили демонстрации. Муссолини во главе своей «Пополо д'Италия» встал на защиту тех, кто возвращался с фронта и мог сделаться опорой для будущей партии Муссолини. Он глядел вперед. Газета стала прибежищем сотен людей. Когда Бенито докладывали о чем-либо визите, он, привыкший к постоянным просьбам, не поднимая головы от бумаг, говорил: «Дайте ему десять лир». Так он привлекал к себе людей.

Все шло к образованию первой итальянской боевой фации — «Союза борьбы» — 23 марта 1919 года. «Программа, — заявил Муссолини, — будет четко выра-

женной социалистической направленности, но в то же время она будет носить патриотический, национальный характер, чтобы по достоинству оценить победу, которая у нас была похищена, — я имею в виду Версальский договор — из-за капитулянтства наших бывших союзников и экстремистов внутри страны».

Муссолини не разделял надежд многих итальянцев на позицию США, не делал ставки на президента США Вильсона. Его сомнения только подтвердились во время визита Вильсона в Италию. По этому поводу в Милане был организован прием в честь американского президента. Муссолини получил приглашение. Вернулся он возбужденным, раздраженным и постоянно повторял: «Этого президента встречали с большой помпой. Но он слишком далек от того, чтобы найти те решения, которых мы от него ждем. Предложенный мирный договор оставляет нам только крошки от пирога победы. Это, бесспорно, зародыш новой войны!».

Итак, постепенно возникали и утверждались, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее, группы «Союза борьбы». Они были созданы во всех провинциях Италии, но прежде всего в Ломбардии и Эмилии.

С того времени Муссолини был полностью поглощен газетой и политической организацией «Союзов борьбы». Работы стало еще больше с момента, когда легендарный поэт и солдат Габриеле д'Аннунцио пошел из Ронко на Фиуме, чтобы, как сказал Бенито, «защитить итальянскую нацию в этом регионе, ставшем жертвой происков славян и союзников».

В тот вечер, 11 сентября 1919 года, д'Аннунцио предупредил Бенито Муссолини, что начинает действовать. Все произошло в театре: когда закончился спектакль, Бенито передали записку. В ней было следующее: «Дорогой друг, жребий брошен. Я уезжаю немедленно. Завтра возьму Фиуме с оружием в руках. Да поможет нам Бог Италии! Я поднимусь с постели с температурой, но

дальнейшая отсрочка невозможна. Пусть еще раз дух возобладает над бранным телом! Напишите статью, которую опубликует «Пополо». Во время конфликта твердо поддержите наше дело. Обнимаю Вас. Ваш Габриеле д'Аннунцио».

Муссолини принял решение всеми средствами поддерживать дело Фиуме и открыл в «Пополо д'Италия» подписку в пользу легионеров. Миланцы с воодушевлением пришли на помощь. Было собрано большое количество продовольствия, предназначенного также и для гражданского населения. Подписка принесла три миллиона лир. Настоящее соперничество развернулось между миланцами, желавшими приютить детей из Фиуме, эвакуируемых в Италию. Муссолини тоже взяли ребенка: малыша Адельмо Монти, девяти лет. Позднее его послали учиться в Пармскую консерваторию по классу скрипки. С тех пор о нем ничего не известно...

Многое делалось напоказ. Для шума и шика.

Муссолини решил поехать в Фиуме, чтобы встретиться с д'Аннунцио. После встречи он хотел возвращаться по воздуху. Но неисправность в самолете заставила его приземлиться на аэродроме около Удине. Это привело в замешательство охранников летного поля. Они должны были бы арестовать Муссолини, но оказали ему самый теплый прием.

Затем Муссолини отправился во Флоренцию, где его ждали на национальном съезде «Союзов борьбы». На обратном пути машине был внезапно прегражден путь. Несмотря на то, что никакого поезда на переезде не ожидалось, появился порожняк. Все произошло столь быстро, что было ясно: это покушение. Бенито был отброшен на десять метров и упал на большую кучу песка, не причинив себе большого вреда.

Основным событием осени 1919 года в Италии были ноябрьские выборы. В автономном списке «Союза борьбы» кроме имени Муссолини фигурировали имена выдающихся политиков и деятелей искусства: маэстро

Артуро Тосканини, Габриеле д'Аннунцио, Маринетти, Подрекка, майора Базеджио.

...Вечером в день выборов Бенито позвонил Ракеле по телефону и сказал, что провал на выборах был полнейшим и что неистовствующая толпа собралась под Аркадами: «Не пугайся, если они придут под наши окна. Думай о детях, и если я не вернусь до завтрашнего дня, значит, я умер или в тюрьме». Разумеется, это преувеличение прозвучало не впервые, и Ракеле спокойно ответила ему: «Не беспокойся, я немедленно спрячу детей в надежном месте». Этим «надежным местом» был чердак дома.

Из соседнего здания, где размещалась штаб-квартира социалистов, показался скорбный кортеж, сопровождавший три черных катафалка. Они предназначались якобы для воображаемых трупов Муссолини, д'Аннунцио и Маринетти. Кортеж остановился в нарушение всех правил и законов, и толпа заревела: «Вот тело Муссолини». Ракеле поспешила на чердак к детям и стала искать ручные гранаты, которые Бенито принес с фронта. К счастью, «артисты» только несколько раз постучали в дверь и с шумом удалились.

Беспорядочные демонстрации, славящие триумф социалистов в избирательной кампании, продолжались всю ночь и на следующий день. Наконец полицейский, дежуривший в квартале, пришел к подъезду дома Муссолини и сказал: «Вы знаете, что «он» в тюрьме Сан-Витторе. Ради Бога, только не говорите, что это узнали от меня!». Вскоре Муссолини был освобожден. Это произошло благодаря вмешательству маэстро Тосканини, а также редактора «Коррьере делла сера», который не принадлежал к кругу политических товарищей, но сочувствовал Бенито. Вернувшись домой, Муссолини сообщил откровенно, что избирательные списки фашистов собрали только четыре тысячи голосов, и решительно воскликнул: «Теперь мы начнем с самого начала».

В тот день семью Муссолини ожидало новое испытание. Бруно заболел дифтерией и был на волосок от смерти. Муссолини больше не был человеком решительных действий, с кипящей жизненной энергией, вызывающий одновременно восхищение и ненависть. Это был отец, снедаемый тревогой, раздавленный той опасностью, которой подвергалось маленькое дорогое существо. Наконец наступило улучшение. Кризис был позади... Муссолини стал прежним Муссолини.

• • •

Опыт поражения на выборах не сломил Бенито. Вместе с теми, кто остался ему верен, он принялся за реорганизацию «Союзов борьбы». Это была изнурительная работа. Он мог позволить себе только одно развлечение: брать уроки пилотирования у летчика Ределли в аэропорту Бреcco. Тогда авиация входила в моду, становилась особенно необходима. И, конечно, какая авиация могла быть в Италии без Муссолини!

Тем временем политическая жизнь страны переживала смутный период. Беспорядки, засады, избиения следовали одно за другим. Среди этого кошмара наиболее памятным событием был взрыв в театре Дианы в Милане около старинных средневековых венецианских ворот. Там во время представления оперетты взорвалась бомба, спрятанная анархистами в одной из колонн сцены. Были многочисленные жертвы. Терроризм в любую эпоху — всегда терроризм.

Эти взрывы если не инспирировались фашистами, то были им явно на руку. Например, смерть двадцатидвухлетнего Альдо Сетте. Тяжелораненый, он попросил позволить ему обнять Муссолини. Бедная его мать пришла к Муссолини просить исполнить волю умирающего. Бенито едва успел застать последний вздох Альдо. Он вернулся домой со словами: «Этот ребенок придал мне уверенность, что кровь пролилась не напрасно». Позерство было у Муссолини в крови, и он не упускал случая, чтобы его продемонстрировать.

Говорят, что все Муссолини были суеверны, верили в предзнаменования, а сам Бенито гадал по руке, на чем зарабатывал деньги, когда ездил по Франции и Швейцарии.

...В ночь на 1 мая 1921 года Ракеле приснилось, что самолет, пилотируемый Бенито, упал, объятый пламенем. Ей часто случалось предвидеть события, передавая и принимая мысли на расстоянии. Проснувшись, она умоляла мужа не ехать на аэродром. Он посмеялся над предчувствиями жены, но, казалось, внял просьбе, во всяком случае, оставил дома свою летную куртку. Тем не менее беспокойство не покидало Ракеле, она чувствовала, что должно произойти что-то. Действительно, через несколько часов ее подозвали к телефону, и неизвестный голос сообщил: «Я сопровождал главного редактора, но вы не беспокойтесь»... В этот момент его прервал голос Бенито: «Дайте трубку, я хочу поговорить с женой... Не тревожься, Ракеле, наш самолет упал, но у меня ничего не сломано». И он засмеялся в трубку. Наконец, после часового ожидания, вся на нервах, Ракеле услышала, как возле подъезда остановилась машина. Она увидела мужа, который с трудом вылезал из кабины. Голова перевязана бинтами. От расстройства нервы не выдержали: она расплакалась. «Ничего не бойся, Ракеле, — повторял он, — у меня немного сломаны ноги, но голова крепка, как сталь».

В итоге пять швов на голове, перелом левой коленной чашечки, на той же раненой левой ноге. Что касается самолета, то, считайте, его не стало... Бенито оставался в кровати в течение двадцати дней.

Следующая история была связана с анархистом. Некий молодой человек явился к консьержке и стал расспрашивать о часах прихода и ухода Муссолини. Консьержка с подозрением отнеслась к вопросам молодого человека и настойчиво спросила, что ему надо. «Я ищу работу», — ответил тот, поколебавшись, а затем ушел. На следующий день он пришел опять и сно-

ва стал расспрашивать о Муссолини и его супруге. Дети предложили проводить молодого человека до квартиры. Ракеле открыла дверь и спросила незнакомца, что ему нужно. Он объяснил, и Ракеле посоветовала ему зайти в редакцию и найти там Муссолини.

Незнакомец распрошался. Одну руку он держал в кармане, и консьержка была не далека от того, чтобы понять мысли, скрывавшиеся за бледным челом посетителя. А это был террорист.

На следующий день этот незнакомец положил в редакцию на стол револьвер, заявив, что шесть пуль предназначены для Муссолини. Он был очень молод, этот человек, полный сирота. Нужда толкнула его в банду анархистов, планировавших убить Муссолини. Если бы выстрел был удачным, он получил бы 20 тысяч лир, кроме задатка в 10 тысяч. Анархисты говорили ему о богатствах Муссолини, который жил, как король, и поэтому был предателем, достойным смерти. Приехав в Милан, молодой человек пошел в театр Дель Верме, и если бы застал там Муссолини, то совершил бы покушение. Посещение дома дуче поразило его, он не нашел здесь никакой роскоши: скромная семья, жена, занимающаяся сама домашним хозяйством, трое маленьких детей. Он раскаивался и думал только о том, как бы начать работать. Бенито отправил его в Триест, чтобы оградить от возможной мести со стороны анархистов. В лице этого человека он приобрел верного единомышленника. Полиция Милана, занимавшаяся делами анархистов, арестовала юношу во время его поездки в Триест, но Муссолини удалось освободить его.

В последний год войны семья Муссолини переехала с виа Кастель-Мороне на Форум Буонопарте, в дом 18.

На Форум Буонопарте зимой 1920—1921 гг. произошло следующее происшествие. Какой-то человек стоял, прислонившись к дереву, возле дома. Неряшливый вид, борода. В человеке не было ничего устрашающего. Он

скорее был похож на обычного нищего, но его упорное пребывание на одном и том же месте стало вызывать подозрение. Когда Бенито проходил мимо него, тот делал едва заметный жест приветствия и уходил прочь. Чтобы разгадать эту загадку, Муссолини попытался расспросить его и узнал грустную историю. Выходец из хорошей семьи, человек этот прежде был офицером, но обстоятельства вынудили его теперь просить милостыню, а на это у него еще не хватало сил. Бенито спешно поднялся домой. Без объяснений достал из шкафа одежду и белье, потом крикнул, чтобы Ракеле принесла хлеба, и отдал все это бедняге.

Прошло какое-то время. Зачастую Муссолини приходилось ловить такси, чтобы успеть на деловые встречи в редакции. Однажды шофер такси, с которым он собирался расплатиться, отказался взять деньги. «Вы меня не узнаете? — сказал он. — Прошлой зимой вы спасли жизнь мне и моей семье, дали мне эту работу. Позвольте мне хотя бы раз отвезти вас бесплатно». Это был тот самый офицер...

• • •

Выборы 1921 года искупили провал 1919 года. Сформировав блок многих партий, поддерживаемых ветеранами войны, в первый раз фашистские депутаты были избраны и представлены в парламенте.

На первом этапе программа «фаши» мало чем отличалась от планов социалистов. Она предлагала отдать крестьянам землю, рабочим обеспечить представительство в управлении промышленностью, установить прогрессивный налог на капитал, провести экспроприацию земли (крупных наделов, чтобы не затронуть интересы середняка), национализацию фабрик, повысить налоги на наследование и дарственные, конфисковать чрезмерные доходы, полученные от войны, сдерживать ростовщичество, бороться с коррупцией и бандитизмом, расширить многие социальные свободы.

Все это называлось «доктриной свободной воли», соответствовавшей в значительной мере настроениям широких народных масс. В результате если в 1919 году Муссолини не получил ни одного мандата в парламенте, то выборы 1921 года дали уже 35 мест, или 7 процентов от общего количества депутатов. И это был уже важный шаг к будущей диктатуре Муссолини.

Фашистский лед тронулся, хотя у социалистов оставалось еще 122 места, у католической партии «пополяри» — 107 мандатов и т.д. Загодя подготавливался будущий марш на Рим. Ровно через год в Неаполе в театре Сан-Карло на фоне декораций для оперы «Мадам Баттерфляй» 24 октября 1922 года Бенито Муссолини заявил (до этого он обещал не захватывать власть): «Либо нас добровольно допустят к управлению, либо мы захватим власть, совершив поход на Рим». Но пока, в 1921, это был секрет, хотя все было нацелено на этот марш. Муссолини считал, что еще только Джолитти мог бы воспрепятствовать броску фашистов, используя свой авторитет в армии и на флоте. Но восьмидесятилетний политик (родился 27 октября 1844 года) оказался тяжел на подъем и не просчитал всей глубины опасности и возможности катастрофы в будущем. Но кто и в какой стране способен на такие уникальные расчеты и политическое ясновидение?

Будущее просчитывается всегда хуже и сложнее, чем видится даже самое сложное прошлое, и тем более по прошествии десятилетий. Но в прошлом ищут оправдания, в будущем обычно живут наивные надежды. Впрочем, всегда интересны дневниковые записи. Вот что записывала жена Муссолини Ракеле в октябре 1922 года. С некоторыми сокращениями, но сохраняя стиль и тон, я буду приводить ее записи, которым нельзя не верить за небольшим исключением.

ЗАПИСИ ИЗ ДНЕВНИКА РАКЕЛЕ

10 октября 1922 года

Сегодня ночью Бенито опять вернулся поздно. Кольцо борьбы за власть все более и более сжимается, и Бенито решил бороться до конца. А если он ошибается? Если все это — не более чем мечты? Окажись это так, как бы он страдал! Нет, это невозможно; он слишком уверен в себе; его воля увлекает за собой людей. Он хотел мне прочесть статью, которую написал сегодня вечером, стоя, на одном дыхании. Знаю, завтра он напишет новую, еще более сильную.

20 октября 1922 года

Мне кажется, что в воздухе носится что-то новое. Что-то важное должно произойти. Сегодня утром, едва Бенито вернулся, еще более усталый, чем обычно, его позвали к телефону. Он, должно быть, ждал этого звонка, так как, не задав ни одного вопроса, ушел. Ожидание беспокоит меня...

23 октября 1922 года

Я одна, Бенито внезапно уехал в Неаполь. Он был в хорошем настроении, поцеловал меня: «Вот увидишь, Ракеле, вот увидишь!» — крикнул он, сбегая по лестнице. Отзвук этого обещания еще стучит в моем сердце.

24 октября 1922 года

Я с нетерпением ждала телефонного звонка; и вот поздно вечером Бенито позвонил мне; его фразы отрывисты, кратки, он говорит удовлетворенным тоном: «Ракеле, все идет хорошо. Я выступил в Сан-Карло. Я доволен. Народ там сентиментальный, гордый и «преданный родине».

26 октября 1922 года

Бенито вернулся в Милан, о своей речи в Неаполе он сказал мне: «Я старался дать понять, что наша мисти-

ка — это реальность будущего нации, величие нации, и не только в территориальном смысле. Я говорил перед сорока тысячами черных рубашек и двадцатью тысячами рабочих. Но в Неаполе, в основном, я хотел отвлечь внимание наших противников. Сейчас настал момент действовать, и мы будем действовать». Затем, пристально посмотрев на меня, сказал: «Отныне мы готовы, и мы победим».

27 октября 1922 года

Какой день! Вечером внезапно появился Бенито. «Быстро соберись, и Эдда тоже, мы идем в театр». Я была поражена. Я знаю, что он любит театр, но мне показалось странным, что в такой критический момент он может посвятить столько времени развлечениям. Он весело насвистывал, застегивал воротничок. Вот мы уселись все трое в ложе театра Манцони. Он говорил мне: «Смотри в оба, замечай все, но не раскрывай рта». Я отметила, что многие бинокли нацелены на него.

Он шепчет: «Новость об объявленной мобилизации фашистов уже распространилась. Будем вести себя как ни в чем не бывало». Но это трудно. Уже стучат в дверь ложи, и Бенито должен открывать. К счастью, в зале темно, и он может, не привлекая внимания, подняться, отдать приказание и возвратиться на свое место, делая вид, что внимательно смотрит спектакль. Во втором акте он внезапно встал, прошептал мне на ухо: «Все готово». Он взял меня за руку, и мы ушли из театра почти бегом. Дома он несколько раз поговорил по телефону. Один раз разговор был очень напряженный: он говорил с группой фашистов, которые настойчиво просили разрешить захватить штаб-квартиру «Коррьере делла сера», занявшей враждебную позицию по отношению к фашистскому движению. Бенито отказал в категорической форме. Как только он вышел, раздался новый телефонный звонок, и вновь речь шла о намерении взорвать редакцию газеты. Я повторила запрещение...

29 октября 1922 года

Сегодня утром очень рано и очень долго звонил телефон. Бенито нет дома, и я снимаю трубку. Вызывает Рим. Слышу неотчетливый голос телефонистки. Затем мужской голос: спрашивают мужа. «Его нет дома, позвоните в редакцию «Пополо д'Италия». Я хочу дать номер редакции, но мужчина перебивает меня: «Там его тоже нет, нам нужно знать, где его можно найти. Дело очень срочное. Говорят из Королевского дворца». Но я не знаю, куда он ушел! Позднее новый телефонный звонок, на этот раз это личный помощник короля, он настаивает, чтобы его связали с Муссолини. Что я могу ответить? Я ничего не знаю. Наконец звонит сам Бенито: «Да, я уже говорил с дворцом. Подготовь мне чемодан с вещами и выходной костюм. У меня нет ни одной лишней минуты. Мне надо уехать в Рим».

30 октября 1922 года

Он уехал. Заскочил на одну минуту: «Ракеле, схватка выиграна. Король вызывает меня, чтобы поручить сформировать кабинет министров. Я рад, что он понял. Таким образом, кровь не прольется. Спасибо, что ты все время была рядом».

Оставшись одна, я плачу, и не только от радости. Победа Муссолини наполняла меня радостью, но я знала, что мы, семья, теряли его. С этого момента судьбы его предрешена: он поднимался до самых вершин власти. Но впереди неизвестность... многое внушало страх...

• • •

Из Рима, где он поселился в отеле «Савойя», Муссолини звонил Ракеле каждый день. Как и прежде, когда расставались надолго: это стало традицией в их отношениях. Отсюда, из отеля «Савойя», он отправился к королю. В прессе и даже в некоторых книгах упоминается фраза, якобы произнесенная Муссолини, когда он впервые предстал перед королем: «Ваше величество, я принес вам Италию Витторио Венето».

Могу с уверенностью сказать, что это не более чем художественный вымысел публицистов. Но вымысел, который нравился дуче. Эту фразу всегда повторяют все журналисты. Делаю это и я. Уж очень в духе Муссолини...

ФРАЗЫ БЕНИТО МУССОЛИНИ И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ О НЕМ

- *Я бросил вызов миру, и это оказалось мне не по силам, я презирал других людей, теперь они платят мне тем же.*
- *Он не израсходовал политическую энергию... она израсходовала себя. На него...*

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ ФАШИЗМА

...Из постоянных убеждений особое место в мировоззрении Муссолини занимало насилие. Он плохо ладил с законом и считал, что все можно уладить при помощи силы, а закон служит силе и вполне может стать «младшим братом дубине или топору». Он это уяснил в тюрьмах Италии, Швейцарии, Франции.

В спорах Бенито Муссолини не стеснялся в выборе выражений, чем нарочито подчеркивал, что он не какой-то «врожденный интеллигент» и в случае, если будет не хватать достаточно аргументов и доказательных веских слов, может пустить в ход кулаки или что-либо поувесистее. Тем не менее он с видом знатока мог походя упомянуть имена футуриста Маринетти, пацифиста Эове, националистов Коррадини и Ориани, поклониться гению Марка Твена, назвать своей любимой книгой «Робинзона Крузо», которую, как замечали знавшие его люди, «он, вероятнее всего, никогда в жизни не читал».

А в остальном его ставка — кулак и сабля на дуэли. «А в политике нет правых и неправых. В политике есть только сила...»

Вечером в день своей победы 30 октября 1922 года Муссолини сказал жене: «Запомни, Ракеле, этот момент — один из самых главных в нашей жизни». Первый успех фашизма в официальной политике повлек за собой волну вступлений в партию и, наравне с этим, увеличил объем работы и ответственность новых иерархов. Трудно представить, что совсем недавно Муссолини был простым итальянцем, спорил, ругался и даже дрался на дуэлях, которые тогда были уже запрещены. (С 1999 года в Италии за участие в дуэлях больше не судят, а только штрафуют.)

Его схватки с противниками заканчивались всегда победоносно. Поединков на саблях было более десяти. Сначала это была схватка с полковником Базеджо. За ней последовали другие: с социалистом Чиккотти, с адвокатом-анархистом Мерлиным. Дома Бенито ни словом не обмолвился об этих поединках. У него только появилась привычка давать некоторые рекомендации перед тем, как идти на место дуэли. Он, например, говорил: «Сегодня, Ракеле, ты мне сделаешь спагетти». И эта фраза давала понять, что воздух скоро разорвет звон сабель. Муссолини считал фехтование отдыхом. Учителем у него с давних пор был знаменитый стрелок Ридольфо, ставший его другом на всю жизнь. Сирилло, шофер «альфы-ромео», которую Муссолини держал до самого марша на Рим и которая заменила скромную «бьянки» без верха 1919 года, имел обыкновение после каждой дуэли первым прибегать домой и лаконично сообщать Ракеле новости: «Сегодня мы дрались и победили».

Поединок между Муссолини и депутатом-социалистом Тревесом был особенно жестоким. Взаимная антипатия противников была настолько велика, что многочисленные друзья напрасно старались помирить

их. После бесчисленных выпадов Тревес оказался побежденным с глубокой раной в плече. Об этой дуэли Муссолини никому не рассказал, и все детали узнали от того же Сирилло.

Кроме того ему пришлось драться на дуэли с Гаэтано Сальвемини и Марио Миссироли. После дуэлей, возвращаясь домой, он доставал скрипку и самозабвенно играл, а затем читал записи о великих итальянских «лютайо» из Кремоны — о Джузеппе Гварнери, Антонио Страдивари... Он мечтал написать когда-нибудь книгу о лютайо (мастерах скрипичных дел), проводил почти научные изыскания, но не мог знать того, что известно сегодня нам.

МОСТЫ В БУДУЩЕЕ. ЗАВЕЩАНИЕ СТРАДИВАРИ, КОТОРОЕ ИСКАЛ ДУЧЕ

При самых невероятных обстоятельствах миланский исследователь-музыковед Карло Кьеза и американский скрипач Дуэн Розенгард, разыскивая в архивах города Кремона документы о Джузеппе Гварнери (в 1999 году отмечалось его 300-летие), наткнулись на странные пожелтевшие листы бумаги, заверенные нотариальными печатями. И можно представить, каково было удивление исследователей архива, когда они поняли, что обнаружили уникальный документ об Антонио Страдивари. Говорят, что этот документ разыскивал дуче и поиск считал своим «отдыхом». Итак, что же было в документе.

Во-первых, стало ясно, что Антонио Страдивари родился в Кремоне не в 1644 году, а позже, в 1649-м. Во-вторых, примерно за 8 лет до смерти (1737 г.) Антонио 6 апреля 1729 года в присутствии нотариуса, двух своих мастеров и семи святых отцов из ордена Св. Августиниана составил завещание, по которому разде-

лил все свое имущество между семью сыновьями. (Этот же принцип раздела имущества был в семье Муссолини.) О жене Антонио Дзамбелли в завещании великий лютайо даже не упомянул. «Здесь что-то не так!» — воскликнули скрипач и музыковед, зная о большой любви мастера к супруге (по второму браку). В архиве они обнаружили и другой документ. В соответствии с заверенной бумагой старец Антонио честно разделил на две части все свои драгоценности: одну половину — дом, прачечную и скотный двор отдал супруге. Свою же часть по справедливости, как он считал, разделил между сыновьями. На сына Омобонно он возложил все коммерческие дела, на Франческо — производство скрипок, виолончелей, гитар и других инструментов. Остальным сыновьям Страдивари завещал готовые инструменты (их было более сотни) с позволением продать все, что они пожелают.

Так сыновья и поступили, пустив по Италии и миру ценнейшие инструменты, каждый из которых сейчас стоит не менее пяти миллиардов лир (1 доллар равен 1850 лирам).

В 1938 Муссолини как-то сказал, что в 1942 — в честь «двадцатилетия побед» — он будет играть только на «великих скрипках»...

• • •

Ракеле рассказывала, что утром, до вступления в премьерскую должность, Муссолини играл на скрипке и, «зарядившись», поехал в город.

Что предпринял Муссолини, став премьер-министром? Он начал с ведомства по иностранным делам, переведя его из шикарного палаццо делла Консуиста в гораздо более скромное палаццо Киджи (там теперь резиденция совмина Италии). Зачем была предпринята эта передислокация? Бывшее помещение находилось рядом с Королевским дворцом и не позволяло на узкой улице устраивать массовые митинги. Перед дворцом Киджи на площади со стелой в честь боевых по-

бед римлян можно было бы собрать многие тысячи людей и выступать перед ними с балкона. (Позже он будет выступать с балкона Венецианского дворца, перед которым и на улице Корсо собирались до ста тысяч человек.) Один из иностранных корреспондентов (им оказался Эрнест Хемингуэй) отметил, что молодой премьер ищет возможности, чтобы покрасоваться и произнести речь, а затем прочитать о себе крупные хвалебные заголовки в прессе.

На одной из пресс-конференций Хемингуэй увидел будущего диктатора нахмурившим брови и углубившимся в большую и толстую книгу. Корреспондент осмелился приблизиться к Муссолини и заглянуть в книгу. «О, ужас! — рассказывал затем Эрнест коллегам. — Это был франко-английский словарь, перевернутый вверх ногами...»

Такой «казус» был нехарактерен для Муссолини. Он умел владеть собой. В иностранных корреспондентах дуче явно нуждался, но общаться с ними на первых порах не привык и не умел. Пресса быстро выносила свои вердикты и сначала не в его пользу. Первый приговор был достаточно жестоким: Муссолини большого и желасмого впечатления на иностранную прессу не произвел. И этого он не забудет уже никогда... И если Бенито Муссолини легко завораживал тысячи итальянцев, то с иностранцами ему приходилось всегда туго. Они его не понимали или понимали превратно. Дипломаты бесцеремонно называли Муссолини за глаза «смешным маленьким человечком», «киноактером во многих лицах, но на вторых ролях», предрекали его скорое падение. Муссолини знал обо всем, выдержал, не подал вида и никого не выслал из Рима и от этого только выиграл. Через пару лет дипломаты и журналисты уже ловили каждое его слово и все реже помещали в газетах критические репортажи и корреспонденции. А в сорока странах мира к маю 1925 года по рекомендациям Муссолини уже действовали фашистские партии.

Впрочем, и Муссолини платил за границе не очень щедрой монетой. Побывав в Англии, где, как тогда говорили, он обидел или успел оскорбить каждого встречного, Бенито без обиняков заключил: «Англия мне не понравилась. Она оказалась точно такой, как в романах Голсуорси, так как с тех пор там ничего не изменилось».

Буффонада, учиненная Муссолини в Лондоне, была отменной. Сначала он наскандалил из-за состояния номеров в отеле «Клариджес», которые, якобы, были хуже, чем у французской делегации. И вообще в них было жарко и неопрятно. Затем он явился одетым не по протоколу к королю Георгу в Бэкингемский дворец. В беседах он раздувал ноздри и щеки, пытаясь принять позу ведущего государственного мужа Европы, и все это выглядело по-петушиному, по-игрушечному смешно. Но при отсутствии культуры протокола, «как выглядеть на публике» (где было ее набрать-ся?) другого ждать было невозможно, и журналисты поточили о Муссолини перья.

Муссолини быстро все понимал, точно оценивал, делал для себя выводы. Журналистам, если и молчал, ничего не просал.

Неприязнь Муссолини к Эрнесту Хемингуэю, который был почти на семнадцать лет моложе дуче, осталась навсегда. Хемингуэй задолго до Испании разделался по-своему с Муссолини. Но великий писатель очень любил Италию, и этой любовью наполнены многие его строки.

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Эрнест Хемингуэй: «...Мы должны прочно и долго стоять на ногах».

И — прощай оружие...

Кажется, совсем недавно (а было это уже лет десять назад) в Риме Марго — внучка Эрнеста Хемингуэя пыталась в присутствии Альберто Моравиа убедить меня в том, что в творчестве и литературном наследии ее великого деда почти не осталось «белых пятен». Поклонники таланта Нобелевского лауреата вряд ли почерпнут что-либо новое из «золотой писательской копилки» автора «Прощай, оружие!», «По ком звонит колокол», «Старик и море».

Теперь нет ни Моравиа, ни Марго, многих старых друзей писателей становится катастрофически все меньше и меньше. И я тороплюсь к каждой новой встрече, к каждой весточке о Хемингуэе, к строчке издавка, из тех времен, которым уже больше не суждено повториться. Но заявление Марго о том, что все, написанное Э. Хемингуэем, уже опубликовано в той или иной форме, первым опроверг итальянский исследователь рукописей Хемингуэя венецианский ученый и литературный критик Джованни Чеккин.

Он обнаружил в библиотеке Бостона, где хранятся многие записные книжки Хемингуэя, материалы, доказывающие, что в 1918—1919 годах журналист Эрнест Хемингуэй задумал и начал работать над романом об известном поэте Италии Габриеле д'Аннунцио — друге Муссолини, стороннике «фаши».

Возможно ли?

Документально установлено, что девятнадцатилетний Хемингуэй прибыл в Италию 9 июня 1918 года и находился в составе подразделения Красного Креста для оказания помощи раненым в области Венето, на североитальянском фронте. Здесь же, в частях дей-

ствующей армии, для поднятия духа с переменным успехом наступавших и отступавших солдат писал стихи «фейерверк итальянской поэзии» майор королевской гвардии Габриеле д'Аннунцио. Аристократ по происхождению, клерикальный либерал по политическим взглядам, философ и поэт, как его называли во время Великой войны, умел уклоняться от вражеской пули, но обожал женские ласки и журналистские хвалебные стрелы.

Встреча Эрнеста Хемингуэя и Габриеле д'Аннунцио состоялась вечером 26 июня 1918 года под Треви-зо. (Где-то рядом мог быть и Муссолини.) Журналист был так очарован образом идеолога «ардити» — «отважных солдат» итальянской армии, вооруженных кинжалами и гранатами и самых прославленных на Апеннинах в Первую мировую, что был готов сесть за написание романа. Но в 20-х годах Эрнеста постигло глубокое разочарование. Как считает Чеккин, Хемингуэя оттолкнул «аморальный дух, мистицизм и милитаризм» д'Аннунцио, получившего при фашизме в Италии княжеский титул. Невзлюбив Муссолини, свою антипатию Хемингуэй перенес и на д'Аннунцио.

Многие записи, сделанные в Италии, писатель затем использовал в более поздних произведениях.

Но в архиве Бостонской библиотеки хранятся 33 страницы неопубликованного рассказа писателя под названием «Великая война. Особая хроника» о событиях в Италии, в частности в области Венето на рубеже 1917—1918 годов. Здесь же воевал Бенито Муссолини. Повествование велось от лица солдата Ника Адамса, то есть самого Э. Хемингуэя.

В этом рассказе, видимо, впервые прозвучала мысль Хемингуэя: «Мы пришли к странному этапу войны. Теперь недостаточно умереть. Только святые люди, люди активные и полезные, если они не были убиты, выйдут из войны победителями. Мы должны прочно и долго стоять на ногах...» И — прощай оружие!

Оппонентом Джованни Чеккина выступила писа-

тельница Фернанда Пивано, долгие годы дружившая с Эрнестом Хемингуэем. Она авторитетно заявила, что о такой странице в биографии, как встреча с д'Аннунцио и намерении даже написать роман, она ничего не слышала от самого Эрнеста, и значит, все изложенное следует взять под сомнение. И вообще, об этом лучше не писать и не сообщать.

Джованни Чеккин в спор не вступил, но посоветовал «американистке» — исследовательнице творчества Хемингуэя отправиться в недалеко расположенную Бостонскую библиотеку имени Кеннеди, а там можно обнаружить многое «мало известное», тем более что армия исследователей творчества становится все более многочисленной по мере нашего отдаления от лет жизни великого писателя. Все большее количество исследователей изучают итальянский период Хемингуэя, встречи с д'Аннунцио, Бенито Муссолини, другими видными деятелями Италии задолго до гражданской войны в Испании.

ОХОТНИК, ПЛАЧУЩИЙ НАД УБИТОЙ УТКОЙ...

Есть и у меня одно открытие. Оно в венецианской лагуне. В Каорле, где есть дом, который в разное время посещали и дуче, и Хемингуэй.

Каждое лето мой друг пиццайоло приглашает меня в Каорле, в «глубинку» венецианской лагуны. Там он угощает не столько своей пиццей, сколько рассказами о ранней юности, довоенных временах, когда его отец принимал Муссолини, и первых послевоенных годах, когда он «на равных» был с самим Хемингуэем, по собственной воле служил ему «мальчиком на побегушках», перетаскал десятки ящиков с джином и готовил для писателя разные лакомства из рыбы, креветок, крабов и крабиков...

— С тех пор пролетели десятилетия, — говорил мне 70-летний Гаэтано. — Но Валле Гранде не тронула венецианская цивилизация. Все здесь, на площади примерно 500 гектаров, сохранилось в том же виде, что и тогда. Вода словно сливается с небом на горизонте. Множество каналов, протоки, озерки, заросшие тростником, разными растениями, невысокими деревьями. Царство птиц, полчища уток и украшения лагуны — «кавалеры Италии», как их называют, «аирони» — цапли...

Сохранился и охотничий домик, который издавна принадлежал баронам Франкетти из Сан-Гаэтано. Дом длинный, низкий, из красного кирпича, словно врытый в глину. Внутри — огромный камин, стол, мебель начала XIX века; на стене шкура медведя, оленьи рога, ключья неизвестно откуда и как появившейся в этих краях шкуры тигра (говорят, что барон убил полосатого на охоте то ли в Европе (?), то ли в Африке, то ли в Индии). В доме, будто отсек, кубрик судна, комнатка с крохотной деревянной кроватью, на которой коротал ночи писатель. И говорят, что здесь провел одну ночь в 1919-м Бенито Муссолини.

— А где спала Мэри?

— Сюда, в Валле Гранде (Большую Долину), Хемингуэй супругу не брал. Она оставалась на хозяйской вилле в Сан-Гаэтано — Каорле. Но и там у Эрнеста и Мэри были отдельные комнаты. «Папа» отмечал, что для них в Каорле кровати почему-то очень узкие, тесные. Прислуживала американским гостям горничная по имени Нина, знавшая несколько слов по-русски и по-сербски и всех научившая говорить «на здоровье».

Больше всего Нина любила собирать и разбирать дюжину чемоданов четы Хемингуэй и всегда добавляла: сколько у Мэри было бы чемоданов, если бы она была не четвертой, а первой женой Эрнеста Хемингуэя? Наверное, один...

Но здесь помнили, как писатель приезжал в Сан-Гаэтано сразу после войны на огромном лимузине —

длиной так метров в двенадцать — с водителем в форменном кителе и фуражке, но сам без какого-либо старого дорожного чемодана.

Хемингуэй на охоте делал вид, что не уделяет супруге ни малейшего внимания. Он предпочитал общество «крутых» охотников, рассказы которых славно соответствовали этому дикому суровому краю, и он утолял жажду джином.

— Хемингуэй, — продолжал пиццайола, — не был великим охотником. Но охотился с удовольствием. Однажды я даже видел, как он нежно гладил перья подстреленной им сизой утки. Все у меня живо в памяти. Ведь Эрнест приезжал в Каорле семь-восемь раз в год в течение почти двенадцати лет (с 1948 по 1960 гг.). Но все-таки в память врезалось самое острое: это — большой лимузин, чемоданы Мэри и слезы «папы Хема» над убитой уткой...

— А Муссолини? После Первой мировой бывал в этих краях?

— Муссолини был частым гостем Венецианской лагуны. Но Хемингуэй здесь им не интересовался. Муссолини для Хемингуэя был... Муссолини. Но сейчас есть мысль собрать все заметки Хемингуэя о Муссолини и его времени.

Хемингуэй не систематизировал все свои сведения о Муссолини. Это был не его герой.

• • •

Муссолини, став премьер-министром, не прекращал шокировать своим видом рафинированную итальянскую и зарубежную публику, особенно журналистов. Появление дуче на первой встрече с королем в узковатом, плохо подобранном костюме, высокой шляпе — почти цилиндре, в галстукe, смешно сидевшем на его сильной шее, сразу напомнило комедийных персонажей из чаплинских фильмов. В ресторанах, куда он приходил без сопровождения, его видели наряженным как попугай: яркие башмаки, фракный костюм, пол-

ное отсутствие вкуса и гармонии цвета. Голову ему брил ставший цирюльником служащий компании, а щеки почему-то часто оставались небритыми.

Обучение хорошим манерам, которые МИД решил привить дуче при помощи специалиста-дипломата, оказалось делом непостижимым. В какой-то момент Муссолини, например, вставал из-за стола, ронял салфетку, наступал на нее ногой, затем поднимал и неловко запихивал ее за воротник.

В военной форме, которую Муссолини уважал больше, чем гражданскую, он выглядел представительнее. Это он прекрасно понимал и поэтому чаще появлялся в форме, особенно по официальным поводам.

Из всех фотографий, сделанных в 1926—1930 годах, большинство — или в униформе, или в плавках на одном из пляжей под Римом или на Адриатике, в Риччоне, где он проводил отпуска. Гитлеру нравились фотографии дуче в форме, а «снимки в плавках» фюрер называл «легкомысленными, недостойными премьерса». Муссолини смеялся и замечал: «Ревнует!», намекая на шуплое телосложение берлинского коллеги.

В послевоенной печати часто отмечалось, что Муссолини довольно хорошо зарабатывал благодаря гонорарам за журналистские статьи, которые якобы писали за него младший брат Арнальдо, бывшая любовница и «гранд дама» Маргерита Сарфатти, а также секретарь Алессандро Чиаволини, в прошлом офицер фашистской милиции. Только шофера Эрноле Баратто, прослужившего дуче почти двадцать лет, не называли, пожалуй, соавтором Муссолини.

Статьи для итальянской и американской печати, приносившие Муссолини более 1500 долларов в неделю, дуче писал сам, и не могло быть иначе. Он был честолюбив, работоспособен и никогда ничего не передоверял. Тем болес статьи, под которыми стояла его подпись. У него был свой, особый стиль.

Практика написания за кого-то статей действительно укоренилась в начале 30-х годов. Но никто из пле-

яды лидеров того времени — ни Гитлер, ни Сталин, ни Муссолини, ни Черчилль, ни Рузвельт — не позволяли никому излагать свои мысли за себя. Таким образом, домыслы, что за Муссолини писали другие лица, рассчитаны на доверчивых, на тех, кто ждал и поддерживал любое обвинение в адрес дуче.

Но была и другая крайность, представлявшая дуче почти «сверхчеловеком», способным проводить по двадцать пять совещаний в сутки — и так круглый год; за семь лет (1922—1929) он якобы разрешил 1 887 112 деловых проблем, то есть делал по сто дел в час при шестидесятичасовой рабочей неделе человека, который еще занимался спортом, ездил на лошадях, читал газеты и играл на скрипке. Все это маловероятно, но окружение слушало и не противоречило. Ведь речь шла о Муссолини.

• • •

Муссолини своей физиологической невоздержанностью, резкими выступлениями, которые, как он считал, «били в точку», мог быть неоднократно скомпрометирован в глазах короля и общественного итальянского и международного мнения, но он этим пренебрегал и, как показывали время и события, всегда выкручивался (его любимое словечко), оставлял в проигрыше своих прогивников. Чаще всего он их наказывал «за леность, нерасторопность» или желанне преждевременно праздновать победу.

Он во всем играл ва-банк. В личных отношениях (с Ракеле, Идой, Петаччи), в парламентских делах (выложил депутатам пакет с 2364 указами, потребовал их одобрения и добился этого в один присест), во встречах с королем, в отношениях с мафией, с масонами, в борьбе против коррупции, в международных связях. Себя Муссолини не жалел.

Сколько раз его охватывали нервные приступы, он ощущал сердечную недостаточность, во время выступлений у него через нос и рот шла кровь, он кашлял,

его тошнило. У него была язва двенадцатиперстной кишки, слабые легкие, болели военные и другие раны. Но для него все это было «мелочами жизни». Он шел вперед, настаивал на своем, получал удары, падал, но поднимался и шел вперед. И такая настойчивость подкупала общественное мнение Италии 20-х — начала 30-х годов.

Он умел рисковать и быть гибким и смелым. Спорные вопросы «утрясал» и кнутом, и пряником. Сначала чаще использовал кнут, а когда к этому привыкли, а чаша репрессий была переполнена, он стал чаще выбрасывать пряники, особенно в отношении тех, перед кем он был или виноват, или кто был ему когда-то полезен. Так, поэт Габриеле д'Аннунцио, наступавший всем и всегда на пятки, получил благодаря Муссолини титул князя (принца), а также миллион лир, который ему выплачивали щедрой рукой из казны с 1924 по 1938 год — год его смерти.

Политики очень часто в практической деятельности переносят центр тяжести своей активности на внешнюю арену, чтобы скрыть или отвлечь внимание от своей неспособности решать ведущие внутренние проблемы.

Муссолини считал стремление к подобной «компенсации» слабостью политиков и предлагал усиление внешнеполитической деятельности не для завоевания симпатий общественности — он просто видел в этом необходимость.

Балканы Муссолини открыто называл зоной итальянских интересов. Напав на Грецию в 1923 году, он не исключал, что начнет боевые действия против слабой Турции и создаст итальянские «анклавы» в Малой Азии. Под особым прицелом Рима была Албания, которую он решил заполнить «для Италии и себя лично».

Параллельно шел диалог Рима с Советской Россией, которая была признана в 1924 году, и тем самым расширена брешь в блокадном дипломатическом и военном кольце. И мало кого удивило, что Россия

спокойно отнеслась к фашистскому десанту на Корфу, практически не отреагировала на убийство политического противника дуче — Маттеотти, а Лев Троцкий даже назвал Бенито Муссолини одним из самых «способных и удачливых учеников». Дуче эту похвалу «проглотил» и мог бы получить еще, если бы не активизировал контакты с Германией, которой, вопреки запретам по мирному договору, тайно поставлял оружие и готов был даже предложить отравляющие боевые вещества, газы и т.д. — законы так часто остаются для диктаторов лишь на бумаге.

Муссолини считал, что ни одно государство не может вести внешнеполитическую деятельность без сильной разведывательно-диверсионной сети. Найдя союзника в Германии, он именно туда засылал своих самых доверенных лиц. «О партнере надо знать порой больше, чем об открытом противнике. Тот, кто защищает свои военно-политические секреты одной броней, проигрывает. От партнера требуется двойная защита: во-первых, как от всех других, а во-вторых, как бы открывая двери перед коллегой, он говорит: здесь закрыто, друг. Не стучись!»

В международной политике Муссолини продолжал тот же курс неуважения к правам других, как и во внутренних делах в Италии. И все сходило с рук, ибо все боялись, что Муссолини из своей страны «перманентной войны», как он называл Италию, выйдет за ее границы, но уже на танках, с оружием и взрывчаткой, открыто и тайно. Впрочем, так все и было. В Ливии, Эфиопии, Сомали, Марокко, Греции, Испании... При этом он ловко менял маски агрессора и пацифиста. И в этом тоже была суть Муссолини.

Подписывая пакт Келлога, объявлявший вне закона войну как «инструмент национальной политики», Муссолини продемонстрировал высшую степень политического лицемерия. «Почему не подписать документ, который отпадет сам по себе? За два года я подписал 138 различных международных соглашений,

и едва ли стоит артачиться еще из-за одного». — сказал Муссолини и подписал документ, а на следующий день дал установку «армии, флоту и военной авиации сплотиться в единую боевую силу». Вопросы укрепления мира никак не отвечали духу и настроениям дуче.

• • •

У Муссолини не было времени лить слезы над убитыми утками, зайцами, более того, он объявил, что охотой и рыбной ловлей, как «бесполезным времяпрепровождением», он не будет заниматься в течение всего своего премьерства (а это означало навсегда). Но все-таки на кабана и горного оленя он выйдет уже осенью 1923 года. Первую половину 1923 года он посвятил упражнениям в дипломатии под фашистский гимн «Молодежь». Дуче решил созвать в Лозанне (Швейцария) конгресс для обсуждения мирного договора с Турцией. Во внутренней политике взялся за парламент, из которого предполагал сделать «тихий, удобный безропотный инструмент», способный бить в литавры по каждому его сигналу или взмаху дирижерской палочки.

В Лозанне Муссолини дал одиннадцать интервью и сделал столько же заявлений для печати, которые были в целом позитивно оценены журналистами. Не «зубокалил» даже скептик в отношении Бенито Муссолини Эрнест Хемингуэй. Он лишь отметил, что «крестный отец» фашизма судит о журналистике по заголовкам. И если корреспондент не хотел иметь столкновений с телохранителями Муссолини, то ему достаточно было давать обтекаемые заголовки, не говоря уже о тех с оттенками похвалы, что явно могут подходить под настроение этого «нового итальянца».

С парламентом Муссолини разделался без промедления и обиняков. Пообещав депутатам превратить их «унылый зал заседаний» в бивуак для его легионов чернорубашечников, он быстро добился одобрения всех

своих действий со стороны палаты депутатов и сената. Вотум доверия был получен «с легу», при первом туре голосований. Против Муссолини выступили только социалисты и коммунисты, но их голоса были легко утоплены в общем «болоте согласия». В сенате, где у фашистов не было ни одного мандата, наблюдалось особое единогласие. 26 противников Муссолини забросали корзинами с ненужными бумагами, а Луиджи Альбертини — издатель «Коррьере делла сера» (все ведущие газеты того времени — «Коррьере делла сера», «Мессаджеро», «Ресто дель карлино» существуют и по сей день. В ноябре 1922 года газета «Пополо д'Италия» перешла к брату Муссолини Арнальдо) привел сенаторов в бешеный восторг словами: «Муссолини спас Италию от социализма, который угрожал поселиться в Альпах и на Апеннингах после Первой мировой войны». Все жали руки новому премьеру и просили его не скромничать, не утверждать, что «фашизм — изобретение только для «итальянского пользования», фашизм — как доброе вино разольется по Европе, по всему миру, отзовется в Индии, Непале, Тибете, откуда заимствованы некоторые символы, знаки и некоторые философские понятия. Муссолини одобрительно молчал, кивал головой и запоминал тех, кто наиболее активно высказывался в его поддержку. У него вырабатывался «метод Нерона»: смотреть якобы влево, а наблюдать, что делается справа. (Этот же «принцип» осмотра залов или комнаты заседаний был характерен для И.В. Сталина.)

Бенито Муссолини понимал, что среди тех, кто особенно громко выступал в его поддержку, могли оказаться карьеристы, авантюристы, политические «громилы», жаждавшие «признания» и «теплых мест». Но с ними приходилось считаться, так как схватки предстояли с открытыми противниками, а не с временными попутчиками, не с криминальными элементами внутри его собственного движения. И он сознательно

закрывал глаза на любой акт террора, даже оказывал покровительство нарушителям правопорядка, если они лили воду на его политическую мельницу. Убийство трех членов парламента от оппозиции, нападения на пятьдесят три других парламентария, разгул фашистских молодчиков в Турине, беспорядки в Риме, Милане, Флоренции, Болонье. В среднем пять актов насилия в день, и так в течение года — с ноября 1922 по декабрь 1923 года... Впрочем, точной статистики злодеяний чернорубашечников не велось.

В тот поворотный год Муссолини понял, что открытый атеизм не подходит и даже вреден для общения с массами в условиях Италии. Началась кампания заигрываний с представителями христианских религиозных движений, обещаний поддержки взамен на доброжелательность в отношении фашистов. Муссолини быстро менял маски. Так с 1923—1924 года он уже открыто называл себя глубоко верующим человеком, а фашизм в целом — движением, развивающимся в общем русле укрепления веры в Бога. И это получило ожидавшийся отклик в кругах католиков.

Кардинал Гаспарри, секретарь папы римского Пия XI, был тонким политиком. Он не мог не понимать подлинного смысла заявлений Муссолини, но увидел в дуче будущего властителя судеб в Италии, отдал предпочтение сотрудничеству с фашистами, а не с либералами, консерваторами или другими политическими течениями. Лицо влиятельное в Ватикане, он убеждал понтифика в пользу прямых контактов с Муссолини. А дуче, умевший «выбирать момент», с целью доказать свое лояльное отношение к Ватикану распорядился ввести преподавание религиозных предметов в учебных заведениях всех уровней, запретил оскорбительные («блазфамические» — богохульственные) высказывания в прессе в адрес церкви, главы католицизма и отдельных высокопоставленных священников. Критика дозволялась (умеренная) в отношении дьяко-

нов, «рядовых монахов» и т.д. Ватикан, чтобы отблагодарить Муссолини, выслал из Италии врага фашизма, активного деятеля католического движения священнослужителя дона Стурцо. «Пополари» — католические «народники» были сразу резко ослаблены, а клерикальные сторонники фашизма влились в ряды движения Муссолини. Либералы, попавшие в ситуацию как «кур в ошип», понимали, что их политическое будущее закрыто, солнце закатилось и перед ними — мгла, тяжелый занавес. И они тоже ринулись в ряды фашистов. Но теперь их брали очень выборочно, словно делали отбор среди «перезревших и гнилых помидоров». Либералы «хороши только для томатной пасты», острили в Риме. Пенсионеры пошли в гимназисты.

В прессе воцарилась строгая цензура. Издатели газет и журналов получили приказ посылать копию каждого номера лично премьер-министру, и Муссолини даже однажды заявил, что просматривал 350 получасовых газет.

Это было одним из основных достижений первого года — «примо анно» — фашистского летоисчисления режима Муссолини, начавшегося не с Рождества Христова, а с октября 1922 года, то есть с прихода фашистов к власти в Италии.

Фашистский символ (фасции ликторов, ушедшие корнями в историю Древнего Рима) превратился в эмблему не только партии, но и всего государства. Фашисты стали приветствовать друг друга вытянутой вперед рукой подобно древним римлянам.

Укреплялись позиции Муссолини среди кругов эмигрантов. Несмотря на то, что Бенито Муссолини утверждал, что не допустит «экспорта своей фашистской революции», на самом деле именно о таком виде «идеологического экспорта» он дал секретное указание в своем министерстве иностранных дел. Дипломатам пришлось подчиниться, а многие стали прямыми агентами фашизма. Спецгруппы боевиков-фашистов

стали действовать во Франции, Греции, провоцировали военные столкновения и даже как бы «в ответ на убийство итальянского генерала» внезапным рейдом оккупировали греческий остров Корфу. Были убиты многие жители, что вызвало протест международного общественного мнения. Муссолини был вынужден отвести войска с острова Корфу. Но этой акцией фашисты показали, что их внешнеполитический курс — милитаристский, агрессивный, направлен на захват чужих территорий. И идеи новой Великой Римской империи — это «идеи» войн, экспансий, диктата...

Но при этом Муссолини хотел бы, чтобы соотечественники в стране и за рубежом видели его как последовательного, волевого государственного деятеля, не изменяющего слову, хотя за словом он по-прежнему не лез в карман, лихо каламбурил, а за брошенное слово-«воробья» не держался. Хотел он и чтобы его принимали за «твердого католика». Для этого в Милане он окрестил всех троих детей — Эдду, Витторио и Бруно. Обряд совершил дон Коломбо Бонданини, брат жены Арнальдо — младшего брата Бенито. Крестины были обставлены скромно, но информация прошла по всем ведущим газетам. Конфирмация была совершена в 1925 году. Причастие дал старый кардинал Ваннутелли, который разделял взгляды Муссолини и неоднократно высказывался в их поддержку при встречах высшего клира Ватикана.

На 29 декабря 1925 года Бенито Муссолини назначил дату своего религиозного бракосочетания с Раке-ле. Церемония проходила в Милане, мессу отслужил священник из церкви Святого Петра-ин-Саля. За ужином Бенито Муссолини высказался как горячий сторонник разумных браков и решительный противник любых разводов. «Я никогда не позволю, чтобы в Италии были разрешены разводы, — говорил он. — Семья — это институт, который не может зависеть от капризов каждого. Существует долг. Религиозный за-

вет «люди не должны расторгать то, что соединил Бог» — это грамота, охранное предписание для каждой семьи».

ПОКУШЕНИЯ НА МУССОЛИНИ

В 1925 году на Муссолини было совершено четыре покушения, но Бог, как утверждал Бенито, бережно хранил его жизнь. Противников же Муссолини Бог не охранял от руки фашистских террористов. 10 июня 1925 года был убит известный в стране депутат — социалист Джакомо Маттеотти. Два фанатика, Думини и Вольпи, вывезли тело в окрестности Рима и зарыли его. Через несколько часов после теракта один из убийц явился в кабинет Муссолини, принес окровавленный кусок обивочного материала из автомобиля в качестве вещественного доказательства: «дело завершено». 11 июня 1925 года Муссолини заявлял, что ему ничего не известно об убийстве Маттеотти. Более того, он якобы располагал достоверными сведениями о том, что социалист эмигрировал за границу. «Кто знает, может быть, что-либо и произошло по дороге...»

Расследованием обстоятельств убийства Маттеотти занимался лично начальник полиции, генерал, а не, как было положено, судья. Следствие быстро завершилось. Преступник Думини получил символическое наказание, а через два года был выпущен на свободу. Но тут он «раскрыл рот» и заявил, что главный виновник — Муссолини. За что и получил новый, уже длительный срок. Почему его не убили? Оказывается, он хранил у своего адвоката в Техасе досье на Муссолини. Обнародования даже части документов очень не желал «крестный отец фашизма». Узнику римской тюрьмы «Раббириа» за молчание в камере выплачивали в течение пятнадцати лет до начала Второй мировой войны денежные суммы, превышавшие финансо-

вое довольствие депутата парламента и члена кабинета министров... Муссолини всегда заверял, что сам деньги для себя из казны не брал. В случае с Думини он тоже лично деньги не брал, но выплачивались они из казны и в немалых размерах в его интересах.

Как проходили покушения на самого Муссолини? Версий покушений множество и описываются они разными авторами по-разному. При этом журналисты-фашисты представляли дуче героем, магически неуязвимым. Другие хотели видеть Муссолини этакой жертвой происков «красных» или врагов Италии. Но вот как характеризует эти покушения Ракеле Муссолини, естественно передавая тон и атмосферу, выгодные самому дуче, семье, фашизму в целом.

ЗАПИСИ ИЗ ДНЕВНИКА РАКЕЛЕ

1 ноября 1925 года

Я пошла на кладбище Санта-Кассиен отнести цветы на могилу родителей Бенито. Он не смог приехать из Рима, но мне было приятно выполнить этот долг вместо него. Оттуда я отправилась в Санта-Лучию, где покоится мой отец. Вернувшись домой, я нашла маму совершенно больной. Я сказала ей, что ходила на кладбище отнести цветы отцу. Она ответила: «Увидишь, что в следующем году ты понесешь их мне. Заботься об Эдде, Витторио, Бруно, чтобы у них все было». Я была очень взволнована таким пророчеством, сказанным спокойным голосом.

Бедная мама! Казалось, что она угадала именно в тот день, в который хотела.

...Я проводила мать на кладбище, окруженная немногочисленной родней. Когда полная печали вернулась домой и выходила из машины, мне передали, что звонил маркиз Паолуччи де Кальболи, секретарь мужа. Он звонил мне

только в серьезных случаях. Паолуччи был чрезвычайно взволнован. От него я узнала о покушении Занибони. «Полиция вовремя его обезвредила, — успокоил он меня. — Дуче цел и невредим». Я не хотела ему верить, но вот позвонил Бенито и заверил, что не нужно придавать значения этому инциденту. И ограничился такой обычной для него фразой: «На этот раз я опять выкрутился... Это все пустяки. Расскажи мне лучше о похоронах мамы»...

Через пять месяцев после покушения в Риме была предпринята вторая попытка убить дуче. Паолуччи проинформировал меня об этом по телефону. «Это — англичанин. Бедный экзальтированный старик по имени Вайолет Джибсон. Он сделал подряд пять выстрелов, но, к счастью, обошлось простой царапиной на носу дуче. Дуче сохраняет хладнокровие и продолжает работать; он даже готовится к отплытию в Триполи». Это произошло вечером 7 апреля 1926 года. Я сомневалась в точности заверений Паолуччи; мне казалось, что он скрывает главное, опасное... Чтобы успокоить меня. «Ранен в нос! Ну разве это серьезно?» Я хотела позвонить Бенито. Невозможно!

• • •

Подробности Ракеле узнала только в ноябре, когда сопровождала мужа в Болонье на празднование четвертой годовщины революции. По поводу покушения 7 апреля он сказал тогда: «Англичанин не убил меня, но я был замучен докторами медицинского конгресса, который только что открылся в Капитолии. Желая помочь, эти светила устремились на меня все вместе и чуть было не задушили. Я защищался, призвав на помощь всю мою энергию, но мне стоило больших трудов вырваться от них». Это объяснение было в манере дуче. Он представлял опасное событие комичным, себя человеком спокойным, как бы второстепенным, а это должно было производить обратный эффект. И все говорили: «Какое спокойствие! Герой! Так может только наш дуче!»

• • •
1 ноября 1926 года.

31 октября 1926 года в Болонье произошло четвертое покушение (третье было совершено в Риме, в Порто Пиа, молодым анархистом, бросившим бомбу вслед машине Муссолини; террорист промахнулся). Ракеле была с Эддой в Болонье. Бенито пригласил их принять участие в церемонии открытия Литториале — большого спортивного стадиона. Бенито ехал в Болонью на автомобиле, Ракеле с Арнальдо — на поезде.

Начальник охраны Ридольфи, всюду сопровождавший Муссолини, говорил, что во время путешествия у него были недобрые предчувствия.

Для приглашенных был устроен завтрак в префектуре; в это время Бенито находился в Доме Фашио. За столом нас было тринадцать женщин, и когда я обратила на это внимание, то воскликнула: «Тринадцать женщин за столом! Дурное предзнаменование».

После полудня, побывав на церемонии, я отправилась на вокзал, где встретила с маркизой Паолуччи и молодой американкой — женой видного члена фашистской партии. Мы спокойно беседовали. Внезапно толпа пришла в движение. К нам подбежал Паолуччи, мертвенно бледный, не в силах произнести ни слова. Он был совершенно вне себя и наконец вымолвил: «Мужайтесь, синьора, мужайтесь!» Еще больше, чем этой фразой, мы были поражены его поведением. В этот момент появился Бенито в окружении огромного количества людей. Многие плакали, старались держаться ближе к нему. Он увидел меня и начал рассказывать о покушении: «Процессия двигалась своим ходом, когда я заметил, как какой-то человек, резко рассекая толпу, приблизился к авто. Я едва смог разглядеть юношу с растрепанными волосами. Он выстрелил в меня из маленького револьвера. Толпа набросилась на юношу и совершила самосуд. Его разорвали буквально в клочья. Ничего нельзя было сделать. Чудовищно. Кто-то сделал молодого человека орудием преступления!»

• • •

...Поезд, в котором Муссолини с семьей и ближайшим окружением возвращался в Рим, останавливался на каждой станции. Люди хотели видеть дуче. В Имолле Бенито вышел, чтобы позвонить в Болонью, и только сейчас заметил, что его куртка прожжена. Позднее, на вилле Карпена, пришли к заключению, что пуля задела одежду и слегка поцарапала кожу на уровне сердца. Поздним вечером приехал маркиз Альбичини и с тревогой спросил: «Дуче цел и невредим?» Ракеле жестом указала ему на дом, откуда слышались звуки скрипки. Бенито играл и полностью забыл, что с ним приключилось.

• • •

...В кабинет Муссолини пробрался бывший карабинер-сержант. Он когда-то якобы арестовывал дуче и даже побил его палкой. Теперь он полностью раскался, отыскал злосчастную палку и решил подарить ее Муссолини, чтобы тот применил ее к нему с теми же старыми воспитательными целями. Муссолини с благодарностью принял «сувенир» и поместил его в число самых ценных «исторических» предметов.

А сколько появилось у Муссолини старых однополчан! Только тех, кто героически выносил его, раненого, с позиции минометной батареи, оказалось около четырехсот. Носилки же несли целые роты. Муссолини принимал всех и благодарил. А сколько нашлось хитрых кредиторов! Один даже, оказывается, одолжил отцу Бенито лет тридцать назад колесо от телеги, которое тот ему не вернул. Все «кредиторы», настоящие и мнимые, были вознаграждены.

Но были не только благодарные. Впрочем, даже покушения и пасквили лили воду на мельницу дуче. Бывший секретарь и помощник, перебежчик Фашиоло пытался опубликовать обвинительные документы на Муссолини и даже написать книгу. Не получилось, и он плохо кончил. Дуче же о нем больше никогда не

вспоминал. Зачем? Друга-недруга больше нет... «Огромные силы собирались и за, и против Муссолини».

• • •

Офис в Риме, резиденцию канцелярии Большого Совета и министерство внутренних дел Муссолини оборудовал во дворце на Виминальском холме, разработал программу срочных и решительных мер: «Я унаследовал корабль, давший течь во многих местах. В сфере чиновников коррупция, расхлябанность и распушенность. И в такой степени, что я бы никогда не поверил, мафия... Со всем этим я сумею покончить несколькими ударами».

И покончил. «Главное, чтобы в Италии оставались трое верных и неизменных: это — я, моя шляпа и мой серый пиджак!» — говорил Муссолини.

В этот период Муссолини активно вышел на международную арену. Напомним, что впервые на прием (в честь президента США Вильсона) Муссолини был приглашен еще в Милане в 1919-м. Тогда он вернулся домой разоруженным полицией и сказал жене: «Этот президент далек от того, чтобы найти решения, которых мы от него ждем».

В декабре 1922-го Муссолини съездил в Англию и позволил себе такое замечание: «Надеюсь, мне больше не придется ездить в Англию. Много учтивости, но нет сути. Они не хотят понимать наши нужды. Для них Италия мало что значит. Мы изменим положение вещей. Они придут еще ко мне, в Италию».

И они приехали к нему. Они — это француз Пуанкаре и англичанин лорд Керзон. «К нему» — это в Швейцарию. На конференцию в Лозанне, где был урегулирован ближневосточный вопрос, как считал Муссолини, только благодаря его позиции, а у господ из Англии и Франции был лишь неплохой аппетит, а выпивали только «за» и «во имя»...

«Чрезмерная любовь» итальянцев и иностранцев к Муссолини вспыхнула и совпала по времени с появлением на свет в 1927 году его четвертого ребенка. Рома-

но*, ныне моего интереснейшего собеседника, энциклопедиста, владеющего ценнейшей информацией об отце.

О рождении Романо и об «откликах на это событие в Италии и за рубежом» расскажем отдельно.

Чтобы расширить собственное «всемирное признание», в те годы Муссолини начинал целенаправленно проводить систему пропагандистских мероприятий, которые затем удобно переселились за границы Италии. Самым восприимчивым последователем оказался... будущий враг — Советский Союз. Опыт перенимался на лету. Начинались всеитальянские «битвы за урожай», такие же, как и в СССР. Повсеместно размещались лозунги «с заботой» о всех категориях трудящихся: от рабочих-металлургов до шахтеров, от моряков до тех, кто обрабатывает поля, покоряет горные вершины... А как звучало: летать выше, дальше и лучше всех!

ФРАЗЫ БЕНИТО МУССОЛИНИ И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ О НЕМ

- *Муссолини — это неизрасходованная сексуальная энергия.*

---

* Младший сын Муссолини Романо состоял в первом браке с Марией Шиколоне — родной сестрой Софии Лорен. Жили, как считалось в семье, дружно и мирно. У них родились и подрастали две дочери: Алессандра — сейчас депутат итальянского парламента, и Элизабета. По воскресеньям ездят в городок Сан-Никола, где их можно встретить в одном из баров.

В 1976 году между супругами произошел «тихий» развод: Марии надоело терпеть ставшую для всех явной измену «младшего Муссолини», который в течение пяти лет сожительствовал с Карлой Марией Пуччини. «Секретная дама» подарила Романо «плод романа» — маленькую Ракеле, названную так в честь бабушки. Карлу многие друзья недвусмысленно называли Кларой или Клареттой, а Пуччини ненароком путали с Петаччи. Остроумный Романо на эти шутки не обижался. Как когда-то Бенито, его отец.

- *О союзнике надо знать порой больше, чем о прямом и открытом противнике.*
- *Люди не должны расторгать то, что соединил Бог.*
- *«Ваше величество, я принес вам Италию!» «Чтобы затем забрать ее себе...», — добавили к фразе дуче королевские придворные.*

ГЛАВА IV

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ И ТИТУЛЫ

Культ личности Муссолини создавался не сразу, но быстро и последовательно. Под удары пропагандистского молота, под скрежет крестьянских серпов. Дуче словно преподавал полезные уроки многим последователям, и не только в Западной Европе. Титул «дуче» был присвоен Муссолини фашистами во время «марша на Рим» (28—30 октября 1922 года). Впервые его так называли в Италии и СССР. Слово по единому приказу. Только в Италии и Стране Советов был услышан толпой друг Бенито — Вернокки. Это с его

легкой руки дуче стал для всех «дуче». Даже в семье Муссолини стали называть «дуче». Например, как звучало: «Дедушка дуче!..», «Дедушка дуче съел два апельсина и персик...»

После рождения пятого ребенка (3 сентября 1929 года), Анны-Марии, о верноподданничестве заявили и знатные лица королевства. Дело дошло до того, что принц Джованни Торлония предложил в распоряжение семьи Муссолини свою шикарную виллу — светлое здание в неоклассическом стиле с парком и небольшим озером с огромными раскидистыми римскими соснами — пиниями на берегах, в квартале Номентано. И заслужил справедливую благодарность: «Этот Торлония — настоящий дворянин», — сказал Муссолини. И принял виллу, согласившись платить вельможе такую мелочь. При этом дуче скромно сказал: «Единственная роскошь, которую я желал бы себе позволить, если бы мог, — это менять простыни каждый день». Чей-то «вражеский» голос сразу внес небольшую поправку: «менять простыни вместе с дамами...» Ибо Ракеле на вилле Торлония редко бывала.

• • •

Уже в конце 20-х годов Муссолини в Италии практически единолично решал все главные проблемы в стране. «Если Савойский королевский дом еще и правил в Италии, то этому он был обязан только Бенито Муссолини, — сообщал член большого дома Савойских герцог Амедео д'Аоста». Когда фашисты проходили в строю перед Квиринальским дворцом, многие слуги короля, словно по команде, надевали черные рубашки. Переодевание могло проходить по нескольку раз в день.

В радиопередачах с раннего утра стали звучать очень знакомая терминология и тон: «Все надо переделать. Мои планы огромны. Революционизировать социальную жизнь нации, каждая производственная отрасль, каждая ячейка должны стремиться к увеличению бо-

гатств народа, достичь невиданных доселе высот. Все выше, выше и выше...» И Савойскую династию это, видимо, вполне устраивало.

Люди будто сошли с ума. Все хотели видеть Муссолини вблизи и даже отдать за него жизнь, с трепетом и тревогой, «радостнее», чем за короля... Супруга Муссолини, никогда не претендовавшая на роль «первой синьоры» Италии, знала свое место, время и во всем меру, не любила «громких» приемов, «шарканья по паркетам дворцов», старалась держаться подальше от шума городского. И это ей удавалось.

«Все с восхищением говорят о придворных дамах, а мне кажется, будто я в курятнике», — говорила Ракеле, и так думала не она одна. Но Ракеле всегда была искренней.

Выдвигались на видные позиции дети Муссолини. Витторио прогрессировал в искусстве кинематографии. Бруно, получивший в 17 лет лейтенантские погоны пилота, участвовал в международных состязаниях высшего пилотажа и в беспрецедентных авиаперелетах. Имена пилотов были у всех на слуху... И Бруно готовился в «римские герои имени Муссолини».

Кое-кто из официальных историков Рима заговорил о необходимости составления новой родословной Бенито Муссолини. Ходили разные версии. Два придворных ученых при короле Витторио Эмануэле создали описание корней потомственного древа рода Муссолини с XII века, и расхождение у соискателей высочайших похвал было лишь в том, что у одного далекие предки фашистского лидера были графами, у другого — маркизами, но с очень похожими дворянскими гербами — предметами тайного вождения и восхищения Муссолини.

Но дуче удержался от сильного соблазна «титоломании». Однако награды он любил.

Известно, как он сложил эти «важные документы» о титулах в один из своих сокровенных коричневых ящичков и никогда их больше никому не показывал.

Он-то знал, что семья Муссолини — из крестьян. 9 мая 1936 года король во время обеда в Квиринальском дворце объявил: «Муссолини, в знак моей признательности и личного удовлетворения прошу Вас принять титул принца». «Ваше величество, — ответил дуче. — Я всегда был и желаю остаться Муссолини, и никем более». Король-император возразил: «Но примите хоть бы какой-нибудь аристократический титул...» «Из поколения в поколение Муссолини были крестьянами, и я горжусь этим», — сказал дуче.

Так или иначе к аристократическим титулам дуче все-таки прикоснулся, но только через свою старшую дочь Эдлу, вышедшую замуж в 1930 году за графа Галеаццо Чиано — сына вельможи и знаменитого в Италии адмирала. Венчание состоялось в церкви Сан-Джованни, а затем пышный прием почти на четыре тысячи приглашенных. Зимой 1944-го Муссолини разорвал этот «аристократический узел», подписал графу Чиано смертный приговор за государственную измену, участие в заговоре 25 июля 1943 года членов Большого фашистского Совета против Муссолини. Эдда и Ракеле пытались спасти Чиано, уговаривали отменить приговор, но казни требовал из Берлина Гитлер, а также итальянские «низы», желавшие увидеть или узнать, как «летят головы и тех, кого привыкли видеть в руководстве, на вершине режима».

• • •

В Риме перед Рождеством 1926 года Муссолини жил в небольшой квартире в палаццо Титтони на виа Разелла. Жилье состояло из прихожей, маленькой столовой и четырех комнат. Только спальня была достаточно большой, но в ней было мало света. Еду ему присылал барон Фассини, живший этажом ниже. Хозяйство вела Чезира, славная служанка из Губбио, старая дева лет сорока, умело исполнявшая роль «мажордома». Чрезмерное усердие делало ее ревнивой ко всякому внешнему вмешательству, даже со стороны Ра-

келе. Чезира была рекомендована Бенито синьорой Маргеритой Сарфатти, бывшей подругой, списанной Муссолини с «корабля любви». Поэтому ясно, что Чезира служила еще и Сарфатти. Эта дама вела раздел художественной критики в «Пополо д'Италия». Из-за своего назойливого характера она не пользовалась популярностью. Редактор Арнальдо не выносил ее еще и потому, что ему были известны ее интимные отношения с Бенито. Сарфатти была также главным редактором обозрения «Иерархия» и пропагандистом артистического движения «Новеченто». Ее корыстная натура проявлялась во всем: она даже потребовала гонорар за статью, написанную в память погибшего на фронте сына. Это вызвало скандал в журналистских кругах. Она же была автором известной в Италии книги «Дуче», которая Муссолини не понравилась. В 1930 году Маргериту уволили из «Пополо д'Италия». Ее отношения с Муссолини полностью прекратились. (Впоследствии она уехала в Соединенные Штаты, и о ней больше ничего не слышали. Кажется, она вышла замуж за какого-то банкира.)

• • •

На виа Разелла проживали тогда, в 20—30-е годы, многие деятели из фашистского госаппарата. В частности, заместитель государственного секретаря по внутренним делам Альдо Финци, который кончил жизнь в Адриатическом проливе вместе с другими жертвами немецких репрессий. На улице Разелла жил также личный секретарь дуче Паолуччи, представитель дипломатической школы Италии, человек бдительный, трудолюбивый и осторожный. Эти его качества нравились Муссолини.

В 30-е годы Муссолини сильно изменился, по крайней мере, внешне. Он стал одеваться со вкусом, гораздо лучше, чем раньше, посещал самых различных людей. Чтобы сохранять себя в форме, он придерживался четкого распорядка: ввел для себя методичный режим, который, как он говорил, «помогал ему со-

хранять тело гибким, а голову свежей». Утром он вставал в шесть часов, делал зарядку, после чего пил орانжад и стакан виноградного сока. Затем он совершал прогулку верхом и принимал душ. Его завтрак состоял из сырых фруктов, чашки кофе с молоком и булочки — в том случае, если не было романьолского хлеба, который Ракеле выпекала сама. С начала Второй мировой войны он отказался от курения. (Вспоминают только об одном исключении: он позволил себе выкурить сигарету в театре «Валле» на премьере «Марсова поля», драмы, в создании которой Бенито принял участие.)

С восьми утра Муссолини был уже на рабочем месте. В одиннадцать часов — короткий перерыв, во время которого он ел фрукты. В четырнадцать часов приходил домой. Второй завтрак неизменно состоял из макарон с соусом, вареных или сырых овощей, большого количества фруктов. Кофе он днем не пил. Сразу же после еды он шел в кабинет, где читал итальянские и иностранные газеты. Если он не был занят чтением классической литературы, он находил время для просмотра информации, текущих новостей. Он никогда не отдыхал после обеда. К шестнадцати часам ехал в министерство и не возвращался домой раньше девяти часов вечера. Он никогда не опаздывал к столу и не был привередлив в еде. Его принцип: лишь бы пища была простая и хорошего качества. После ужина он пил оранжад или настой ромашки и примерно в половине одиннадцатого отправлялся спать. У него всегда был тяжелый сон...

Бенито Муссолини, вспоминала Ракеле в Кастрокаро, не был прихотлив в одежде. Единственное, к чему он предъявлял высокие требования, это галстуки. Они должны были быть тщательно подобраны и изготовлены из самой хорошей ткани. Одеколоном он не пользовался. И вообще «ароматы» его раздражали. Простыни Муссолини менял каждый день. Это было его постоянное требование. Он как бы восполнял то, чего ему не хватало в далеком детстве.

•   •   •

Эдда, Витторио и Бруно учились только в государственных школах. Может быть, качество преподавания в частных школах было выше и учащиеся там получали больше знаний, но они, считали супруги Муссолини, недополучали знаний более важных, а именно: умения сосуществовать с детьми из разных слоев общества. Характер совершенствуется в общении с разными человеческими типами, и врожденный детский эгоизм исчезает автоматически. У Муссолини не было привычки уделять своим домашним какое-то особое внимание. Он почти не делал подарков детям. Не баловал и Ракеле. Единственный подарок, который сделал Муссолини жене со времени прихода к власти, был золотой браслет с выгравированным на нем пучком прутьев с секирой. Это не было его личной выдумкой или жестом душевной широты, он просто последовал примеру Арнальдо, сделавшего такой же подарок своей жене Аугусте. Дуче преподнес браслет с торжественным видом, уверенный, что примут подарок с восхищением. Но ничего подобного; Ракеле заявила к удивлению мужа, что не любит ценные вещи и никогда не хотела их иметь. У нее никогда не было ни драгоценностей, ни мехов, хотя журналисты скандальной хроники приписывали ей многие «слабости». Единственную шубу она купила во время Первой мировой войны, заплатив за нее восемьсот лир. Эту шубу у нее конфисковали в 1945 году и не вернули...

...Но до конфискации оставалось еще почти восемнадцать лет. Годы блеска, годы занятия одного из самых высоких положений в итальянском обществе. Ракеле была очень скромна и «примадонной» себя не ощущала.

Ее единственная встреча с королевой-матерью Маргеритой произошла в Милане за несколько месяцев до смерти королевы. Вот что Ракеле записала о ней в своем дневнике.

ЗАПИСИ ИЗ ДНЕВНИКА РАКЕЛЕ

Я отправилась с детьми во Дворец спорта на просмотр фильма «Жизнь Христа». Королева Маргерита присутствовала там тоже. Когда она появилась, ей устроили овацию. Во время спектакля помощник королевы нашел меня и сказал: «Синьора, ее величество королева приглашает вас с детьми в свою ложу». Я с трудом справилась с охватившим меня смущением. Мысль оказаться в обществе королевы повергла меня в крайнее замешательство, но когда я ее увидела и услышала ее голос, такой ласковый, мои страхи рассеялись. «Мне приятно познакомиться с вами и вашими детьми, синьора, я хотела бы знать, сколько им лет и в какую школу они ходят. Я часто спрашивала о них вашего мужа и знаю, что Эдда — умная девочка, но большая проказница». Разговаривая, она своей тонкой белой рукой гладила волосы Эдды. «Вы должны очень гордиться вашим мужем. Королевский дом Савойи очень признателен ему за его неустанный труд. Я большая поклонница вашего мужа и убеждена, что он с успехом сможет руководить страной. Он мне очень интересен как личность. У того, кто любит музыку, должна быть открытая душа. Я только удивляюсь, когда он находит время играть на скрипке». Мы пробыли у королевы полчаса. Она с такой добротой говорила со мной, что я была околдована ее очарованием. Это — настоящая королева!

• • •

Через некоторое время королева-мать заболела и умерла.

Она сделала Муссолини своим душеприказчиком. Король Витторио Эмануэле вручил Бенито маленький медальон с полустершимся изображением Христа, с которым королева Маргерита никогда не расставалась и который, согласно ее последней воле, следовало отдать Муссолини. (Дуче носил его на шее до самой смерти.)

• • •

...В 1927 году, после десятилетнего перерыва, Ракеле снова собиралась стать матерью. Муссолини не уставал повторять: «Я хочу, чтобы малыш — а я уверен, что будет именно мальчик, — родился в Романье. Пусть будет настоящим романьольцем, как его отец и его предки. И назовем его Романо...»

Итак, Ракеле поехала в Карпену. Накануне родов позвонила мужу в Рим, так как он очень просил вовремя предупредить его. Он примчался менее чем через пять часов, гордый такой рекордной скоростью, и сказал: «Я еще никогда не совершал такого перелета!». Он подготовил приданое для новорожденного, советуя одеть в него ребенка сразу же после появления на свет. «Чудак!» — сказала Ракеле.

Муссолини привез с собой многочисленные телеграммы из-за рубежа, где уже распространилась новость о рождении мальчика. Забавляясь, он показывал их, и в то же время в его поведении и словах чувствовалось беспокойство: «Они должны были прийти в агентство «Стефани», но я их перехватил. Видишь, теперь нужно, чтобы обязательно был мальчик!»

26 сентября так появился Романо. На рассвете служанка разбудила Бенито с ребенком на руках. Он сразу же бросился в комнату Ракеле. По такому случаю приготовил сюрприз: подарил ферму в Карпене. Он купил ее на гонорары за свои статьи, опубликованные в Америке.

Рождение Романо праздновалось повсюду. Бесчисленное количество телеграмм приходило из разных мест. В каждой комнате квартиры стояли цветы и подарки. Подчас очень ценные. Самолеты низко пролетали над крышей, сбрасывая в сад цветы, подарки, послания: итальянский ас Феррарини подарил медальон с миниатюрным изображением Мадонны — покровительницы авиаторов. Один испанский пилот — золотые часы; американские летчики — множество цветов. Маркиз Паолуччи посадил в саду дуб. Чуть позже из Америки пришла посылка с приданым, в

котором было все, что нужно для ребенка с самого его рождения до шести лет. Там было столько вещей, что хватило бы вырастить двенадцать детей. Из Рима прислали статуэтку Святого Римлянина, являющуюся ценной реликвией. Каждая провинция хотела подарить образец своего народного промысла. Если бы Романо мог сохранить все эти дары, он был бы обеспеченным человеком до конца своей жизни. Но подарки были отданы на благотворительные цели. Ракеле сказала тогда мужу: «Ты как озеро, в которое со всех сторон поступают потоки воды и которое затем отдает их рекам и ручьям, вытекающим из него». Подарки — хорошо, но они становятся еще ценнее, если их умело раздать... Так и произошло. О подарках Муссолини до сих пор говорят в Италии. Я видел керамические вазы, которые дарили Муссолини гончары. Они выставлены в одном из музеев Аккуилы в области Аbruцци.

В ознаменование рождения Романо итальянский флот впервые зажег трехцветный маяк. С тех пор до самой войны он горел на вершине башни в Рокка делле Каминате, освещая своими вращающимися лучами долину Романьи, Адриатическое море и самые дальние вершины Апеннин...

ВИЛЛА ТОРЛОНИЯ

В 1929 году в семье Муссолини произошли два события, значительно изменивших семейную жизнь.

Первое событие: Ракеле объявила Бенито, что у них будет пятый ребенок. На это дуче незамедлительно ответил: «На этот раз это должна быть девочка. Девочка после трех мальчиков». И действительно, родилась девочка. Это произошло также в Карпене. Вот что записала Ракеле Муссолини

3 сентября 1929 года.

«В тринадцать часов родилась девочка. Мы еще не

выбрали имени для нее. Бенито, приехавший из Рима, сказал мне, что он уже думал об этом и решил назвать ее как мать Анна-Мария. И вот уже это имя было сообщено агентству «Стефани». Он говорит также, что подыскивает дом в Риме, где мы могли бы жить все вместе. «Я хочу в часы моего досуга быть с моими детьми». Он описывает несколько вилл, предложенных ему самими владельцами сразу же, как только стало известно о его желании. Но у всех у них есть какие-то изъяны, о некоторых даже предупреждает полиция. Когда Муссолини жил один, он довольствовался одними возможностями, но теперь, собираясь обосноваться с семьей, он выдвигал гораздо больше требований.

В конце октября он сообщил, что нашел дом, который мог бы нам подойти. Это — вилла Торлония, предложенная самим принцем Джованни. (Бенито там уже жил какое-то время.)

Светлое здание в неоклассическом стиле находится и сейчас в квартале Номенанто и в пору цветения выделяется на фоне зелени прекрасного парка. Рядом с виллой — другие здания, объединенные с главным аллеями со статуями и обелисками. Там есть небольшое озеро, окруженное лужайками и кустарником. Огромные сосны на берегу, их стройные стволы и шапки возвышаются над остальным ландшафтом.

Ракеле Муссолини с детьми переехала в Рим 15 ноября. 1 декабря 1929 года она записала в свой дневник следующее.

Мы уже пятнадцать дней в Риме. Парк как будто специально создан для спокойного отдыха. Здесь полно уголков, позволяющих в тишине предаваться своим мыслям, а как разнообразна растительность. Имеются тут и большие оранжереи, маленький летний театр и флигель, где обосновался наш хозяин, который, кажется, в самом деле доволен, пригласив нас к себе и окружив всяческим вниманием.

Здесь Муссолини любил конные прогулки по пар-

ку, ездил на велосипеде и принимал участие в играх детей. Он хорошо играл в теннис, тренировался у знаменитых игроков. Когда он и дети играли в футбол, все опасались за стекла веранды. Их частенько разбивали. В те часы, когда семья собиралась дома, он не отказывался сыграть партию в карты, иногда в кегли или на бильярде.

Бенито страстно любил животных, особенно лошадей. У него были очень красивые лошади: гнедой Нед, белая Авриль, подарок англичан, и великолепный Фруфру, которого он объездил в Триполи. Мусульмане подарили ему еще и исламскую саблю. Бенито давал своим лошадям кусочки сахара и как-то раз воспользовался этой приманкой, чтобы заставить Фруфру подняться по ступенькам главного входа. (Некоторые из этих лошадей были украдены после 25 июля 1943 года. В Риме крали все, у всех и всегда.)

На вилле Торлония всегда было много собак. Самым любимым был пес по кличке Карло Карлоттино, проживший четырнадцать лет. У принца Торлония был толстый старый кот, который замерз в суровую зиму 1944 года. Была и другая кошка, породистая, ее подарил Ракеле английский лорд. Были и дикие животные, даже хищники, привезенные разными людьми. Эти животные какое-то время жили на вилле, а потом Бенито отправлял их в римский зоопарк, что был неподалеку. У двух львов по имени Рас и Италия родились трое львят. Они играли с детьми, как котята. Эдда привезла из Бразилии ягуара. Бенито какое-то время держал в своем кабинете привязанную пуму, от нее потом пришлось избавиться, так как однажды ночью ей удалось отвязаться, и она стала разгуливать по комнатам, не испугав, впрочем, никого. В парке приютили большого королевского орла. Жили на вилле также обезьянка Коко, олень и две газели, подаренные во время путешествия в Ливию. От этой пары животных, которые скоро умерли, родилась малышка газель, и дети стали звать ее почему-то Юпитер-Йовис. Это

животное смогло приспособиться к климату и среде, может быть потому, что родилось в неволе. Еще здесь жили сокол, маленькие попугайчики, канарейки, черепахи Биби и Бобо (Бенито их не любил), два грациозных пони, прибывших также из Англии в качестве подарков Бруно и Романо. Из Чили прислали одного за другим двух орлов-кондоров...

Второе событие.

...С давних пор между Бенито и Костанцо Чиано завязалась дружба, прошедшая испытания на прочность и верность во время кризиса после дела об убийстве Маттеотти. Со временем они стали дружить домами, и дружеские отношения увенчались помолвкой старшей дочери Эдды с сыном Чиано, Галеаццо. Он был далеко не первым претендентом на руку и сердце Эдды, которой исполнилось тогда восемнадцать лет. Незадолго до помолвки у нее был романчик с сыном романьольского промышленника Орсо Манджели. Молодые люди познакомились во время путешествия по Испании и встречались на даче в Риччоне. Как-то вечером молодой человек медлил, не уходил, испытывал, по всем признакам, большое смущение. В конце концов он попросил Муссолини-отца поговорить с ним с глазу на глаз.

Как бы между прочим он задал вопрос о размере приданого Эдды. «Ее приданое? — переспросил удивленный Бенито. — У моей дочери ничего нет, как нет ничего у меня!» Посрамленный воздыхатель удалился и больше не показывался. Муссолини, к огорчению Эдды, не пускал больше жениха на порог...

Муссолини благосклонно отнесся к помолвке Эдды и Галеаццо Чиано. Свадьба была назначена на 21 апреля 1930 года. В канун дня рождения Рима. В честь свадьбы состоялся прием; по этому поводу в дневнике Ракеле записано:

Вся вилла Торлония была украшена цветами и походила на большую оранжерею. Замужество Эдды казалось

мне почти невероятным событием. Настолько моя дочь была еще молода! До сих пор она была ребенком. Спортивная, независимая, излучавшая жизненную силу, Эдда казалась недостаточно взрослой для замужества. Церемония бракосочетания должна была состояться через два дня. На приеме присутствовали видные итальянские и зарубежные деятели, весь дипломатический корпус. Обращаю внимание на жену дипломата из России: она буквально усытана драгоценностями, на ней дорогая меховая накидка, которая, наверное, должна напоминать о далекой снежной Московии здесь, под нашим теплым весенним солнцем. Не прекращается поток цветов и подарков. Прислуга говорит мне, что уже некуда ставить букеты, я посылаю четыре автобуса, доверху заполненные цветами, в церковь и на военное кладбище Верано. Перед началом приема мы сфотографировались в саду: я, Белито и пятеро наших детей.

24 апреля 1930 года

В церкви Сан Джованни на Номентане был совершен обряд бракосочетания. Свидетели со стороны Эдды — принц Торлония и заместитель государственного секретаря Дино Гранди. Присутствовали самые влиятельные политические деятели Италии, все родственники и друзья. Всего около четырех тысяч человек. Но мое внимание сосредоточено на бледном лице Эдды, я смотрю на нее со смешанным чувством любви и печали, потому что знаю: я теряю ее, по крайней мере в главном. Мне приходило на память все ее детство; тогда, еще совсем крошкой, она была единственной опорой в нашей беспокойной жизни. Я чувствую, что не могу молиться всем этим многочисленным мадоннам, улыбающимся мне из золотых окладов. Я только шепчу: «Господи, сделай так, чтобы она была счастлива». Бенито тоже взволнован. Я чувствую это по глубокой вертикальной морщинке, пересекающей его лоб. Он все время ищет мой взгляд, и мы понимаем друг друга.

Через несколько месяцев Галеаццо был назначен консулом в Шанхай, и молодая чета уехала в Китай. С годами любовь Бенито к старшей дочери, столь похожей на него, становилась все сильнее. Но вести от молодых супругов доходили до Рима медленно. В 1931 году на свадьбе сестры Галеаццо с доктором Маджистрати появился друг семьи дуче — великий инженер Маркони. Он объявил приятное известие: «Скоро я предоставлю возможность поговорить с Эддой в Шанхае». Ракеле смогла оценить гений этого великого изобретателя в применении к практической жизни, когда, благодаря ему действительно смогла поговорить с Эддой, которая ждала ребенка, и возможность пообщаться с нею через тысячи километров была большим утешением и радостью.

Несколько месяцев спустя, 1 октября 1931 года, Бенито прибежал в комнату с телеграммой в руке: «Мы состарились, Ракеле, теперь мы — дедушка и бабушка!» — «Как?» — «Ну да, у Эдды родился сын! Фабрицио!»

Но это была лишь одна часть его жизни — семья. Другая была за оградой виллы Торлония. В палаццо Венеция, в разъездах, везде, где был слышен его голос... И где его слушали...

• • •

На события и личности Муссолини смотрел только с одной позиции: насколько все выгодно ему. Правда, в публичных выступлениях он слово «я» умело заменял на слово «Италия», и все получалось громко и гладко. Во всем он считал себя первым и главным. На первых порах даже во взаимоотношениях с Германией. «Если немцы хотят избежать непростительных ошибок, то они должны смириться с тем, что правильный путь указывать им буду я. Нет никаких сомнений, что в политике я разбираюсь лучше, чем Гитлер» (дуче это не доказал, уйдя из жиз-

ни вместе с Пстацчи на двое суток раньше фюрера и Евы Браун).

Но в начале 30-х годов он мыслил, а иногда и высказывался с позиций приоритета, единовластия на Олимпе итальянского фашизма. А в мире было два Александрийских маяка — Он и Гитлер. (Но Он все-таки раньше, выше и ярче.)

Лишь одну опасность видел перед собой Муссолини — это опасность мирового коммунизма. «Я всегда считал, что только сломив гордыню большевизма (и это еще до марша на Рим в октябре 1922 года), фашизм станет бдительным стражем нашей (европейской) политики. А Италия (пусть пока) монархическая, займет достойное ее престижа, блеска и истории место в Европе и мире».

Что же касается короля, династии Савойских, у Муссолини было свое определенное мнение. Савойские, плохие или хорошие — это не имело значения, — они устраивали Муссолини, ибо в конечном счете заискивали перед ним, служили его целям. А он, Муссолини, «правильная натура», не спешил с переделкой конструкции, думал о величии Италии в рамках новой Великой Римской империи, с видимым уважением относился к Ватикану, церкви и королевской династии Савойских.

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО ЧЕРЕЗ НАСТОЯЩЕЕ В БУДУЩЕЕ

Савойские. С гербом и без...

С герцогом Амедео д'Аоста — представителем интересов династии Савойских в Риме — я знаком многие годы. С известным итальянским фотокорреспондентом Марко Спада, создающим фоторепортажи о главах всех царствующих и нецарствующих династий,

имел честь обедать с герцогом в его фамильном поместье под Ареццо, примерно в 70 километрах южнее Флоренции.

Бывший морской офицер, высокий, статный, большой поклонник традиций всех флотов мира (включая и российский), герцог д'Аоста — один из лидеров монархического движения в Италии, хотя в реальность и, больше того, в необходимость восстановления монархии на Апеннинах давно не верит. Но он вынужден выполнять все почетные функции «связующего звена» Савойских в Италии, быть представителем большой королевской семьи, не являясь прямым наследником по бывшей правящей ветви, для которой в конституции Италии есть статья 13. Она запрещает монархам, их детям и внукам (не указано до которого колена, но только по мужской линии) находиться на территории Италии.

Герцог Д'Аоста с точностью «незаинтересованного историка» рассказал мне, как 2 июня 1946 года (без его участия) монархисты проиграли, собрав 45,7 процента голосов (10 719 тысяч бюллетеней — за монархию; 12 717 тысяч — за республику; 1,5 миллиона листов для голосования были признаны недействительными). Не помогло монархистам, что они всего три года назад предали Муссолини и победили в войне.

12 июня в Квиринальском (прежде королевском, ныне президентском) дворце состоялся последний ужин Умберто II Савойского и его супруги Марии Жозе. Караул несли кирасиры полковника герцога Джованни Сфорца (миланский род) и гренадеры из «малой гвардии».

13 июня во второй половине дня король с семьей и свитой отправился на аэродром в Чампино, где его ждал самолет. Лайнер сделал прощальный круг над Римом и улетел по открытому коридору в Португалию.

Минуло более чем полвека. Нет ни одной европейской страны, кроме Италии, куда бы в той или иной

форме не вернулись наследники (близкие и дальние) бывших монархических династий. Последний пример Италии подала Австрия, «реабилитировавшая» Габсбургов, и, видимо, весьма успешно. Но исторических аналогий проводить не следует. Развал австро-венгерской империи и падение династии Габсбургов в 1918 году были результатом поражения Вены в Первой мировой войне. Крах Савойских в Италии — не прямой результат разгрома фашизма Муссолини во Второй мировой, а следствие постепенного «полевения» Италии, отказ от репрессивных методов руководства итальянским обществом, результат демократизации страны. Но следы последнего короля из династии Савойских Умберто II, правившего всего 34 дня, и его супруги Марии Жозе, так называемой «майской королевы» или «королевы одного месяца» (она жива по сей день), не выпадали из поля зрения историков, итальянских политиков, как республиканцев, так и монархистов, привлекали внимание исследователей, все еще отрабатывающих свое отношение к влиянию монархов из династии Савойских и их наследников на развитие вчерашнего (55 лет назад) и сегодняшнего положения на Апеннинах.

Так или иначе до сих пор родина пока не пустила обратно бывших суверенов и их наследников.

А ведь речь-то идет реально о судьбе всего... двух физических лиц: 60-летнего принца Витторио Эмануэле и его сына, пока холостяка, все собирающегося жениться, 27-летнего Эмануэле-Филиберто — прямых наследников монархов по мужской линии. Женщинам Савойских, начиная с «майской королевы» Марии Жозе, жившей в Мексике, а теперь в Швейцарии, ее дочерям — Марии Габриеле (58 лет), Марии Беатриче (55 лет) по домашнему прозвищу Титти и младшей Марии Пия, а также невестке Марине Дориа (62 года) — было разрешено вернуться в Италию уже в начале 90-х годов. Но гордая италобельгийка Мария Жозе, нахо-

дившаяся в номере-люкс 614 брюссельского отеля «Ру-аяль Виндзор», ответила, что вернется в Италию только вместе со своими мужчинами, и этой позиции не изменила в свои преклонные 95 лет...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МАРИИ ЖОЗЕ — «МАЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ» И ЗАПИСИ О НЕЙ

— Я была третьей дочерью бельгийского короля Альбера I и королевы Елизаветы. Детство прошло в двух шагах от Брюсселя, в королевском замке Ласкен. Последний раз побывала в Брюсселе в 1993 году на похоронах племянника — короля Бельгии Бодуэна. Собралась вся большая семья.

Врачи не рекомендовали Марии Жозе отправляться в Европу, но экс-королева пренебрегла этим советом. «Долг сильнее...»

— Для «майской королевы», обладающей удивительным спокойствием и выдержкой, это было явным перенапряжением, — говорила дочь Титти. — Но мама сумела все выдержать, только курила больше обычного («стаж» курения более 70 лет).

Хранительницей архивов и всех сведений о Савойских считают Марию Габриэлу, которой отец, король Умберто II, передал все важнейшие документы семьи и итальянского государства.

• • •

Все Савойские считают себя литераторами, веди и ведут дневниковые записи, но публикуют лишь немного и редко. Мария Беатриче вела дневники в Мексике, когда рядом была Мария Жозе, но сейчас это занятие ей наскучило, хотя работу над книгой об Амедео II — первом короле Савойских в Королевстве Обеих Сардиний она не прекратила. Особое удовлетворение доставляют сведения о том, как ведет любовные дела

племянник — принц Эмануэле-Филиберто, а также о том, как его отец Витторио продал на Восток 600 вертолетов. Наследные принцы, правда неправящих династий, не брезгают торговлей, в данном случае авиационным бизнесом (особенно Савойские прежде уважали фирму «Фоккер»).

Но главные записи о матери. Когда Мария Жозе приехала в Брюссель, ей прислуживали мексиканцы Марта и Хорхе. Они носили по комнатам в отеле огромную корзину с цветами. В них была воткнута изысканная королевская визитная карточка от короля Альбера и его жены — итальянки из Калабрии Паолы. Вот надпись на карточке: «Дорогая тетя! Добро пожаловать!» «Вспомнили, что я — тетя бельгийского короля, — радостно заметила Мария Жозе, никогда ранее не видевшая ни Альбера, ни королеву Паолу. Встреча состоялась в центре Брюсселя.

А что же Мария Беатриче? Она вместе с супругом — аргентинским дворянином дипломатом доном Луисом Рейна Корваланом вернулась в Мексику и мечтает совершить путешествие в Россию. Оставшиеся годы она готова прожить только в Нью-Йорке.

Но вернемся вновь к «майской», или 34-дневной, королеве. Мария Жозе прожила четыре года в Мексике у младшей дочери Марии Беатриче, затем неожиданно, не предупредив даже Марию Беатриче, переехала к другой дочери — Марии Габриеле в виллу под Женовой на берегу озера, где за ней преданно ухаживает мажордом Алонсо. На коленях Марии Жозе удобно устроился пес — барбончино по кличке Мими. Мария Жозе на черной легкой каталке часами просиживает у окна перед балконом, рассматривает экзотические растения в саду. Третья дочь Марии Жозе — Мария Пия «держит нейтралитет» и редко пишет матери из Парижа.

— Больше всего люблю путешествовать, — утверждает экс-королева. — Страсть к путешествиям у меня в крови. Моя мать королева Елизавета Бельгийская в

75 лет посетила Россию и Китай. Мой отец Альбер I исследовал течение Амазонки. А я? Мне тоже довелось поездить и полетать. Знала я и страсть Савойских к автомобилям. С 1899 года монархи Савойские первыми среди суверенов сами сели за руль автомобиля в Кастель Порциано. (Сохранилась фотография, сделанная по распоряжению Умберто I адвокатом, впервые снимавшим в 1898 году Туринскую Плащаницу. Реликвия христианского мира принадлежала тогда Савойским.)

— Летать на аэроплане начала в десять лет, еще до Первой мировой войны. Отец, бельгийский король Альбер, пустил меня в кабину самолета и велел запустить мотор. Все дрожали от страха. Кроме меня, — говорит 95-летняя Мария Жозе.

Из «исторических» воспоминаний «майской королевы» в газеты и журналы изредка попадают ее несистематизированные «интервью» о временах Второй мировой войны, когда она и супруг были готовы начать сепаратные переговоры с англо-американцами за спиной короля и Муссолини. Еще в 1942 году наследный принц Умберто и Мария Жозе в Ватикане зондировали пути выхода из войны, и удивительно, что их никто не выдал. Знал о настроениях Марии Жозе и муж старшей дочери Муссолини — министр иностранных дел граф Чиано. На всех допросах и на встрече с дуче он ни разу не упомянул имя Марии Жозе.

Самой верной подружкой Марии Жозе была в течение тех лет и последней четверти века Жанин Роша. Теперь ее нет, и экс-королева до сих пор переживает утрату.

«Это — моя главная боль после ухода из жизни в 1983-м супруга Умберто... А ведь мы столько сделали вместе! А сколько еще могли бы сделать? Вы знаете, мы даже замыслили убрать Бенито Муссолини в 1943—1945 годах. И сделали бы это, если бы... история распорядилась иначе. Но история — хозяйка времени и мира. Она решила иначе...»

История с арестом Муссолини 25 июля 1943 года на вилле Савойя рассказывается за прошедшие почти пятьдесят семь лет всегда по-разному. Одни говорят, что это был заговор, в котором участвовал и король, предавший дуче. У других более спокойное мнение: король знал, как и сам дуче, о готовящемся заговоре заранее, не менее чем за две недели, но ни тот, ни другой ничего не предпринимали. Король выжидал и, конечно, не был готов, что арест Муссолини произойдет именно на его вилле, сразу после их конфиденциальной встречи и последнего объяснения. Король, прощаясь, тепло пожал руку дуче и вряд ли кривил душой: он не был актером. Но факт остается фактом. Дуче был арестован на королевской вилле.

Ракеле в своих дневниках в записях от 25 июля 1943 года вела повествование сумбурно, без политических оценок, не анализируя позиций сторон и тем более ни в чем не обвиняя и не упрекая короля. Она словно фотографировала события, следила за всем каким-то мечущимся взглядом. Вот ее изложение цепи событий.

Утром 25 июля я проснулась после короткого беспокойного забытья. Муссолини уже был на ногах. Пришел доктор Поцци, чтобы сделать укол. Бенито отказался. Он очень спешил. Пскинул виллу Торлония, отправился в палаццо Венеция.

В обед Бенито объявил, что во второй половине дня поедет к королю. Мы не имеем права нарушать договор с Германией, идти на перемирие, как того желает Большой совет. Король даст полномочия, чтобы задержать предателей.

Он уехал. На вилле Торлония не прекращали звонить телефоны. Часов в шесть вечера приехали автобусы и забрали всю охрану, оставив лишь одного полицейского и двух телефонисток. Все — без оружия. Вилла Торлония оказалась незащищенной. Здесь поднялся невероятный хаос. Проникали какие-то люди, что-то кричали. Какая-то

странная женщина рассказывала о Кларе Петаччи — любовнице дуче.

Волнение усиливалось. Слава Богу, что дети были в Риччоне, и опасаться приходилось пока только за судьбу Муссолини.

Только через два дня принцесса Мафальда де Ессе по большому секрету сообщила, что Бенито жив и здоров, но появится, видимо, нескоро. Он арестован.

Затем на виллу Торлония въехало сразу несколько бронемашин с солдатами. «Мы должны провести обыск, — объяснил офицер и добавил: — Здесь, наверное, много разного добра. Надо проверить и увезти». (Куда — не уточнил.)

А дальше офицер поразил жену Муссолини словами: «Сегодня утром в Милане арестован» супруга Муссолини. Собиралась бежать в Испанию с чемоданами, полными мехов и драгоценностей...»

Ракеле только улыбнулась и сказала офицеру: «Ищите, и вы здесь много найдете мехов. Даже бегающих и живых...»

Другие версии исходили от многих, кто был участником или отдаленным свидетелем событий конца июля 1943 года, и поэтому основная линия обрастала самыми невероятными деталями. Они придавали благородство поступкам одних, отражали предательство, отречение, продажность других. Но при всех вариантах проигравшим был один: Муссолини.

Вот как описывает эти события английский журналист Кристофер Хибберт — участник боев за освобождение Италии. Его изложение фактов и аргументация обоснованны и достоверны, но нельзя, на мой взгляд, в документально построенном произведении «кавычить» прямую речь и додумывать за двух политических деятелей — за Муссолини и за короля, — которые говорили между собой с глазу на глаз и не вели стенограмм или «записей беседы». Описание Хибберта выглядит правдоподобно и логично. Главный же

итог известен: Муссолини был арестован. Король чувствовал себя неловко. И потому, что все произошло на его вилле «Савойя».

«Мой дорогой дуче, — говорил король. — Дела идут совсем не так хорошо. Положение очень серьезное. Италия лежит в руинах. Армия полностью деморализована. Солдаты не желают воевать. Альпийские стрелки начали петь песни о том, что больше не собираются сражаться за Муссолини. А вместо припева кричат: «Покончим с Муссолини, погубившим солдат-альпинистов».

«Тогда все кончено, — прошептал трижды Муссолини и уже громко произнес: — Если ваше величество так считает, я представляю заявление об отставке». На что король ответил: «Я безоговорочно приму Вашу отставку с поста главы правительства».

Далее Муссолини покинул виллу уже не со своей, а с «чужой охраной». С ним сели в машину офицер, три карабинера и двое полицейских с автоматами. Все были в штатском. Муссолини и не пришло в голову, что он арестован... Через полчаса он уже понял все...

Но к этим событиям июля 1943-го мы еще не раз вернемся.

МОСТЫ ВРЕМЕНИ. СОКРОВИЩА ИТАЛЬЯНСКОЙ КОРОНЫ

Из всех неправящих династий в Европе самой богатой, но не использующей свои сокровища из так называемых «моральных и этических соображений» остается династия Савойских. История такова: король Умберто II 5 июня 1946 года приказал министру королевского дома Фалконе Лучиферо забрать из сейфа № 3 Королевского дворца все драгоценности и положить эти богатства в «Банка д'Италия» на римской улице Национале. При этом он сопровождал приказ та-

ким замечанием: «Эти богатства принадлежат не мне, королю Италии, а всей исторической королевской семье Савойских. Это — запас прочности короны. И я не имею морального права вывезти его из Италии».

Теперь эти сокровища оцениваются во многие миллиарды лир. Вот их «скромный перечень», составленный министром Лучиферо: 12 900 бриллиантов, 2000 жемчужин...» И далее: «Только в одной диадеме блистали 541 бриллиант и были заложены 72 жемчужины; в двух золотых браслетах — 940 бриллиантов. В двух колье 664 бриллианта, брошь-полумесяц с 98 бриллиантами, заколки с 60 бриллиантами...»

Возникает вопрос: почему об этих богатствах, хранящихся в центре Рима, никто не знает, почему за минувшие полвека не писали о них журналисты, не организовали ни одной «познавательной выставки», которые так любят в Италии? И наконец, знал ли обо всех сокровищах Муссолини?

Вопросов возникает множество, но ответ очень короток: итальянское государство не пыталось конфисковать это королевское имущество, а семья Савойских не требовала их возвращения и пересылки к себе за границу, перевода средств в швейцарские банковские сейфы и т.д. Муссолини о сокровищах короны знал. Де-факто эти богатства принадлежат Италии. И они — в Италии!

О де-юре спор не ведется и никогда не начинался. Хотя де-юре это богатства итальянской короны.

Все оставалось на своих местах, даже страховка на ценности выплачивалась лондонской компанией «Ллойд» по договору от 1900 года, когда его подписал еще Умберто I незадолго до гибели от руки анархиста в Монца...

НОЧНОЙ ЗВОНОК

...В четверг, 11 декабря 1997 года в 5 часов 45 минут зазвонил телефон в небольшой квартире в Нью-Йорке на Манхэттене. Там в течение двух недель находился «наследник престола» — принц Витторио Эмануэле с женой Мариной Дориа. Звонили из Рима. На другом конце провода — национальный секретарь Итальянской монархической федерации Серджо Боскиеро. Он сообщил: «Ваше высочество! Блестящая новость! В парламенте проголосовали за ваше возвращение в Италию. В палате депутатов «за» 316 голосов из 630; в сенате 163 голоса из 315 в вашу пользу!»

Оставалось добавить: «Едем, возвращаемся!» Но этого пока не последовало. Где-то в Швейцарии вблизи итальянских границ находится с друзьями внук последнего короля Умберто II, перед своей виллой в Женеве раскатывает на мотоцикле предприниматель Витторио Эмануэле; готова поделиться воспоминаниями Мария Жозе — последняя итальянская королева... Но в чем помеха? И откуда она взялась, эта помеха?

Об истинной сути помехи говорить не принято. Никто не знает, какие будут политические последствия от возвращения Савойских в Италию, где монархисты не утратили свои корни. А видимые предлоги — «тормоза» выставляются самые разные. Например, в Риме ждут, что Савойские вернут стране пропавшие архивные документы, вывезенные за границу в 1946 году. Особенно интересуют материалы 1918—1945 годов — период Муссолини, колониальные захваты, роль Италии в начале Второй мировой войны, завершение войны на стороне союзников и т.д. Только, мол, Савойские знают, как «ломались карты», Италия переходила из одного стана в другой...

Но документы эти по неизвестной причине исчезли. То ли часть их «потеряла» в Женеве дочь Умберто II Мария Габриэла, на которую возлагалась ответ-

ственность за сохранность архивов, то ли их уничтожил сам экс-монарх Умберто II, считая их «никому не нужными»... Ответы на эти вопросы отсутствуют, хотя, по мнению социологов, они помогли бы залечить «исторические раны», ускорить отмену статьи 13 Конституции и дать возможность Савойским официально вернуться на территорию Италии. Принц Витторио Эмануэле по-прежнему пишет послания в Рим, рассчитывает получить дозволение вернуться в столицу, но воз (коли нет кареты) и поныне там же, в Швейцарии, откуда и близко, и далеко до Италии. Близок локоток, но...

О прадеде принца Витторио Эмануэле III в семье ходят легенды. Ему ставят в особую заслугу факт долголетия (44 года) на итальянском троне и то, что он — третий в Европе (после королевы Виктории в Англии и Франца-Иосифа в Австрии) по времени пребывания на престоле. Старику в семье прощается все: и все несчастья, в которые вместе с Бенито Муссолини он вверг итальянский народ, и назначение дуче первым фашистским премьер-министром, и расправа с демократическими принципами, и запрет политических партий, и африканские походы, захват Албании (вместе с короной), агрессия против Эфиопии, Греции, Югославии, пакт с Германией и Японией, вступление во Вторую мировую войну на стороне Гитлера...

СВЕДЕНИЯ ИЗ АРХИВОВ САВОЙСКИХ, КОТОРЫЕ ХРАНИЛИСЬ В СЕЙФЕ БЕНИТО МУССОЛИНИ

Род Витторио Эмануэле III Савойского восходит к двенадцатому веку, сам же король родился в Неаполе 11 ноября 1869 года. 11 августа 1900 года, когда он появился на борту яхты «Ела» («Елена». Так же звали его супругу — дочь короля Черногории), он узнал о трагической смерти отца Умберто I, стал королем Ита-

лии, присягнул на верность народу и сенату. Как считают многие биографы Витторио Эмануэле III, он мог бы в равной мере быть и «легким королем», и «ретиным социалистом», и «покладистым республиканцем». Но он стал тем и получил то, на что был обречен историей, а для Муссолини — просто предателем. 9 мая 1946 года он окончательно отрекся от престола в пользу сына Умберто и выехал на пароходе из Неаполя в Египет, в Александрию, где и скончался от тромбов 28 декабря 1947 года на руках супруги — экс-королевы Елены. (Был захоронен в кафедральном соборе Святой Екатерины в Александрии.)

Уинстон Черчилль оставил о короле Италии такую строку: «Нельзя сказать, что Витторио Эмануэле для нас — ноль. Его имя дискредитировано. Он слишком долго поддерживал Муссолини...»

В остальном Витторио Эмануэле III был сложной политической фигурой. Он не имел друзей и не искал ничьей дружбы. Сумел воспитать сына в королевском духе. Это был «принц, наполненный шармом, красотой, элегантностью». А еще, страдая от страсти ко всему грандиозному, он любил видеть сына на коне, во главе 92-го пехотного полка. И вообще его понимание красоты сводилось к фразе: «Легко сойти за умного, если ты красив, молод и богат». Эту фразу о короле и принце повторял дуче.

От своих родственников король требовал безоговорочного подчинения. Он не терпел никаких скандалов, шуток, сплетен, анекдотов. Женщины в доме Савойских и прежде не имели права на собственное мнение. Витторио Эмануэле III не ломал этого правила, но своей супруге Елене позволял высказывать любые критические слова.

ДИКТАТОРЫ ИЗ «КОСТЮМА ЦЕЗАРЯ»

В интервью международным журналистам Бенито Муссолини как-то изложил свой взгляд на роль политического лидера, главы правительства (он предпочитал называть себя главой правительства, кабинета, но никак почему-то не премьер-министром), главы государства. Оказывается, «лидер не может иметь ни равных, ни друзей и никого он не должен отмечать своим доверием». А если попадался очередной друг-«халиф», то «на час»... В советах он не нуждался, чужое мнение воспринимал придирчиво, предвзято, с недоверием, считал, что каждый собеседник преследует свои интересы, идущие в противовес его собственным. И он был недалек от истины. Но не так ли мыслили и другие диктаторы на Западе и Востоке? От Гитлера, Сталина до Мао Цзэдуна. Все они из «костюма» Цезаря. Только одинаковые по сути костюмы шились по-разному...

Во всем Муссолини желал видеть дисциплину, которая, по его мнению, в государственном масштабе могла бы легко заменить мозги (чужие, конечно). От чисток внутри административного аппарата он отказался, полагая, что «чистки» не расширяют, а сужают основу власти. Фашисты часто торопили события, сетовали, что их люди к 1925—1926 году составляли всего 15—17 процентов в госслужбах. Муссолини выслушивал эти «кадровые жалобы» и успокаивал: «Те, кто нам не нужен, отпадут сами по себе, как осенние листья. Зачем напрягать мускулы и порождать врагов? Мы сделаем так, что все окажутся или в наших рядах, или вместе с нами. И приказ будет не формальным, чем-то обязывающим только выполнять, а внутренней потребностью безоговорочного подчинения человека, не допускающего обсуждений, исключаящего всякие сомнения. А если это не прививается, то «клиенту» необходима хирургическая операция, и ничего страшного, если в результате последует летальный исход.

Дисциплина — как религия, отступников не прощает, сомнения выкорчевывает. Вспомните даже великих Савонаролу, Галилея, Джордано Бруно и многих других. Как с ними расправилась церковь. Почему государство должно поступать иначе?» В конце 1925 года один парламентарий слегка пошел против Муссолини, против присвоения ему титула «главы правительства» и сразу был «поставлен на место»: осужден на пять лет тюремного заключения. Могло быть и хуже: он ведь посягал на честь и достоинство главы правительства.

Под главу правительства подстраивались все службы, законодательство, исполнительная и судебная власть. Фашизм проповедовался как главный фактор, определяющий устроения людей XX и последующих веков, а первое двадцатилетие должно было заложить огромные камни фундамента не только новой «Великой Римской империи», но и всего мира. Ни больше, ни меньше. Но при закладывании «камней» никто не должен быть рядом. Если чья-либо репутация начинала расти и заслонять даже частично Муссолини, новую популярную личность быстро делали непопулярной. Козлов отпущения или кандидатов в «надутые шары», из которых выпускают воздух, в Италии всегда легко и умело находили. Сам же дуче должен был оставаться непогрешимым.

Правда, одного никогда не умел Муссолини — это подбирать «нужных людей», которых он менял «как перчатки». На международной арене диктаторов — «злых гениев», способных, как Муссолини, бездарно заниматься подбором кадров, в ту пору не было, и так могло бы продолжаться до конца XX века. Он быстро научился оценивать и ценить разную лесть и сразу принимал в штыки тех, от кого веяло внутренней силой, духом противоречия, чувством собственного достоинства. Когда в 1926 году, видимо подражая Наполеону, Муссолини решил учредить Итальянскую академию для координации и направления итальянской

культуры (кто только из диктаторов и «демократов» не занимался безуспешно этой сложной формой деятельности: и Сталин, и Мао, и Хрушев, и Брежнев, и другие), первую «шеренгу академиков» выстроил он сам. Но когда академики, включая известного драматурга Пиранделло, осмелились обратиться к дуче с просьбой подобрать достойных членов в свои отделения, Муссолини немедленно выразил свое несогласие. А Эйнштейна через несколько лет он открыто назвал мистификатором, агентом коммунизма, упрямым евреем и шпионом. Кое-что из этого «набора» определенных, возможно, имело отношение к гению, но в очень малой степени. Отрабатывалась одна знакомая «научная позиция»: все открытия во всех областях первоначально делались в Италии и итальянцами, а уже затем расходились по всему свету. Понятно, как и почему инженер Маркони стал одним из «приближенных от науки» Муссолини.

На внешней арене Муссолини, беспрестанно делая агрессивные заявления, хотел выглядеть «миролюбцем», который вынужден отбиваться от тех, кто на него нападает. Кто-то сказал, что собаку обвиняют за то, что она укусила, но почему не узнать причину? Может быть, на собаку замахнулись палкой, и она так отреагировала? Так что не ходите по дорогам Европы с палкой, вблизи от границ или вдали от Апеннин. Муссолини даже желал за свое миролюбие (в частности, на Локарнской конференции) получить Нобелевскую премию мира. Не дали. Потому что «не поняли величия» дуче. Но это не помешало Чемберлену, министру иностранных дел Англии, назвать Муссолини «замечательным человеком, работающим не покладая рук для величия своей страны».

Супруга Чемберлена вышагивала в жакете с фашистским значком на лацкане. Уинстон Черчилль, приехав в Италию в 1927 году, не скрывал своих настроений и заявил, что «если бы он не был иностранцем, то с удовольствием бы надел и не снимал с себя черной

фашистской рубашки». Позже Черчилль развил это свое заявление на пресс-конференции: «Муссолини печется только о подлинном благе своего народа, а все остальное не имеет для него никакого значения. Если бы я был итальянцем, то беззаветно бы последовал за вами с начала до конца в триумфальной борьбе со все пожирающим, неукротимым ленинизмом».

Муссолини пели льстивые «песни» Ллойд Джордж, Франц фон Папен, Бриан, называвшие дуче «великим государственным деятелем», «величайшей политической фигурой, личностью XX века». Кое-кто пытался, к удовольствию Муссолини, сравнивать его с Наполеоном, а фашизм называли «образцовой формой государственной власти». Но из всех лидеров выделялся Черчилль, начавший переписку с Муссолини в 1926—1927 годах и в 1943 году нацеливший отдельные службы своей разведки на поиски этих писем. Некоторые послания Черчилля были найдены и вывезены в Лондон, где они исчезли бесследно...

Муссолини и итальянская промышленность, гражданская и военная, делавшая гигантские шаги, находились, понятно, в поле зрения иностранных разведок, как союзной германской, так и противника — англичан, французов, американцев и других.

Но и спецслужбы итальянских фашистов были активными участниками этой сложной игры. «У кого больше и лучше работает разведка, тот ближе к будущей победе», — говорил Муссолини, и Италия модернизировала производство оружия, делая упор на обновление флота, авиации, бронетанковых сил и артиллерийских орудий.

Муссолини утверждал, что и сам он был близок к разведслужбам. Был или не был, не доказано, но он якобы несколько раз встречался с самой Мата Хари (только в 1999 году были обнаружены документы, в соответствии с которыми у супершпионки были два любовника-итальянца, но, не исключено, был и третий. Им якобы мог быть молодой Бенито Муссолини.

О связях Муссолини с Мата Хари упоминал Хемингуэй. О Мата Хари дуче говорил в 1930 и 1943 годах в самых разных контекстах. Они оба рождены под знаком Льва. Даже самые «слабые» Львы обладают притягательным излучением, которое наполняет и вдохновляет всех, кто оказывается в их поле влияния*.

Даже в последний миг перед смертью Мата Хари влияла на тех, кто должен был нажать на курок винтовки.

Из расстрелявшего Мату Хари отделения солдат жив еще один сержант-парижанин. Старый воин охотно раздает интервью журналистам и заявляет, что уверен — не его пуля поразила красавицу-шпионку: он якобы стрелял выше чудесной головки и шеи, на которую был брошен голубой шелковый платок.

Но вот некоторые сведения из других, более официальных источников.

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ. МАТА ХАРИ, КАКОЙ ЕЕ ЗНАЛ ДУЧЕ

Ми-5 — британская секретная служба (Military Intelligence section 5) раскрыла специальное досье из 450 страниц, державшееся в тайне более восьмидесяти лет и составленное на голландско-немецкую шпионку времен Первой мировой войны Мата Хари.

В хороводе любовников-агентов, разведчиков, информаторов, доверенных лиц, друзей, прошедших через «покои» ловкой шпионки, — целый «интернационал». Долгое время считалось, что среди любовников Мата Хари, как ни странно, не было ни одного итальянца.

---

* Среди Львов помимо Бенито Муссолини — Наполеон, Альфред Хичкок, Генри Форд, Альфред Крупп, Вальтер Скотт, Джон Голсуорси, Ги де Мопассан, Бернард Шоу и многие другие великие люди, включая Фиделя Кастро...

янца. И вот только теперь обнаружались итальянцы. Римский антиквар Рауль Толентино и армейский офицер, капитан, позже профессор Мариани. Последнему якобы принадлежит фраза: «Душа радуется от сознания, что ты был любовником великой шпионки и не был расстрелян вместе с нею и после нее...» О дуче в качестве любовника — ни слова.

Как попал в эту компанию будущий лидер фашизма, неизвестно. Но по дням сходится: дуче и Мата Хари были в одно и то же время в Швейцарии, Франции и Австрии. Так что все теоретически возможно, и нет оснований не верить самому дуче.

Тем более что Муссолини имел ошеломляющий успех у женщин разного возраста, различных социальных кругов и вкусов. Он их принимал и в шляпках с фиалками, и без, в роскошных платьях и в скромной рабочей одежде. И, думается, что ни он, ни она, если их встреча была возможна, не упустили бы шанса познакомиться поближе в одном из отелей Женевы, Цюриха или Мюнхена. Но это дело других историков и писателей. Мы же лишь кратко напомним историю Мата Хари.

Мата Хари — стройная, брюнетка. Она сочинила для себя биографию, которую иногда меняла, но старалась не повредить авантюрную канву.

Ее подлинное имя и фамилия — Маргарет Гертруда Зелле, или Целле, родина — Голландия. Родилась в очень благополучной бюргерской семье; отец был шляпочником. В девятнадцать ей удалось заполучить в мужья капитана колониальных войск, вместе с которым она отправилась в Индонезию, где испытала непреодолимое влечение к сильному полу. Она настолько этим увлеклась, что ее муж, капитан Кэмпбелл Маклид от тоски и ревности стал впадать в сплошные запои. Развод был оформлен быстро.

Маргарет собрала свои нехитрые пожитки и отправилась в Париж. Она подобрала себе новые имя и фамилию — Мата Хари, что в переводе значит «Дневное

око». Мата Хари сняла номер в роскошном Гранд отеле, где останавливались только очень богатые люди. После нескольких мимолетных любовных приключений она нашла того, кого искала. Богатый лионский фабрикант Гуимэ в одном из великосветских салонов собрал изысканное общество, перед которым и выступила со своими танцами Мата Хари.

Успех Мата Хари был ошеломляющим. И она пошла кочевать по салонам, концертным залам. Она, наверное, первой в мире показала поклонникам стриптиз. Ее танец с покрывалами завершился тем, что она оказывалась в финале совершенно обнаженной.

После фабриканта Гуимэ был шоколадный король Менье, потом наступила очередь наследных принцев, министров и генералов.

Естественно, на нее не могли не обратить внимание немецкая разведка и французское разведывательное ведомство. Мата Хари завербовала сотрудница немецкой секретной службы Шрагмюллер, известная под кличкой Фрау Доктор.

Мата Хари прошла специальную подготовку в разведшколе. Ее обучали тайнам шпионской профессии, а она, как утверждали осведомленные люди, соблазнила начальника школы.

После выпуска из школы для Мата Хари наступила полоса контактов с агентами, сбора сведений и... гастролей. Она снова с успехом выступала, у нее снова появились деньги. Утверждают, что она шантажировала высокопоставленных любовников, добывала шифры, план развертывания французской армии в случае войны, секретные материалы русского генштаба, выведала у влюбленного английского офицера время выхода крейсера с главнокомандующим на борту (он был потоплен немецкой торпедой) и т.д. Специалисты позже проверили перечень «подвигов» Мата Хари, и большинство из них оказались придуманными. Достоверно одно: в апреле 1916 года ее завербовал один из офицеров французской разведки капитан Ладу. Очевидно,

Мата Хари посчитала, что ей по силам такая «двойная работа». Но она себя переоценила. В ее любовниках состояли уже, кроме прочих, шеф берлинской полиции, немецкий и французский военные атташе и, кажется, французский министр внутренних дел. Впрочем, утверждают, что она любила по-настоящему лишь одного человека — русского офицера. Капитана Маслова.

Англичане по чистой случайности приняли ее за разыскиваемую преступницу, а затем предупредили французов, что, по их сведениям, Мата Хари — немецкий агент.

Следствие было длинным.

Мата Хари расстреливали одиннадцать французских солдат — у кого-то из них ружье было заряжено холостым патроном, чтобы каждый из солдат мог считать, что это не он убийца... Она пришла на казнь в длинном платье, в модной тогда широкополой шляпе с вуалью. Отказалась от повязки на глаза и от того, чтобы ей связали руки.

Ее поразили три пули...

ВЕРИТЬ И ПОВИновАТЬСЯ

Муссолини часто вспоминал о Мата Хари и сожалел, что она работала не на итальянскую разведку. Не дотянула.

...Фразы «Муссолини всегда прав» или «Долг итальянца — верить, бороться и повиноваться» повторялись при малейших возможностях. Всем было ясно, что означало «верить, повиноваться»... А вот — бороться? Как и против кого — подскажет дуче... «Дучизм» становился почти религией, но дучизм следовало теперь обручить с католицизмом, определить отношения итальянского государства, Муссолини и Святого престола. Впрочем, их интересы уже во многом шли парал-

лельно и даже пересекались. В Палестине католические деятели заодно с Муссолини выступали против православия и православного патриарха, против англичан, владевших мандатом на территории в этом районе. В Албании и на Родосе католицизм тоже теснил православных.

Папа римский Пий XI легко и быстро умел забывать обиды, наносимые Муссолини на словах. Он понимал, что на следующий день дуче может высказаться совершенно в противоположном духе. И чем чаще Муссолини «подкалывал» папу римского, тем активнее тот искал подходы к дуче, льстил, называл его «человеком, посланным самим Провидением», чтобы «спасти Италию от ереси либерализма». «Пророк Цезаря», второй «Святой Франциск Ассизский»... Кем только тогда не называли, с кем не сравнивали дуче! Муссолини все воспринимал как должное.

Создавался фашистский культ личности. Его высшая точка была достигнута уже в мае 1929 года, когда проходили парламентские выборы. Их результат: 78,47 процента избирателей отдали голоса фашистским спискам. И неважно, что миллионы не опускали бюллетени. Факт остается фактом: всего 135,7 тысячи человек проголосовали «против»... Папа римский предложил 400 своих кандидатов, и его пожелания частично были удовлетворены, особенно в тех случаях, когда позиции фашистов поддерживались католиками. Но в целом папа Пий XI в своих энцикликах называл фашизм «нехристианским действием». Однако это не смущало Бенито Муссолини. Во введении к уставу партии Муссолини, принятому в декабре 1929 года, говорилось, что партия — меньшинство общества, «аристократия духа», стимулятор «к действию в большей степени, чем Рисорджименто». Идея обрастала, превращалась в бурные стремительные потоки вокруг личности лидера — дуче. Вождь не выбирался, он как бы вырастал из недр нации. Словно Нептун из морских глубин.

Но тем временем в Риме сложилось своеобразное взаимозависимое троевластие: король, дуче, Ватикан.

С королевской властью у Муссолини юридические отношения были налажены. Монархизм не был помехой авторитаризму дуче. Для своих внутренних и внешнеполитических планов дуче обладал всем: армией, полицией. В его национальную милицию в начале 30-х годов входило более 300 тысяч человек; в организации «молодые фашисты», созданной в 1930 году, объединились около 380 тысяч юношей и девушек, а к 1932 году их было уже около миллиона. Но все-таки ничто не шло в сравнение с властью над умами католиков в Италии. Муссолини это понимал, и его курс был на установление новых отношений с Ватиканом. Иначе его режим не мог быть долговечным.

12 февраля 1929 года в Зале римских пап при соборе Сан-Джованни-ин-Латерано был подписан важнейший документ — Конкордат, по которому образовывалось суверенное государство-город Ватикан. Определены были отношения между Италией и Святым престолом. От имени короля Италии документ скрепил своей подписью глава правительства, кавалер Бенито Муссолини; от Ватикана — кардинал Пьетро Гаспарри. Конкордат ратифицирован 7 июня 1929 года.

Прошли семьдесят лет, но во взаимоотношениях Италии и Ватикана все остается в общих чертах так же, как проработали Муссолини и П. Гаспарри.

Муссолини всегда стремился подчеркнуть, что он никогда не оказывал давления на Святой престол и более того, не он — Ватикану, а Ватикан ему оказывал поддержку. Избрание же римских пап проходит независимо от светской и юридической власти королей, парламентов, судей; это прерогатива Синода, Святой коллегии. Папа римский себе наследников не назначает, преемников и заместителей не имел и не имеет. Он назначает госсекретаря (премьер-министра) Ватикана, утверждает глав конгрегаций. Все было продумано Муссолини в конце 20-х годов. Все прошло

через его руки. Даже подъезды к Ватикану, собору Святого Петра делались с ведома и при участии дуче.

Но было и другое. После смерти папы римского Пия XI многие заметили, что кардинал Пачелли в июне 1939 года был избран на трон в Ватикане не без помощи Муссолини. Но это — лишь мнения без документального подтверждения. Сам дуче эту «версию» тихо отвел, но позже наблюдатели не смогли не отметить, что дуче неформально контактировал с папой римским, отводил руку Гитлера (впрочем, тоже католика) от Ватикана. Фюрер отдавал секретный приказ арестовать и вывезти в Германию папу римского, а ценности Ватикана и его музеев упаковать и отправить в железнодорожных вагонах в Берлин. Почему этого не произошло? Кто мог противостоять или ослушаться приказа фюрера? Видимо, это мог сделать только один Муссолини, пользовавшийся особым личным расположением фюрера. Но документально обоснованных ответов на эти вопросы пока нет и вряд ли когда-либо будут. Однако история Второй мировой войны нас научила, что некоторые сведения сенсационно появляются и пятьдесят лет спустя...

При этом замечу: ни один папа римский ни раньше, ни теперь, ни, видимо, в будущем не осудит предшественника (нынешний папа римский Иоанн Павел II — 264-й по счету), не отменит предыдущих решений.

...В канун 2000 года в высших кругах Ватикана к вступлению в третье тысячелетие разработаны стратегические мероприятия: еще раз осуждены все диктаторские режимы XX века, вспомнили тех, кто стал жертвой террора и репрессий, — это с одной стороны, а с другой — католическая церковь встала перед дилеммой: или признать свою вину за соучастие в событиях прошлого, или выказать свою непоколебимость, «справедливость», непреклонность, «непогрешимость».

Первыми начали французские католические священники. Они публично просили извинений за позорное

молчание и фактическое потворство коллаборационистам Виши во время фашистской оккупации Франции. В Ватикане ожидали — и не ошиблись: испанские священнослужители также высказались по поводу той огромной поддержки, которую церковь оказала Франко и Муссолини в войне с испанскими республиканцами и в последующий период в течение всего 36-летнего правления «каудильо», вплоть до смерти Франко в ноябре 1975 года. С октября 1978 года, когда Иоанн Павел II поднялся на Святой ватиканский престол, понтифик «беатифицировал» (канонизировал) только в Испании 122 «мученика», погибших во время гражданской войны.

В Германии папа римский неоднократно призывал к возданию почестей тем епископам и рядовым священникам, а также светским лицам, которые в годы фашизма вели борьбу и погибли. Так в 1987 году был возведен в великомученики Руперт Майер; в 1996-м «беатифицирован» священник Бернхард Лихтенберг, погибший в Дахау в 1943 году.

В течение XX века католическая церковь в целом неоднократно «оказывалась грешна», отмечал понтифик, и поэтому христианам-католикам предлагается (не диктуется) признать наличие «*mea culpa*» («моя вина») и стремиться срочно искупить ее раскаянием.

Во время Второй мировой войны фашисты совершали преступления не только против гражданского населения, но и против церкви. В 1943 году в Рим поступил приказ из ставки Гитлера, документ был подписан лично фюрером. Специальным частям СС предписывалось устроить побоище в Ватикане, убить папу римского Пия XII и представить все так, будто бы налет совершен партизанами или диверсантами союзников по антигитлеровской коалиции. Только в последний момент и по неизвестным причинам этот гитлеровский план был изменен, отменен или отложен.

Ожидалось, что до 2000 года откроются некоторые архивы Ватикана и тогда станет известно многое тайное из истории церкви, в частности, времен диктаторского режима Муссолини, о связи церкви с дуче, о переговорах с Вашингтоном, союзниками. Но архивы открыты не были.

Есть еще одна «странная история». В Милане католические журналисты отыскивали всеми забытую Мириам Золли — дочь Израэле Золли, бывшего во время Второй мировой войны Верховным раввином Рима, а в 1945 году принявшего христианскую католическую веру. Он был крещен и в благодарность папе римскому Пию XII (в миру Эудженио Пачелли) за помощь во время войны принял имя Эудженио (Евгений).

Подобных актов «конвертации» на столь высоком уровне еще не знал великий Рим. Золли и его семье угрожали расправой, его имя вычеркнуто из списка римских раввинов. Еврейские газеты обрамляли фотографии Золли в траурные рамки, хотя он жил рядом с римской синагогой на берегу Тибра и умер лишь 2 марта 1956 года.

О Золли евреи «забыли» не случайно. Его перу принадлежала книга «Антисемитизм», странным образом сразу после войны исчезнувшая из всех итальянских библиотек и книжных магазинов. В этой книге Золли писал, что евреи должны выразить глубокую благодарность папе римскому Пию XII за все, что он для них сделал. Это означало и благодарность дуче Муссолини, который действовал «параллельно» папе Пачелли.

И вот что тогда произошло. В октябре 1943 года нацисты потребовали от римской еврейской общины 50 килограммов золота в обмен на сохранение жизней «обитателям гетто за воротами Оттавия». Ватикан, в частности казначей монсиньор Ногара, по секретному распоряжению Пия XII доставил недостававшие 15 килограммов золота в гетто. Фашистам стало известно об этом деянии папы римского, непонятно

лишь, как донесение СС о неблагонадежности понтифика не дошло до ставки Гитлера. Обо всем, конечно, знал Бенито Муссолини.

Возможно, получив золото, эсэсовцы успокоились, решили, что ценности захвачены, а с разгромом гетто можно подождать. Папа римский и его «секретный взнос» никого больше временно не интересовали...

ФРАЗЫ БЕНИТО МУССОЛИНИ И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ О НЕМ

- *Пища должна быть простая, но хорошего или лучшего качества.*
- *Подарки становятся еще ценнее, если их вовремя и умело раздать.*
- *Легко сойти за умного, если ты красив, молод и богат.*
- *Дисциплина — как религия, преступников не прощает, сомнения выкорчевывает.*
- *Ненужное отпадает как осенний лист.*
- *У кого лучше работает разведка, тот ближе к победе.*
- *Душа радуется: ты был любовником великой шпионки и не расстрелян ни вместе с нею, ни после нее.*
- *У Бенито, даже прижатого к стене, была реакция боксера.*

«БЕСПРИЗОРНОЕ ЗОЛОТО»

...В банковских сейфах США и Великобритании до сих пор хранятся остатки золотого резерва гитлеровского рейха, слитки драгоценного металла, награбленного в различных странах Европы.

После Второй мировой войны западные союзники обнаружили 337 тонн золота, которое эсэсовцы вывез-

ли в Германию с оккупированных территорий и держали в шахтах под Берлином. В 1946 году была создана смешанная англо-американо-французская комиссия, на которую возложили миссию по возвращению сокровищ государствам Европы, бывшим жертвами гитлеровского грабежа. С 1948 по 1958 год, по данным римской газеты «Република», девять европейских государств получили примерно 60 процентов утраченного золота. «Выдача» происходила порциями в зависимости от политического «поведения» и экономического состояния. Учитывалось и то, что Италия, Австрия, например, были соучастницами «оси»; Чехословакию наказали за вступление в коммунистический блок, и за это прегрешение возвращение золота приостановилось. Польша была «реабилитирована» только в 1976 году и лишь частично получила свое. Албания из 2,5 тонн, вывезенных гитлеровцами осенью 1943 года, получила от англичан 1,5 тонны золота 29 октября 1996 года. (В тот же день Тирана выдала английскому банку чек на два миллиона долларов в счет уплаты ущерба, нанесенного двум британским кораблям, подорвавшимся на албанских минах в 1946 году. Тогда погибли 44 английских моряка.)

Расчеты велись сложные, а отчеты о них в прессе почти не появлялись. Из финансовых, политических и других соображений.

Из Италии в сентябре 1943 года, когда Муссолини уже был вызволен из Кампо-Императоре, эсэсовцы полковника Капплера и специальные подразделения, присланные в Рим и Милан из Берлина, вывезли 117 тонн золотых запасов Банка д'Италия. Дуче об этом знал. Не мог не знать. Он уже был освобожден из «плена» на Кампо-Императоре.

С 1948 по 1958 годы назад вернулись лишь 44,4 тонны. (В 1945-м из Швейцарии были возвращены в Рим 23 тонны.) А остальные?

Золотые слитки перемещались по дорогам, поездами, авиалайнерами. Маршруты движения сокровищ

завершились с началом 2000 года (предельный срок давности), по данным итальянской печати, «неопознанными» остались примерно 5 тысяч тонн золота. Они или осядут в банках, где ныне содержатся, или будут возвращены государствам, способным обосновать или доказать свои претензии на золото из «запасов», награбленных более полувека назад гитлеровцами.

Пока государства молчат. Молчат и на Востоке Европы, ранее не включенном по известным мотивам в процесс «золотого возврата».

Впрочем, папа римский и Ватикан в целом стараются держаться вне этой проблемы, оставленной нам Второй мировой войной.

ГЛАВА V

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА. ТРИНАДЦАТЬ ВСТРЕЧ ГИТЛЕРА И МУССОЛИНИ

Первая встреча Гитлера и Муссолини состоялась в «комариное время» — 14 июня 1934 года на королевской вилле на реке Brenta, в 20 километрах от Венеции, неподалеку от Падуи, где находится у вокзала собор с уникальными фресками Джотто. Зная интерес Гитлера к художественным ценностям, Муссолини планировал посещение капеллы Скровеньи, но не получилось. Эсэсовцы из охраны отсоветовали. Не исключали возможность взрыва. К встрече оба тирана готовились заранее и особо тщательно. Но вышло как

вышло; и Гитлер, и Муссолини не смогли вынести лучшее впечатление друг о друге.

«Не нравится мне его вид», — бросил сквозь зубы Муссолини, рассматривая своего визави. На Гитлере был макинтош желтоватого цвета, брюки в странную полоску, кремовая рубашка, кожаные туфли не лучшего исполнения. К поясу он прижимал серую фетровую шляпу, поля которой он время от времени судорожно мял нервными худыми пальцами.

Гитлер тоже оценивал строгим взглядом одежду дуче. На Муссолини был пышный военный мундир, на ногах — высокие блестящие черные сапоги с серебряными шпорами. Так дуче одевался по торжественным случаям, меняя темный гражданский костюм на форменную одежду.

В одежде (даже военной) достигший высшей власти Муссолини, в отличие от Гитлера, был эстетом. Сапоги ему шили в течение более десяти лет одни и те же трое сапожников, которые считались лицами привилегированными и засекреченными, так как знали «тайны» раненой ноги дуче. Костюмы для Бенито шили в миланской мастерской под руководством портного Ренато Висконти и с учетом каждого пожелания диктатора. При этом Висконти всегда делал «дубль» пиджака и брюк, который оказывался лишним, ибо Муссолини всегда останавливался на первом варианте, а второй комплект в итоге доставался мастеру.

У портного был личный (подаренный дуче) автомобиль с водителем. Машина заправлялась на специальной станции, где бензин был самого высокого качества, как и все, чем пользовался Бенито Муссолини и его гости.

Муссолини в ходе первой, я бы сказал «пристрелочной», встречи с Гитлером что-то угнетало. Во время первого перерыва он подошел к окну, отодвинул тяжелую штору и процедил: «Он просто сумасшедший! Как можно с ним вообще иметь дело?»

Но дело иметь с ним было надо. Они находились на грани ссоры, но нашли общий язык на почве «неприязни к Франции и России».

Ночью Муссолини мучила, как обычно, тяжелая бессонница. Он был выведен из душевного равновесия и не мог найти центра «стабильности движений». Усилиями воли Муссолини расслаблял мускулы лица, шеи, рук... Отгонял тяжелые мысли.

На следующий день они гуляли по гольф-полю клуба Альберони. Шли одни. Впереди всех. Свита отстала, двигалась на почтительном расстоянии. Говорили дуче и фюрер по-немецки (переводчик, официально предоставленный МИДом Германии, Пауль Шмидт к беседе допущен не был). И никто и никогда не узнает, о чем они тогда говорили. Ни Гитлер, ни Муссолини об этом никогда не обмолвились и словом. Почему? Тайна.

В завершение визита была организована прогулка на легком катере по венецианской лагуне. Гитлер и Муссолини сидели на задней скамейке, положив руки на плечи друг другу. Фюрер философствовал, рассуждал на тему о превосходстве нордической расы, перескакивал с мысли на мысль, вдруг принимался читать отрывки из «Майн Кампф». Муссолини к концу встречи уже забавлялся этим спектаклем, а когда дуче спросили, какое впечатление оставил фюрер, Бенито развел руками и сказал: «Болтливый монах».

Но «болтливый монах» замышлял уже тогда захват Австрии, был непрочь прихватить весь Тироль, а это все шло вразрез со стратегией «не болтливого и не монаха» Муссолини.

Специальные службы Муссолини, которые не только охраняли, но и вели наблюдение за фюрером, докладывали, что на королевской вилле в местечке Стра Гитлер не сомкнул глаз. Ночью он долго прохаживался по комнате, затем вышел в холл, о чем-то говорил с доктором, который входил в состав приехавшей германской делегации. Муссолини имел о Гитлере все

главные «установочные» сведения, но тогда еще не было этой:

...Английский сценарист и теледокументалист Лоуренс Маркс обнаружил записные книжки Эрнста Блоха — домашнего врача семьи Гитлера. Среди записей — свидетельства о том, что мать Гитлера Клара обращалась к врачу еще в 1895 году в связи с ночными кошмарами, которые не давали спать шестилетнему Адольфу. Осмотрев мальчика, доктор рекомендовал родителям поместить больного ребенка в институт для умственно ненормальных детей в Вене. Но отец Алоиз воспрепятствовал этому. Отношения с сыном у отца были сложными. Он безжалостно избивал Адольфа при малейшем поводе, унижал его, что способствовало умственной деформации будущего самого кровавого диктатора в мире.

После аншлюса и захвата Австрии Гитлер не забыл о докторе Блохе. Он не был репрессирован, как многие другие австрийские евреи. Ему была дана возможность свободного выезда в Швейцарию, что никак не вкладывается в логику действий и мышления Адольфа Гитлера. Но так или иначе найденные записки доктора Блоха (о них сообщил еженедельник «Дженте») имеют значительную историческую и медицинскую ценность, доказывают необходимость своевременной проверки «историй болезни» всех политических лидеров и тем более «кандидатов в диктаторы» или в президенты.

У Муссолини с психикой, как считал его лечащий врач, было все в норме, хотя он был чрезмерно вспыльчив и эмоционален. Каждое утро он тратил четверть часа на медицинский осмотр, несмотря на любую занятость, договоренные встречи, необходимость долгих и «громких» выступлений.

Муссолини умел и стремился поддерживать хорошую физическую форму, ввел для себя режим, который, как он говорил, «помогал ему сохранять тело гибким, а голову свежей». Гитлер узнал о спортивном

режиме Муссолини и пообещал, что возьмет «итальянский опыт» на свое «вооружение». Но не взял. Итак, первая встреча фашистских лидеров особых результатов не дала, но главное было в другом: личный контакт установлен.

После встречи с Гитлером Муссолини отправился из Стра в Рокка делле Каминате. Замок в Рокка делле Каминате был подарен дуче провинцией Форли. Он был полностью отреставрирован, но сохранил свой древний облик и стиль. Поместье стало излюбленным местом летнего отдыха дуче. Но Бенито наезжал сюда и в любое время года. Рокка делле Каминате — древнее поместье, выдавшее многие войны и сменившее многих владельцев. Происхождение названия неизвестно. Давным-давно замок принадлежал синьорам Малатеста, Фунди и другим. Интерьер замка отличается простотой и строгостью. Вот как описывала замок Ракеле, и мне казалось, я ориентировался в этом замке точно по ее описаниям. На первом этаже находились кабинет и рабочие помещения. Проемы окон, большие и широкие, открывавшиеся во всю ширину стены, могли служить для установки огневых точек и каменных укреплений. В замке была богатая библиотека. Небольшой салон, украшенный кожаными ширмами с восточным рисунком, был обставлен японской мебелью. Эту мебель подарил сам микадо. Много было также предметов, подаренных Чан Кайши. Спальни размещались этажом выше. Бенито занимал угловую комнату, просторную и скромно обставленную, с массивной мебелью темного дерева. Террасы и коридоры позволяли обойти весь замок по периметру. Наверху — маленькие окошки. Когда-то они, возможно, служили окнами наблюдения или бойницами, а сейчас украшали замок в его верхней части, откуда открывался прекрасный вид на романьольскую долину, спускающуюся за замком к Адриатическому морю. С другого крыла дома были видны Апеннинские горы, а вдалеке

возвышались три вершины Сан-Марино. В Рокка Муссолини собрал большую часть подарков, которые поступали по различным поводам со всех концов Италии и мира.

Иногда на террасе перед домом организовывались праздники. Они доставляли удовольствие Муссолини из-за отсутствия всякого протокола. Ему нравилось слушать романьольское хоровое пение, смотреть на танцующие группы крестьян. Эти празднества при свете фонарей или под луной продолжались всегда до поздней ночи и заканчивались традиционным фейерверком. Дома по вечерам он раскладывал пасьянс или смотрел кинофильмы; комедии его особенно забавляли. Для него это было отдыхом и возможностью расслабиться. Особенно он увлекался американскими фильмами, но об этом проявлении «космополитизма» никому не говорил.

После первой встречи с Гитлером несколько суток в Рокка ему были необходимы. Он дышал полной грудью... Здесь же дуче смог проанализировать итоги randevu на королевской вилле в Стра. «На следующей встрече инициативу надо брать в свои руки, иначе Адольф ее не упустит», — сделал главный вывод дуче.

• • •

1936 год. Ареной борьбы становилась Испания. После победы народного фронта фашистские правительства Германии и Италии, поддерживаемые тогда и Ватиканом, выступили против Испанской республики в помощь франкистам.

Итальянские коммунисты предоставили более четырех тысяч бойцов, вошедших в бригаду имени Джузеппе Гарибальди. Муссолини бросил на Пиренеи около 40 тысяч своих солдат, авиацию, бронетанковые части.

В течение трех лет, до 1939 года продолжалась гражданская война в Испании. Это была тяжелейшая про-

ба сил перед началом Второй мировой войны. Англия и Франция придерживались политики «невмешательства», видимо рассчитывая, что в будущем в кровавой схватке сойдутся германские, итальянские и другие фашисты на фронте против Советского Союза. Но на шахматной доске истории складывались иные многоходовые комбинации. Гитлер рассчитал точно: Рим, надеясь превратить Средиземноморье в зону своего потенциального влияния, будет особенно активно помогать Франко, взвалит на себя львиную долю финансовых издержек, будет истощать себя не меньше, чем во время абиссинской войны, и потому не очень-то свяжет руки Берлину при решении австрийской проблемы. Аншлюс был фактически предрешен, и война в Испании способствовала решению захватнических задач германского империализма. А взамен Гитлеру ничего не стоило признать новый статус «Итальянской империи» и тем самым сделать столь желанный для Муссолини шаг к «общемировому» признанию новой «Римской империи» дуче.

Итальянская помощь Франко была, по словам Муссолини, «решающей». В апреле 1936 года итальянский министр иностранных дел Галеаццо Чиано подписал в Берлине договор с Германией о помощи франкистским войскам в Испании. В этом документе главным для Рима было установление в специальном секретном протоколе общей точки зрения на необходимость навязать Европе новый политический порядок, статус, обуславливающий новые правила игры в интересах Берлина и Рима. Обе стороны договорились о совместных действиях против большевистской угрозы. «Большевизм в Испании, — заявлял Муссолини, — будет означать большевизм во Франции, а затем и в Италии. Западная цивилизация в опасности. Под угрозой также католицизм и равновесие сил в Средиземноморье. Отправляя войска, мы не требуем территориальных преимуществ; мы только хотим, чтобы большевистское наступление было остановлено и от-

резано в Испании, чтобы большевизм не завладел Европой, включая Италию».

Но это была лишь одна сторона дела. Заявления Муссолини всегда служили политической дымовой завесой, чтобы камуфлировать его подлинные захватнические военные планы. В первые же недели испанской войны итальянские фашисты захватили часть Балеарских островов, непосредственно угрожали Гибралтару и Франции. Опасность для английского гарнизона Гибралтара особенно возросла после того, как с двух сторон на берегах пролива была установлена дальнобойная артиллерия генерала Франко, который превращался в «козырного валета» в будущей возможной войне против Англии.

1 ноября 1936 года Муссолини на Дуомской площади в Милане возвестил то, что заставило содрогнуться мир. Он (после сильного возлияния) разгласил текст соглашения Берлина и Рима о создании «вертикали», «оси», вокруг которой будут группироваться и вращаться многие европейские государства. Столь откровенная самоуверенность Муссолини, проявленная в выступлении перед кафедральным собором, имела свои основания. К этому времени дуче уже получил от Гитлера приглашение посетить Германию с официальным визитом и заверения Берлина, что он поддержит территориальные притязания Рима.

Тогда, в сентябре 1936-го, дуче принял одну из своих «монументальных», всем с тех пор широко известных поз, встретил германского министра юстиции Ганса Франка и объявил ему, что «польщен вниманием Гитлера», но для подготовки «визита» необходимо время. Без пропагандистской поддержки дуче никак не желал делать ни один дипломатический шаг. Все должно становиться «историей», свидетельством его величия.

Готовить «исторический визит» Муссолини в Германию был направлен министр иностранных дел Италии, зять Муссолини граф Чиано. Гитлер явно недо-

любил сына адмирала Костанцо Чиано — героя Первой мировой войны, но не считаться с лицом, близким к Муссолини, с мужем его любимой дочери Эдды фюрер не мог. Граф был окружен теплой заботой. Ему привозили лучшие вина, устраивали приемы и встречи в его честь, пока однажды не подставили молодую особу — сотрудницу СС в форме и без нее... для Чиано. Министр, сделавший быструю карьеру от рядового журналиста и дипломата до шефа внешнеполитического ведомства Италии, попал в германские сети. И не только любовные. Но пока эсэсовка не задавала «сложных вопросов» Чиано, а в своих донесениях отмечала лишь его безграничное преклонение перед титулованным тестем и верность... Италии. Не Эдде.

Но Чиано не во всем и не всегда терял голову. Он умело и точно информировал дуче не о своих похождениях, а о позициях Германии, искал наибольшие выгоды для Италии.

Гитлер обрабатывал Чиано и слал одного за другим своих эмиссаров в Рим, форсируя организацию встречи с дуче.

В начале 1937 года в Вечный город прибыл Геринг. Рейхсмаршал раздражал Муссолини всем своим «толстым, развязным, претенциозным» видом. Но именно Герингу Муссолини сообщил, что принял предложение Гитлера и готов посетить Германию с государственным визитом.

При виде расплывшегося в улыбке «Большого Германа» Муссолини остановил его и добавил: «Да. Еду в Берлин. Но при двух условиях. Во-первых, из скромности не буду брать вечерний костюм, а во-вторых, хотел бы встречаться не только с руководителями, но и с простым народом». Он рассчитывал, что будет говорить по-немецки и сумеет добраться до ума и души каждого немца. Так, как это он делает в Италии.

Итак, согласие было получено, подтверждено по дипломатическим каналам, и вот 23 сентября 1937 года

Муссолини в блестящем, с позолоченными пуговицами мундире, в сопровождении пышной громкоголосой свиты отправился в Германию. Предстояла вторая встреча фюрера и дуче.

Немцы, проведя разведку в Риме, узнали, сколь роскошно одеты итальянцы (когда и где итальянцы могли упустить возможность красиво одеться и себя показать?), и решили не ударить перед «скромниками» лицом в грязь, тоже оделись в самые праздничные костюмы.

Фюрер ожидал дуче в Мюнхене. Он был одет в форму нацистской партии, в коричневую рубашку под кителем (который все знали по фотографиям), черные брюки (положенные по протоколу, о чем фюреру постоянно напоминал шеф службы церемониала).

Встреча произвела впечатление на Муссолини. Вдоль улиц были выставлены шеренги солдат в стальных серых касках, здания украшены знаменами. Несмотря на проливной дождь, обрушившийся на Мюнхен, многотысячные толпы, пришедшие приветствовать «лучшего друга Германии», неистовствовали. Над городом словно повис рев голосов.

В кабинете фюрера в мюнхенском «Коричневом доме» висел только один портрет — Фердинанда Второго, а у стены скульптура — бюст Бенито Муссолини. Об этом дуче не был осведомлен, не сказал о бюсте ни Чиано, никто другой. Муссолини не мог скрыть своего восхищения.

В ходе первой беседы Гитлер был суетлив, говорил повышенным тоном, перескакивал с одной темы на другую. Все это фиксировал ум Муссолини. Кульминационным моментом был грандиозный митинг в Берлине, где Гитлер и Муссолини заявили о дружбе между двумя нациями; до этого они отработали в деталях условия антикоминтерновского пакта, к которому Италия присоединилась 6 ноября 1937 года (как заметил Чиано, чтобы показать свое отношение к 20-й годовщине Октябрьской революции в России).

Вот как описывала эти события Ракеле Муссолини.

По возвращении из Мюнхена и Берлина Бенито рассказал мне детали визита, о том грандиозном приеме, который был ему оказан, о фантастических парадах, данных в его честь. Он сказал, что в особенности его поразили немецкая организованность и военный аппарат. «Это — превосходная машина, все части которой действуют отлаженно и точно». Рассказывал он и о забавных происшествиях, когда, по воле случая, оказывались под угрозой все тщательные приготовления. Я привожу его слова.

«Во время военного парада тамбурмажор в какой-то момент сделал неловкое движение, и его палочка полетела в голову следующего за ним всадника — солдата. Его лошадь закусил удила и побежала вскачь прямо перед правительственной трибуной. Гитлер засмеялся, я — тоже. После он доверительно сказал мне: «Кто знает, как это обернется для бедняги солдата? Теперь вся отличная немецкая организация придет в движение. Генерал накажет полковника, полковник накажет майора, майор — капитана, капитан — лейтенанта, лейтенант — адъютанта, адъютант — сержанта, сержант — капрала и, наконец... бедный солдат! Он получит сполна».

Затем, уже серьезно, Муссолини изложил мне политические цели. «Мы хотим создать нерушимый антибольшевистский фронт от Черного до Средиземного моря. Фюрер и я полностью согласны в оценках большевистского маневра в Испании. Я могу сказать, что в Испании мы впервые столкнулись с большевизмом как с активной военной силой. Мы приложим все наши усилия к тому, чтобы расширить и укрепить нашу оборонительную систему. Я настаиваю на том, чтобы она носила только оборонительный характер и не имела никаких военных агрессивных целей. Если нам удастся создать действительно внушительный блок наций, я думаю, что у нас хватит сил заставить Москву ограничить свое поле деятельности пределами собственных границ».

Он говорил мне о «мире латинян» и «необходимости защищать свою цивилизацию». Далее, касаясь нового

этапа развития отношений между Италией и Германией, он заявил буквально следующее: «Германия — великая держава, которая отдает себе отчет в том, что другой великой державой на европейском континенте должна быть обязательно Италия. Территориально мы находимся в центре континента, а именно на этой вертикали смыкаются латинские и германские страны; здесь будет биться европейская, христианская цивилизация, способная выступить против любого большевистского и атеистического проникновения».

•   •   •

В 1938 году произошли события, определившие новую ориентацию внешней политики Италии: аншлюс, германские войска вошли в Австрию, 11 марта 1938 года маршировали в Вене, а затем был визит Гитлера в Рим, Неаполь и Флоренцию. Третья встреча Гитлера и Муссолини.

Первая декада мая 1938 года. Ответный визит, или визит вежливости. Главным для Бенито было продемонстрировать Берлину и лично фюреру «готовность итальянского народа всеми силами защищать латинскую цивилизацию».

Как по мановению волшебной палочки был воздвигнут Остийский вокзал; улицы Рима украшены и освещены даже днем. Особенное впечатление на Гитлера произвели игра света и фейерверк, устроенный в Коллизее. Он чуть было не выпал из машины, стараясь все получше рассмотреть.

В Неаполе прошел смотр военно-морских сил Италии, и, по словам Муссолини, это был превосходный спектакль, убедивший Гитлера в том, что Италия — первая средиземноморская держава, заслуживающая занять достойное место на море рядом с Германией.

Ракеле Муссолини старалась в своих записях как можно достовернее передать хронику тех дней. Во время визита Гитлера в Рим, писала она, «создалась щекотливая ситуация, повлекшая за собой некоторые

осложнения в отношениях между королем и Муссолини. «Не испытывая большой симпатии к Витторио Эмануэле, Гитлер хотел быть постоянно со мной», — делился Муссолини. Но дуче дал ему понять, что протокол должен соблюдаться по всей строгости. Во время приемов в Риме, а также в Неаполе дуче старался почтительно держаться позади, оставляя почетное место королю. В Риме Гитлер должен был быть гостем Квиринальского дворца, а не Муссолини. Фюрер был этим чрезвычайно раздосадован и сказал дуче, что его не радует «малоподобное гостеприимство королевского двора». Кроме всего Гитлеру не понравились блюда, которыми его угощали в Квиринале, он нашел их «очень скудными» и совсем «не королевскими».

Хорошее настроение вернулось к Гитлеру только во Флоренции, когда они остались вдвоем с Муссолини. Именно во Флоренции два лидера почувствовали себя непринужденно. Здесь они могли, между посещениями музеев, восхищаясь шедеврами живописи, поднимать тосты, «крепить и упрочивать связи между двумя нациями, между фашизмом и национал-социализмом». Но если у Гитлера и Муссолини все внешне шло как по маслу, то между дуче и королем наметились некоторые разногласия. Король помнил, как после провозглашения империи палата депутатов и сенат совместно обсуждали предложение Костанцо Чиано и Эмилио де Боно о присвоении королю и дуче званий первых маршалов империи. Король не желал быть ни с кем на одном уровне. Король не скрывал своего недовольства неожиданным присвоением званий. Его самлюбие монарха было задето. Бенито Муссолини с тех пор редко надевал форму первого маршала и почти никогда в присутствии короля. В данном случае он был деликатен.

Несмотря на эти трения, которые Муссолини называл «второстепенными конфликтами» или «стычками на заднем фронте», королевский двор много раз

представлял доказательства своей любви и признательности Муссолини. После провозглашения империи принц Умберто отправился в Предаппио, чтобы посетить могилы родителей дуче и его родной дом. Затем король лично совершил туда паломничество и был гостем в Каминате, сразу же после приезда Гитлера в Италию.

8 июня 1938 года показался кортеж королевских машин, ехавших по извилистой дороге из Предаппио в Рокка делле Каминате. Чета Муссолини спустилась встретить гостя. Король вышел из машины, держа огромный букет роз, протянул его Ракеле, выразил сожаление, что лепестки во время путешествия немного осыпались. И добавил, что это необычные розы, выращиваемые в королевских садах. Королю очень понравился замок в Рокка, ухоженный парк. Он интересовался всем, выпил предложенный ему оранжад, осмотрел комнаты, поднялся на самую вершину башни и перед отъездом заметил, что в доме нет ничего подчеркнуто роскошного и что он не отличается комфортом и блеском, которыми, в его понимании, должно обладать жилище главы правительства.

...Бенито был доволен. Он поделился с окружением своим проектом поставить мемориальную доску в память об этом событии — о визите короля. Его вовремя отговорили.

• • •

После аншлюса и разрешения так называемого «Судетского вопроса» Муссолини понял, что общеевропейский военный конфликт неизбежен и он не обойдет Италию. Он предвидел, независимо от исхода военных действий, те разрушения, которые повлечет за собой использование современного оружия на итальянской территории, открытой для воздушных атак. Огромные ценности неизбежно оказались бы в опасности. «Словно из пушки били по настроению Бенито», — резюмировала Ракеле.

«Неужели ничего нельзя сделать?» — спрашивал себя Муссолини и готовил встречу в Мюнхене Гитлера, Чемберлена и Даладье. Объединить таких противников за одним столом — это тоже значило много! «Многоязыкий» Муссолини отводил себе роль влиятельного всестороннего переводчика. В октябре 1938 года дуче вернулся в Рим со словами: «Угроза войны отодвинулась, если не миновала. И это сделал я. Но надолго ли?»

...В январе 1939-го в Рим приехали с визитом Чемберлен и лорд Галифакс. «К нам едет Чемберлен и его «зонтик», — шутил Муссолини и всерьез добавлял, что Италия будет придерживаться дружественных отношений с Великобританией, даже если по некоторым проблемам их интересы не совпадают. В те дни Черчилль признал, что Муссолини — самый ловкий и тонкий политик в Европе, его на кривой не объедешь и с ним лучше дружить.

В Капитолии на приеме Чемберлен потерял... свой зонтик. Все рассмеялись: Галифакса? Нет, зонтик настоящий. От дождя. Казус этот вылился в дипломатический анекдот, а зонтик-то, конечно, обнаружился.

В этот же период граф Чиано подписал серию дипломатических документов с Риббентропом (тот зятя дуче терпеть не мог, но никогда не выдавал своего к нему отношения), вел переговоры с Венгрией, Румынией, Югославией (Албания уже была захвачена весной 1939-го и превращена в «антибольшевистский коридор по ту сторону Адриатики»). «Нам следует сгруппировать союзников в единую фасцию-союз», — инструктировал дуче зятя. Чиано понимал: фюрер, а не дуче форсировал события.

«Русско-германский договор, — считал Муссолини, — сделал Германию непобедимой в конфликте с любой державой и коалицией. Вступим мы в будущую войну или нет, немцы все равно займут всю Европу. Если мы не заплатим свою дань кровью, они одни будут диктовать условия в Европе. А это будет озна-

чать конец латинской культуры. Мы же должны иметь и хлеб, и бензин...»

Не идеология, а политика, «римский расчет», жажда получить более лакомый кусок при дележе «пирогa» заставляли Муссолини следовать в фарватере фюрера. Кто сможет противостоять немецкой военной машине? Муссолини переживал тяжелейший психологический кризис. «Меня критикуют со всех сторон за нерешительность и страх перед очередным политическим или военным ходом, но если сделать ошибку, все созданное за двадцать лет может рухнуть, и мы не дойдем до финиша победителями...» Многие хотят дать совет. Но у всех свой интерес. А папа римский?

Месяц спустя умер папа Пий XI. Бенито Муссолини сказал по этому поводу: «Христианство потеряло большого человека. Мы потеряли папу, способствовавшего примирению церкви и итальянского государства!»

Сестра папы Пия XI сообщила, что, умирая, понтифик завещал Муссолини скуфью и художественное блюдо. Во время Социальной республики эти предметы были переданы на хранение миланскому кардиналу Шустеру. В марте-апреле 1939 года было объявлено о конце войны в Испании и об оккупации Албании.

Сын Муссолини, красавец и виртуоз высшего пилотажа Бруно, совершивший 27 боевых вылетов, вернулся в Рим из Испании раньше конца войны. Он был откомандирован по личной просьбе Франко, чтобы не стать «особо преследуемой мишенью».

Экспедиция в Албанию была подготовлена Галеаццо Чиано. Муссолини убедился в необходимости проведения этой операции, в основном, из-за поведения короля Зогу, который, по его словам, «брал итальянские деньги и одновременно заигрывал и на Западе, и на Востоке, с Белградом и Москвой». Бенито Муссолини решил с этим покончить одним ударом. 7—9 апреля 1939 года.

«Удар кулаком» произвел Галеаццо Чиано. За это король наградил его «лентой Провозвестницы», о которой зять дуче очень мечтал и которой настойчиво добивался.

Галеаццо Чиано подписал с фон Риббентропом в первые дни мая 1939 «Стальной пакт» — договор, задуманный еще в ходе первого визита Муссолини в Германию. После подписания «Стального пакта» пришло трагическое сообщение: внезапная смерть адмирала Костанцо Чиано, отца Галеаццо. Бенито Муссолини переживал смерть адмирала. Он оставил все дела и поехал в дом усопшего в Понте-а-Марино... Там дуче встретился с королем-императором, также приехавшим на похороны. Король приказал почтить память адмирала траурным салютом в Риме.

Лето 1939 года. Последнее лето перед началом мирового конфликта. С тех пор как был заключен «Стальной пакт», контакты между Римом и Берлином участились, записала Ракеле Муссолини 25 августа 1939 года: *«Муссолини старался крепить союз в надежде заставить Гитлера проводить более спокойную политику, беспокоился все больше и больше по мере того, как становилось очевидным, что фюрер намерен начать военные действия».*

С приближением конфликта Муссолини был озабочен двумя проблемами: во-первых, говорил он, «известно, как начинается война, но никто не знает, как она заканчивается»; во-вторых, война никогда не устраняла распри между народами, она только откладывала их разрешение»; в-третьих, «Италия не была достаточно подготовлена к новой войне». «Завоевание Эфиопии и испанский конфликт с еще большей ясностью выявили нашу хроническую нехватку в сырье»...

Лица, ответственные за боевую подготовку к войне, зачастую отдавали противоречивые или прямо противоположные приказы. Сын Муссолини Бруно — пилот, военный летчик имел возможность наблюдать и

контролировать действия людей и ход событий в итальянских вооруженных силах. Бруно считал, что легкомыслие подчас принимало формы злоупотреблений; люди, в основном, озабочены собственной карьерой и заняты рекламированием своей деятельности больше, чем самой этой деятельностью. Он обнаружил, что под стереотипной фразой: «Дуче, по вашему приказу! Мы готовы», — генералы скрывали реальные факты, подразумевали каждый свое, а попросту... крали.... И немало.

В Рокка делле Каминате приехал с докладом заместитель государственного секретаря по делам авиации. Ему было поручено провести инспекцию авиастроительного завода Крапони, расположенного недалеко от Предаппио. Он должен был проверить выполнение поставок материалов для строительства нескольких сотен самолетов. И он некоторое время спустя доложил, что сотни самолетов нового типа уже готовы. На самом деле материалов, доставленных в Предаппио, хватало только на два самолета!

• • •

В начале июня 1939-го из Берлина пришел срочный запрос на организацию очередной встречи Гитлер — Муссолини, чтобы обсудить «общие цели». Дуче понимал, о чем шла речь, и не торопился с ответом. Не желая на этот раз остаться с Гитлером один на один, он предложил созвать международную конференцию, которая, в свою очередь, не устраивала Берлин. Но фюрер уже сделал свой выбор.

Как-то вечером на вилле Торлония Муссолини признался Ракеле: «Я надеялся, что произойдет чудо и удастся сдержать стремительный напор фюрера. Чудо не свершилось. Окончательно все стремления к миру свелись на нет с заключением договора о ненападении между Германией и Россией».

Муссолини был очень удивлен не столько самим договором — он был на стороне установления *modus*

vivendi с Россией в рамках политики мирного сосуществования с Восточной Европой и Советским Союзом, — сколько потому, что считал: «этот договор — только гигантский шаг к войне».

После подписания договора в Москве дипломатия европейских стран активизировалась. Взгляды повернулись в направлении Рима: многие в Париже и Лондоне возлагали надежды на новый Мюнхен.

Каждый день Муссолини и Чиано принимали послов, аккредитованных при Квиринальском дворце. Особенно часто полномочных представителей Германии, Франции, Англии. Только за один день, 25 августа, от Гитлера пришло три телеграммы, переданных послом фон Максененом. На третью телеграмму Муссолини отвечал в 10 часов вечера с виллы Торлония. «Затронуты главные интересы... может быть, будущее всей европейской цивилизации... если не всего мира».

22 августа 1939 года Гитлер объявил узкому кругу генералов, что собирается «уничтожить» Польшу и может рассчитывать на поддержку Муссолини и Сталина. Дуче все понял и объявил, что вступит в войну на стороне Германии, если получит 17 тысяч вагонов со стратегическими материалами для перевооружения итальянской армии. Германия этого выполнить не могла.

В конце августа Бенито объявил: «Будет война! Согласия достичь не удалось. И та, и другая стороны готовы идти до конца». «Война — это как лавина: невозможно предвидеть ни продолжительность, ни направление. Были войны, длившиеся сто лет. Я буду стараться сделать все возможное, чтобы ограничить зло в рамках германо-польской дуэли», — сказал Муссолини 28 августа 1939 года.

1 сентября 1939 года дуче заявил кабинету министров, что решил пока не ввязываться в войну, остаться в числе «невоюющих стран» (не нейтральных) и заслужил ликование толпы на площади под балко-

ном старого дворца «Венечия» в знаменитом историческом центре Рима.

31 августа Германия предъявила ультиматум Польше. Казалось, что «Италии стало невозможно избежать вступления в войну, еще более невозможно и опасно не выступить на стороне Германии». «Германо-русский договор сделал Германию непобедимой в конфликте с любой державой или даже коалицией»... Муссолини словно преследовали эти фразы, и он по несколько раз произносил их вслух.

Тем не менее под этот словесный аккомпанемент сам для себя Муссолини придумал формулу неведения военных действий, формулу, позволяющую выиграть время и сохранять в течение нескольких месяцев «хрупкий мир на краю пожара».

В 1939—1940 годах с каждым новым наступлением Германии в Муссолини рос страх перед немецким вторжением в Италию. Ракеле слышала от него такие слова: «Англия не сможет противостоять немецкой военной машине, а Соединенные Штаты слишком далеко; даже если бы они решили вступить в военные действия, они не смогут вовремя нанести удар, достаточный, чтобы изменить ход войны, прежде чем Германия одержит победу. Наша страна может оказаться оккупированной немецкой армией за несколько месяцев — если не за несколько дней, — если мы не будем воевать под одними знаменами с Германией».

25 февраля 1940 года. В Рим прибыл Сэмнер Уэллес, чрезвычайный посланник Рузвельта. На следующее утро он был приглашен на продолжительную конфиденциальную беседу к Муссолини. Дуче обрисовал собеседнику ситуацию в Италии, ее нужды, так или иначе требующие удовлетворения, и намерения правительства сделать все возможное, чтобы продлить ситуацию неведения военных действий и погасить конфликт.

10 марта, сразу после отъезда Уэллеса в Берлин,

Гитлер послал в Рим своего министра иностранных дел фон Риббентропа, чтобы оценить расстановку сил перед возможным вступлением в Италию в случае расширения конфликта. Риббентроп ясно дал понять, соблюдая при этом внешние дипломатические приличия, что Германия намерена «заняться» Италией в военном плане в случае несоблюдения последней «Стаального пакта». Муссолини чувствовал, что Берлин его «дожимал».

Немецкие армии победоносно маршировали по городам Европы, и с каждым военным успехом Гитлера настойчивость короля, многих генералов и руководителей в различных эшелонах власти становилась все более твердой; многие стали открыто требовать участия Италии в военных операциях. Дуче предпочитал политику выжидания.

Риббентроп покинул Рим 11 марта 1940 года, а через несколько дней состоялась личная встреча фюрера и дуче. Гитлер предложил послать 20 итальянских дивизий для совместного нападения на Францию. Муссолини уже не посмел отказать. Мальта и Египет — цели для итальянского наступления. В Ливии концентрировались крупные итальянские силы, но плохо обстояло дело с транспортными средствами. Предстоящая война угрожала колоссальными жертвами. А если победа не гарантирована?» — спрашивал себя Муссолини.

30 мая Рузвельт прислал дуче личную телеграмму, призывая не вступать в схватку. Американцы, видимо, были хорошо информированы. Русские — тоже. В тот день Муссолини вернулся домой на виллу Торлония с пакетом фотографий и документальных пленок о ходе военных действий. Они производили сильное впечатление. Армии рейха походили на циклон, сметающий препятствия на своем пути. Они разбивали любое сопротивление. «Посмотри на эти военные силы! — восклицал Бенито. — И они почти у наших дверей.

10 июня 1940 года, убедившись, что французская армия разбита, Муссолини принял решение о вступлении Италии в войну на стороне Гитлера, явно надеясь поживиться плодами германской победы.

...Сыновья Муссолини Витторио и Бруно приписанные к аэродрому Гроталья, одними из первых отправились на фронт. Дочь Эдда пошла работать медсестрой Красного Креста и попала в Албанию. Многие министры надели серо-зеленую форму, но зачастую всего на несколько месяцев. Как будто речь шла о курортной или дачной жизни или какой-то другой временной поездке, которая принесет медали и деньги.

Мнения Гитлера и Муссолини по поводу германо-итальянских условий перемирия с Францией расходились. Италия настаивала, чтобы, «исходя из чисто стратегических соображений и учитывая длительность предполагаемых военных операций, были оккупированы французские колонии в Африке». Гитлер, напротив, не видел в этом никакой необходимости, потому что «не сомневался в скорой победе». С французскими колониями в Африке можно было и не спешить.

«Великодушие, которое хочет выказать Гитлер, совершенно некстати, — сетовал дуче. — Я не меньше хочу, чтобы во главе Франции было нужное французское правительство, но, пока не одержана окончательная победа, французские колонии будут представлять собой угрозу. Гитлер здесь совершает большую стратегическую ошибку. Будем надеяться, что его оптимизм одержит верх над моей озабоченностью».

Тем временем с фронта стали приходиться не только ободряющие, но и тревожные новости.

«Из штаба главнокомандующего в Албании Ракеле прислали длинную телеграмму с описанием происшествия с Эддой. «Ночью на корабль-госпиталь «По» упали семь английских бомб, через некоторое время

он затонул. Когда началась воздушная бомбардировка, Эдда была в своей каюте. Она схватила пальто и стала стучать в дверь близкой подруге, тоже медсестре Красного Креста (они вместе учились в Милане). Взрывной волной заклинило дверь в каюту. Накрепившись набок, судно начало тонуть, вода прибывала. Страх парализовал Эдду. В конце концов какой-то матрос, пробежавший мимо, бросил ее в воду. Эдда смогла продержаться на поверхности воды в течение пяти часов. В кромешной тьме, скованная холодом. Только на рассвете были развернуты спасательные действия».

...Бруно Муссолини в конце войны в Греции был переведен в Пизу. Находился в составе группы четырехмоторных самолетов-бомбардировщиков дальнего действия. Перед началом военных действий он провел месяц в Германии, где посетил аэродромы для полетов над Атлантикой. Он подготовил для отца «политический отчет», в котором восхищался дисциплиной, которая пронизывала весь немецкий народ. «Даже если немецкий народ проиграет войну, — писал он, — Германия все равно всегда останется первостепенной нацией. В Италии же... везде царит саботаж».

30 июня он пришел повидаться с матерью и сказал: «Если со мной что-нибудь случится, пусть жена и маленькая Марина будут с тобою!» Он был подавлен. На следующее утро он уезжал. Мать просила его беречь себя. «В некоторых ситуациях осторожность ни к чему», — ответил он. Время для Бруно Муссолини начало обратный счет...

Тогда, 30 июня, мать видела сына в последний раз. Как удар грома пришло известие о смерти Бруно. Произошла авария в воздухе. Бесполезно было устанавливать точное время, когда произошла катастрофа. 17 июля в семь сорок пять, в восемь пятьдесят? Моторы остановились внезапно, Бруно сделал все, чтобы избежать катастрофы. Последними его словами были: «Отец... лагерь!» Предполагали, что это была диверсия...

Бруно похоронили на маленьком кладбище в Сан-Кассиано в саркофаге из камня, добытого в окрестностях Рокка делле Каминате. На могиле поместили надпись только с датами рождения и смерти. Цветы возложили в маленькой часовне, где проходил обряд погребения. Там горит свеча, зажженная настоятельницами монастыря Святого Луки — покровителя летчиков. 7 августа 1945 года, уже после войны, английские офицеры авиации преклонили головы перед могилой пилота с фамилией Муссолини. А дуче нашел силы написать и выпустить в 1941 году книгу «Я говорю с Бруно»...

• • •

Итальянские войска перешли границу Албании и Греции. Началась так называемая «греческая кампания». Об этом доложили Гитлеру, когда он был в поезде и приближался к Флоренции, где его ожидал Муссолини. Фюрер не одобрял военной самостоятельности дуче, но проглотил горькую пилюлю с полным самообладанием и даже пообещал Италии свою полную поддержку в случае, если итальянцы будут разгромлены или понесут значительные потери. Вторая часть обещания — о потерях и разгроме — исполнилась быстро. Впрочем, и первая — тоже.

Фюрер как в воду смотрел. Ровно через три недели после встречи во Флоренции началась для итальянцев серия военных неудач. И, как писал фюрер в личном письме дуче, словно упрекая его за инициативу, «Югославия, Болгария, вишистская Франция и Турция все более дистанцируются от Италии в результате ее опрометчивого шага. Налицо и обеспокоенность России, что может привести к новой угрозе, на этот раз с Востока. Кроме того, Великобритания получила основание для размещения в Греции своих баз, что создает опасность бомбардировок Румынии и юга Италии. Последствия таковы, что военные действия в Африке против Египта должны быть приостановлены, а Гер-

мания будет вынуждена послать войска во Фракию, но только в 1941 году».

«Он здорово щелкнул меня по носу...» — мрачно отреагировал дуче на послание фюрера.

• • •

В январе 1941 года между Гитлером и Муссолини прошли переговоры в Бергхофе. Прибывшие на железнодорожную станцию Пуш члены итальянской делегации неожиданно увидели самого Гитлера. Хлопьями падал мягкий снег. Фюрер стоял на перроне в длинном кожаном пальто и шапке, натянутой глубоко на уши. (Этот фотоснимок обошел всю германскую и итальянскую печать.)

Вагон Муссолини, который был у открытого окна, остановился перед Гитлером. Дуче вышел из вагона, и они величественно обменялись рукопожатиями.

Как следовало из записей министра Галеаццо Чиано, фюрер был «слишком вежлив. У него на глазах даже появлялись слезы. Через несколько часов во время беседы и обеда Гитлер много говорил, не переставая, поглощал печенье, галеты с вареньем. Геринг сидел в новом серо-голубом мундире и тоже не умолкал. Муссолини же выглядел полностью сосредоточенным. Он мало ел, небрежно засунул салфетку за воротник кителя, то и дело низко наклонялся над тарелкой. Он слушал Гитлера, редко вставляя слова, будто с трудом подбирая их из своего запаса немецкого языка, который был неплохим».

ПЕРЕПИСКА С ЧЕРЧИЛЛЕМ, КОНТАКТЫ С ЧЕМБЕРЛЕНОМ

Уинстон Черчилль одним из первых в Англии и в ее колониальной политике 20-х годов растоптал старые принципы либеральной буржуазии, и это в зна-

чительной мере было приятно Муссолини. Лидер фашизма стал внимательно следить за действиями реформатора с Альбиона.

В качестве министра по делам колоний сэр Уинстон начал свою деятельность с того, что издал приказ об усовершенствовании аппарата подавления в колониях, где, как, например, в Индии, развернулось широкое движение народных протестов. Английским правящим кругам потребовалась твердая рука карателя. Именно такую руку, вооруженную современной техникой и верным мечом, предложил Черчилль. И эту политику в Европе, в Италии прежде всего, оценил Бенито Муссолини. Особенно ту часть, в которой утверждалось, что для подавления восставших и «поддержания порядка» необходимы бомбардировки с воздуха и пулеметный огонь с самолетов — новая эффективная форма репрессивных действий. Предполагают, что именно тогда Муссолини первым отправил послание У. Черчиллю и вскоре получил от него ответ с искренними комплиментами.

И это не было просто жестом элементарной вежливости, обменом дежурными любезностями. Это было выражение чувств, мыслей, настроений и взглядов, совпадавших по конкретным вопросам политической и международной деятельности.

В 1927 году Уинстон Черчилль посетил Вечный город. Он любил и знал историю Рима, восхищался его древней и средневековой архитектурой, публично давал свои оценки эпохе нового зарождавшегося зодчества Италии — архитектуре «эпохи Муссолини». То ли под влиянием Рима, общей доброй атмосферы, то ли это было результатом личного душевного настроения, но на пресс-конференции сэр Уинстон заявил о своем отношении не к Риму, не к Италии и итальянцам, а лично к Муссолини. И говорил он в таких возвышенных выражениях: «Я не мог не поддаться, как это было со многими другими людьми до меня, обая-

нию, благородной и простой манере держаться синьора Муссолини, его спокойного и беспристрастного поведения... Это — уникальная личность...

На следующий день лондонская газета «Таймс» поздравила мистера Черчилля с тем, что он «глубоко проникся истинным духом фашистского движения». Но если не движения, то духом Муссолини — это точно, иронизировала газета.

Похвалы с Альбиона, льстивые заявления английских лидеров специальной почтой направлялись в Рим и быстро доходили до Муссолини. Дуче, имея обычай преувеличивать все, что касалось его лично, одновременно создавал для себя образ «среднего англичанина». И вот какой складывался этот «образ».

Уже в 30-х годах Муссолини в своем окружении высказывал мнение, что средний англичанин глуп, тугодум и неизвестно сколько времени он будет разбираться в том, на что итальянцу потребуется мгновение. А анекдот о том, что «до человека доходит, как до жирафа», родился не в Лондоне или в Африке, а в Риме и обращен к жителям Британских островов с их длинными шеями, по которым юмор доходил особенно медленно.

В военном отношении, как считал дуче, основываясь на данных своей внешней разведки и дипломатии, Англия продолжает резко отставать от Германии и Италии. Ее флот устарел и делал ее берега и заморские территории слабо защищенными*. Правда, военно-воздушные силы Италии угрожать им не могли и поэтому вообще не брались в расчет, но главное, что разгромит Англию в будущем, утверждал дуче, — это резкое снижение... рождаемости и малый запас материальных резервов. Рост населения намного важнее, чем увеличение производства оружия. А в Англии —

---

* С началом войны английский флот постоянно побеждал итальянский в Средиземном море. (Прим. ред.).

кризис; количество мужчин на четыре миллиона меньше, чем женщин; большинству лиц мужского пола грозит бесплодие, а это вызовет неудовлетворенность женщин. Но не лучшее положение было на этом «фронте» в Италии. Во время войны Муссолини доложили, что рождаемость снизилась в Италии и если так будет продолжаться лет тридцать, то его армия потеряет не меньше пятнадцати боеспособных дивизий. Это «открытие» статистики привело дуче в ярость.

Перед нападением Германии на Чехословакию, которую Муссолини считал искусственно созданным государством, Чемберлен обратился к итальянскому правительству с просьбой попытаться отговорить фюрера от вторжения и пересмотреть военные планы. По этому поводу Муссолини позволил себе поиздеваться над британцем, заметив, что если островитяне снизошли до просьб, значит, их престиж приблизился к нулю, Англию (как и Францию) можно «ликвидировать навсегда», а лидеров «заставить лизать сапоги».

В январе 1939 года Чемберлен появился в одиннадцатый раз в Риме. В данном случае с бесполезной надеждой «вытянуть» Италию из «оси». Муссолини при виде английского министра приходил в восторг. Его наполняли приливы остроумия. Он чувствовал себя основоположником буквально всего, и главным образом моды на верхнюю одежду. Но при этом в кругу политиков с сожалением замечал, что теперь, увы, пришло время перехода всем на военную форму. На приеме в честь Чемберлена дуче в последний раз появился во фраке и белом галстуке. Но как однажды сострил Черчилль, «сапоги больше к лицу Муссолини».

• • •

Дуче все чаще мрачнел, впадал в истерики, рассыпал угрозы. Больше других доставалось соседям-французам. Их он называл «воробьями», по которым

откроет огонь из пушек всех калибров, а если те будут возражать, то применит «секретное оружие», о котором пока не знает никто. Это должны были услышать сразу все и очень испугаться. Прежде других соседи-французы, которым предстояло срочно расстаться с Лазурным берегом, Ниццей, Корсикой, Французским Сомали и Тунисом.

Но после испанской войны подлинную цену итальянскому военному героизму хорошо узнали в Европе. «Сквадристы» потеряли около шести тысяч солдат убитыми и пропавшими без вести, растратили почти 50 процентов запасов иностранной валюты и разного капитала, качество вооружений оставляло желать лучшего...

Определилось и другое. Несмотря на «громко» проводимые встречи, Гитлер все реже информировал Муссолини о своих подлинных планах. Дуче это понимал и переживал в душе. «Все эти итальянцы болтают как цыгане, — сказал Геббельс Гитлеру. — И даже... по радио». В январе 1943 года фюрер приказал принять все необходимые меры, чтобы немецкие оперативные планы не становились известными итальянцам. Существует большая опасность, говорил Гитлер адмиралу Редеру, что даже «итальянская королевская семья передает разведывательную информацию Великобритании».

Гитлер ненавидел Савойских, и в частности короля Витторио Эмануэле III, на которого он готов был «спустить всех собак». Но в данном случае фюрер недалек был от истины: информация действительно утекала из Квиринале, и не только на Альбион, шла и дальше — в Штаты.

Тайные переговоры английская и американская дипломатия вела с королевским двором Савойских и Ватиканом. Определенная категория историков считает, что вплоть до 1940 года Муссолини колебался и склонялся к тому, чтобы занять «позиции нейтралитета» взамен на получение земель на Лазурном берегу (Ниц-

ца), в Тунисе, оккупацию нескольких греческих островов. Все эти сведения логичны, намерения, вернее всего, имели место, но не оставили документального подтверждения.

25 апреля 1945 года в Милане в присутствии кардинала Шустера дуче якобы составил послание почему-то именно Черчиллю об условиях капитуляции и сдачи в плен высших иерархов фашистского режима. Письмо это не обнаружено. Утверждают, что его упрятали в один из двух коричневых ящиков-чемоданов и сбросили на дно озера Комо. Архив Муссолини, как мы сообщали, упорно искали в течение десятилетий и не нашли.

Искал, как считают историки и политики, и сам Уинстон Черчилль. Сразу после войны он совершил поездку в район озера Комо, но, видимо, вместе с английскими секретными агентами ничего интересовавшего его не обнаружил. В конце 1946 года заговорили о связке из 62 писем, которые хранил в своем личном архиве Муссолини. Дуче рассматривал некоторые письма как компроматы, которые могли бы поставить в неловкое положение Лондон и лично Черчилля. Эти письма были собраны в отдельную связку, помещены в папку, которая затем была положена в Дамасский банк двумя партизанами из отряда, захватившего и расстрелявшего Муссолини. Но где сейчас эти письма? Неизвестно.

ФРАЗЫ БЕНИТО МУССОЛИНИ И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ О НЕМ

- *Лучше и проще играть, когда «игра без правил» или когда правила постоянно меняются по ходу игры, и всегда в пользу одного из игроков, который при любых обстоятельствах обязан победить. Такая партия мне подходит потому, что я ее изобрел сам. Evviva Duce!*

- Слепым дуче обещал: «Вы увидите, империя и вам обязательно принесет счастье».
- Как-то, обращаясь к одноглазому солдату после победы при Венето, Бенито Муссолини заявил: «Теперь за австрийцами уже не надо смотреть в оба...»
- Мне нужна слава и богатство. Я хочу быть вершителем судеб. Как Наполеон? Нет, больше, чем Наполеон.
- Чем больше врагов, тем больше чести.
- Лучше прожить один день львом, чем сто лет овцой.
- Дипломатия — скрытый вид деятельности. Реалии международной политики лучше держать подальше от непрофессионалов.
- Русские победили в войне вопреки, — а лучше сказать, благодаря — тому факту, что у них была всего одна-единственная газета и одна радиопрограмма.
- Буржуазия нуждается в хорошем ударе кулаком в живот.
- Я не оставляю итальянцев в покое до тех пор, пока над моей головой не окажутся шесть футов земли. Что бы ни говорили, Италию невозможно опруссачить как следует.
- Французскую нацию губят алкоголь, сифилис и журналистика.
- Военные пакты особенно хороши до того момента, когда их приходится выполнять.
- Что еще можно ожидать от народа (англичан), который привык жить комфортно и «сделал своей религией еду и спорт»? Чего же еще вы могли бы ожидать от страны, когда ее население облачается в смокинг для традиционного чаепития в пять часов вечера?
- Итальянцы нуждаются в физической закалке, как немцы в военном успехе.
- Итальянская буржуазия — это среда, всегда вя-

лая по натуре, где царит пессимистичность в высказываниях и пылкая любовь к иностранцам.

- Немцы — всего лишь солдаты, а не настоящие бойцы. Дайте им вдоволь сосисок, пива, масла, да еще небольшую автомашину, и они будут готовы без зазрения совести воткнуть свои штыки в любой народ.

- Почему бы этой глупой мелкой сардинке (речь шла о короле Италии) не научиться не высовывать свой нос дальше нумизматики? Это — единственная вещь, в которой он хоть что-то понимает. Когда закончится война, посоветую Гитлеру выбросить на помойку истории все эти абсурдные анахронизмы в виде монархий.

- Итальянцы всегда были «нацией баранов»... Мне недостает настоящего материала. Даже Микеланджело нуждался в прочном мраморе, чтобы высекать из него статуи. Если бы в его распоряжении была только глина, то он не произвел бы на свет ничего, кроме горшков. Народ, который на протяжении шестнадцати столетий был только накопальной, не может за несколько лет превратиться в молот... Восемнадцать лет недостаточно. Этот мягкотелый народ превращен искусством в бесхребетное существо.

БИТЫЕ КАРТЫ ДУЧЕ. НА БРЕННЕРСКОМ ПЕРЕВАЛЕ

В апреле 1941 года растаяла «жемчужина итальянского фашизма» в Африке — пала Аддис-Абеба перед войсками антифашистского блока. Вновь обрела независимость Эфиопия. Тысячи итальянских солдат попали в плен. Гитлер получил в отношениях с Муссолини дополнительные козыри, чтобы в переговорах бросать слова упресков. На них дуче нечего было отве-

чать. Закладывались основы будущего неравноправия в контактах; определились позиции лидера и аутсайдера, пока строптивного, но все более прирученного и всегда виноватого. Муссолини оставался за столом с битыми картами, но желал все еще выглядеть по-наполеоновски. Почти непогрешимым полководцем, держащим в своих руках управление всеми главными ударами войск, не учитывая голоса, пусть даже совещательного, своих генералов. Все оборачивалось плачевно, и скептицизм Гитлера был вполне обоснован. Это понимал дуче.

Тем более что положение на фронтах было крайне неблагоприятным. Судоходство в зоне Средиземноморья продолжало оставаться опасным для Берлина и Рима. Половина итальянского флота была уничтожена англичанами. Снабжение армии Роммеля в Северной Африке терпело перебои. И за все это должен был отвечать Муссолини, и он вымещал все чаще свое плохое настроение на приближенных и родственниках.

С начала июля 1941 года совещания у Гитлера стали систематическими. Встреча на Бреннерском перевале была уже седьмой в серии личных контактов фюрера и дуче. Она качественно отличалась от предыдущих тем, что Муссолини стал выполнять роль «уступчивого и нерешительного союзника Гитлера, так сказать «нашкодившего мальчика», пропускающего один удар за другим»... Апломб дуче начинал резко идти на убыль...

АРМИЯ ИДЕТ НА ВОСТОК

Германо-советский пакт, подписанный в августе 1939 года, расценивался в Риме как предпочтение, отданное Сталиным и Молотовым Гитлеру и Риббентропу в противовес англичанам и французам. Это было

время, отпущенное на передислокацию сил. После вторжения Гитлера в Чехословакию, в результате чего было раздавлено танками то, что от нее оставалось, после нападения и захвата Италией Албании, после расправы Франко над республиканской Испанией объективные наблюдатели делали единственно обоснованный вывод: мир в Европе и на других континентах не может быть долгим и взорвется в очень скором будущем. До вторжения германских войск в Польшу и начала Второй мировой войны оставалось менее двух недель.

Итак, силы определились. Как позже напишет генерал-фельдмаршал, начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта Вильгельм Кейтель в своих воспоминаниях (1940—1945) «Взгляд в прошлое. Накануне смертного приговора», из союзных и дружественных Германии государств в походе против Советского Союза с первого же момента участвовали Румыния и Финляндия, а сразу после начала бросили в бой свои скромные силы Италия, Венгрия, Словакия: каждая направила экспедиционный корпус, равный моторизованному германскому корпусу, а Словакия — одну легкую дивизию.

Накануне войны Муссолини встречался с маршалом Ионом Антонеску, которому Гитлер вручил Рыцарский крест и обещал полное возвращение Бухаресту Бессарабии. Дуче не мог отстать от Румынии и Венгрии, позволить такой «уступки позиций», как переход во второй эшелон союзников Берлина. Поэтому он широким жестом предложил отправить на фронт моторизованный подвижной корпус, который должен был эквивалентно компенсировать «услуги» танкового корпуса генерала Эрвина Роммеля в песках Северной Африки. Германский ОКВ (Верховный штаб вермахта) был вне себя от этой мизерной помощи, поданной как золотое кольцо к чужой свадьбе.

И помощь эта оказалась к тому же очень неудобной. Отправлять летом 1941 года корпус пришлось по

железной дороге, которая была крайне перегружена, и неизвестно, с военной точки зрения, что это было — помощь или вред? Но пропагандистский шум вокруг этой помощи, конечно, был великий. Италия вместе с Германией.

Пока итальянские войска были на марше к фронту, Муссолини по приглашению фюрера встретился с ним в подготовленной в Галиции второй ставке Гитлера. Два особых железнодорожных состава остановились в специально построенном и хорошо охраняемом туннеле. Генералы вермахта прилетели на нескольких аэропланах к генералу Рундштетлу в Умань.

После общих докладов об обстановке все на машинах выехали приветствовать итальянскую дивизию. Прохождение парадным маршем итальянских частей под громкое «Evviva Duce!» привело фюрера и его генералов к большому разочарованию. Особенно безутешное впечатление производили выслужившие все мыслимые и немыслимые сроки службы офицеры. Возникли большие опасения насчет ценности столь сомнительных вспомогательных войск. (Позже эти опасения Кейтеля только усилились. Как смогут эти полусолдаты противостоять русским, если они спасовали перед «пастушеским народом» греков?) Фюрер же верил в дуче, в его «революционное дело», но дуче был отнюдь не вся Италия, а итальянцы так и остались «итальянцами». «Кому нужен был такой союзник, который не только стоил дорого Германии, не только бросал ее на произвол судьбы, но и предал Германию». (Эта оценка Кейтеля полностью субъективная. Итальянские государственные деятели всегда, при любых обстоятельствах служили интересам Италии. Германию они не предавали. Просто Берлин был далек...)

«Самостоятельное» согласие двинуть на русский фронт экспедиционный корпус не вызвало большого удовлетворения Берлина, которому стратегически было

бы проще не иметь «итальянских флангов» в России, а высвободить свои силы из Африки и перебросить их в Европу. Но с итальянцами пока Гитлер считался, а в Риме с надеждой ждали, когда русские нанесут контрудар и осадят спесь немецкого военного командования и дипломатов. Ждать этого долго не пришлось. После боев за Смоленск стало ясно, что война приобретает затяжной характер, а Гитлер начинал «дуть на русское молоко»...

В августе 1941-го состоялась восьмая встреча дуче и фюрера. На этот раз в Восточной Пруссии. Муссолини летел на личном самолете фюрера и, как он считал, получил выигрышное очко. Пожалуй, последнее в отношениях с Гитлером. Он добился, чтобы его охрана летела в кабине пилота. Мелочь, но приятно. Гитлер легко уступил, понимая, что речь шла о чистой формальности и «протокольном престиже» дуче.

Что дало присутствие охраны в кабине пилота Гитлера? Ровным счетом ничего. Но Муссолини показал: у него есть внешне опытные телохранители и существуют резервы в армии, из которых он готов к пяти прибавить еще десять дивизий и направить их на Восточный фронт! Вот и весь смысл.

В октябре 1941 года Муссолини на девятой встрече несколько осмелел и пообещал Гитлеру увеличить свой воинский контингент в России до двухсот тысяч солдат, большинство из которых входили бы в состав «моторизованных частей». Слово «моторизованный» стало модным тогда, и, как остряли итальянцы, их «моторизованные ноги» работали лучше «при марше назад». Но лучше ехать на лошади, которая могла стать и едой...

Муссолини пока вел иные расчеты: чем больше итальянцев будут брошены в бой, тем большей доли можно будет требовать после победы. Но будет ли «эта победа»? Этот вопрос тогда, осенью-зимой 1941 года, еще старались не ставить в Риме.

В декабре 1941 года был Пёрл-Харбор. Дуче приветствовал японскую атаку на американскую военно-морскую базу и с балкона венецианского дворца объявил о состоянии войны с США.

Апрель 1942 года. Десятая встреча с участием представителей генералитета двух стран, и в частности начальников штабов. Расширение круга участников не нравилось дуче. Во-первых, он не желал повышения авторитета военных, которые могли бы иметь самостоятельные контакты, трудно поддающиеся проверке на лояльность и верность дуче. Во-вторых, «чужие уши» могли слышать язвительные фразы фюрера в адрес итальянского руководства.

На встречах Муссолини по-прежнему работал без переводчика и совершал немалые тактические и стратегические промахи. Издревле римские дипломаты знали, что переводчик нужен не только для точности донесения до собеседников высказанных мыслей и фраз. Еще переводчик позволяет выигрывать время. Пока идет перевод, участники переговоров получают возможность лучше продумать свой ответ, точнее выразить мысль.

От этого дипломатического правила Муссолини отказался сам и многое от этого терял. Хотя в одном дуче был прав: из того, что Гитлер говорил часами, нужно было бы выделить всего минуты полезного времени. Чтобы как-то реабилитироваться перед Гитлером и вновь выглядеть если не наравне, то с достоинством, Муссолини срочно нужны были победы. Пусть небольшие, но победы. Победы, которые при помощи поставленной пропаганды можно было бы превратить в громкие героические дела. Если «муха укусит слона и слон умрет или заболит, то да здравствует та самая славная муха»! В роли такой мухи оказался командир одной итальянской подводной лодки, которая якобы топила крейсера и линкоры противника (корабли, правда, в сводках были без названий, а противник не подтверждал потери), и Муссолини ловко сделал из

«морского льва»-фантазера героя, несмотря на скептическое отношение штабистов. Об этом было доложено фюреру, который выслушал сообщения и неожиданно заявил: «Что же, это хорошо, если и у итальянцев Муссолини прививается вкус к победам. А то у них чаще все бывает наоборот».

«Наоборот» произошло очень скоро, когда англо-американский десант высадился в Северной Африке. Но Муссолини сделал вид, что он этого ожидал и все развивается в соответствии с его военно-стратегическими предвидениями. Об этом он сообщил Гитлеру на одиннадцатой встрече в Берлине и не был понят фюрером.

«Предвидений» было действительно много, но о всех них сообщалось лишь после того, как событие проходило и всем оставалось лишь «констатировать то, что заранее умел предсказать дуче, благодаря эффективности его системы инстинктивных ощущений». Он предчувствовал грядущие победы, а некоторые армейские части оставались буквально без сапог; из ста десяти официально существовавших дивизий не были укомплектованы и пятьдесят пять; в воздух могли подняться едва четыреста боевых самолетов, а авиационная промышленность не успевала и не могла восполнять постоянные потери.

...Многие западные послевоенные наблюдатели, описывая события 1942 года в Италии, считают до сих пор, что Муссолини был неточно ориентирован своими помощниками, делал один за другим ложные шаги, потому что был убежден в возможности продолжать войну еще три и больше лет, не верил в вероятность путча, ареста, наконец, его физического уничтожения, хотя мнительность, подозрительность и другие качества из этого разряда были обострены и доведены до предела. Пружина нервного напряжения могла лопнуть.

За три-четыре месяца дуче потерял в весе. Около двадцати килограммов. Врачи из окружения дуче и призванные специально для консультаций в один го-

лос высказывали подозрения: у дуче возможен рак желудка, возможны и другие заболевания. Время Муссолини сочтено. Нужен преемник. Дуче должен уйти.

Но преемника не было. Не могли подыскать надежной кандидатуры и немцы. Чиано? Слаб. Он мог быть доверенным лицом германской разведки, но диктатором и военным? Никогда. Фариначчи? Он мог претендовать на место среди иерархов фашизма, был секретарем партии фашистов, но не больше. Новый партийный секретарь Карло Скорца? Возможный соучастник в любом террористическом акте, в убийстве, политической интриге, но этот человек был неспособен удержать власть и неделю. Пасьянс был обширным, а выбор сводился опять к одному: Муссолини.

Гитлер предлагал Бенито выехать в Германию, подлечиться, Муссолини отказывался, мотивируя тем, что не может ни на сутки оставлять Италию «не по делам». А личное здоровье, точнее нездоровье, — мелочь. Это было и позерство, и подлинное отражение его тяжелых мыслей. Опасность заговора нависала. Он чувствовал эту опасность.

Весной 1943 года фашистские диктаторы встретились около Мюнхена в замке Клессхейм. Некоторые советники в Италии и за рубежом (в апреле 1943 года венгерский премьер) подбивали дуче возглавить группу государств из гитлеровской коалиции и выступить за сепаратный мир с русскими и союзниками. Но как говорили в Риме, при одном виде Гитлера вся словесная отвага дуче испарялась. То же самое повторилось в замке Клессхейм. Это «явление» Чиано назвал «процессом ораторского затмения дуче».

Муссолини мучился от боли в желудке. А Гитлер без умолку говорил и говорил: крутилась «граммофонная пластинка» фюрера — продолжался монолог Гитлера. Муссолини молчал и уже не вставал в свою привычную внешне независимую «монументальную» позу.

Многое при этом напрягло фюрера. В первую очередь, он не «понял» заявление дуче о том, что фа-

шизм находится на грани катастрофы и он, Муссолини, увы, не видит себе наследника, который бы «продолжил революцию» в случае его, Муссолини, смерти.

Позиция Муссолини утвердила в Гитлере подозрение, что итальянцы — неверные союзники и следует подготовить пять-шесть дивизий для оккупации Италии в случае предательства Рима. В мае в Германии несколько полковников и генералов создали штаб для разработки операции по свержению итальянского правительства. Среди итальянских воинских подразделений Берлин делал ставку на фашистскую милицию, на вооружение которой предполагалось поставить даже тяжелые танки. А те были уже на счету и были бы нужнее на Восточном фронте...

В середине июля 1943 года Гитлер настоял на очередной — тринадцатой — встрече, состоявшейся на севере Италии, в Фельтре. Фюрер не исключал, что в Италии могут прийти к власти силы, которые заключат сепаратный мир с государствами противника, и тогда позиции Германии были бы еще больше ослаблены. Какой выход? Реорганизовать итальянские войска и поставить их под непосредственное командование Германии.

Муссолини выслушал двухчасовую речь фюрера, хотел выразить Гитлеру свое мнение: Италия больше не в состоянии участвовать в войне, но не хватило ни сил, ни воли.

Позже врачи скажут: дуче 19 июля 1943 года перенес непродолжительный микропаралич мозга. Все последующие встречи будут проходить уже в другом качестве, когда Муссолини явно находился в положении не партнера, а «вассала» Берлина.

...Спустя несколько дней, 24—25 июля 1943 года собрался почти в полном составе Большой фашистский совет. Заседания продолжались более десяти часов. В результате девятнадцать членов совета (против семи) решили обратиться к королю с вопросом, готов ли он найти альтернативный политический курс (в проти-

вовес Муссолини), чтобы спасти Италию от дальнейших разрушений и гибели.

Муссолини проявил не свойственную ему нерешительность. Что-то происходило. И даже полвека спустя никто однозначно не может объяснить, что случилось тогда с дуче. «Паралич ума»? Но он быстро не проходит. Угрызения совести? Не для Бенито Муссолини в его без четырех дней тогда шестьдесят лет...

Возможно, «в путче против себя», в свержении и даже в том, что он будет убит, Муссолини видел выход из жизненного, политического и военного тупика? Вряд ли. Муссолини не был Юлием Цезарем, который мог знать об угрозе заговора и ничего не предпринять. Так или иначе Муссолини не предпринял ничего, а 25 июля отправился на виллу «Савойя» на встречу с королем.

«Не ходи!» — советовала супруга Ракеле, когда Муссолини надевал темно-синий костюм, а не военный френч, чтобы быть в гражданской одежде на королевской вилле.

«Не ходи», — умоляла дуче Кларетта Петаччи, когда он сказал ей о своем намерении в 17 часов видеть короля и доложить о решении Большого совета. Предчувствия двух женщин, двух противниц, знавших и искренне любивших Муссолини, были верны. Недаром в Риме числа 15 и 17 считаются «сатанинскими», несчастливыми.

Муссолини не арестовал (непонятно, откуда такая демократичность, либеральная слабинка) девятнадцать членов Большого совета, но становилось ясно, что у этих девятнадцати не оставалось другого решения, как арестовать самого Муссолини. Иначе уже 26 июля он покончил бы с ними... Но история не домысливается, история не знает условных наклонений и слова «если»...

Следующие встречи Гитлера и Муссолини пройдут уже после освобождения дуче из-под ареста на Гран-Сассо из Кампо-Императоре. Но это уже будет начало агонии двух фашистских режимов, и встречи обретут

совершенно иной политический и психологический характер и смысл.

За девятилетний период регулярных встреч лидеры фашизма Гитлер и Муссолини прошли через разные, порой очень сложные и стремительные периоды в своих взаимоотношениях. То расходились удовлетворенные, полные уверенности, что новый мир будет «вращаться вокруг оси Берлин — Рим», то выглядели словно матросы со спасательных кораблей, пытающиеся удержать на плаву неуклюжий фрегат, потерпевший кораблекрушение в открытом и бурном море. Изменились и сами вожди. Постарели, претерпели многие кризисы и удары.

Муссолини все реже стал появляться на балконе палаццо «Венеция» и объявлять о своих «головокружительных победах и сногшибательных планах». Он начинал словно терять свою театрално-монументальную позу, без которой «Муссолини становился не Муссолини», и его могла бы не узнать толпа, даже если бы он стоял на своем балконе один, потерявший голос, блеск глаз, двадцать килограммов веса в животе, шее, щеках, а рука больше не летела с бедра вверх в римском приветствии.

Гитлер был моложе дуче, но и на его внешнем виде сказались эти годы. Фюрер словно шадил Муссолини, стремился лишний раз не задевать большое самолюбие дуче. Бенито научился в присутствии фюрера больше молчать. Он был словно «подавлен энергией Гитлера», постепенно, в силу складывавшихся обстоятельств, поражений на фронтах и отступлений итальянских армий, сдавал одну позицию за другой, и наконец он скатился до положения балласта, который пока не сбрасывали, но от которого могли освободиться в любой миг.

Большой фашистский совет 24—25 июля был сигналом «SOS». Берлин быстро вычислил, что больному и поверженному дуче не было замены на политическом горизонте Италии, и его предстояло спасать... в инте-

ресах Германии. Но пропагандистски все представлялось как проявление фашистской солидарности, взаимодействия, взаимовыручки и боевого единства... Хотя и это было не последним элементом в отношениях фюрера и дуче и отрицать их симпатии было бы неверным.

Сорок пять дней провел Муссолини в тюрьмах. В ушах звенели слова фюрера: «Нет, дуче, вы не умеете и не можете быть настоящим диктатором. Как бы ни пыжились, ни напрягались»...

Евгений Доллманн — начальник германской секретной службы СС в Риме (он же переводчик Гитлера, он же постоянный собеседник Муссолини) вечером 25 июля вместе с послом Гансом Георгом Макензенем ожидали кого-либо «камератов» для выработки совместных планов действий и направления срочной шифротелеграммы в Берлин.

Первым в посольство прибыл Фариначчи, и то лишь затем, чтобы получить визу для въезда в Германию. «Знает кошка, чье мясо съела», — только и буркнул Доллманн.

Какова была реакция в Риме на «отставку» Муссолини?

«Известие застигло народ врасплох. Люди реагировали на него как на внезапное освобождение от кошмарного сна. Все вспомнили, что во времена фашизма людей насильно стогнали на площади для инсценировки искреннего одобрения мероприятий правительства дуче. Теперь впервые за двадцать лет проходили стихийные демонстрации, люди давали выход гневу и чувству мести: срывали фашистские эмблемы с домов, громили помещения фашистских организаций, но не трогали тех, кто там находился. Все вдруг поверили, что в один миг все черное прошло. И никто будто не обратил внимания на слова короля: «Война' продолжается». Будто ее и не было вообще...

Начался (медленно и неуверенно) процесс дефашизации. Новое правительство маршала Бадольо, словно

вопреки своей воле и формально, попыталось придать антифашистскую видимость своей политике. Особенность «момента» заключалась в том, что, с одной стороны, в Италии сохранялся страх перед Германией, и никто не отменил ни одно из заявлений о верности в отношениях с Берлином; а с другой — англо-американские войска были уже на Сицилии, ощущался коренной перелом на фронтах в пользу стран антигитлеровской коалиции, хотя официально «второй фронт» в Европе еще не был открыт и до высадки в Нормандии оставался еще почти год...

Состояние здоровья дуче, как замечал семейный врач Сандрино, находилось в прямой зависимости от сводок, получаемых с фронтов. Конечно, давала о себе знать и старая рана, полученная в Первой мировой, и последующие травмы. Муссолини вынужден был носить сапоги, застегивавшиеся сзади на молнию. Шнурки были только для вида. Но это был «общий вид». Суть была в другом: все летело стремительно вниз по наклонной плоскости. Муссолини это понимал, видел конец и не желал, не мог уже активно сопротивляться. Мистицизм? Да. Отчасти. Парализованная воля? Пока еще нет.

В августе-сентябре 1943 года события развивались быстро. 3 сентября подписан и 8 сентября 1943 года оглашен акт о капитуляции Италии. Условия документа англичане и американцы оговорили с СССР и лично с И.В. Сталиным, который требовал безоговорочного выхода Италии из гитлеровской коалиции. А что же Бенито Муссолини? Ожидалось его предание вместе с другими фашистскими лидерами международному суду.

Но все развернулось по иному сценарию. Немецко-фашистские войска за несколько дней оккупировали Италию от Альп до Неаполя. 10 сентября 1943 года захватили Рим. 13 сентября Бенито Муссолини был освобожден из-под ареста в Аbruцци, в горах на Гран-Сассо, 2915 метров над уровнем моря. По личному при-

казу Гитлера немецкий отряд из 500 эсэсовцев, горных егерей и десантников под негласным командованием капитана СС Отто Скорцени провел в течение 23 часов боевую операцию «Студент» (название закодировано не в честь какого-то студента, а по фамилии генерала, разрабатывавшего операцию). Скорцени прибыл на Гран-Сассо в форме матроса и затем доносил в ставку Гитлера: «Мой фюрер! Я освободил Муссолини. Доложил капитан Скорцени!». В ответ из Берлина последовало: «Спасибо, майор Скорцени». Об этом эпизоде говорится теперь даже в туристическом путеводителе «Экотура» о Гран-Сассо, но до сих пор ни в одном официальном источнике не дается объяснение, почему бывший капитан, ставший майором, не выполнил план гитлеровской ставки: операция «Студент» задумывалась не только как акция по вызволению Муссолини, но и как сигнал к ликвидации большинства высших итальянских военных, аресту короля и папы римского Пия XII, вывозу сокровищ Ватикана в Германию. Анализируется множество версий, но нет даже полвека спустя окончательного ответа на вопрос: почему все-таки уцелели итальянский король, папа римский и сокровища Святого престола? Не раскрыты и поэтому молчат архивы Ватикана тех лет...

Итак, после освобождения дуче сразу же встретился с фюрером. И гот не заставил его ждать в приемной. А вскоре в местечке Сало дуче объявил об образовании Итальянской Социальной республики. Все было оговорено с Гитлером.

В октябре 1943-го созданы первые партизанские отряды гарибальдийцев — в движение итальянского Сопротивления влились до ста тысяч бойцов, среди которых были бывшие военнопленные советские солдаты. Началась партизанская война. В этих условиях встреча Гитлера и Муссолини состоялась в июле 1944 года. Сразу после покушения на фюрера группы германских высших офицеров. Гитлер подал Муссолини левую руку, правая была забинтована.

Дуче тщетно пытался выведать у фюрера информацию не о заговоре, а о новом «оружии возмездия», и почему это «сверхоружие рейха» до сих пор не пущено в действие? И второе: Муссолини добился, чтобы около миллиона итальянских военнопленных, захваченных гитлеровцами в 1943 году, получили статус гражданских лиц.

• • •

Хронология встреч Гитлера и Муссолини — это целая вереница, последовательная военно-дипломатическая история «оси Берлин — Рим», оценка личных отношений фюрера и дуче, которые на деле были гораздо сложнее, чем представлялось внешне. Все было покрыто толстым слоем лака, под которым зияли глубокие следы личных и межгосударственных «царапин».

До начала войны против СССР в Берлине знали, что думал дуче о военном потенциале русских, — и это была большая «зазубрина» для фюрера. Поэтому Гитлер не спешил информировать дуче о всех деталях подготовки к войне. Проследим и проанализируем, какие записи сделала Ракеле Муссолини об объявлении Германией войны Советскому Союзу, какая была реакция дуче, какие сводки получал Рим с фронта, как менялся боевой дух Муссолини и т.д.

ИЗ ДНЕВНИКА РАКЕЛЕ МУССОЛИНИ. ХРОНИКА ПЕРВЫХ ВОЕННЫХ ЛЕТ

22 июня 1941 года

Июньской ночью, находясь в Риччоне, я была разбужена звонком телефона, стоявшего возле моей кровати. Я спросила, что хотят от меня в столь неурочный час. Звонил военный атташе германского посольства. Он настойчиво требовал к аппарату дуче. Я спросила, нельзя

ли перенести разговор на утро, чтобы не будить дуче. Собеседник настаивал и в конце концов, чтобы оправдать срочность вызова, сухо произнес: «Я должен поставить в известность дуче о том, что Германия объявила войну России.

Муссолини быстро взял трубку, не стал выслушивать сообщения, заговорил по-немецки жестким, протестующим тоном. Он говорил долго, затем сказал мне: «Это безумие. Это будет нашим крахом. Я думаю, что Россия сама никогда не напала бы на нас. Германия умеет воевать, но не умеет делать политику».

Ракеле часто повторяла эту фразу...

Дуче уехал в Рим. Решение о посылке на фронт итальянского экспедиционного корпуса под командованием генерала Мессе было принято незамедлительно. Муссолини сказал: «Мы должны всеми средствами помогать и способствовать блицкригу. Или Россия падет в течение нескольких месяцев, или она не падет никогда».

Дочь Эдда, оправившись после катастрофы в албанских водах, добилась разрешения об отправке на русский фронт. Она пробыла три месяца в Сталино.

4 августа 1941 года

Бенито вернулся домой довольный. Он показал мне телеграмму генерала Мессе. «Наши продолжают наступать, — кричал он. — Мы разбиваем сопротивление русских. Ты понимаешь, что именно там следует сейчас быть. Необходимо показать всему миру, что не только немцы умеют побеждать!»

7 октября 1941 года

Гитлер лично объявил Муссолини о взятии Орла. «Орел — это ворота в Москву, — сказал Муссолини, — но нужно успеть крепче затянуть петлю, так как зима не за горами».

Дуче имел представление о том, что делалось на русском фронте. Он побывал в дивизиях итальянского

экспедиционного корпуса на Украине, куда летал вместе с Гитлером и своим сыном Витторио.

Был разгар лета. Самолет плыл над бескрайними полями пшеницы. Где-то внизу тянулись колонны людей. Муссолини не нравилось, что немцы в зонах оккупации жестоко обращаются с населением, между тем как, по его мнению, «победитель должен гуманно относиться к гражданскому населению побежденных стран». Иначе посеешь ветер...

Осень не принесла конца войны. Зимнее наступление русских, писала Ракеле, заставило отказаться от надежды на быструю победу на Восточном фронте. Бенито с тревогой следил за сообщениями с позиций итальянского сектора фронта. Он жаловался, что обещания немцев о поставках оружия и материалов для продолжения боевых действий не реализуются вовремя, войскам приходится сражаться в тяжелейших условиях. Плохие новости с русского фронта переплетались с сообщениями о новом отступлении в Ливии, где ситуация вскоре восстановилась благодаря взятию Тобрука и установлению линии Эль-Аламейн.

Немногие верили в строгость распоряжений, данных Муссолини. Распоряжения легко давались и легко не выполнялись с самого начала войны. Например, относительно семейных бюджетов с целью ограничить потребление. Но семья Муссолини отказалась от воскресных прогулок на авто. Сам Бенито пользовался машиной, только когда ему нужно было ехать с виллы Торлония в палаццо Венеция или по каким-либо делам службы.

• • •

Его «картинные позы» еще не менялись.

Когда дуче испытывал приливы злобы (а это происходило все чаще, когда его посещало и «поглощало красноречие»), он вставал позади своего письменного стола, обхватывал ладонями бедра (и это выгляде-

ло «сильнее», чем подбочениться), вскидывал огромную бритую голову, устремлял пристальный взгляд на своего или своих *vis-a-vis* и начинал говорить, постепенно переходя или срываясь на крик. Это значит — дуче был в ударе. В шоке чаще всего оказывались собеседники или «вызванные на ковер» сотрудники палаццо Венеция в римской штаб-квартире Муссолини.

Особенно такие выступления становились опасными после каждого телефонного звонка из Берлина, разговора со штабистами или порученцами Гитлера.

• • •

11 марта 1942 года в Риме, состоялось отпевание герцога д'Аоста. Он попал в плен к англичанам и умер в клинике Найроби. На заупокойной мессе присутствовали король, королева и высшие государственные сановники, все награжденные лентой Провозвестницы, мужчины и женщины. Ракеле приехала в церковь на автобусе. Когда церемония была закончена, все присутствовавшие в церкви собрались на паперти, чтобы проводить отъезжавших монархов. Они уехали, но никто не двигался с места. Оказывается, все искали машину Муссолини — второго по значению лица на панихиде. А машины не было... Экономия, называется.

• • •

В начале лета 1942 года крупные стратегические операции армий «оси» были успешными. В России, где итальянский экспедиционный корпус под командованием генерала Гарибальди был усилен и назывался теперь АРМИР, войска вышли к Дону и дальним рубежам Кавказа. В Северной Африке генерал Роммель, к этому времени ставший уже фельдмаршалом, подготавливал наступление на Александрию в Египте.

...29 июня Бенито уехал на африканский фронт, откуда вернулся вечером 21 июля. По его виду Ракеле

поняла, что дела обстоят не лучшим образом. И сам Дуче не скрывал этого:

«Большие беспокоят военные действия». На обратном пути он сделал остановку в Афинах и нашел, что положение там «не очень хорошее, немцы, по своему обыкновению, проводят жесткую политику. Хлеба не хватает...»

9 ноября 1942 года

Это — месяц скверных новостей. Высадка американцев в Северной Африке способствовала ухудшению состояния Бенито. Доктор Поцци каждый день приходит делать внутривенные инъекции, но никакого улучшения. Наоборот, Бенито продолжает худеть.

15 ноября 1942 года

Итальянские войска заняли Ниццу и высадились на Корсике. Дуче сообщил об этом без особого воодушевления, поскольку параллельно продолжалось отступление итальянских армий в Ливии. Трудно было на Восточном фронте. Доктор Поцци продолжал вводить Муссолини внутривенные инъекции.

25 ноября 1942 года

Ко всем несчастьям в Ливии добавились непрерывные бомбардировки противником крупных северных городов. Дуче постоянно долго совещается по телефону с префектами атакуемых городов, но разве этим можешь?

30 ноября 1942 года

Вечером дуче имел долгую беседу с Герингом, внезапно прибывшим в Рим. Кажется, между Роммелем и итальянскими генералами существуют серьезные разногласия. Геринг обещал помочь в живой силе и технике. Но когда?

16 декабря 1942 года

Дуче не едет в Германию. Он послал Чиано, который молод, здоров и не почувствует двух дней, проведенных в

поезде. Читая доклады из Берлина, не содержащие ничего, кроме плохих новостей из России, Бенито взрывается: «Ну что заставило фюрера втянуться в это болото? Чего он ждет? Почему не попытаться заключить соглашение?»

25 декабря 1942 года

Грустное Рождество! В Ливии, в России — нигде нет лучика надежды на возможную передышку; Бенито вновь вынужден соблюдать постельный режим.

12 января 1943 года

Сегодня был неожиданный звонок из Рима. Это муж. Я поражена его усталым голосом: «Ракеле, мне по-прежнему плохо. Я решил приехать к тебе в горы надеюсь там прийти в себя».

14 января 1943 года

Дуче крайне озабочен судьбой Триполи, что, естественно, сказывается на его самочувствии. Неужели не удастся победить недуг? Подозрения на рак. Бенито согласился на новую консультацию с профессорами Фругони и Чезаре Бьянки, которого Муссолини знал давно. Это почти семейный врач. Он лечил дуче в 1925 году. Доктор Поцци взялся пригласить еще двух профессоров.

23 января 1943 года

В стране было объявлено о потере Триполи. Уныние царит повсюду, какое разочарование для всех! Теперь единственной надеждой оставалось сопротивление Туниса.

6 февраля 1943 года

Донимают телефонные звонки. Все просят дать информацию о почти тотальной смене кабинета. Уже на прошлой неделе произошли важные перемещения в высшем командовании: Амброзио сменил маршала Кавальеро. Теперь отзывают Гранди, Буффарини, Паволини,

Боттаи и других. Кажется, Чиано станет, по собственному желанию, послом при Святом престоле.

Информация соседствует с дезинформацией. Говорят, что в центре заговора стоит Кавальеро, он замыслил смещение Муссолини и даже похищение Ракеле.

Муссолини сказал, что Галеаццо угрожал броситься в реку, если ему не дадут пост посла в Ватикане. Эти смены состава кабинета должны были, по замыслу Муссолини, сдерживать растущее недовольство широких слоев населения, озлобленных против министров, положить конец критике, направленной против Чиано. Министры же обращались к Бенито с просьбами пристроить их каким-либо образом.

20 февраля 1943 года

Мы снова в Рокка. Бенито поправляется, к нему вернулся прежний цвет лица.

26 марта 1943 года

После стольких попыток наступление англичан и американцев в Африке, похоже, остановлено. В планы Муссолини входила новая встреча с Гитлером.

30 марта 1943 года

После нескольких дней размышлений доктор Поцци сказал, что дуче может поехать в Германию, но только по железной дороге.

6 апреля 1943 года

Ракеле проводила Бенито в Зальцбург, рекомендуя ему внимательнее относиться к своему питанию, а также поставить все точки над «i» в разговоре с Гитлером. Итальянцы готовы драться, но у них должны быть для этого средства. Им надоело ходить в бедных родственниках.

2 мая 1943 года

Бенито расплачивается за свою поездку в Зальцбург. Боли в желудке возобновились. Доктор Поцци назначил новое обследование. Профессор Бьянки обдумывает такую возможность.

6 мая 1943 года

Спротивление итальянских войск в Тунисе продолжается, но нет никакой надежды, потому что подступы блокированы вражескими кораблями и самолетами. Муссолини сам смирился с неизбежным. Но не настанет ли очередь Италии?

17 мая 1943 года

На следующий день после получения известия о падении Туниса Бенито уехал из Рима в Рокка. Бенито невыразимо страдает из-за возобновившихся бомбардировок. Он предполагает попытку вражеского вторжения на Сицилию и на полуостров. Этой ночью он почти не спал.

30 мая 1943 года

Государственные дела и необходимость быть под наблюдением врача вынуждали дуче чередовать свое пребывание в Риме с краткими часами отдыха в Рокка. 19 мая он уезжает в Рим, а 26 он уже снова здесь, в Рокка. Сегодня черный день. Привратник застал Муссолини в его кабинете, скорчившегося от боли, на полу. Он выбежал, взволнованный, со словами: «Дуче умирает!». Дуче пришел в себя. Оклемался. Выкрутился...

29 июня 1943 года

Мы уехали из Рима, потому что дуче предстояло принять в Рокка представителей Румынии. Делегацию возглавлял посланник Михай Антонеску; он подарил Ракеле яркий национальный румынский костюм.

• • •

Муссолини было ясно, что он имел дело с политической на поражение, подспудно проводимой в высших военных и политических сферах. Кое-кто шел на откровенное предательство, кое-кто состоял в заговоре против режима и лично против Муссолини.

Среди этих замаскированных врагов был Дино Гранди, президент Палаты боевых союзов и корпораций, экс-министр юстиции, Джузеппе Боттаи и Фредерико Федерцони, президент итальянской Академии. К этой группе примыкал и зять Чиано. С некоторых пор отношения с Чиано стали прохладными. Ракеле не одобряла его манеры вращаться в аристократических кругах Рима, от которых Бенито старался держаться подальше. Чиано несколько раз обвинил Ракеле в том, что она «продолжала носить старые платья» и желала оставаться тем, кто она есть по своему происхождению, то есть женщиной среднего социального положения. Виделись они редко и при встречах ограничивались несколькими подобающими случаю фразами. Ничего больше. Но информация о его критическом отношении и даже фрондерстве поступала со всех сторон.

18 июля 1943 года

Бенито уехал на встречу с Гитлером. По его мрачному лицу Ракеле догадывалась о том, что он собирается сказать союзнику. И не решался...

19 июля 1943 года

Случилось то, чего так долго опасался Бенито: бомбят Рим. Эта угроза висела уже в течение долгих месяцев, несмотря на переговоры, предпринятые этой зимой при посредничестве Ватикана. Еще раньше Ракеле спрашивала Бенито: «Зачем в Риме все время объявляют воздушную тревогу?» «Потому что в один прекрасный день на Рим обрушатся бомбы и нужно, чтобы жители при-

выкли спускаться в убежище», — ответил он. «Но римляне не верят в эти объявления, убежденные в неприкосновенности Вечного города. «Ну что ж, это хорошо! Очень скоро они расстанутся со своими иллюзиями!»

• • •

19 июля, как обычно, Ракеле занималась своими домашними делами на вилле Торлония и ничуть не испугалась, услышав вой сирен. Но вдруг донесся рев летящих низко самолетов, а за ним — грохот взрывающихся бомб. В результате первой атаки особенно пострадал квартал Сан-Лоренцо, находящийся в километре от виллы Торлония. Только тогда Ракеле решила спуститься в убежище вместе с горничными и несколькими рабочими виллы. Следующие три бомбы упали по соседству с парком, одна — у железной ограды.

20 июля 1943 года

Вечером Муссолини вернулся из Фельтре. Он приехал усталым после всего одного дня, проведенного в Венеции. А Рим переживал трагические часы бомбежки. Утром он первым делом пошел отдать последний долг генералу карабинеров Хадзону, убитому во время бомбежки. В два часа он возвратился к обеду, расстроенный масштабами несчастья и взбешенный тем, что помощь не была организована согласно распоряжениям, которые он отдал по телефону из Фельтре. «Все думают только о себе. Так не организовать оборону», — говорил дуче.

ФРАЗЫ БЕНИТО МУССОЛИНИ И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ О НЕМ

- *Фашисты отождествляли свой режим, свою партию с нацией, видя в этом свою главную силу.*
- *Надо уметь подавать малое, как золотое кольцо к чужой свадьбе.*

- *Зачем объявляют воздушные тревоги? Затем, чтобы приучить к возможности бомбежки, иначе потом звук сирены уже никто не услышит.*
- *Может ли умереть дуче? Да. Но очень многие умрут сначала, до него.*
- *Можно ли отказаться от воскресных прогулок на автомашине? Да. Если нет машины, нет бензина, некуда ехать или запретил дуче.*

ГЛАВА VI

ОБЛОМКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (В ПЕРИОД ФАШИЗМА И ПОЗЖЕ). МОСТЫ ИСТОРИИ И ВРЕМЕНИ

Приход фашистов к власти в Италии и Германии застал на территории этих стран многих выходцев из России, бывших белогвардейцев, дворян, членов императорской семьи, их бывшего ближайшего окружения и казаков. Многоликой была «русская масса» в Западной Европе. В Италии русская община не была столь многочисленной, как во Франции, Англии, Германии. Русские с удовольствием проводили в Риме, Неаполе, Венеции, Милане несколько недель, но жить постоянно!.. Природа, и та не «соответствовала» рус-

ской душе. Итак, оседали в Италии единицы. Но как к ним, этим «единицам», относился фашистский режим Муссолини?

С этим вопросом я обращался к русским из «первой эмиграции» — к представителям русского зарубежья первого поколения после гражданской войны в России, к тем, кому к началу Второй мировой войны было 20—25 лет, и они уже могли четко определить свое отношение к войне, к политическим режимам, к своей исторической родине и к стране, давшей им убежище, кров...

— Наша семья попала в Италию в начале войны, — рассказывал мне президент Ассоциации членов императорской фамилии Николай Романович Романов. — Чувствовали мы, Романовы, себя двояко. С одной стороны, мы были всегда русскими, с нашими привычками, обычаями и, если хотите, с нашим «высшим чувством долга» перед Россией, перед окружающим нас миром. С тоской — мы чувствовали себя везде «временными», верили, правда, с каждым годом, десятилетием и тем более после четверти века эмиграции все меньше и меньше, что однажды вернемся в первопрестольную, Петербург (Ленинград), в свои имения, что будут возмещены утраты, но главное — восстановлено положение в обществе России. Мы понимали, что для этого нужно было свержение коммунистического режима, реставрация пусть не монархии, но установление по меньшей мере буржуазного республиканского строя.

— Фашистские режимы Италии и Германии могли бы для достижения этих целей стать самыми удобными режимами?

— Не скажите. Мы, Романовы, не приняли ни фашизм, ни национал-социализм. Для нас, как говорят, хрен редьки не слаще. А когда началась Вторая мировая война, ни один из Романовых не был предателем России. Мы следили за информацией с Восточного фронта, переживали за каждый сданный город, радо-

вались, когда отбивали каждое селение. Мы тоже готовы были сражаться. Но только в душе. Других способов у нас, казалось, не было... И к нам никто не обращался. А зря.

В Италии нас, Романовых, вообще выходцев из русского дворянства при Муссолини не преследовали. Мы продолжали наши общения. Регистрация, конечно, была. Но это — больше для порядка. А где ее не было? Всех тогда регистрировали. В других странах это называлось «пропиской», «систематизированием в префектуре» и т.д. Когда в Рим вошли немцы, и учитывая особенно то, что мой отец и я отказались от предложения Муссолини занять трон Черногории, нам в целях безопасности благожелатели предложили скрыться.

Скрывала мою бабушку и нас сама королева Италии, затем Романовы нашли приют в Ватикане... Однажды королева в одной комнате принимала Муссолини, а в соседней были мы, Романовы. И все было тихо, нормально...

— Мы, русские, не чувствовали себя иностранцами в Италии. Тем более что родились, как и большинство моих сверстников, после революции, — рассказывала княгиня Ирина Голицына. — В Италии Муссолини нас никто не преследовал, не ограничивал в правах. Мы жили своей жизнью, со своей русской непосредственностью, пели, танцевали, влюблялись...

— Мы не были нигде иностранцами. Мы везде были Шаляпиными, — отмечал Федор Федорович Шаляпин — сын знаменитого певца, актер Голливуда, вечный шутник, и в восемьдесят лет ездивший по улицам Рима за рулем автомобиля. — Я видел и слышал Бенито Муссолини и скажу, что он меня раздражал. Он зажигал толпу, а это всегда небезопасно. Особенно когда мир находился на грани войны. Я понимал, ощущал это всем своим «русским нутром». Я встречался с Эрнестом Хемингуэем. Вот кто умел смеяться над Муссолини. Но Хэм понимал силу дуче.

А вот что говорил Ивано Платини — наследник донских казаков. Когда-то его прадед носил фамилию Платов, был то ли хорунжим, то ли есаулом войска Донского. В 1920-м попал в Италию. Что он умел? Ничего, кроме несения воинской службы. Но по законам Италии на охранную королевскую службу в армии принимали только итальянцев. Так ловкий казак Платов стал Платини. Его друг Катин — Катини и т.д. Этим постреволюционным казакам в Италии повезло. Они надежно осели, и их потомки никакой дискриминации ни во времена Муссолини, ни позже практически не испытывали. Здесь прописали бы даже Ленина, если бы он стал Ленини, а Сталин — Сталини. Конечно, при одном условии: чтобы они не выступали...

Другое дело казаки, прибывшие на Адриатическое побережье в ходе так называемой «второй эмиграции» — во время Второй мировой войны. Их судьба сложилась трагически. Многие погибли в зоне Триеста, на североитальянской и югославской территориях. Более двухсот тысяч были после 1945 года насильственно возвращены в Советский Союз... Многие ли остались в живых?

Судьба русских людей в эмиграции складывалась в разное время после революции 1917 года по-разному. Я расскажу лишь некоторые истории об известных выходцах из знаменитых российских фамилий: на мой взгляд они дают новое представление о многих событиях, освещают ряд фактов, которые выглядели иначе по официальным историческим версиям.

Я храню в блокнотах записи о встречах, беседах, интервью с моими соотечественниками в Италии и теперь впервые имею возможность в наиболее полном виде познакомить с ними читателя. Это — из моего «золотого запаса» журналистских расследований.

В КАФЕ «ГРЕКО» С КНЯЗЕМ НИКОЛАЕМ РОМАНОВЫМ

Князь Николай Романович Романов обычно принимал меня в Париоли, на своей квартире в Риме, но с некоторых пор мы изменили место встречи. Теперь усаживались за столиком в маленьком зале одного из самых известных кафе Рима — «Греко» на улице Кондотти, где когда-то бывали Н.В. Гоголь, Адам Мицкевич и многие другие знаменитости разных веков и народов. Князь Николай настроен, впрочем, как обычно, на философский лад. Его энциклопедические знания — результат большой и насыщенной учебной, чтением, трудом и путешествиями жизни.

— На мой взгляд, бессмысленно рассуждать на тему: каким может быть государственное устройство России, — говорил князь Николай. — Пустое раскачивание маятника настроений в нашем обществе — разговоры об отношении к династии Романовых и вообще к Романовым до революции и во время революции, в войну и после нее. Теперь многое стоит на своих местах. Но все ли? В «интересах нравственного возрождения России, исполнения морального долга, искупления вины народа и большевиков перед монархией» уже совершено покаяние перед императорской семьей. Это хорошо. Хотя ничто не изменилось. Одни слова...

В смутные периоды российской истории (и не только российской) всегда поднималась определенная волна. И этим спешили воспользоваться в корыстных устремлениях политические ловкачи и те, кто так или иначе оказывался в их окружении или на поверхности общества. Они не так уж безобидны, эти люди. Они используют тяготение общественности познать отечественную историю «без купюр и искажений» (что практически невозможно), предлагают свои интерпретации, пытаются навязать свою «логику» сегодняшнего и завтрашнего дня. И не только России. И что же обще-

ство? Для многих закономерно не закрыты вопросы: надо ли было перезахоранивать останки царской семьи, расстрелянной в Екатеринбурге? И да, и нет. Было как было... Есть как есть... Всегда фатально...

В печати до сих пор некоторых потомков Романовых именуют «великими князьями», «великими княгинями» и, по привычке, не ставится под сомнение законность прибавления царственного слова «великий». А что говорят по этому поводу законы самой императорской фамилии? И наконец, сколько осталось на земле Романовых, каковы их взгляды, отношение к прошлому, настоящему и будущему России и к самим себе? Некоторые политики говорят о существовании некоего «резервного пространства», из которого якобы можно когда-нибудь «вычерпнуть» престолонаследника в России, как это было, например, 21 февраля 1613 года, когда Великий Земский собор единодушно избрал на царство боярина Михаила Федоровича Романова, «ближайшего по крови угасающему царственному роду Рюрика и Владимира Святого».

Я знаю князя Николая — старейшину дома Романовых, историка, писателя, художника, библиографа, философа уже многие годы. Знаю, насколько взвешивает он каждое слово.

— Меня постоянно терзает мысль, — говорит князь Николай. — Многие считают, будто я преследую собственные интересы или защищаю монархические интересы фамилии Романовых. Я же по своим воззрениям и жизненному опыту — демократ, республиканец, антифашист. Смотрю на развитие событий с позиций исторической давности, оцениваю свершившиеся факты, вижу только их реальность, не добавляю сеющее сомнение слово «если». Моя главная идея: у России есть только одна история. Она неразделима. «Рвы-пропасти» времени должны быть засыпаны. Они мешают прогрессу отечества. В Италии в течение двадцатилетия был фашистский режим Муссолини. И это нельзя

изменить. Это — история Италии. И сегодняшняя Италия связана с историей годов минувших.

Я глубоко убежден, что в России не может быть восстановлена монархия. Настоящее и будущее страны — президентская республика с демократически и свободно избранным парламентом, многопартийной системой, последовательным проведением политики реформ, стабилизацией и выводом России из разрухи. В Италии реставрация монархии возможна только теоретически. Фашизм больше не пройдет. Но чем, как говорят...

В истории России реформы не раз предлагались и не доводились до конца. Так было при Александре I, Николае I, Александре III и позже. Реформы проваливались, и в оправдание всегда говорили: то к ним не было готово дворянство, то не созрел российский крестьянин... Всегда что-то мешало. Процессы реформ опасно подгонять, но не менее опасно их затормаживать или извращать. В этом Италия и Россия политически всегда были близки.

— Какова может быть роль нас, членов семьи Романовых, в настоящей и будущей истории отечества? — спрашивал князь и сам отвечает: — Мы должны отбросить все, что нас разъединяло с родиной. Не время подогреть и возродить вражду из-за ответственности за прошлое. Надо наводить мосты и смотреть в будущее России. Мы, Романовы, своими знаниями, связями, опытом можем еще послужить отечеству. Са-войские тоже могут служить Италии.

— Я внимательно слежу за печатью, — продолжал Николай Романович, — и знаю, что в стране и в некоторых российских кругах за рубежом проявляются монархические настроения. Этому не следует удивляться. Желющие возродить былое, но в своих сегодняшних интересах, всегда находятся. Но они, не создав новых законов и обычаев, успели забыть старые каноны. Существовал закон Петра Великого, который гласил, что царствующий император должен указать на-

следника. (Николай II отрекся от престола в марте 1917-го, погиб вместе с цесаревичем Алексеем в ночь с 16 на 17 июля 1918-го. Наследника не осталось.) Но был закон Павла I, другие императорские законоположения, по которым наследование престола шло по прямой мужской линии до ее пресечения. В этом случае происходила бы передача престолонаследования следующим ветвям царствовавшей фамилии.

Со смертью великого князя Владимира Кирилловича нет даже теоретического наследника — мужчины по первой ветви — Александровичей. Во второй ветви — Константиновичей также не осталось мужчин. В моей, третьей ветви — Николаевичей — только я и брат Дмитрий. У меня три дочери, и мне — к восьмидесяти. У брата Дмитрия Романовича нет детей. В четвертой ветви по линии великого князя Михаила — более двадцати мужчин, и никто из них, насколько известно, на российский трон не претендует. Амбиции же дочери Владимира Кирилловича — Марии Владимировны — незаконны и большинством Романовых всерьез не принимаются.

Но все это теперь риторика. Напомню, что мать Николая II, вдовствующая императрица Мария Федоровна, рассерженная в начале 20-х годов из-за ссор в царской фамилии, сделала решительное указание: никому не претендовать на престол, «будущее династии зависит от свободного волеизлияния русского народа».

— Монархия в России закончилась на Николае II. Коллапс власти, окончательная развязка были зафиксированы еще 2 марта 1917 года, когда в салон-вагоне императорского поезда на тихой провинциальной станции Николай II подписал акт отречения от престола.

Великий князь Владимир Кириллович в ноябре 1993-го во время пребывания в Санкт-Петербурге назвал трагедией уход государя с престола и вспомнил о многих Романовых. Но он почему-то «забыл», что его отец, великий князь Кирилл Владимирович, при-

вел к Таврическому дворцу вверенных ему моряков Гвардейского экипажа с красными кокардами и под красными знаменами в распоряжение Временного правительства. И сделал это за день до отречения от престола своего двоюродного брата. Это ли не предательство государя? Его спасла революция от серьезного наказания и лишения титула. А через полтора десятилетия он стал претендовать на российский престол.

И теперь другое. Чтобы быть исторически точным: в марте 1917-го не народ сверг Николая II, а царь отрекся от престола и от народа. Почему свершилась расправа в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, почему убили царя, его жену, всех прямых наследников, доктора, прислугу в подвале Ипатьевского особняка в Екатеринбурге? Я стараюсь смотреть на факты и события объективно, с исторической точки зрения.

Профессия царя — всегда риск. Пал один режим — его судят. Это касается всех режимов. Пал фашизм — его судили. С главарями расправились. Гражданские войны были и остаются самыми жестокими. В разные времена в ходе этих войн всегда текли реки крови и слез, гибли виновные и невиновные. Белые били красных, красные — белых. Расстреливали, вешали, насиловали... В течение шести-семи месяцев было убито 16—17 Романовых. Белые находились в 20 километрах от Екатеринбурга, какое решение могли тогда принять красные уральцы? Теперь известно, кто привел приговор в исполнение, откуда исходили высшие указания. Это — исторические факты, и воспринимать их ныне следует как историю. Без лишних эмоций. Царь, его семья, Боткин, прислуга погибли вместе. Их объединила история. Другой вопрос: зачем было убивать девочек, врача, прислугу? Свидетели, жестокость, война? Теперь это — прошлое. Нужно ли было покаяние восемьдесят лет спустя?.. Не мне об этом судить. Возводить ли памятники царю, переносить останки в Санкт-Петербург — вопрос решенный. Я считал, что было бы правильным также установить

камень. Или крест. По-христиански. Там, где они были преданы земле... Другое дело фашизм и Вторая мировая война. Там все определено.

В царском же «деле» одним актом все точки не расставишь. Многое остается документально не доказано. Кто, например, отдавал приказ об отправке всех Романовых за пределы главных городов России? По чьему распоряжению уехал в Вятку великий князь Сергей Михайлович; Михаил Александрович — в Пермь; великие князья Николай, Дмитрий и Георгий — в Вологду, которая тогда находилась неподалеку от передовых позиций белых? Великий князь Павел Александрович был болен. Сначала он находился под домашним арестом, потом переведен в Петропавловскую крепость. Все эти великие князья были уничтожены, включая «самого ученого из Романовых» Николая-«Равенство», который был историком, выступал против монархического строя и всегда считал, что Россия должна придерживаться республиканской формы правления.

Исторический факт: великие князья были казнены. Легло «темное пятно» истории и времени. А что известно о великих князьях, сброшенных в шахту Алапавскую? Есть версии, что тела якобы вытащили белые, увезли и захоронили где-то в Мукдене или Харбине. Во многом нас преследуют неточности, предположения... Сколько поводов для рождения криволюков, появления самозванцев... А что было с интерпретациями конца лидеров фашизма и нацизма? Сколько версий было вокруг самоубийства или исчезновения Гитлера и Евы Браун, вокруг расстрела Муссолини, Петагчи и других!

Возможно ли, что цесаревич Алексей и Анастасия остались живы? Невероятно. Это противоречит логике войны. Большевики не могли выпустить никого. Я за историческую реальность, за точно расставленные акценты — и никаких домислов. Домыслы — пища для литераторов и кинематографистов, но не

для историков. Не может быть двух, трех историй. История может быть только одна, составленная из фактов прошлого и настоящего. Можно говорить о связях прошлого с настоящим и будущим, и это исторически правильно. Я верю историческим документам, внимательно отношусь к мемуарам непосредственных участников конкретных событий (хотя и они могут быть не без греха, у них может проявиться субъективный подход. Но и это тоже интересно).

Кто из членов царской семьи оставил мемуарные произведения?

— Первым написал об императорской семье, о Николае II великий князь Александр Михайлович. Его жена Ксения Александровна была младшей сестрой царя (Николай II родился в мае 1868 года, Ксения — в 1875 году). Сам Александр Михайлович был на год старше императора и с детства считался самым близким его другом. Книга вышла в Париже в начале 30-х годов и была подготовлена к печати Русским издательством. В Италии Савойские и дуче поддержали переиздание этой книги. Впрочем, сам Муссолини писал много, но его не переиздают в разных странах, и это определенно ошибка.

Вторым произведением о царской семье стала книга великого князя Кирилла (отца Владимира Кирилловича). Но эти мемуары остались незавершенными и были опубликованы в Париже уже после смерти великого князя (1938). В литературную «кладовую» произведений о семье Романовых вошли воспоминания Марии Павловны Романовой, они во многом строились на основе рассказов ее брата Дмитрия, который был интереснейшей личностью, прекрасным рассказчиком, но не оставил ни одной рукописи.

Друг Дмитрия Павловича — великий князь Гавриил Константинович описал начало Первой мировой войны, смерть брата Олега — единственного из Романовых, погибшего от ран, полученных в боях в Восточной Пруссии.

— И наконец, — продолжал Николай Романович, — книга моего отца, князя Романа Петровича Романова (князь показывает мне книгу в 800 страниц, изданную в 1991 году в Дании. Оригинал, который пока не увидел свет, написан на великолепном русском языке).

Есть и другие работы. Книга вдовы великого князя Георгия Михайловича Марии Георгиевны, в юности княжны греческой, появилась в США. Эти произведения, — отмечал князь Николай Романович, — показывают обычаи, характер, дух исчезнувших поколений Романовых, воссоздают малоизвестные факты истории России, императорской семьи, ее широкие и глубокие родственные связи в Европе.

— И это, поверьте, не укрепление монархических настроений, а поиски ответов на многие сегодняшние вопросы. Например, почему не тронули красные других членов императорской семьи, которые находились на юге России, почему они смогли эмигрировать? В Крыму, например, в нескольких километрах от Ялты жили две сестры (одна из них, Ольга Александровна, также написала книгу о тех временах) и мать царя — Мария Федоровна. Они были под арестом и одновременно под охраной севастопольского моряка Задорожного.

Однажды на территорию дома приехал грузовик с солдатами, потребовавшими выдачи «царских лиц». Задорожный не выполнил требования и заявил, что откроет огонь, если солдаты попытаются прибегнуть к силе. При этом он выдал оружие поручику князю Роману Романову и другим находившимся здесь мужчинам. Роман Петрович запомнил слова моряка: «Мой долг перед советской властью — сохранить вас всех в целостности и сохранности». Кто отдал ему этот приказ?

...Английский король Георг направил в Крым весной 1919 года броненосец «Мальборо». На нем вдовствующая императрица и ее окружение навсегда по-

кинули Россию. (В последний раз Мария Федоровна видела сына — бывшего монарха Николая II — 8 марта 1917 года, уже после его отречения от престола.)

В Кисловодске под стражей пребывали великие князья Андрей и Борис, а также их мать. Когда представилась первая возможность (кто ее предоставил?), они за восемь суток добрались до Новороссийска и оттуда на итальянском пароходе отбыли в Европу. Так началось долгое зарубежное странствование Романовых, которые всегда считали, что временно осели в Европе, Америке, Австралии и их когда-либо «позовут». Желтеют страницы истории... Но их не зовут... Кое-кто хотел этого в Санкт-Петербурге. Но не вышло.

— Сколько Романовых теперь на Земле? Насколько известно, 78 мужского и женского пола, хотя в печати появляется цифра 42 и 46. В Ассоциацию членов императорской фамилии входят 32 Романовых. Ушел из жизни в 1999 году «англичанин» банкир Ростислав Романов.

Правомерно ли канонизирование, возведение в лик святых Николая II? Я человек светский, этот вопрос — к церкви, к Московской Патриархии. Романовы были очень разными: и набожными, и жизнелюбами. А то, что произошло в Екатеринбурге, Алапаевске, повторяю, это — история гражданской войны.

Я исследовал многие документы и обратил внимание: никто из Романовых, кроме, пожалуй, великого князя Сергея, не оказывал сопротивления, когда их убивали. Что это? Отрешенность, непротивление судьбе, злу, великомученичество? Или «царская выдержка»?

Вспоминая о трагических страницах истории, я хотел бы поставить точку, а не растревоживать боль (светскими или религиозными церемониями). Надо найти всем мужество перешагнуть через потоки крови и идти вместе в будущее России, Европы, мира, в XXI век. И во всем следует оставаться точными. Это же касается истории Муссолини в Италии и мире. Это была

сложная политическая неразменная фигура общемирового, а не узкоитальянского значения.

— Все говорят о значении титулов. В Италии, России...

— ...В старые времена фамилия Романов просто не употреблялась, а членов императорской семьи называли лишь по имени и отчеству, будь они великие князья или княгини или просто князья и княгини. Великие князья были «императорское величество», а князья — «высочества», «светлости».

Великих князей и великих княгинь больше нет, так как для этого надо быть по меньшей мере внуками императора. Фамилию Романов сами Романовы стали писать только в эмиграции, на что был «императорский прецедент». Во время переписи населения России в 1896 году Николай II в колонке «фамилия» собственноручно написал: «Романовъ». Так и пошло...

Теперь о самом князе Николае Романове. Записываю в стиле «старых автобиографий» с его слов:

— Я родился на юге Франции, недалеко от города Антиб, 26 сентября 1922 года. Мой отец князь Роман Петрович был сыном великого князя Петра Николаевича и великой княгини Милицы Николаевны, дочери короля Черногории. Дед был внуком императора Николая I. Моя мать, графиня Прасковья Дмитриевна Шереметьева, была дочерью друга ранней юности Николая II, графа Дмитрия Сергеевича и графини Ирины Илларионовны Воронцовой-Дашковой.

Во Франции мы жили на нашей вилле «Донателло», которая была куплена на деньги, полученные бабушкой за свои жемчуга (на счастье, мода была в России носить «метровые» жемчужные ожерелья, а таких нитей у Милицы Николаевны было пять-шесть. Это практически единственные ценные вещи, которые не пропали во время революции).

Под Антибом выбор деда пал на единственный дом, который не был хорошо виден со стороны моря. В те годы можно было купить гораздо лучшие дома на бе-

регу моря, и за небольшую цену, но именно этого дед не хотел. Считалось тогда опасным жить близко у моря, так как могла появиться «большевицкая» подводная лодка, обстрелять дом или даже всех похитить!

Как ни странно, но в те времена в это верили многие и всерьез. Много было разных волнений!

Наш дом был в два этажа с огромной мастерской. Эта мастерская слыла «царством деда», и нам строго запрещалось туда приходить незваными. Дом был окружен садом. Огород — немного подальше, а в самой глубине — развалины старой фермы, которую отец впоследствии отстроил и превратил в очень уютный дом для себя и семьи. Была и дубовая роща, которую мы называли Дубья, и она была нашим любимым местом игр.

О смерти деда. Помню, как однажды утром мать села на мою кровать и объяснила, что «Боженька» взял к себе дедушку. На похороны деда нас, детей, не пустили. Дед был похоронен в склепе собора в городе Канн, недалеко от Антиба. Там же уже покоился его брат Николай Николаевич. (В 1944 году, когда союзные войска высадились на юге Франции и освободили страну от немцев, настоятель русского собора принял русского, или, вернее, советского, генерала, который сурово спросил, где находится Николай Николаевич.

Взволнованный священник повел генерала и сопровождавшего его офицера в склеп. Генерал и офицер подошли к гробнице, вытянулись и отдали честь. Память русскому полководцу.

Выходя из церкви, на вопрос удивленного священника генерал ответил, что он воздал только малую часть долга великому русскому полководцу.)

О Николае Николаевиче часто упоминал маршал Г.К. Жуков, а в Италии — маршал Муссолини.

— До войны жизнь шла совершенно по-русски, да иначе не могло и быть: от деда-генерала до сторожа-казака — все были русские! — продолжал князь.

Была у нас домашняя церковь. В день праздника Святого Георгия все мы выстраивались за священником с крестом. Причем «порядок построения» был особый. Первым стоял повар Иосиф Корженевский — солдат-артиллерист, кавалер Георгиевского креста, который он заслужил в боях в Польше. (Там он получил тяжелое ранение.)

Второй следовала бабушка. В начале Первой мировой войны она попала санитаркой на фронт и в болотах во время боев с тел погибших собрала несколько Георгиевских крестов и медалей. Награды эти она бережно хранила. В праздник Святого Георгия она их с гордостью надевала и приказывала другим: надеть ордена! Далее за бабушкой шли все остальные члены нашей семьи, включая садовника — удалого терского казака Ивана Давыдовича Потапова, который носил при себе револьвер и кинжал. Он часто мне говорил: «Когда помру, верни оружие Российскому государству. Оно мне его выдало». (Потапов отличился позже, уже в Италии, во время Второй мировой войны, когда побил немецкого солдата, пытавшегося украсть курицу у Романовых. Потапова арестовали, но затем отпустили... Со словами: «Воровать — плохо, но бить немца — еще хуже. Нельзя!»)

— Прожили мы во Франции до 1936 года, затем переехали в Италию, обосновались в Риме. Всю Вторую мировую находились в итальянской столице. Особенно нелегко пришлось, когда в Рим вошли немецко-фашистские войска. Вся наша семья пряталась у друзей, можно сказать, перешла на нелегальное положение. Меня скрывала сестра бабушки — итальянская королева. За мою судьбу боялись еще и потому, что не было забыто, как в 1941 году я отказался от предложения Муссолини занять трон короля Черногории. Дуче преследовал цель оторвать Черногорию от Югославии, от сербов. В Берлине и Риме делали ставку на Михаила Петровича Черногорского, на отца и также на меня.

Не прошло. Ни с кем. Бабушка нашла убежище в Ватикане. Муссолини знал, где мы скрывались, но почему-то распоряжений об аресте не сделал... Мы же старались ему на глаза не попадаться. На всякий случай...

— Когда вступили в Италию союзники, я решил тоже повоевать, — вспоминал князь Николай. — На фронт меня, Романова, не пустили, хотя дали поносить военную форму. Правда, без погон. Союзники использовали мои знания французского, английского, итальянского, немецкого и других языков. Так я пробыл в «арьергарде» несколько лет. По-русски почти не говорил, но поддерживал язык как мог.

В те годы женился на юной графине Сведе делла Гаральдеска из старинного итальянского рода, о котором писал еще Данте Алигьери. Время летело быстро. После демобилизации уехал в деревню, занялся сельским хозяйством. На склоне лет к этому занятию охладел, зато, по-моему, удачно вырастил трех дочерей. Жаль, что не научил их русскому языку. Всегда мечтал о сыне. Его бы, русского, обучил бы обязательно русскому языку... Но, увы...

С детства и по сей день Россия была и остается моей страной. Я всегда повторяю два слова: *«Россия и Бог»*.

• • •

Русская и «советская» эмиграция в Италии немногочисленна — всего около 10 тысяч человек из общего количества 956 тысяч иностранцев, проживающих на Апеннингах. В манерах и одежде, несмотря на то, что на них все, как правило, итальянское, они не ассимилировались. Невероятно, но даже к старости большинство из них одеваются и ходят «по-русски». Таковы наши Алсуфьевы, Ивановы, Шилтяны, Толстые, Шаляпины, Голицыны, Романовы...

Федор Федорович Шаляпин — сын великого певца — всегда носил шляпу и длинное желтое пальто с поднятым воротником, и с таким же шиком, как в

Москве в 20-х годах. Как в документальных фильмах о России тех лет...

— Я всегда и во всем русский, — часто повторял Федор Федорович. — Как мой отец...

В сентябре 2000-го — восемь лет, как в Риме ушел из жизни Федор Федорович; известный в США и Западной Европе киноактер и режиссер, человек-история. Я считаю, что был его другом, знал этого уникального человека многие годы.

В настоящее время часто задают вопрос: не способствует ли нынешняя внутренняя обстановка в России отъезду интеллигенции из страны? Параллели и аналогии не всегда обоснованны. Но воспоминания и размышления Ф.Ф. Шаляпина представляются мне интересными, особенно о том периоде, когда в Италии укрепился режим Муссолини, а тяга русских людей к Риму не ослабевала. С этими мыслями я возвращаюсь к моим записям, сделанным в последние дни жизни Ф.Ф. Шаляпина.

...Мне позвонил кинорежиссер Анджело ди Дженти и сообщил: «Умер Федор Федорович Шаляпин». Известный киноактер, снявшийся в более чем 70 фильмах, он работал с Ф. Феллини и другими звездами мирового киноискусства. Сын Федор Ивановича Шаляпина...

...Шок. Звоню по римскому телефону Федора Федоровича. 310542. Не отвечают. Нет и его румынской подруги. Квартира, в районе Ватикана. Заперта дверь. В газетах пока ни строчки. Похоронить Федора Федоровича могли, как иностранца, только на Английском кладбище (юрисдикция английского консульства). Там лежат многие выходцы из России — Карл Брюллов, Орловы, Шилтяны... Смотритель кладбища, называемого в «русских кругах» среди первой эмиграции еще и Российским, сказал, что «могила для Шаляпина» заказана. Кем, на какие деньги? Он не знал. Все необходимые формальности не были сделаны. Значит, здесь не похоронят...

Сбережений у бедного Федора Федоровича почти не было. Квартиру держал более чем скромную по римским понятиям. У подружки последних лет, румынки по национальности, по словам самого Шаляпина, денег отроду не водилось. Русского благотворительного общества в Риме никогда не было и нет. Российский консул в столице Италии Юрий Агаян знал о смерти Ф.Ф. Шаляпина, но кроме трагического факта никаких дополнительных данных сообщить не смог.

...Всего две недели назад я разговаривал с Федором Федоровичем. Шаляпин был бодр, сказал, что чувствует себя хорошо, полон творческих планов, готовится к съемкам нового фильма, мечтал об очередной поездке на Родину, в Россию, с которой «надо быть всегда и везде». Мы сидели с ним в «Кафе де Пари» на улице Венето.

Бедный Федор Федорович... Я бежал на каждую встречу с ним, еще не отдавая себе отчета, что однажды этих встреч, этих прекрасных часов больше не будет...

Я перечитывал дневниковые записи. Все слово в слово. Будто слышу, как говорит Федор Федорович. В сознании его ровный голос: «Я — коренной москвич. Родился 21 сентября 1905 года. По старому стилю. Эту дату сохранил в паспорте. Во многих кинокаталогах указывают, что я появился на свет в 1901 году. Но мне-то известно лучше. В разгар Декабрьского восстания 1905 года меня должны были крестить. Но в водопроводе не оказалось воды. Из Москва-реки привезли бочку. В этой воде меня и крестили...

Мама моя была итальянкой. Балерина из венецианского театра «Фениче». Ее привез в Россию Савва Мамонтов, сыгравший большую положительную роль в истории нашей семьи. У мамы был контракт с французским балетным импресарио. Мамонтов — строитель дороги Ярославль—Архангельск — перекупил контракт. В Москве мама повстречала Федора Ивановича. Брат Игорь умер в возрасте пяти лет. Борис

ушел из жизни в середине 80-х. У меня три сестры: Ирина, Лидия, Татьяна. С Таней мы близнецы. Она живет в Риме. (В последние годы тяжело болела, умерла в 1994-м.)

...Официально я одинок. Детей никогда и нигде не было. Путешествовал и повидал немало. Считал, что не вправе иметь детей: когда покидаешь Родину, не чувствуешь основы, твердой почвы под ногами. «Разводить» семью в таких условиях нельзя, нечестно.

Мы уехали из России в 1923 году. Наш дом был на Новинском бульваре, напротив доходного дома адвоката Плевако. Никогда не думали, что наш дом был деревянным...

Уезжали мы не из политических соображений. Крайне тяжелым было наше материальное положение. Разруха, бандитизм выбивали почву из-под ног. Отец, если выходил с нами на улицу, то шел посередине Садового кольца и среди толпы, чтобы не оказаться ограбленным или избитым у стен московских домов. Помню, как на Смоленском рынке отец купил мне ситник с изюмом...

В Италии обосновались в Милане. Федора Ивановича пригласили в «Ла Скала» на «Смерть за царя». Он вышел и пел по-русски. Зал недоумевал. В «Ла Скала» пели только по-итальянски. Импресарио решил напомнить отцу о традициях миланского театра.

«Традиции?! — воскликнул Шаляпин. — Я теперь ваша традиция!» Об этом смелом заявлении доложили Муссолини. Тот подумал и сказал: «Это же Шаляпин. Ему можно... Кстати, как у него с жильем?»

На следующий год Федор Иванович вновь был приглашен в «Ла Скала» на «Бориса Годунова». Все ждали великого русского, поющего по-русски. Шаляпин пел... по-итальянски. В своем переводе.

С Шаляпиным по Европе всегда ездил его лакей и мой друг Мишель, быстро осваивавший языки, перекладывавший парики, костюмы и различный театральный реквизит. Однажды в Риме он оделся под Муссо-

лини, вышел на улицу и получил много подарков. Но Шаляпин запретил Мишелю такой «промысел». Муссолини же одобрительно хохотал. Ракеле послала Мишелю что-то похожее на парик...

В тридцатых годах моим лучшим другом стал Миша — приемный сын В.И. Немировича-Данченко. Я, видимо, был для него единственным человеком, с которым он мог говорить откровенно. Он мне рассказывал многое из жизни отца, который, например, присутствовал при коронации Николая II. (Сам Федор Федорович видел царя всего один раз. Он ехал на вороном коне впереди своей свиты. «Мы, мальчишки, — вспоминал Федор Федорович, — устроились на втором этаже какого-то дома и смотрели на это величественное зрелище».)

При коронации же обряд был следующим. В определенный момент царь становился на колени и приносил клятву служить народу до смерти. Затем император поднимался, и все присутствовавшие падали ниц с клятвой быть верными царю. Как видите, царь не сдержал клятвы, отрекся от престола при жизни. Это значит: он предал народ, изменил клятве, — говорил мне Федор Федорович. — Не люблю предателей. Поэтому я — против монархии.

В тридцатых годах я мог вернуться на постоянное жительство в Москву. У меня был паспорт с подписями Калинина и Ягоды. Паспорт этот у меня украли. Возможно, и к лучшему... люблю старину. Чем дальше назад, тем все было лучше... — улыбался Шаляпин, закуривая сигарету.

В Москве в определенных кругах меня считают, возможно, сумасбродом, склеротиком. А я-то... хитрый. Как все Шаляпины. У меня в 87 лет мозги работают лучше, чем у некоторых в 40. Я не чувствую своих лет. Езжу за рулем, хотя вижу плоховато. Никогда не пил крепких напитков. Только вот курю многовато...

Россию? Люблю безмерно. Пытаюсь оправдывать все, что у нас происходит. Трудности огромные, но верно,

что русский человек их переборет. Помню, как Горький говорил Федору Шаляпину: «Русская революция — это новорожденный труп. Нэп — это вынужденный компромисс». Чистки? К ним с веками привыкли. Теперь экс-Советский Союз пожинает плоды.

Макиавелли считал, что все надо делать понемногу, чтобы добиться большого. Его книга — на столе у каждого цивилизованного короля или правителя... Была она у Витторио Эмануэле, была у Муссолини. У меня тоже, — засмеялся Федор Федорович.

— Храните ли память об истории рода Шаляпных?

— Конечно. Прадед валял валенки на Волге. Дед служил писцом в Казанской управе, имел прекрасный почерк и считался искусным каллиграфом. Федор Иванович тоже имел красивый почерк. Это качество унаследовал и я.

Из записей деда знаю, что самым «страшным происшествием в Казани» была установка телефонов. Почему «страшным»? Никто не видел того, кто говорит на другом конце провода. Вдруг полицмейстер, судья, а то и губернатор, министр, сам император! Как узнать, кто? Ужас!

Поэтому и решили держать у телефона дежурного, который при каждом звонке становился «во фронт» и торжественным голосом объявлял: «У телефона!» В России надо бояться всего. Законы меняются, часто бывают противоречивы и во все времена неточны. Недаром говорят: «Закон — что дышло...» Италия в этом отношении — копия России... Попытался кое-что изменить Муссолини. Но знаем, что из этого вышло.

В России, как и в Италии, всегда любили историю, которую так часто авторы преломляли в угоду правителям. А зачем? История все расскажет лучше сама, без выдумок... Но так думаю я, Шаляпин.

...В марте 1992-го Федор Федорович приехал на Английское кладбище на похороны Е.А. Шилтян — вдовы русского художника Григория Ивановича Шилтя-

на. «Не нравится мне это учреждение», — только и сказал мне Шалапин.

На Английском (Русском) кладбище «места» для Федора Федоровича Шалапина (без денег) не нашлось. Похоронили великого человека скромно и тихо 21 сентября 1992 года у «Первых ворот» Рима с надеждой перезахоронения в России. Но это не так просто и быстро сделать.

Завещал Федор Федорович России, Оружейной палате кольцо с бриллиантами, подаренное императором Николаем II отцу — Федору Ивановичу Шалапину, а также Бахрушинскому музею в Москве — фотографии и письма. Все, что осталось. Кое-что взяли сестры...

...Когда умер Николай Бенуа, я умолял редактора «Известий» опубликовать мою заметку, но тот лишь ответил: «Ты с ума сошел. Какой Бенуа? Кто его знает в России?»

Не могли ценить они нашей российской славы...

В Италии все ведущие газеты сообщили о смерти Федора Федоровича. В России только еженедельник «Век» напечатал мою статью. И, конечно, вспомнили о Федоре Ивановиче, который более тридцати лет прожил в Италии. Впервые итальянцы услышали голос артиста 16 марта 1901 года в опере «Мефистофель» А. Бойто. Партнером великого Шалапина был великий Карузо. Дирижировал Артуро Тосканини. «Великолепен как певец, неподражаем как артист...» — писала 21 марта 1901 года миланская музыкальная газета. Позже Шалапин пел в Риме, вновь в Милане, Неаполе, Генуе, Венеции, в Бари. Восприятие его творчества, как и сложного характера, всегда было самым восторженным. В театральных кругах ему помогала супруга Иоала Торнаги. Шалапин открыл итальянской публике русскую историческую оперу — «Князь Игорь», «Псковитянка», «Борис Годунов», «стихию русских народных песен, от которых «ухнула», как на Волге, вся Западная Европа... по-своему, по-шалапин-

ски, исполнил он многие произведения итальянских композиторов.

В библиотеке и римском досье Федора Федоровича остались любимые отцом книги, многие рукописи, материалы о творчестве Федора Ивановича. Где они сейчас? Им грозит гибель. Как спасти рукописи? Содержание большинства из них мне неизвестно. Однако среди бумаг сохранилась рукопись «Слово в память артиста». Федор Федорович говорил мне, что старательно переписал это «Слово» из какой-то газеты, кажется, из «Последних новостей» (июнь 1938 года). Своим почерком каллиграфа. Но текст от этого лучше не стал, не мог стать. Так говорил П.Н. Милюков — известный русский политик, писатель и журналист. В июне 1938 года в Париже на вечере эмигрантов, членов Союза писателей и журналистов через два месяца после кончины Федора Ивановича... Вот этот текст с некоторыми сокращениями.

«Ровно год тому назад в этом самом зале Ф.И. Шаляпин, больной и усталый, давал свой последний концерт, — записал Федор Федорович. — Присутствующие были поражены подбором программы: большая часть номеров посвящена смерти. Ясновидение артиста оправдалось: он от нас отошел. Слишком короткий промежуток времени отделяет нас от его кончины; слишком жива еще скорбь. О Ф.И. Шаляпине после его смерти было написано много прекрасных статей. Но цельного образа еще нет, и рано пытаться начертить его.

Великие люди, как горные вершины, видны только издали. Вблизи их очертания заслонены случайными неровностями и боковыми тропинками. Нужно одолеть эти препятствия, чтобы добраться до вершины, установить связь между Шаляпиным — человеком из народных низов и Шаляпиным — гением, заслужившим мировое признание.

Русские великие люди не впервые выходят за нашу национальную ограду, чтобы быть признанным миром.

Мы, русские, разбросанные по всем странам мира, ввели дружным усилием в мировой Пантеон великого нашего национального поэта Пушкина. Но ввели только имя. Мы не могли ввести великолепный мелодичный стих Пушкина, такой классически простой, прозрачный и сжатый. Нам поверили на слово. Относительно Шаляпина наших усилий не понадобилось. Его здесь видели, слышали и оценили сами. В этом сказалось преимущество певца и актера перед поэтом. Зато искусство певца и актера эфемерно и хрупко. Стих остается. Звук, интонация, жест умирают в момент исполнения. Нужно было новейшее изобретение, чтобы голос Шаляпина звучал, чтобы его жесты, выражение лица, движения были слышны и видны и после смерти.

Повторяю, нам не нужно усилий, чтобы сделать нашего гения всемирным. Но нужно другое. Нужно объяснить, как, став всемирным, Шаляпин все же остался нашим. Я иду дальше — и постараюсь доказать горделивую мысль. Именно потому, что Шаляпин остался нашим, он и мог завоевать свое место в мировом Пантеоне.

Все мы знаем русскую натуру Шаляпина... Знаем Шаляпина в его причудах, в его эксцессах и вспышках, в неровностях характера, в быстрой смене настроений, в переходах от торжества к унынию. Словом, во всех проявлениях его бурного темперамента. Сам Шаляпин называл эти черты присущими русской натуре. «Быть может, — говорил он о русском национальном характере, — от некоторой примитивности русского народа оттого, что мы еще молоды, но в русском характере и в русском быту противоречия выступают с большей, чем у других, резкостью и остротой. Не знает как будто середины русский темперамент. До крайности интенсивны его душевные состояния. Ни в чем, ни в хорошем, ни в дурном не знает середины русский человек». «Донской казак» Степан Разин бросил в волны персидскую княжну. Современные Разины бросили в пропасть многонациональную Россию... И все-

Бенито Муссолини (1883 — 1945)

Муссолини в 20 лет

Рим, 1926 г. Муссолини играет на скрипке

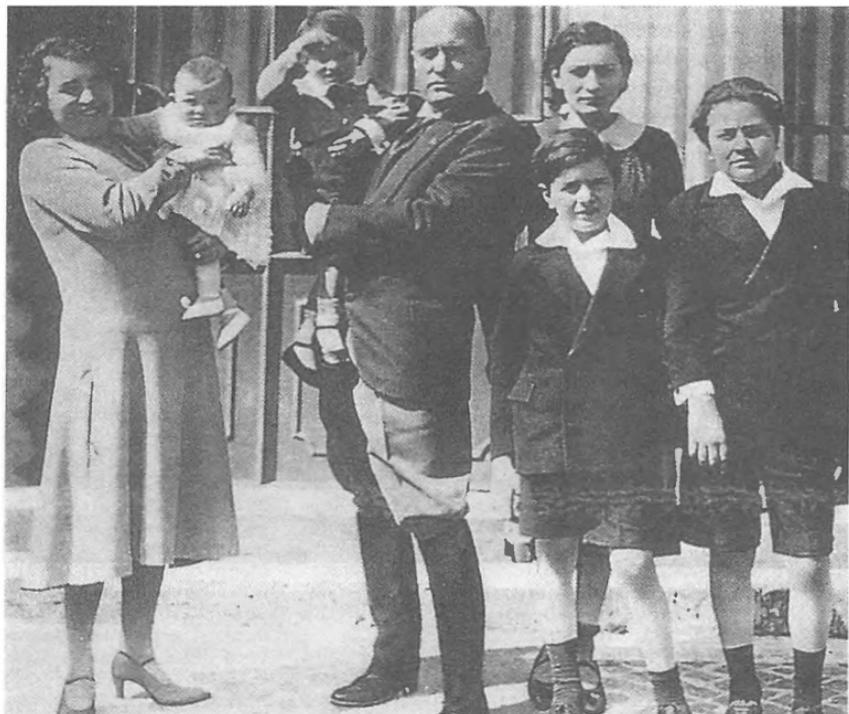

*Муссолини со своей женой
Ракеле, с дочерью Эддой и
сыновьями Бруно и
Витторио на пляже в
Ла-Специя. 1923 г.*

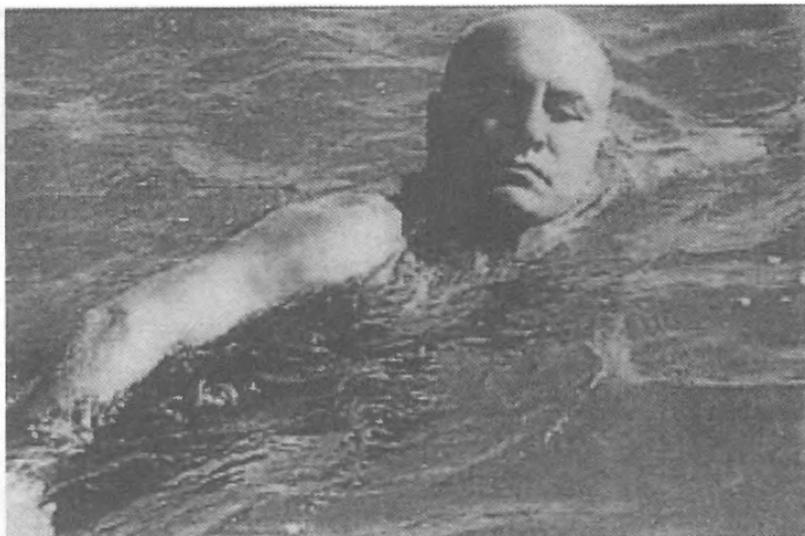
*1930 г. Семья дуче (слева направо): Ракеле с маленьким Романо (1927) на руках,
Витторио (1916), Эдда (1910), Бруно (1918) и Бенито Муссолини*

*Еще один семейный снимок. На руках у Ракеле дочь Муссолини Анна Мария
Дуче за рулем гоночного автомобиля. Рим, 1932 г.*

*Фотография из
семейного архива.
Бенито Муссолини
совершает заплыв*

*Дуче со своей дочерью
Эддой. Снимок сделан в
начале 30-х годов*

*Муссолини с главным идеологом фашизма
Джузеппе Боттаи*

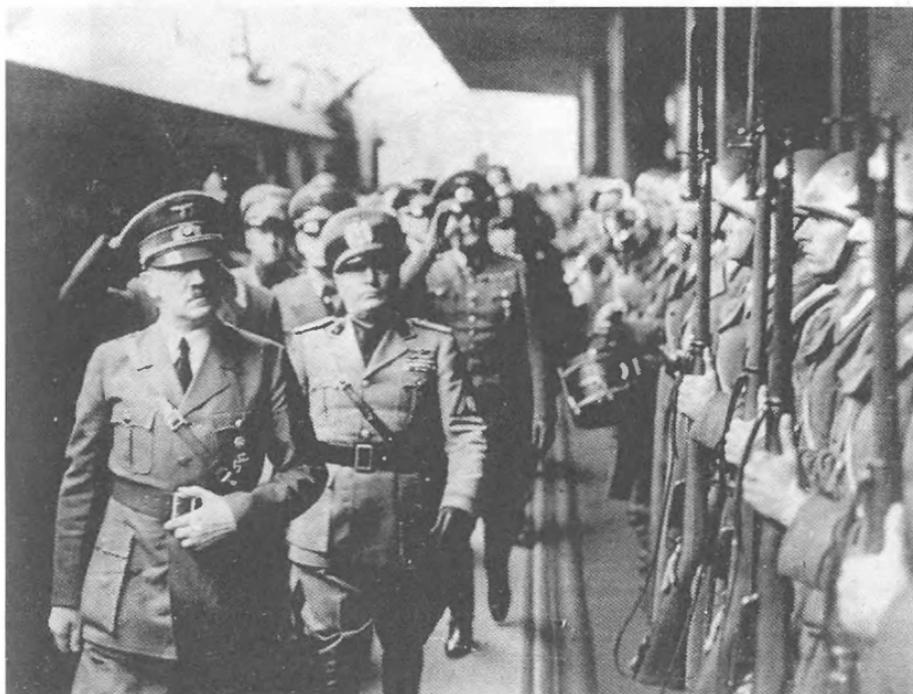
*Первое выступление дуче в
Риме после захвата власти*

Бенито Муссолини и Адольф Гитлер 30 сентября 1937 года на вокзале в Берлине

Гитлер и Муссолини 5 октября 1940 года

Муссолини выходит из церкви после воскресной мессы

Визит Гитлера в Милан в мае 1938 г.

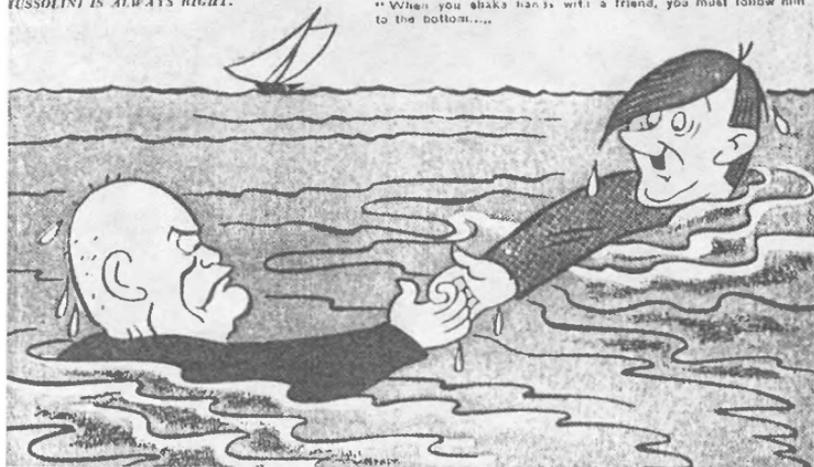

Дуче в парадной форме

MUSSOLINI HA SEMPRE RAGIONE.
MUSSOLINI IS ALWAYS RIGHT.

Quando si dà la mano ad un amico, bisogna andare con lui
fino in fondo...
When you shake hands with a friend, you must follow him
to the bottom....

Антифашистские карикатуры времен войны:

«Если друг протягивает руку, то с ним следует идти до конца»

«Мы, фашисты, готовы отдать все и ничего не требовать для себя»

Обожаемый дуче глазами придворного художника

*Кларетта Петаччи, последняя любовница
Бенито Муссолини*

*Одна из последних фотографий
Бенито Муссолини*

В кругу семьи

*Тела расстрелянных
Бенито Муссолини и
Кларетты Петаччи
на площади Лорето
в Милане. 29 апреля
1945 г.*

*Трупы Муссолини, его любовницы Петаччи и его ближайших сподвижников
были выставлены на всеобщее обозрение...*

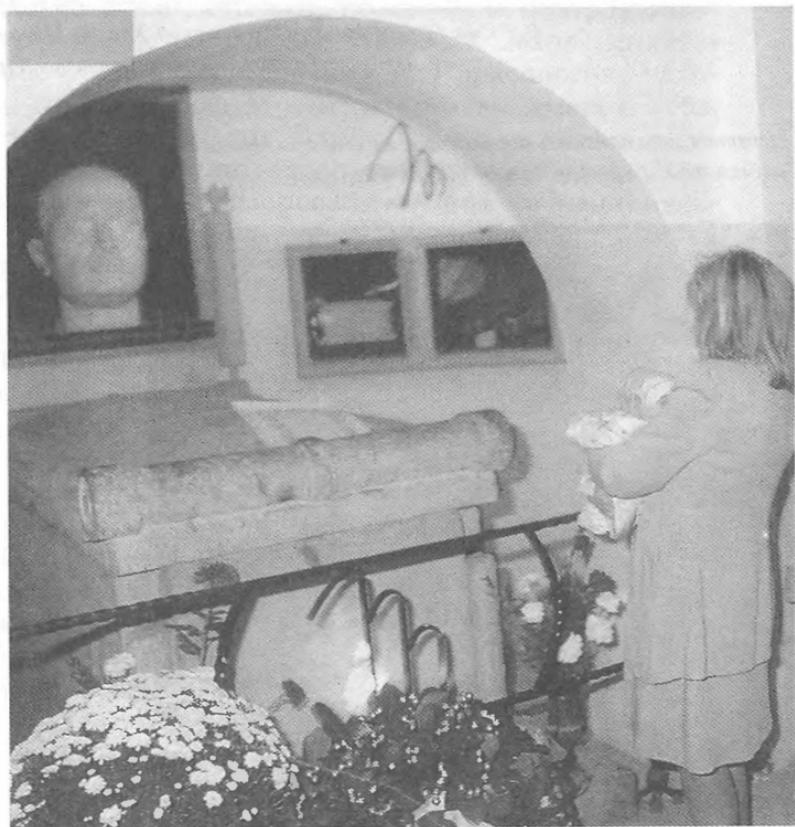

...а затем подвешены вниз головой

*На следующей странице:
(вверху) Партизан Микеле Моретти, приведший в исполнение приговор над Муссолини, с автором книги*

(внизу) Александра Муссолини у надгробия дуче в семейном склепе Муссолини на кладбище Сан-Касиано в Преддаппио

Сын Муссолини Романо с женой Карлой Марией Пуччини и дочерью Раке, ставшей популярной фотомоделью

Депутат итальянского парламента Алессандра Муссолини, внучка дуче, со своим мужем Мауро Флориани

таки, вопреки всему, «звенит звездным звоном в веках удивительный, глубокий русский гений».

Вот почему ему так легко и хорошо среди простых людей, так охотно «ухает» свою родную дубинушку. «Пой, Федя, пой», — поощряли его в детстве соседи: скорняк, кузнец и каретный мастер Суконной слободы... Бенито Муссолини бывал на спектаклях и концертах с участием Федора Шаляпина, а когда певца не стало, Муссолини прислал соболезнование от «Главы правительства», которое сохранил Федор Федорович.

...Проблема русских захоронений в Европе. Ростислава Романова предали земле в Англии, Ф.Ф. Шаляпина — в Риме; а скольких в Берлине, в Париже и Ницце, в Скандинавии, в США, Канаде, Латинской Америке, Китае, в различных государствах Азии и даже в Африке и Австралии.

Сколько стран, столько, пожалуй, и центров захоронений, где лежат русские косточки. Захоронения — большое «поле» исследований для археологов, историков, архивариусов. Муссолини, то ли думая о себе, то ли о всех итальянцах, издал несколько указов о сохранении и изучении захоронений, их истории. Планировалось систематизировать могилы по национальному и даже по языковому принципу. Работа эта была начата в 30-х годах, но прервана войной. После войны Россия, Украина вернули Италии имена павших военнослужащих из соединения «АРМИР».

...В Италии Муссолини задумал в 1936 году сборник, который вышел в свет в виде пятитомника «Европа народов» только в 1999 году, но без всяких упоминаний о дуче. В нем собраны наиболее полные сведения о странах и населении Старого Света. Из сборника мы узнаем, что в Европе говорят на 82 языках. Самый древний язык на континенте — греческий. (Муссолини считал, что глава правительства должен знать около десяти иностранных языков.)

Самые «разговорные» языки — славянские. На них объясняются 235 миллионов человек. На втором месте

романская группа языков, на которых говорят 204 миллиона человек. На третьем — германские языки.

До 1875 года в Европе было всего 25 государств. Еще шесть родилось до 1919 года; девять государств возникло после Первой мировой войны; семь — после Второй мировой... До распада Югославии и Союза ССР.

В 1300 году всего шесть европейских городов имели население более 100 тысяч человек. В 1800-м в Европе насчитывался 21 крупный город, и самые большие по населению — Лондон, Париж, Неаполь.

Первая перепись населения была произведена во Флоренции в 1427 году. В Италии было более двадцати тысяч кладбищ и только на болсе сорока из них (Рим, Милан, Венеция, Генуя, Флоренция, Триест и другие) находятся захоронения русских. Фашистский режим никаких актов дискриминации не допускал. Хотя инструкции о «социальноопасных захоронениях» стали уже появляться, и это был опасный симптом. Но Муссолини был тонким политиком и в этой деликатной сфере деятельности: зачем создавать сомнительные прецеденты. Неизвестно, куда занесет итальянцев колониальная или другая захватническая политика Рима, где застанет итальянца смерть, и могилы — это особая святыня. Как позже увидим, он действительно предвидел некоторые события — разгром в России, захоронения итальянских солдат, которые до последнего времени возвращались из России, экс-СССР в Италию через Триест и другие «промежуточные перевалочные центры» и доставлялись до «места»...

АНТИКВАРЫ ГИТЛЕРА И МУССОЛИНИ

Итальянцы, располагая более чем 75 процентами всех художественных ценностей мира, не представляют, что живут в «природном музее». Точнее, они к

этому привыкли с детства. Здесь все легко приобретается, и так же легко с ценностями расстаются.

В архивах США находятся два секретных доклада американских спецслужб. Они содержат полную информацию об итальянских так называемых «искусствоведах» «закваски» Бенито Муссолини, которые консультировали экспертов и руководителей гитлеровского рейха, занимавшихся покупкой и изъятием произведений искусства за рубежом. Где и как содержались потом шедевры классиков живописи и скульптуры, вывезенные из Италии и других стран? Что с ними сегодня?

Все началось 8 декабря 1942 года. В тот день Герман Геринг прибыл во Флоренцию, где посетил художественную галерею, «запасник» местного коммерсанта Эудженио Вентуры. Рейхсмаршал выбрал семнадцать картин. Восемь сразу отправили в Германию, а девять других (среди них были полотно Венециано, картина Гвидо Рени, две терракоты Джованни делла Роббиа) при посредничестве Вальтера Хофера предложили обменять на восемь рисунков импрессионистов (Сезанн, Дега, Ван Гог, Монэ, Ренуар, Сислей). Они хранились в «запаснике» и принадлежали барону Ротшильду.

...Кьянти распивали два вечера и заключили сделку 8 марта 1943 года. Известный итальянский искусствовед Роберто Лонги выступал тогда в роли консультанта и получил в качестве «комиссионных» 15 тысяч лир от Э. Вентуры. Эту историю раскопал известный флорентийский исследователь, «сыщик» произведений искусств Родольфо Сивьеро. Благодаря ему многие шедевры возвращены Италии и другим странам.

Сделка Вентуры — Геринга после войны была признана недействительной, рисунки импрессионистов возвращены Франции в 1946 году. А какова судьба посредника Эудженио Вентуры? Ему удалось откупиться, уйти от суда, избежать конфискации бесценного имущества, особенно содержимого «запасников».

С годами эта история была забыта. И не случайно. Один за другим уходили из жизни действующие лица

этого сюжета, унося с собою многие интригующие тайны. Но кое-какие следы остались. По крайней мере мне кажется, что я их нащупываю.

В сложную историю, названную «Антиквары Гитлера», были втянуты до войны не только дельцы-коммерсанты, но и представители высшей аристократической итальянской знати. Например, принц Андреа Карло Корсини направлял в 1939 году в Швейцарию маркиза Джентиле Фаринолу. Цель поездки — обсуждение условий продажи картины-портрета Мемлинга. В 1941 году это произведение было продано немцам. Принц Филипп д'Ассиа считался одним из главных посредников Гитлера и Геринга при отборе и приобретении произведений итальянского искусства эпохи Возрождения и более позднего периода. Именно этот принц Филипп в 1941 году составил документ, по которому произведения искусств, награбленные в Италии еще Наполеоном и выставленные во французских музеях, могли быть возвращены на родину в обмен на «снисходительное разрешение» свободного вывоза в Германию итальянских шедевров.

Далее история королевского сенатора графа Алессандро Контини Бонакossi. Его считали «главным антикваром» Флоренции. Он прослыл постоянным горговым партнером Геринга, причем весьма щедрым и уступчивым. По сходной цене он продавал немцам картины Тинторетто, Тициана, Беллини. Только в 1954 году эти шедевры разыскал неутомимый Родольфо Сивьеро. Он же нашел и вернул Флоренции «Маску фавна» (предположительно Микеланджело) и знаменитого «Дискобола» — древнеримскую копию Мирона, украшавшую флорентийский Старый палаццо (ныне «Дискобол» находится в Национальном музее Рима).

...Вальтер Хофер, Сепп Анжерер, Фридрих Ребер. Мало кто знает и даже вряд ли слышал имена этих бывших сотрудников рейхсмаршала Германа Геринга.

Их давно нет на земле. На визитной карточке самого активного скупщика исторических и художественных ценностей Вальтера Хофера было напечатано: «Куратор коллекции искусств рейхсмаршала». В его распоряжении были неограниченные финансовые средства. В 1942 году он за полтора миллиона лир наличными приобрел у римского архитектора, члена Итальянской академии художеств Армандо Брассини восемь древнеримских скульптур I—II века нашей эры, мраморный стол XVI века и скульптурный портрет XV века. В честь удачной сделки он устроил шикарный ужин во дворце графа Лабиа.

...В 1945-м Вальтер Хофер должен был дать следствию полные показания: назвать тех, кто продавал шедевры, припомнить точные даты торгов и цены на произведения искусств. Но при невыясненных обстоятельствах Вальтер Хофер ушел из жизни...

Сегодня в Италии поднялась новая волна расследований — ищут пропавшие шедевры и вместе с ними имена бывших хозяев великого художественного наследия, которое было расхищено гитлеровцами и их итальянскими партнерами. И поиск ведется удачно. Найдены десятки картин, скульптур, гобеленов.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ГРАФ С РУССКОЙ ДУШОЙ

Сложно отыскивать объяснение тому, почему мигрируют, как птицы, те или иные предметы, становятся достоянием частных коллекций. Один итальянский философ дал этому оригинальное объяснение:

«У предметов тоже есть биополе. Все думают, что человек выбирает место для любимой вещи в коллекции. Верно. Но поверьте, куда поставить эту вещь, незримо и неслышно советует человеку — хозяину сама вещь». И другое: «Человек считает себя хозяином любого предмета. А может быть, наоборот? Сколько раз

в истории было известно, что вытворяли вещи (пусть золотые, драгоценные, но вещи) с людьми, древними городами и целыми государствами. Вещи тоже имеют свою власть над людьми».

Не следует искать разгадки всех тайн «вещей», больших или малых. Мы согласимся с тем, что владеем только маленькими вещами, их маленькими тайнами, и будем этим счастливы. Как счастлив, например, православный священник отец Марко в городе Бари в церкви Святого Николая, что хранит там никому не известный портрет молодого Николая II работы художника И. Репина. (Об этом нет упоминания ни в одном каталоге.) Там же «неизвестный» Фаберже, работы Бенуа... Редчайшие ценности...

А почему в коллекции кутюрье-стилиста Лауры Бьяджотти оказался лучший портрет «Лев Толстой» (1911) римского художника Джакомо Балла (1871—1958)? Балла был одним из любимых художников-футуристов Владимира Маяковского и Александра Блока. Почему люстра из Кремля оказалась в доме римского графа Джузеппе Перрони? Тысяча «почему», не находящих ответа. Мы расскажем лишь о тех некоторых вещах-«перемещенцах», которые почему-то покинули родину — Россию и волею судеб (волею людей, допускаю) облюбовали Италию как место своей сегодняшней «прописки».

Почему считается, что мигрируют только птицы и люди? «Мигрируют», и имеют на это право, если соблюден закон, ценности — иконы, картины, статуи, оружие (именное, прошлых столетий), столовые сервизы, изделия из драгоценных или полудрагоценных камней и тысячи вещей, о судьбе которых порой мы даже не задумываемся.

Что знаем мы об этой «эмиграции», об элитных предметах, которые продолжают жить на всех континентах, украшают частные коллекции, продаются на аукционах за многие тысячи километров от России? Знаем мало. Где-то гуляет арабская шашка, пистолет,

подаренный Муссолини, не говорим уже о личных блокнотах...

В римском доме кинодраматурга Эннио де Кончини я видел русские иконы XVI—XVII веков. Их подарил автору сценариев «Брак по-итальянски», «Развод по-итальянски» и многих других фильмов Никита Сергеевич Хрущев. Добрый первый секретарь ЦК КПСС знал художественные слабости итальянского друга, любил его фильмы и не мог отказать себе в удовольствии порадовать кинематографиста, сделав подарок гостю: преподнести, например, одну-две иконы или кавказские кинжалы XVI—XVII веков. Оружие это не менее добрый Эннио — передаривал своему другу, коллекционеру, владельцу ювелирного магазина в городе Ареццо, под Флоренцией. Относиться к подобной щедрости можно по-разному, а иконы и другие ценности эмигрировали в Италию, прекрасно теперь живут у Эннио и антиквара, окруженные заботой, пониманием, памятью... Сегодня их еще называют «русскими», а когда-нибудь перед ними будут преклоняться, они станут произведениями землян XVI века, а все, что делаем мы, определяют как творения XX—XXI веков.

В тридцати километрах от столицы Сицилии Палермо высится старая башня стараченов (у нас говорят — сарацинов). Владеет древним строением 70-летний принц Гаэтано Ардуин Бельмонте, родственник последнего короля Италии, страстный любитель и знаток русского искусства, автор публицистической книги «Русская березка» (итог его поездки в Москву), в детстве бойскаут, приверженец Муссолини, а ныне член правой партии «Национальный альянс», в недавнем прошлом называвшейся «неофашистской».

В башне и имении принца — наборы русского стекла, картины неизвестных русских крепостных художников XVII—XVIII веков, вазы, вазочки, русская лепка... Вот такая любовь! А приобретены многие экземпляры в разных странах мира — тоже мигранты.

Несколько лет тому назад коллекция принца мне казалась вершиной того, что можно было собрать «русского вдали от России». Принц Ардуин подарил Д.С. Лихачеву для Санкт-Петербурга, тогда еще Ленинграда, изделие Фаберже. Сейчас подарки Ардуина Бельмонте находятся, кажется, в Морском музее в Питере, куда передал их справедливый Дмитрий Сергеевич. Он был нашим другом и часто по вечерам рассказывал нам, какой он издалика «видел» Италию 20—30 годов, когда был «невыездным» на Соловках...

Постепенно раскрывали двери новые, другие дома с русскими коллекциями. В отдалении от исторического центра Рима на улице Винья Мурата за высокой стеной — дворец графа Эрнесто Витетти. Несколько раз в год граф устраивает вечера-маскарады и открывает перед гостями двери «секретных» залов, где хранятся его коллекции военных форм всех армий Европы от XVIII века до наших дней. Главная «жемчужина» его коллекции — русские ордена и мундиры XVII—XIX веков. Здесь в ряд выстроились царские «улань, драгуны, кирасиры». В стеклянном футляре — «камергер» Николая II. На столе — под стеклом — орден, кресты, звезды, медали. Здесь даже награды, украшавшие мундиры Суворова, Багратиона, Кутузова...

— Наибольшее пополнение, — рассказывал граф, — коллекции получают во время кризисов и войн. Людям нужна еда, и они расстаются с самым ценным за несколько сольди. А ордена? Их все любят при жизни. И они ничего не стоят после смерти... Стыдно сказать, но я скупал ордена и медали...

...Римский фешенебельный квартал Пинетта, рядом с Париоли. Улица Лиеджи. Второй этаж дома № 16 занимает граф Джузеппе Перрони (спонсор фильма «Сладкая жизнь» Федерико Феллини). 72-летний потомок древнего итальянского рода, насчитывающего почти десять веков, граф предпочитает, чтобы друзья называли его по-простому: Пеппе, Пеппино. Графский титул не смущает. Впрочем, Перрони мог бы быть

не только графом, но и герцогом, и маркизом. Одна его бабушка была герцогиней, а дедушка — маркизом. Джузеппе решил не брать в наследие всех титулов: «Мне достаточно быть графом с тысячелетним стажем, — говорил он. — Жаль, прямых наследников у меня нет. Мог бы кого-нибудь из россиян и усыновить-удочерить. Почему бы вам не стать итальянскими маркизами и теоретическими наследниками моих сокровищ? Ведь я реалист: в будущем о них кому-то предстоит заботиться. А кому? По национальности я, понятно, итальянец, а по духу — русский. Вернее, чувствую себя русским, хотя никогда не бывал в России. Странно, не правда ли? Но в моей жизни это не случайно. Семейную русскую коллекцию начал собирать еще мой дед, и теперь в нее входит более пятисот единиц. Первые единицы мы приобрели после революции 1917 года, затем дела хорошо пошли в эпоху дуче. Муссолини лично нам помогал, — продолжал граф. — Например, царский сервиз на 24 персоны — это «одна единица». Коллекция рассредоточена между палаццо в Риме, Милане, Мадриде (испанский дом графа только что продан, и ценности в контейнерах едут в Рим).

В римской коллекции графа — 63 русские иконы XVI—XVIII веков. Перрони мечтает довести количество икон до 70.

— Это — моя заветная магическая цифра, — говорит граф.

— Почему?

— Не отвечает...

— Езжу по аукционам. И не только в Италии. Бываю на аукционах в Англии, Франции, Швейцарии... Знаю, что на Западе многие увлечены коллекционированием икон и других русских ценностей, которые «ушли» после 1917 года и по сей день продолжают нелегально утекать из экс-СССР. Я ненавижу любые незаконные действия. И не допустил бы в свой дом ни один предмет, имеющий «нечистую» историю. Однако кто знает его историю «до, до, до...»?

Мои картины — словно живые люди, вернее, добрые духи. Я одинок, и по вечерам авторы картин и те, что на них изображены, — мои гости, «гении вечности». Они собираются в моих залах, рассаживаются в глубоких креслах. Вот князь Пьер Демидов. Еще совсем юный. Его портрет писал живший в Италии русский художник Ананов. Думаю, что в энциклопедиях вы не найдете ни его имени, ни данных о нем, а это был очень талантливый человек. А вот еще один портрет Демидова. Накануне бракосочетания с юной итальянской принцессой. Работа выполнена неаполитанским художником Мирелли в 1852 году. А вот портрет и самой принцессы, которую мы знаем, как «принципессу Демидофф».

А вот коллекция русских крестов. Один из них хотел у меня купить величайший мастер современного балета Рудольф Нуриев, — объяснял граф. — Я, конечно, не продал, так как в моей коллекции это уникальная ценность. Крест принадлежал одному из членов российской императорской фамилии.

— С Николаем II у меня связано немало, — продолжал граф. — Дух царя также является в мои римские покои. И поверьте, я разговариваю с ним. Однажды я видел, как за этим столом, принадлежавшим Наполеону, он сам расставил тарелки из сервиза, который, как мне известно, украшал российский царский стол всего один раз, — кажется, в 1896 году, на пиршестве в честь бракосочетания Николая II и Александры Федоровны. Теперь передо мной царь Николай сам разложил серебряные приборы графа Орлова...

В мыслях словно пролетает все прочитанное о русском императорском дворе. Представьте, как это прекрасно, какое чудо вдруг перенестись в те далекие от нас времена. Вы скажете — мистика, фантазия! Пожалуйста! Не стану опровергать, доказывать обратное. Но я чувствую, знаю. Ощущаю присутствие моих божественных духов. Повторяю, все предметы моей коллекции одухотворены и охраняют мой дом. Злые духи

ни разу не переступили моего порога. Знаете, однажды в 1939 году Муссолини был моим гостем. Он был восхищен русской коллекцией. Но заметил, что не советует ездить в Москву и искать там памятники культуры, предметы живописи и скульптуры.

— А воры? Вы не боитесь?

— Однажды воры пытались проникнуть в квартиру, но их сразу арестовали карабинеры. Один из жуликов, самый неловкий, сломал ногу. Самый же «ловкий» первым надел наручники! Бывает и такое. Главное же, повторяю, дом охраняют мои духи...

— Вот портрет Петра Ильича Чайковского, — продолжал граф. — Он принадлежит кисти великого итальянского художника Болдини. Они виделись постоянно. Когда композитор жил во Флоренции. — Я смотрю на руки гения. Болдини — личный друг Чайковского. Он положил на холст все. До морщинки. Я готов прижаться к ним губами. Петр Ильич живет в моем доме. Я слушаю пластинки с его музыкой. «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Итальянское каприччи»... Эту картину я приобрел девять-десять лет назад у 80-летнего коллекционера-аристократа Пишени. (Он ушел из жизни в 1990 году.) О цене не спрашивайте. Не скажу. Пишени был другом Эдды Чиапо, и это она нашла в Болонье эту картину Болдини.

На аукционах если появляется любая работа Болдини, то первая цена — не менее миллиона долларов. Пишени продал мне эту картину, так как считал, что я смогу ее достойно сохранить в окружении других сокровищ...

...Граф налил минеральную воду в стакан мутноватого стекла.

— Не пью никаких напитков, кроме минеральной. Особенно люблю утолить жажду из этого стакана. Он — русский. Ему подобных выпустили несколько тысяч к свадьбе императора Николая II. Раздавались они на улицах. Люди по-русски, испив вино, славили царя и царицу, били стаканы. Этот же стаканчик сохранил-

ся, и ему более ста лет. Поэтому я считаю его «дважды золотым» — со времени свадьбы российского императора.

Я — католик. Своим главным святым почитаю Николая Чудотворца из Миры, Святителя православия, который, не будучи русским, стал главным святым земли русской. Мне кажется, что задолго до рождения я... был русским. Отсюда у меня русские эмоции, русское восприятие окружающего мира, романтизм. Восхищаюсь русской литературой, искусством. Самый любимый писатель — Гоголь. Затем — Чехов. Терплю Достоевского... Толстого...

Мой знак зодиака — Рыбы, верю в вечную весну. Любимый русский камень — малахит. Он «весеннего цвета». Вот этот столик — из уральского малахита. Точно такой же стоит в «Эрмитаже». А этот предмет на малахитовой подставке! Серебряный русский «водовоз». Тончайшая работа русских крепостных мастеров. Не уступит ни голландцам, ни немцам, ни англичанам. Грачевская посуда тоже не хуже севрского фарфора...

— А где, граф, вы купили царский сервиз?

— Это — маленькая тайна, но кое-что расскажу. Мне продал сервиз мой знакомый лорд в Англии (как сервиз попал к лорду — не моя тайна). По закону весь сервиз вывезти было нельзя. Я, как вы знаете, законы уважаю. Так вот, я давал по одной-две тарелочке известным актерам, и они привозили их в Рим, возвращали мне. Все до одной. Просто и честно! Ни одной трещинки на тарелках. А у лорда могли бы не сохраниться. Широкой он был души. И мог по старости уронить царский предмет. Было бы жаль! Так что «сервиз захотел»; чтобы я его спас, а он украшает мою жизнь.

— А люстра в столовой! Пять точно таких же — в залах Московского Кремля. К сожалению, — посетовал граф, — я показал не все мои русские сокровища.

Наиболее ценные держу в банке. Кое-что находится в моем миланском дворце. Но главное вы увидели. Возможно, узнаете о моей коллекции, о моих мыслях о России и ее добрых духах Его Величество русский человек. Верю в его силу, мужество, волю.

— Память о ком из русских, бывавших в вашем доме, вы сохранили?

— Симонов, Бондарчук, Нуриев. Я глубоко уважал каждого из этих прекрасных и талантливых людей. Пожалуй, лучше всех я знал Рудольфа Нуриева. Когда Рудди бывал в Риме, он всегда посещал мой дом. Я ввел его в мой круг, а он меня — в свой.

Теперь Рудольфа нет с нами, он сказал свое последнее «прощай», но я знаю, что творчество его в этом столетии не завершится: он среди моих духов. Он — вечность. Я вообще живу только с людьми и предметами из Вечности. Знаю, например, что многие его личные вещи, коллекция театральных костюмов, картины из парижской квартиры распроданы с аукциона. Уже иначе выглядит его итальянский остров Галли под Салерно. Многое ушло... Я же собрал лишь некоторые свидетельства, воспоминания друзей Рудди и храню их как величайшие реликвии.

• • •

В коллекции графа — живопись, кораллы из Китая, северский фарфор, но русский раздел, пожалуй, лучший в Европе. Но здесь не только предметы. За каждым предметом — имена его друзей, история...

— Вот на столике под стеклом мальтийский крест, орден святого Иоанна Иерусалимского. Подобным крестом с 1798 по 1817 год награждались российские дворяне, военные и гражданские, служившие отечеству за рубежом и в России в целях утверждения ее международного авторитета, в частности на Мальте, где с 1797 года великим магистром (де-факто) мальтийского ордена рыцарей-госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского был российский император Павел I. Пос-

ледними, кто получил в России этот орден, были адъютант графа Комаровского лейб-гвардии гусарского полка корнет Корней Лазарев и его братья, служившие в Коллегии иностранных дел. (Два таких креста были в коллекции Муссолини.) Лазарев и его коллеги доказали древнее дворянство своей фамилии по правилам Российского приорства при Мальтийском ордене. За свою деятельность имели право на получение награды. Всего кавалеров мальтийского ордена в России было 486. Российское приорство прекратило существование после смерти Павла I, изменилась и российская политика в Средиземноморье. Генерал от артиллерии граф Аракчеев направил императору Александру I «меморию» об отмене права на ношение ордена в связи с исчезновением приорства. Случилось это 31 января 1817 года, и все кавалеры сложили шпаги, сдали орден. После прихода англичан на Мальту многие рыцари эмигрировали. Многие искали убежища в России и нашли его. Отсюда в России есть пять географических названий Мальта, включая небольшую реку в Хабаровском крае... Мальтийцы быстро ассимилировались. Тоже дворянское качество... Это — история, которую теперь мало кто помнит, но тоже страница нашей европейской летописи.

— Как рождались ордена в России? И как они попадали в Италию?

— Петру I грозил плен, но судьба ему в последний момент улыбнулась: его супруга отдала все свои драгоценности на подкуп военачальников противника, и русским удалось выйти из окружения. Благодарный царь и супруг в честь жены учредил орден Святой великомученицы Екатерины. Его патронессой — «орденмейстером» — стала русская императрица царствующая или супруга монарха. К счастью, феминисток, которые могли бы усмотреть в появлении «женского ордена» дискриминацию по половому признаку, в те времена еще не было. Единственный орден Святой Екатерины был подарен министру иностранных дел

Чиано, и тот передал его Эдде Муссолини. Теперь орден в распоряжении графа Витетти.

...Орден Белого Орла пришел в Россию, когда частью империи стала Польша. Первоначально его жаловали только полякам, лишь со временем в число кавалеров ордена вошли жители остальных частей Российской империи. Однако ни один из орденов не был столь почетным, как орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Удостаивался его тот, кто, как говорилось в статуте, «не только обязанность свою исполнял во всем по присяге, чести и славе, но сверх всего ознаменовал себя в пользу и славу Российского оружия особым отличием». Императрица Екатерина Вторая сама стала учредителем и гроссмейстером ордена Георгия. 26 ноября 1769 года «знатным особам обоего пола, персонам и господам чужестранным министрам, дамам в робах, кавалерам в цветных платьях, всем военным быть в шарфах и строевом убранстве, и ожидать Божественной литургии», — указала царица в приглашении на «презентацию» новой награды. «По окончании оной и молебного пения и прочей духовной церемонии, по выходе, вручить Георгия».

Всего трое русских полководцев даже за победу над Наполеоном стали его кавалерами. Это — Л.Л. Беннигсен, М.Б. Барклай-де-Толли и М.И. Кутузов. Император Александр I счел себя вправе принять лишь знак четвертой степени. Николай Первый стал обладателем четвертой степени Георгия только «за выслугу». Правда, к этому времени первая степень ордена Св. Георгия была девальвирована: автоматически присваивалась всем великим князьям.

Орден Св. Георгия мог быть пожалован лишь лицам, имевшим офицерский чин. Для солдат же в 1807 году был учрежден славный Георгиевский крест. Одним из его обладателей во время Первой мировой войны стал Г.К. Жуков.

ГОРОСКОПЫ ДУЧЕ И БОНАПАРТА

Верно ли, что на Мальте всегда проживали самые умудренные астрологи-звездочеты, составители гороскопов? Они, например, предсказали, и довольно точно, поражение и гибель Наполеона, падение фашистских режимов Гитлера и Муссолини. Возможно, это легенда, которую знают многие, но подтвердить или отвергнуть то, что было поведано императору во дворце мальтийских рыцарей, в его спальне, где Наполеон провел несколько трудных ночей, не может никто. А предсказаны ему были там и разгром в России, и падение Парижа, и смерть на маленьком острове в изгнании. Все якобы в точности. Наполеон узнал все, что ожидало Бонапарта — Льва.

Мальтийцы нарисовали столь же мрачную картину будущего и для Муссолини.

Но пока об императоре, о лаврах которого мечтал Муссолини, кто был для дуче «верхом совершенства». Наполеон родился 15 августа 1769 года в 3.30 пополудни. Днем его рождения управляла Луна, часом — Марс, а созвездием Льва, под которым он родился, — Солнце. В момент зачатия Солнце находилось под созвездием Весов, которым, в свою очередь, управляла планета Юпитер.

В гороскопе Наполеона его драматическую судьбу определяли Солнце, Луна, Марс.

Марс — планета войны, насилия и жестокости. Солнце — светило, символизирующее славу и власть. Луна олицетворяла в гороскопе Наполеона непостоянство, капризы, навязчивые идеи, негативное влияние на мозг и организм. Лунное влияние в гороскопе Наполеона несколько компенсировалось влиянием планеты Юпитер, которое несло справедливость, порядочность, честь, выполнение договоров и обещаний.

Гороскоп Наполеона по двенадцати Домам, образующим окружность Зодиака, позволял сделать многие выводы о его характере и судьбе. И многое совпадало

с выводами из позднейшего гороскопа Муссолини. Заметим, что дуче во многом желал подражать и походить на Наполеона.

В четвертом Доме — созвездие Овна характеризовало Наполеона и Муссолини как домашних тиранов.

В пятом Доме — созвездие Тельца указывало на беспрестанные усилия обрести наследников. Здесь преуспевал Муссолини благодаря Раке, а Наполеону с Жозефиной явно не везло.

В Доме брака — созвездие Рака свидетельствовало о непостоянстве и изменах, на которые толкали тиранов непомерные амбиции, заставившие одного в конце концов развестись с Жозефиной, а другого жить «параллельно» с Клареттой Петаччи.

Восьмой Дом — Дом войны и смерти. В гороскопе Наполеона здесь властвовало созвездие Льва. Воинственность Наполеона, его стремление к власти и завоеванию мира определялись влиянием Марса и Солнца. У Муссолини сильно влияло созвездие Рыб — предательство, неблагодарность царей и зависть ближайшего окружения.

В девятом Доме, определявшем интеллект, у Наполеона созвездие Девы говорило о его ярких организаторских талантах, у Муссолини — зависимость от обстоятельств.

В десятом Доме — благоприятное влияние созвездия Весов.

В Доме друзей — фатальное влияние созвездия Скорпиона, снова зависть, ненависть, предательство. Исторических подтверждений этим астрологическим фактам множество.

В двенадцатом Доме — Доме врагов — созвездие Стрельца, олицетворяющее для обоих диктаторов горячку погони и преследований, тяжелый конец...

Как кончил свои дни Муссолини, мы описали. И это совпало с гороскопом.

А отчего умер Наполеон?

Итальянские ученые, собравшиеся на острове Святой Елены, не опровергли последнее заявление английского коллеги Джона Хьюгса-Вильсона, утверждающего, что Наполеон Бонапарт был отравлен ядом (подобным по формуле цианистому калию), приготовленным графом Монтолоном. Это — последняя версия причин смерти Наполеона.

Первая часть утверждения — факт отравления — не вызывает больших сомнений и опровержений. Но вторая потребовала разъяснений: чем так «провинился» Бонапарт и почему именно граф Монтолон отравил великого императора? Теперь выясняется, что только у графа были «веские основания и возможность» убить Наполеона, считают ученые. Видимо, предсказания гороскопа оказались точны и в отношении Наполеона.

ДИКТАТОРЫ ИЗ ПЛАТЬЯ ИМПЕРАТОРА АВГУСТА

Император Август — кумир Наполеона и Муссолини. Случайно ли?

...Барельефы в Музее античной культуры в Равенне — «апофеоз» римского императора Августа (63 год до н.э. — 14 год н.э.). Статуя Беликого завоевателя в Ватикане, мавзолей Августа в Риме, рядом с набережной Тибра... Памятники тысячелетий — свидетельства римской вечности...

Язык истории, тонкие ходы и импровизации, ее изворотливые интерпретации отвечают разным и определенным этапам развития общества, конкретным социальным требованиям стоящих у власти режимов. Так было, есть и, вероятнее всего, будет! Вопросы истории интересовали Муссолини, когда он приезжал в свою виллу в Рокка, в последнее убежище на озере Комо, где в конце жизни размышлял о роли выдающихся личностей в развитии целых наций и государств.

Бенито Муссолини. Во всем образцом для подражания для него служил, кроме Наполеона, римский император Август. Консул в течение чуть более двадцати лет, трибун плебеев, главный цензор, а затем абсолютный суверен огромной империи. Его славили Гораций и Вергилий. Он устрашал всех и вся, и только Спиноза в пику всем открыто называл его «великим шулером с мелкой душой». Как это могло случиться? Кто из окружения Муссолини осмелился бы назвать его, дуче, «великим шутом и шулером»? А история Муссолини не случайно сравнивалась с историей «двадцатилетия» императора Августа.

Нестандартный подход мыслителя Спинозы в трактовке сущности и облика августейшего из Августов пролетел вдруг по страницам итальянских журналов.

Мы узнаем, что император Август являлся своеобразным «маяком» для дуче, был самым почитаемым героем Древнего Рима. В период фашизма Август словно вновь стал императором Рима. Приход к власти дуче сравнивался с восхождением Августа, зарубежные аннексии представлялись как возвращение утраченных границ, союз с Берлином и Токио — и мудростью, и ошибкой Рима. Как бы все «по Августу».

Модель диктаторского государства построил император Август. И эта модель не изменилась. Полицейские репрессии, слежка, коварство, вероломство, навязывание идеологии, диктат, как бы его ни называли, — все это не изжито, характерно для XX века, когда под надзором от рождения до смерти были все, а не только видные политики. При Августе воспевали «Рах» (лат.) — мир, а насаждали страх. Не потому ли Спиноза назвал Августа великим шулером? Это «шулерство» умело, как эстафету, принял Муссолини, а за ним и последующие диктаторы на Востоке и Западе, которые родились и вышли из платья императора Августа, причем неважно, были они «при усах или без них...»

Все шло «по канонам» Рима. Так было в гитлеровс-

кой Германии. Так было в Италии Муссолини. В России в 20—30-е годы тоже выстраивались «девушки с веслом», «дискоболы», улыбались гипсовые футболисты, в небо смотрели скульптуры авиаторов. В Москве архитектурный стиль все больше напоминал Рим 20—30-х годов. Многие наши архитекторы (с ведома Л.М. Кагановича) спешили перенести линии итальянской столицы 30-х годов XX века в советскую, и не всегда, пожалуй, самые лучшие линии. Муссолини во всех городах Италии создал свой стиль, который прошел через столетие и войдет в XXI век. Стиль «Римской империи дуче Муссолини».

Параллельно с захватнической деятельностью в Африке (все предсказал гороскоп) Муссолини рассчитывал на лавры первооткрывателя. Он все постиг о Наполеоне, позже его интересовало местонахождение гробницы Александра Македонского. Это до сих пор остается тайной, которую не могут раскрыть историки и археологи. Не раскрыл эту тайну своего «кумира» и Муссолини.

Дата смерти великого полководца древнего мира неоспорима и документально доказана: 13 июня 323 года до н.э. Тогда царю Македонии было 32 года, и он находился в Вавилоне. В течение двух лет строился саркофаг, тело воителя перевозилось в погребальной колеснице. Но где он все-таки закончил свой путь? Бытовали две равноценные версии. Одна была высказана английским археологом: Александр Великий был захоронен в египетской Александрии. Другая выдвинута в более поздний период греками: письмена, выбитые на камнях, утверждают, что царь Македонии похоронен в Сиве. Муссолини хотел услышать третье мнение и сделать его своим, но не сумел и не успел...

• • •

Бетховен, Моцарт, Вивальди были любимыми композиторами Муссолини. И дуче хотел о них знать все, чтобы широко и аргументированно ссылаться на эти

великие имена в своих речах и ставить себя как бы «на одну доску» с гениями. Принцип не новый. Особенно дуче интересовался историей смерти Бетховена.

Как известно, маэстро скоропостижно скончался в 1827 году в возрасте 56 лет. Сразу же после смерти композитора в Вене расползлись самые разные слухи, многие почитатели таланта маэстро склонялись к мысли, что с гениальным композитором расправились завистники, подговорившие врачей ввести приболевшему Людвигу Ван Бетховену сильную дозу морфия. (Муссолини был весьма мнительным человеком и не исключал, что враги отравят его.)

Версия отравления Бетховена бытовала до 1888 года, пока Габсбурги не дали специального разрешения на проведение чрезвычайных судебно-медицинских экспертиз. Результаты анализов исчезли при таинственных обстоятельствах. И это только усилило позиции тех, кто считал, что композитор был умерщвлен. К этой мысли склонились Муссолини, Эдда, Чиано — большие поклонники таланта Бетховена. Только полвека спустя, в 1999-м, ученые получили разрешение на новые исследования и доказали, что никто из врачей или других каких-либо «страшных злоумышленников» не покушался на жизнь великого композитора, не вводил ему морфия и не подкладывал цианистый калий. Все произошло банально и просто. Маэстро отведал суп в одной из харчевен близ Дуная и отравился рыбой. Она оказалась зараженной от отходов с большим содержанием свинца, выбрасываемых фабриками и заводами в воды реки. Муссолини был бы явно раздосадован: как можно было обойтись без заговора?

Астролог, анализируя индивидуальные карты Наполеона и Муссолини, мог бы определить основную структуру и общие черты их характеров и судеб.

Особая любовь у Наполеона была к орденам и блестящим пуговицам. Эта «любовь» императора передана военным, служащим в мундирах и обычным кутюрье. Неменьшая тяга к напыщенности наблюдалась

и у Муссолини. Но с учетом XX века и его течений и моды.

В древности и в средневековье по пуговицам определялась знатность рода (в зависимости от того, какой герб или рисунок наносился на пуговицу, из какого металла она сделана). Пуговицы изготавливались из золота, серебра (для дворян), из недорогих металлов (для солдат и слуг), из керамики, стекла, дерева (для простолюдинов). Наполеон и Муссолини об этом знали все.

В XVI веке на велюровом черном кафтане короля Франции было 13 600 золотых мелких пуговиц с изображением короны. Великий Наполеон требовал от солдат, чтобы на рукавах мундиров всегда сверкали все пуговицы. Его маршалы считали, что внимание императора к пуговицам на рукавах было связано не только с его уважением к красоте военного костюма, но и с презрением к тем, кто вытирал нос рукавом (пуговицы, особенно в мороз, этому «деянию» явно были помехой). Муссолини всегда обращал внимание, как одеты приближенные, но десятки тысяч солдат шли на фронт в снега без сапог и теплой одежды. На пуговицы же объявляли сбор денег дети Муссолини.

Никто не подсчитал, сколько пуговиц и каких видов было изобретено за всю историю человечества. Коллекционирование пуговиц родилось во Франции в XVII веке, но быстро угасло сначала как увлечение знати, затем даже в кругу кутюрье. Ныне в Америке существует клуб коллекционеров пуговиц, насчитывающий более пяти тысяч членов с редкими коллекциями в 250 миллионов пуговиц. Аналогичный клуб создан в октябре 1995 года в Италии. В него пока вошли двадцать коллекционеров — все приверженцы Муссолини. Случайность ли?

ФРАЗЫ БЕНИТО МУССОЛИНИ И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ О НЕМ

- *Страх — это конкретно. Тревога за прошлое невозможна. Тревога может быть только за будущее. Тревога — это словно эпидемия. Ее «вирусы» всегда в воздухе.*
- *Политика — это поиск возможного, реального, практически достижимого. А если чего-то не достигли, значит, преобладали фантазии и не было опоры на земле.*
- *Чтобы добиться многого, все надо делать понемногу. Эти слова Макиавелли Муссолини переделал: чтобы достигнуть даже малого, надо все делать помногу. А в остальном лучше много, чем мало...*
- *За одного ученого Кардана отдал бы все карданные валы и выиграл бы все сражения в песках Африки и в болотах России.*
- *Обычно истерички просят, чтобы им организовали полную тишину.*
- *Человек считает себя хозяином любого предмета. А может быть наоборот: у вещей тоже есть власть над людьми.*

ГЛАВА VII

КОГДА КРАСНОЕ СТАЛО РОЗОВЫМ, А ЧЕРНОЕ — БЛЕДНО-СЕРЫМ... МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Единственной революционной антифашистской силой, способной преградить путь первым отрядам и самому Муссолини, могли бы стать до 1921 года социалисты левого крыла. Но и они до января 1921 года не были организационно оформлены в отдельную партию и, пожалуй, уже безвозвратно потеряли время. Они будут его всячески наверстывать, делать различные мужественные усилия, искать поддержку в Европе и России, но им придется всегда «догонять» события, оставляя фашистам постоянно «право первого шага,

первого удара». Иначе говоря, инициативы. А когда инициатива получает еще и финансовую помощь, то она становится решающей. Но посмотрим, как эволюционировали за 20 лет муссолинизма и последующие 55 лет левые силы и центр.

21 января 1921 года на XVII съезде итальянской социалистической партии (ИСП), где коммунисты оказались в меньшинстве (58 783 против 98 028 голосов максималистов и 14 625 — реформистов), делегаты от коммунистов с пением «Интернационала» покинули собрание в Ливорно, перешли в театр Сан-Марко, где и провели свой первый учредительный форум. Съезд итальянской коммунистической партии — секции Коммунистического интернационала. Через неделю после съезда в Ливорно, 29 января, Социалистическая федерация молодежи собралась на съезд во Флоренции и единогласно приняла решение о присоединении к Коминтерну, стала называться Коммунистическая федерация молодежи (КФМ).

Итак, одновременно проходили два противоположных, готовых к противоборству процесса — укрепление фашистских легионов и рождение коммунистических рабочих групп.

Кто первый, кто активнее, кто расторопнее и сильнее? 20 июля 1921 года фашисты первыми предприняли крупное нападение на рабочие организации, но вынуждены были отступить, понеся значительные потери. В Риме в ответ на фашистские провокации была объявлена всеобщая забастовка, продлившаяся четыре дня (с 10 по 14 ноября 1921 года). В зоне улиц Трионфале и на Трастевере развернулись настоящие бои. С февраля по декабрь 1921 года погибли более шести тысяч человек. В большинстве это были коммунисты и те, кто поднялся вместе с ними против чернорубашечников, входил в ряды движения «Ардити дель popolo» («Народные смельчаки»). Фашисты по всей стране перешли к методам насилия и убийств. Они встретили особенно сильное сопротивление в Парме, где

«ардити» сражались более года. Но к октябрю 1922 года фашистская чаша на политических весах в Италии перевесила: фашисты брали верх.

Со второй половины 20-х годов Муссолини уже все чаще повторял полюбившуюся ему издавна историческую королевскую фразу: «Государство — это я». На самом же деле он вложил в нее свое содержание: «Обломки прежней государственности реставрированы мною, по моему усмотрению и схеме». В основе этой схемы — Муссолини.

Анархия как тип общества без ярко выраженной и надежно действующей государственной власти понятно, не подходила Муссолини. Хотя анархисты отнюдь не отрицали организующего начала в обществе. Демократическое государство либерального, консервативного толка не устраивало Муссолини, ибо связывало руки диктатору действиями парламента и других институтов демократической власти. Выбор делался один: тоталитаризм — и любая граница может быть преодолена. Коммунисты представляли для фашизма главную опасность. И расправиться с коммунистическими ячейками было основной задачей Муссолини на том этапе 20-х годов.

В Риме захвачена и разграблена газета «Иль коммуниста», в Турине — «Ордине нуово» («Новый порядок»). В стране оставалась лишь одна антифашистская газета в Триесте — «Иль лавораторе» («Трудящийся»). С января 1923 года начались массовые облавы и аресты коммунистов, и лишь в 1924 году, после освобождения арестованных, ИКП вновь возобновила работу в массах. Именно тогда начинает выходить новый печатный орган партии — газета «Унита» («Единство»), определившая своим названием задачи борьбы против фашизма, борьбы с распыленностью сил, против раскола в рядах демократов. С целью конспирации и безопасности членов партии III съезд ИКП проходил во французском городе Лион. На политическую арену в то время вышел Антонио Грамши, ко-

того старые либеральные политические деятели называли «таким революционером, который не имел себе равных во всей истории Италии». Подобная оценка не могла понравиться Муссолини, не могла не вызвать приливов ревности и гнева, ибо самым большим революционером дуче считал только самого себя.

В мае-июне 1928 года компартии Италии был нанесен очередной тяжелый удар. Все члены руководства (Внутреннего центра) за исключением Лонго были арестованы и осуждены на многие годы заключения. Покушения на Муссолини развязали руки фашистам, послужили поводом для введения чрезвычайных законов. Определилась и социальная база фашизма — мелкобуржуазная среда, давшая наиболее активных участников фашистских легионов.

На IV съезде ИКП в Кёльне (апрель 1931 года) был поднят флаг борьбы — сочетание нелегальных и легальных форм действий против фашизма. Но это был уже «голос в пустыне». Фашизм окреп и вытеснял силы политических противников из Италии. Международная социал-демократия своими действиями и слабостью позиций потворствовала утверждению фашизма. Особенно после прихода в Германии к власти Адольфа Гитлера в январе 1933 года. В 30-х годах, как считал Муссолини, заметных антифашистских выступлений на территории Италии уже не было. Последним ярким всплеском демонстрации протеста был поступок Лауро де Босиса, поэта и летчика, который 3 октября 1931 года пролетел над Римом и сбросил 400 тысяч листовок антифашистского содержания. 29-летний поэт плохо кончил. Видимо понимая, что его ждет в Италии, он не смог вернуться к родным берегам и рухнул (вместе с самолетом) вблизи Корсики. Об этом историческом факте теперь мало кто помнит и знает.

Муссолини был тогда заинтересован промолчать о «выходке» известного летчика-поэта, а после 1945 года о Лауро де Босисе просто позабыли: столько воды утекло... Позади была самая кровавая война в Италии...

• • •

В июне 1933 года в Париже прошел Антифашистский конгресс. В его работе приняли участие 3500 делегатов из всех государств Европы. Демократическая печать была в литавры, позитивно оценивая результаты форума. С одной стороны, это действительно было так. Но не говорили о другой стороне, более серьезной и опасной. О стороне, которая стала видна по прошествии десятилетий; конгресс не мог остановить грохота фашистских каблуков, приближения к самой кровопролитной войне в истории народов планеты. Конгресс, говоря от имени пяти миллионов европейцев, то ли не понимал, то ли идеологически заблуждался, но самым фактом своего собрания он толкал к единению более организованные, в военном отношении более сплоченные силы фашистов. Действие, как известно, вызывает противодействие. И противодействие оказалось тогда эффективнее и потому более опасным для дела мира.

Однако такая позиция не означала, что априори следовало бы складывать оружие борьбы против фашизма. Так эта позиция и не была воспринята ни итальянскими коммунистами, ни социалистами, которые 17 августа 1934 года подписали в Париже соглашение о единстве действий против фашистской политики развязывания войны.

Большой утратой для антифашистского движения была смерть 27 апреля 1937 года коммунистического лидера Антонио Грамши.

К этому времени сблизились позиции германского и итальянского режимов, Италия присоединилась к антикоминтерновскому пакту. (Муссолини казалось, что игра становилась беспроигрышной, а он решил всегда ставить только навверняка, на единственную, но выигрышную «лошадь».) Подражая примеру Германии, Италия вышла из Лиги Наций. И это был не просто политический «фон», это было выражение сути и след-

ствие развития событий в Европе. А большие войны начинались и начинаются с «малых».

Затем был аншлюс. Потом захват Германией Чехословакии. В начале апреля 1939 года Муссолини предпринял агрессию против беззащитной Албании.

Сентябрь 1939 года. Нападение Германии на Польшу. Началась Вторая мировая война. Гора подразумевает не только подъем, но и спуск, на который ушли трудные годы, пока 10 апреля 1945 года не была разослана по всем организациям директива № 16 о всеобщем восстании в Италии. 25—28 апреля народ Италии уже праздновал свое освобождение. Это история в одном абзаце, но в нем океаны крови, горы разрушений. Шесть лет войны.

Коммунисты Италии в послевоенный период стали одной из ведущих политических партий Западной Европы; находясь в оппозиции, они играли активную роль в политической жизни, оказывали большое влияние на демократизацию итальянского общества. Но, пожалуй, в одном оказался прав Муссолини, когда, отсидев под арестом в Гран-Сассо, он пришел к неожиданному выводу о том, что вскоре после войны все политические партии и силы, определявшие жизнь в 40-х годах, изменят свой характер и ориентацию, пойдут в противоположном направлении по отношению к курсу начала 40-х годов и каждое десятилетие, а точнее, два десятилетия (он мыслил категориями «двадцатилетий»), словно повинувшись закону цикличности развития, будут совершать заранее подготовленные повороты.

Так и произошло. Правда, не через двадцать, а через двадцать семь лет, в марте 1972 года. Генеральный секретарь ИКП Энрико Берлингуэр на XIII съезде говорил уже не о «текущем моменте», а анализировал возможность участия коммунистов всерьез и надолго в правительстве или в парламентском большинстве. «Мы уже определили принципиальную позицию...» Участие коммунистов в правительственной коалиции возможно в двух случаях: «при необходимости отра-

зять атаку реакции (еще не завяла память о Муссолини), которая ставит под вопрос судьбы демократии, или при существовании условий, которые позволяют осуществить программу обновления, получающую сознательную и активную поддержку широких масс, укрепляющих единство трудящихся, их политических и идеологических представителей» («L'Unita», 14.III.1972).

Прошло еще двадцать шесть лет, и ИКП, претерпев сильные структурные, идеологические и политические сдвиги, изменив даже само название, не только вошла в коалиционное правительство, но и стала правой партией в канун XXI века.

Преобразились и крайне правые — неофашисты. Выросшие из корней Итальянской Социальной республики, они создали 26 декабря 1947 года партию «Итальянское социальное движение», которая на конгрессе в Фьюджи в 1994 году преобразовалась в «Национальный альянс» (НА). Его члены спокойно относятся к тому, что их упорно продолжают именовать «неофашистами» или «постфашистскими членами «НА». Видимо, это спорная дефиниция, ибо в условиях политического климата в Западной Европе, и, в частности, в Италии, красные давно стали бледно-розовыми, скатились, как говорят, в «болото социал-демократии», а черные сильно «побледнели» и сместились с жестких крайне правых позиций в центр. То есть тоже поближе к «теплому болоту».

НА (Национальный альянс) — экс-неофашисты выступали и выступают за дисциплину, порядок в стране, против любых нарушений прав граждан (включая права на чистоту улиц, экологию моря и прибрежных пляжей и даже на тишину в ночное время — так называемое право на покой). В 1998 году по инициативам представителей НА были оштрафованы 93 дискотеки как один из главных источников шума и беспорядка. Эта популистская мера подняла авторитет членов НА.

«Кто беспокоит — платит», — бросил ставшую знаменитой фразу ассессор Дзампальоне и предложил пол-

ностью закрыть двери дискотек в ночное время. «Ограничить, обезопасить, штрафовать — это понятно, но закрывать? Не следует», — считает добрая половина руководства НА, видя в дискотеках при всех их минусах удобное современное место для проведения досуга людей от 17 до 45 лет.

В эпоху Муссолини, заметил асессор Дзампальоне, проблема досуга, вечерних развлечений молодежи решалась за счет увеличения количества танцплощадок, эстрад. Тогда Италия танцевала в кафе и ресторанах, пела под аккордеон и гитары до определенного часа, теперь другие вкусы — влияние заокеанской музыкальной культуры. Это не по-итальянски. Будет ли XXI век веком возвращения к итальянским национальным традициям начала XX века или?.. НА делает на этом политику.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ. ЛЮБОВЬ К ЖИВОТНЫМ А LA MUSSOLINI

В августе 1999 года в Риме произошел скандальный случай. Рассказывают, что в начале 40-х годов дуче Бенито Муссолини была представлена его сторонница юная графиня Клотильда. Теперь 80-летняя графиня Клотильда Баратьери ушла из жизни и, как положено, оставила завещание. Родственники вместе с известным в Риме нотариусом Висмара нашли в ящике письменного стола ценную бумагу, вскрыли конверт, прочитали текст и ахнули. Никаких воспоминаний, никаких благодарностей никому.

«Пиковая дама» с площади Кастелло, как звали родные старую графиню, завещала более десяти миллиардов лир — состояние свыше 6 миллионов долларов — 260 бездомным собакам, которых она находила на улицах и держала на территории заброшенного завода, а также пятнадцати породистым псам, с комфортом

жившим на коврах и подушках в ее фешенебельной квартире. «Без собак после Муссолини, — заявляла она, — жизнь стала бессмысленной».

Все бы хорошо, да многочисленные родственники «пиковой дамы» почувствовали себя обделенными и униженными. Собакам, мол, — роскошь, а им, знатным по крови — ни крохи от миллиардов. Просто «собачья жизнь». «Полная дискриминация двуногих созданий», — возмутились юные графы и самый активный из них — граф Арагонский. Ему-то якобы принадлежала идея изъять завещание, восстановить справедливость и напомнить коварной покойной бабушке о своем земном существовании.

Но тут недовольно рявкнули и хором залаяли домашние сторожевые собаки, взывая к совести и профессиональной честности нотариуса Эрнесто Висмара. И тот не подкачал. Не подвел четвероногих. Он подтвердил существование документа, оформленного в соответствии с буквой закона, в присутствии врача, который засвидетельствовал, что нонна (бабушка) была в здравом уме и при полной памяти и что собаки ей были действительно дороже, чем племянники и разные постфашистские «внуки», включая графа Арагонского, ничем не скрасившие ее брэнного бытия. При составлении завещания единственный, кого она тепло вспоминала, был Бенито Муссолини. Но дуче давно нет, а собаки здесь — под боком.

Инициатива «пиковой дамы» ныне с восторгом поддержана членами собачьего общества «Амика» («Подруга»), которые заявили, что графиня подала пример всему цивилизованному человечеству — всем любителям животных.

Ее жест полон достоинства, любви и благородства, а деньги собакам так же необходимы, как и людям, при этом члены «собачьего общества» готовы бескорыстно, на завещанные миллиарды, взять над собаками опекунство. Что же касается юных графов, вклю-

чая Арагонского, то им не до рычащих на старом заводе разноцветных четвероногих. Но теперь дело передано в суд, где наследники собираются показать зубы и дать последний решительный бой. Держись, псарня!

Наследников опросили журналисты, и выяснилось: если они победят в суде, то вступят в НА как в партию справедливости, будут решительнее выступать против блока левого центра. Случай нехарактерный, но все-таки «штрих» к картине внутривнутриполитической жизни Рима и других районов Италии.

Но вернемся к тому, как развивались или «перелицовывались» эппоненты итальянского фашизма — коммунисты, которым Муссолини еще полвека назад предрекал «несветлое будущее».

• • •

Великий Киплинг сформулировал, как подтверждают события, неопровержимую истину: «Один итальянец — прекрасный человек; два итальянца — ожесточенный спор; три итальянца — три партии, которые не могут договориться». Словно следуя этому неписаному правилу, в послевоенный период итальянцы широко создавали и ловко разваливали политические партии, вели жаркие баталии в парламенте, пережили больше, чем все другие европейцы вместе взятые, политических кризисов (55!), сменили более пятидесяти кабинетов министров в старинном дворце Киджи. Примерно у 20 партий в парламенте — свои цели и амбиции. Единства при таком положении не жди! А всего в Италии более сорока партий и официальных движений.

875 дней продержалось в палаццо Киджи левоцентристское правительство Италии во главе с Романо Проди — самое продолжительное по времени после кабинета Б. Кракси (1058 дней в 1983—1986 годах). Сражения в стенах парламента между представителями правившей коалиции «Оливковая ветвь» («Уливо» Ро-

мано Проди) и оппозиции «Полюс» («Поло» Сильвио Берлускони) не прекращались ни на один день. В октябре 1998-го напряженность достигла «стадии возгорания»: дважды не принимали проект предлагавшегося финансового закона на 1999 год — основного документа, определявшего направления хозяйственного развития и бюджет. Чтобы спасти кабинет, по конституционной практике, использовался последний шанс — голосовалось доверие правительству.

И здесь левоцентристский блок «Уливо» ожидало трагическое, можно сказать, шекспировское фиаско.

В палате депутатов итальянского парламента 630 депутатов. Оба блока отдали команду «свистать всех наверх», прибыть всем в Рим, во дворец Монтечиторио (палата депутатов) для голосования по вопросу о судьбе правительства. Прибыли 625 обладателей мандатов. Не смогли приехать из-за состояния здоровья два депутата от оппозиции, молодая кормящая мать Ирэнэ Пиветти — бывший председатель палаты депутатов прошлого созыва (особых симпатий к «Оливковой ветви» она не высказывала), один депутат «спешил» в Вечный город... на трансатлантическом теплоходе, и, наконец, один слишком долго говорил по телефону в дворике парламента, опоздал и не был допущен к голосованию (тоже от оппозиции).

Подсчет голосов велся с переломным успехом, и на самом финише 312 депутатов сказали правительству «да» и ровно столько же — 312 — «нет»! Последним должен был высказать свой «приговор» депутат Сильвио Лиатта, избранный в парламента от партии «Вперед, Италия» («Полюс»), затем перешедший к «противнику», в движение «Обновление» (блок «Оливковая ветвь»). И вот Лиатта говорит 313-е «нет», одним голосом разбивая кабинет министров, становясь сразу известным всей Италии. Кто-то кричит ему: «Иуда», кто-то благодарит, кто-то обещает в будущем поддержку... Так или иначе победа оппозиции с разницей в

один голос! Оппозиция отправилась праздновать победу в римский «Гранд отель». Экс-премьер Романо Проди, по словам главного союзника — лидера Демократической партии левых сил Массимо д'Алема, в узком кругу съел любимую пасту «тальятелли» и отправился домой, чтобы в скором будущем ездить... на любимом велосипеде. (Для пропагандистских целей в период избирательных кампаний он предпочитает автобус, успешно участвовал в выборах 1999 года в Европарламент, стал председателем Еврокомиссии — исполнительного органа Евросоюза.)

При анализе обстановки все увидели, что решающую роль в падении кабинета Р. Проди на последнем этапе сыграли депутаты от партии коммунистического воссоздания. На политсовете в римском отеле «Эрджифе» произошел раскол партии. «Аптекарьские весы» политики очень чувствительны. Свершился очередной типично итальянский парадокс: «левые» сбросили «левый центр», чем в конечном итоге действовали на руку правым — «правому центру».

МОМЕНТ ИСТИНЫ. АЛЕССАНДРА МУССОЛИНИ: НИКОГДА НИЧЕГО НЕ НАДО ЗАПРЕЩАТЬ

Кто из женщин — депутатов парламента имела в канун XXI века самый высокий рейтинг? Судя по всему, представительница новой политической силы Эмма Бонино и член руководства Национального альянса, депутат парламента, внучка Муссолини и племянница Софии Лорен Алессандра Муссолини.

За политической активностью Алессандры Муссолини — депутата итальянского парламента от партии Национальный альянс, входящей в правоцентристскую группировку «Полус», общественность Евросою-

за следила с особым вниманием на протяжении конца 80-х и всех 90-х годов XX века.

Когда 25-летняя Алессандра (родилась 30 декабря 1962 года) впервые появилась на общенациональной политической арене, многие наблюдатели не принимали ее всерьез, видели в ней то нерадивую посредственную студентку, способную даже подделывать оценки преподавателей, то суровую прямую наследницу — внучку дуче, по линии младшего сына Муссолини, музыканта Романо Муссолини, то избалованную любимую племянницу Софии Лорен (мать Алессандры — младшая сестра Лорен Мария Шиколоне держит салон красоты на улице Рипетта в Риме).

В начале 90-х, когда Муссолини-младшая пошла на штурм парламентских цитаделей, в ее адрес со страниц газет и журналов, с телеэкранов полетели разные «камни». Но Муссолини не отворачивалась, принимала удары, парировала выпады. «Впрочем, не на все надо отвечать, — скажет мне позже Алессандра. — Наветы, злопыхательство, несправедливость отпадут сами собой. А белый цвет — цвет чистоты, совести, правды останется незапятнанным».

Помнится, примерно пять лет тому назад туринская газета «Стампа» нашла «тонкий ход» для нападения на Алессандру. Газета как бы взяла Муссолини под свою защиту от измышлений англосаксонской прессы (приложений к «Индепендент» и «Ньюсуик») и под этим соусом выплеснула все, что думала о юной неаполитанке, но «руками, терминологией и действиями» якобы англичан. При этом вспомнили обо всем желательном и нежелательном: и о том, как Алессандру-младенца держала на руках София Лорен, и как подросшая Сандра снималась, «слегка одевшись», для журнальных обложек в начале 80-х. Это можно было расценивать по-разному, но как попытку дискредитации — безусловно.

Да и комментарии к фото не должны были спо-

собствовать росту авторитета Алессандры-политика. Но вышло все наоборот.

«От тетушки племянница унаследовала глаза, глубокие, словно бездонный колодец, страстные губы, которые должны говорить о любви, о чем угодно, но не о политике», — писала «Стампа». Но жизнь решила распорядиться иначе. В парламенте появилась активная, точно выражающая мысли депутат. Она быстро сумела защитить не только свои идеи, но и проучила тех издателей, которые думали, что могут безнаказанно бить по чести юной Муссолини. Она вытаскивала в суд, например, издателей «Плеймена» и выиграла процесс. Это стало тогда сенсацией. «Вот вам и Муссолини, красавица без идей», — писали газеты.

«Она (Алессандра) использует как только хочет имя своего деда-дуче для создания собственного имиджа и реноме, — не утихал «Ньюсуик». — Она во всем копирует дуче, — продолжал журнал. — Дуче поднимал указательный палец, она поднимала палец. Дуче почесывал голову, Алессандра почесывала голову, дуче любил «фиксировать» свой большой открытый рот в определенной гримасе, то же проделывала и она. Все смотрят на рот Алессандры. Но когда ее рот закрыт, все становятся особенно внимательными...»

А какорч ее политические программы? «Их нет, — утверждал еженедельник. — Бывшая певица и актриса эротического жанра в кино пока не представила в политике своей программы», — подводил итог своим выводам «Ньюсуик». «София Лорен выиграла благодаря своим глазам, Бенито Муссолини увлекал тем, что не прекращал говорить, а Алессандра?..» Вопрос, на который как бы напрашивался неприятный ответ.

Обидно было? Безусловно. Но Алессандра научилась гордо и спокойно держать удары. Тем временем закончила университет, получила медицинское образование, начала работать дежурным хирургом в римском госпитале имени Умберто I (об этой странице в

биографии Александры мало кто знает). О Муссолини уже говорили как о быстро растущем политике. Депутат итальянского парламента XI и XII созывов, на выборах 1996 года она выставила свою кандидатуру от правоцентристского блока «Полюс» в первом округе Неаполя и победила. Наибольшей поддержкой Алесандра Муссолини пользуется в Неаполе, Равенне, Ферраре, Болонье, Риме. И идей высказала немало. Избирателей Неаполя внучка дуче поразила, когда решилась одна, без союзников из других партий, групп и политических движений, выставить свою кандидатуру на пост мэра Неаполя. Она дала бой объединенным левым силам и проиграла всего несколько пунктов. Это поражение стало ее победой. О ней заговорили политики, и уже всерьез. И не только в Неаполе, в стане партии Национальный альянс, а во всей Италии.

Тогда Муссолини в некоторых кругах стали называть феминисткой. Алесандра отреагировала на это примерно следующим образом: «Пришло время женщинам из самых разных партий объединяться, но не как мечтали пролетарии, а по принципу совершения актов солидарности. Феминизм 70—80-х годов прошел. И не потому, что перед нами больше нет озлобленных лиц врагов. Врагов стало еще больше, но они или сменили маски, или растворились в общей «человеческой массе» и от этого стали еще более опасными...» Обвинение в феминизме не помешало Алесандре выйти замуж за капитана финансовых гвардейцев, стать матерью двух детей.

Повстречать Алесандру, взять у нее интервью — дело нелегкое. Избирательные кампании, многочисленные публичные выступления, заседания в палате депутатов и, наконец, домашние дела оставляют мало свободного времени. Но все-таки в несколько приемов мне удалось взять это интервью «обо всем»:

М.И. При слове «Россия» — что представляется вам, кроме снегов и морозов?

А.М. Я не была в России. Как-то летела в Японию и сделала посадку в Москве. Но разве можно говорить о каком-либо представлении после короткой остановки? Вообще не признаю поверхностных мнений и легких, ни к чему не обязывающих высказываний. В целом к России отношусь с уважением, с большим интересом. Вижу ваши трудности на пути к реформам и демократии.

М.И. Как вы относитесь к тому, что ваш дед отправил армейский корпус воевать в Россию?

А.М. Мой принцип: не отвечать и не входить ни в какие дискуссии о моем деде. Тема закрыта во всех вариантах и нюансах.

М.И. Вы любите оружие, стрельбу, охоту?

А.М. Я не люблю ни оружие, ни стрельбу, ни охоту. А охота — вообще наследие варварства, средневековья в нравах и привычках.

М.И. Если вы когда-либо придете к власти, то позволите ношение оружия в Италии?

А.М. Запрещать вообще ничего не следует. В настоящее время, когда «Дикий Запад» давно покинул берега Америки, люди должны изыскивать и находить формы самозащиты. И в этом смысле ношение оружия гражданами (мы не говорим о тех, кому оружие положено для исполнения служебных и армейских обязанностей) не противопоказано. Но следует очень строго подходить к вопросу, кому конкретно дается право на ношение любого оружия. Надо особенно тщательно проверить психическое состояние человека, который должен четко объяснить, с какой целью ему понадобилось носить оружие. И как собирается он его применять.

М.И. Ваше происхождение в каком-то отношении повредило вам, вашей карьере?

А.М. Мы же договорились: даже никаких нюансов... (Впрочем, стать депутатом итальянского парламента в сравнительно молодые годы — это ли не прекрасное подтверждение сделанной карьеры?)

М.И. Будь вы у власти, как бы поступили с публичными домами и порностудиями?

А.М. Я против любых категорических запретов. Они, как показали время и опыт, до хорошего не доводят. Возможно, было бы правильно прогнать с тротуаров проституток. Но только с тем, чтобы они не загружали улицы, не сорили, не приставали к прохожим. Иначе говоря, в целях правопорядка и поддержания «гигиены» городов и селений. А в «домах» пусть себе принимают гостей. Если это опять же без дебошей и никому не мешает.

Я решительно выступаю только за непримиримую борьбу с педофилией. К педофилам следует применять самые суровые меры наказания. Детство, детей следует охранять всеми силами. Я — мать двоих детей, сделаю для этого все возможное.

М.И. А порностудии?

А.М. Я против деформации человеческой нравственности. Я против порностудий. Но стоит ли их запрещать? Об этом следовало бы подумать.

М.И. Как вы воспринимаете идею государственного раскола вообще и Италии в частности?

А.М. Я против сепаратизма. Впрочем, сепаратизм — это не «идея», а нарушение конституции, единства Италии. Я против любой формы раскола. Впрочем, и сами главные идеологи раскола Италии сейчас начинают более трезво излагать свои мысли.

М.И. Кому из русских политиков вы сочувствуете?

А.М. В самом начале беседы я уже сказала, что в России не была, с российскими политиками не встречалась. Судить о людях, политиках и т.д. заочно считаю неправильным. О Борисе Николаевиче Ельцине знаю по прессе. У нас его называют самым Большим Больным в мире. Мне его жаль. А Зюганов? Кажется, умеренный, выдержанный человек...

М.И. Клинтон? Как вы относились к истории с импичментом в США?

А.М. Это не чисто теперь американское дело. Но не прекращаю удивляться американцам. Я же, отбросив другие подобные проблемы, в этом процессе поддержала бы Билла. Если, конечно, меня бы спросили. Но, увы! Никто не спрашивал. Все, впрочем, закончилось так, как должно было закончиться в цивилизованном обществе.

М.И. Теперь о выборах в Италии. Об успехе правоцентристских сил, об ослаблении позиций левых. Бытует мнение, будто особенно активно действовала Алесандра Муссолини, правоцентристы «Полюса» использовали старые проверенные методы и приемы бывших коммунистов. Они вели широкую кампанию во всех общественных местах — даже в барах, магазинах, на стадионах. Так ли это?

А.М. Так, у противника тоже можно кое-чему учиться. Мы использовали все возможности для успеха и сумели добиться желаемого результата.

М.И. Вы лично много выступали?

А.М. Много.

М.И. И вообще вы охотно выступаете на митингах?

А.М. Охотно. Хоть хлебом не корми. Это, наверное, у меня в крови У митинга есть своя жизнь, свой нерв. Он держит и тебя, и окружающих в томительном прекрасном напряжении всех сил.

М.И. Но ведь нельзя постоянно напрягаться. Иногда, возможно, следует уйти в себя, побыть в одиночестве?

А.М. Не для меня. Не люблю одиночества. Точнее, не хочу даже знать, что это такое.

М.И. Говорят, что у вас собраны большие богатства? Так ли?

А.М. (смеется). Откуда? Да и то небольшое, что было, украдено. Года два назад мы с супругом и детьми вернулись в свою квартиру после выходных дней и нашли дом... «очищенным» от многих семейных и других ценностей.

Воры проникли в квартиру через окно, вынесли без каких-либо помех старинное серебро, драгоценности, среди которых знаменитая шестигульная звезда с шестью бриллиантами, реликвия, подаренная бабушкой Ромильдой Шиколоне — мамой Софии Лорен и Марии Шиколоне.

(С 1992 года, когда Алессандра Муссолини начала активную политическую карьеру, звезда постоянно украшала грудь внучки дуче на всех официальных фотографиях, была своеобразным амулетом, способствующим ее успехам в предвыборной борьбе. Так считала Алессандра.)

Бабушка Ромильда была человеком суеверным, верила в приметы и предсказания. Когда она подарила реликвию Алессандре, то завещала никогда не расставаться со «звездой, приносящей счастье», передавать ее по наследству, «а если кто посягнет на амулет, то его неминуемо постигнет несчастье».

Об этом Алессандра Муссолини сообщила в печати, но дома на всякий случай на окна поставила решетки, а также завела овчарку, которой дала кличку Никита.

Полиция ищет злоумышленников, но украденное в Риме возвращается редко.

А.М. А в остальном у меня прочная семья: муж, двое детей — Катерина и Кларисса-Бенита, много близких родственников, друзей. После работы я с ними. Не надо даже оставлять время для одиночества.

М.И. Но все-таки бывают иногда стрессы, так сказать, нескладное состояние души. Вы — абсолютная трезвенница, не курите, никаких других разных злоупотреблений. Каким образом вы снимаете стрессы?

А.М. У меня, наверное, не бывает стрессовых состояний. Это — от природы. Я ничего не держу, не накапливаю в себе. Я разряжаюсь. Стрессы разрушают человека, а я разрушаю стрессы. Или возможно дру-

гое: моя психика, мышление живут в иной плоскости, в другом пространстве, куда дорога для стрессов закрыта.

М.И. Для многих Алессандра Муссолини выглядит непреклонным политиком, человеком железной воли, страстным бойцом. Но ведь вы — женщина, со своим веером чувств, взглядов, мироощущений. Например, что вы думаете о моде и какие наряды предпочитаете?

А.М. Вообще я считаю себя большой модницей, и ничто женское мне не чуждо. В одежде предпочитаю стиль миланского модельера Джорджо Армани. Может быть, кое-что и консервативно, но всегда элегантно и шикарно. В любой сезон. И в моем вкусе.

М.И. Кстати, о сезонах. Любите ли вы море? Часто ли купаетесь летом? Приходилось ли тонуть? Занимаетесь ли рыбной ловлей?

А.М. Каскад прекрасных летних вопросов! Люблю море больше, чем горы. Часто отдыхаю летом на море в римском предместье Сан-Никола (33-й километр от собора Святого Петра). Хорошо плаваю, никогда не тонула, впрочем, как и никого не спасала. Люблю кататься на лодке или яхте. Какое удовольствие походить под парусами по Тирренскому морю!

М.И. У вас какая яхта?

А.М. Никакой (смеется). Мы снимаем парусники. Так намного экономнее и никаких беспокойств.

М.И. А рыбалка?

А.М. Не для меня. На рыбной ловле надо быть молчаливой, терпеливой и сидеть на одном месте. Я это никак не умею. Опять от природы.

М.И. Возможно, с возрастом вы изменяете свои привычки?

А.М. Время меняет каждого человека. Это нормально. Возможно, в чьих-то глазах меняюсь и я. Но главный стержень остается. Каких-то особых привычек, привязанностей, пожалуй, у меня нет. В юности я, по-моему, во всем знала меру, любила книги, кино.

М.И. Если на будущих выборах президента России свою кандидатуру выдвинет какая-либо женщина, отправитесь ли вы — вы тоже политик-женщина — в Россию, агитировать за коллегу?

А.М. Во-первых, мы очень плохо знаем российскую политическую среду. Многие с трудом и плохо выговаривают даже фамилии прошлых и очередного премьера. Во-вторых, вы точно заметили про «какую-либо женщину», за которую я принялась бы агитировать окружающих. Но за какую именно женщину? Ее надо хорошо знать. Если из левого центра, то никогда. А за госпожу с правоцентристскими взглядами, за амолога, т.е. за коллегу в полном смысле, выступила бы со всей душой. И поехала бы в Россию!

М.И. На протяжении XX века поставлены три «отправные точки», характерные для моды на купальные костюмы и, главное, на манеру проведения, видными политиками своих летних отпусков.

В последнее лето перед Первой мировой войной в моде для купания в реках, озерах и на первых курортах в итальянском Лидо (Венеция), на Капри, Тирренском и Адриатическом побережье преобладали пышные большие панталоны и панталончики с многочисленными тесемками, бретельками, кружевами, разными украшениями. В канун Второй мировой купальным костюмом стали плавки или обычные сатиновые трусы. Адольф Гитлер выходил на пляж в разных легких форменных кителях и журил Муссолини за то, что дуче позировал фотографам на золотом песке Риччоне в «легкомысленных плавках» и в окружении столь же несложно одетых представительниц женского пола. Вслед за Муссолини плавки и купальные костюмы, раздутые на бедрах, лихо и смело надели герцоги и герцогини, графы, бароны и баронессы, торговцы, простолюдины.

Пляжи постепенно теряли облик «зоны социального равенства», приобретали «кастовое деление». На

Западе возникали «огороженные пляжи» при фешенебельных отелях и в прибрежных земельных владениях знатных людей; в СССР утвердились спецтерритории, системы дач и санаториев для номенклатуры и, отдельно, для отдыхающей, как сардинки, народной «курортной» массы.

И, наконец, последняя «находка» XX века в манере проводить летний отдых в последнее лето 1999 года — катание на парусниках. Что вы об этом думаете? Каковы главные штрихи, оценки различных манер и формы отдыха?

А.М. Я согласна со старой формулой: надо делать все, что полезно себе и другим, а также наоборот: другим и себе.

Билл Клинтон скромно отметил в августе 1999-го свое 53-летие. После «сексгейта» и войны НАТО на Балканах он решил не привлекать шикарным «заслуженным отдыхом» внимание прессы и почти не появлялся на телеэкране. И, наверное, прав.

Тони Блэр решил провести десять дней отпуска в Италии в виноградно-оливковой области Тоскана, в Сан-Россоре, поблизости от Пизы, откуда видна знаменитая башня, с которой пускал почти четыреста лет назад свои «научные пузыри» Галилео Галилей.

Но не исторические памятники описывали итальянские журналисты в связи с приездом английского премьера с семьей и друзьями на отдых. Предметом исследований стала сама вилла для отдыха. И это — тоже особенность 1999 года: важно, где и как отдыхают «боги», как спецслужбы обеспечивают безопасность «подопечных» лидеров государств и правительств. Так, Блэру на вилле в приморском парке Сан-Россоре были отведены десять комнат с пуленепробиваемыми стеклами на окнах. «Чужие» в зону виллы не проникали. Здесь рядом — военная база десантников из Девятого батальона. Активный отдых Блэр сочетал с работой. Дружеский, но и деловой обед был проведен с одним

из лидеров Европарламента, бывшим итальянским премьером Романо Проди. Повинуясь новым правилам отдыха, Романо приехал в голубой рубашке без галстука и без пиджака. Блэр встретил итальянского друга по левоцентристской политической ориентации тоже без строгого костюма, в джинсах и шлепанцах на ногах. Фривольность в одежде — это не фривольность в порядках, поведении, мыслях.

Проди — любитель велосипеда — приехал в Сан-Росоре на бронированной «ланче тема», в сопровождении четырех телохранителей во второй синей «ланче».

Вывод из спецдонесения: *охрана всех политических деятелей* Европы жарким летом 1999 года была *значительно усилена*. Темы бесед: Югославия, Косово, терроризм, выход из экономического кризиса, снижение безработицы, индексов инфляции. Затем все упорно играли в теннис.

Летом 1999 Италия привлекла для проведения отдыха и немецкого канцлера Герхарда Шрёдера, который избрал райский уголок Амальфитанского побережья — городок Позитано, отель «Фениче».

Пребывание германского лидера с супругой Дорис и дочерью Кларой способствовало... наведению дополнительного порядка на стокилометровой отрезке извилистых горных дорог вдоль побережья бывшей морской республики Амальфи. Здесь были выставлены до 22 августа — дня отъезда Шрёдера из Позитано — новые полицейские посты, задействованы более сотни агентов безопасности, днем и ночью курсировали вооруженные мотоциклисты-карабинеры; на многих участках дороги автомашинам было запрещено останавливаться. «Почти немецкий порядок в Амальфи и никаких неприятных происшествий», — отмечали журналисты. А еще, по заказу Шрёдера, все играли в его любимый футбол...

Итальянский президент Карло А. Чампи с супругой — синьорой Франкой предпочел отдых на Сардинии, в зоне острова Маддалена, где окружающая сре-

да, как считают специалисты, остается одной из самых экологически чистых в Средиземноморье и во всей Европе. Синьора Франка дала согласие покататься на четырехвесельной лодке в сопровождении одного из наследников Джузеппе Гарибальди — 53-летнего тоже Джузеппе Гарибальди-младшего и его сына 14-летнего Костанте.

Затем на Мадалене семья Чампи посетила места, где отдыхали предыдущие президенты Италии — Франческо Коссига, Оскар Луиджи Скальфаро, а также побывали в здании адмиралтейства, где находился в 1943 году в последний отпуск перед арестом 25 июля Бенито Муссолини.

«Боги» даже на отдыхе все равно «боги». И их усиленно охраняет недремлющая охрана... С каждым годом все более многочисленная и разноязычная. Все как «учил» Бенито Муссолини! Чем выше ранг чиновника, тем больше и подготовленнее должна быть его охрана. И неважно, какого пола охраняемые.

• • •

Ведущая по рейтингу-1999 из женщин-политиков — Эмма Бенино. На выборах 1999 года ее кандидатура на пост президента стала первой неожиданностью — представительница радикалов, еврокомиссар с 1997 года. В Италии вспомнили, что еще никогда в истории женщина не была президентом республики. В Квиринальском дворце уже побывали девять глав государства (де Никола, Эйнаути, Гронки, Сеньи, Сарагат, Леоне, Пертини, Коссига, Скальфаро), теперь десятый — К.А. Чампи; и ни одной синьоры!

Кандидатами дамы бывали. Например, первому президенту Энрико де Никола противостояла синьора Оттавия Пенна, баронесса Бушеми ди Кальтаджироне. И проиграла, набрав всего 32 голоса против 396. Был и другой случай: 9 декабря 1971 года при вскрытии избирательных урн выяснилось, что кандидат на президентское кресло, депутат от Генуи Инес Боффарди

получила всего один, видимо собственный, голос. Именно тогда Сандро Пертини бросил знаменитую фразу: «Зря смеетесь, уважаемые коллеги, даже женщина может стать президентом». И вот в 1999-м появился такой шанс у Эммы Бонино. Но только шанс и ненадолго.

Идею выставить кандидатуру Бонино на пост президента подала ее подруга пенсионерка, бывшая учительница из Неаполя: «У тебя есть все достойные качества: прекрасно говоришь; в твои 51 год у тебя большой политический опыт — в 1975 году подвергалась аресту за организацию выступлений в борьбе против запрещения аборт; в 1979 — депутат Европарламента; в 1994 — депутат итальянского парламента; в 1997 — европейский комиссар, в том же году была захвачена в Кабуле афганскими исламистами за то, что выступала за права женщин... Яркая биография... В случае, если кандидатура не пройдет, то будет возможность подчеркнуть недостаточную роль женщин в политической жизни Италии. А эта роль действительно оставляет желать лучшего: в парламенте Италии женщины имеют лишь 10 процентов мест, в то время, как в Португалии — 13 процентов, Испании — 19,8 процента, в Южной Африке — 23,7 процента, в Норвегии — 39,4, не говоря уже о Швеции — 40,4 процента, об Индии и т.д.

Каждый политик знает: после взлетов бывают падения и крушения. После провалов немногие встают на ноги. Даже Муссолини...

ГЛАВА VIII

КАК ГИТЛЕР СПАСАЛ ДУЧЕ. МАЙОР ОТТО СКОРЦЕНИ И ВЫСАДКА НА ГРАН-САССО

11 сентября 1993 года в Кампо-Императоре состоялась пресс-конференция, в которой приняли участие те, кто пятьдесят лет назад был в составе отряда, освобождавшего Бенито Муссолини. Здесь бывший майор Гаральд Морс, Карл Шульц, барон фон Берлепц, в то время 32-летний командир роты, получивший повышение по службе — звание майора и в командование батальон на юге Франции.

«За освобождением Муссолини стоял Гитлер. Исполнители — «пешки», муравьи, которых можно и не

замечать», — утверждал обозреватель Ило Чентр и был в данном случае не далек от истины.

Но «пешка» в определенной ситуации может стать «ферзем», считал журналист и писатель Кристофер Хибберт, принявший на веру версию Отто Скорцени, рассказанную им самим в Мадриде.

Вкратце она выглядела следующим образом (и пусть вам не покажется, как это кажется мне, что Скорцени представлял себя чуть ли не «решительнее» всех других подручных фюрера).

...26 июля 1943 года Скорцени — капитан из спецподразделения «Фриденталь Ваффен СС» сидел в берлинском отеле «Эден» за столиком и чашечкой кофе со своим приятелем из Вены, откуда был родом и сам Отто Скорцени. Он неожиданно решил позвонить коменданту в часть. От дежурного узнал, что его повсюду разыскивают, вызывают немедленно в ставку Гитлера, а на аэродроме Темпельхоф уже ждал самолет.

Дальше все как в сказке: самолет, французский коньяк, ожидание в приемной Гитлера и, наконец, кабинет самого фюрера: картина любимого художника Дюрера в серебряной раме, цветные занавески на окнах, письменный стол...

Из четырех присутствовавших офицеров Гитлер выбрал Скорцени, как боевика, знавшего Италию. Скорцени же всего два раза бывал в Неаполе. И фюрер произнес яркий монолог, который боевик Скорцени «отпечатал» в памяти:

«У меня есть для вас очень важное задание. Муссолини, мой верный друг и товарищ по оружию. Вчера он был предан своим королем и арестован кучкой предателей. Я не могу подвести и не подведу величайшего сына Италии в этот трудный для него момент. Для меня дуче — воплощение древнего величия Рима.

При новом правительстве Италия отречется от нас, перейдет на сторону противника. Так точно тридцать лет назад уже было. Я же останусь верен своему старо-

му союзнику и дорогому другу. Его нужно немедленно спасти».

«Я сделаю все, что в моих силах», — ответил вытянувшийся в струнку Отто Скорцени.

План операции обсуждали втроем: генерал Студент, Гиммлер и сам Скорцени. (Не допускаю, что генерал и тем более Гиммлер снизошли бы до обсуждения каких-либо планов с младшим офицером. Это, вероятнее всего, — плод гигантомании и фантазии Скорцени. Кстати, Скорцени замечал, что в ходе «обсуждения» плана он много курил. Вряд ли это позволил бы Гиммлер, который был рьяным противником курения. Генерал Студент тоже не курил. При виде сигареты, как отмечали подчиненные, глаза Гиммлера словно выкатывались из-за толстых стекол очков без оправы. (Говорили, что по роду деятельности и толщине стекол очков Гиммлер словно участвовал в заочном соревновании с Лаврентием Берия.)

На следующий день, 27 августа, Скорцени, одетый в форму офицера парашютно-десантного корпуса, ужинал во Фраскати в резиденции фельдмаршала Кессельринга — германского главнокомандующего в Италии. Здесь начинаются противоречия: оказывается, что все знавшая германская разведка, имевшая повсюду агентов, не была осведомлена о месте, где прятали Муссолини. Документально установили, кто и как вывез дуче из виллы «Савойя» на санитарной машине. Первую ночь Бенито провел в казарме карабинеров без связи с внешним миром. Далее его подлинное местонахождение растворилось в море слухов: одни утверждали, что Муссолини убит, а тело сброшено в Тибр; другие были убеждены, что, не найдя иного выхода, дуче покончил жизнь самоубийством; третьи полагали, что Муссолини сбежал в Испанию, откуда на подводной лодке уплыл или в Латинскую Америку, или в Японию, где его ждали с «распростертыми руками» и кучей драгоценностей, припрятанных в секретных домах, и с деньгами в банках на фамилии подставных лиц. Чет-

вертые опрашивали даже астрологов. Те утверждали, что дуче арестован, и как ни банально, были правы...

Адмирал Канарис считал, что дуче держат на острове Эльба, и туда готовились сбросить мощный десант. Сам Скорцени полагал, что Муссолини все время находится на вилле Вебер и вызволить его оттуда будет нетрудно, но представить все следовало как можно сложнее. Иначе как докладывать Гиммлеру, а затем самому фюреру?!

26—27 августа 1943 года по последним донесениям разведки было установлено, что Муссолини — на Гран-Сассо, в комнате скромного по тем временам отеля. В охране — около двухсот карабинеров и солдат только в Кампо-Императоре, и рядом военная база с войсками, верными правительству изменника маршала Бадольо. Чтобы избежать боя и кровопролития, нужна была молниеносная операция.

Майор Морс рассказывал, что генерал Студент затребовал из южной Франции двенадцать-пятнадцать планеров, на которых было возможно бесшумно прилететь из Рима на Гран-Сассо. Одновременно батальон десантников должен был захватить станцию фуникулера (работает с 1931 года до настоящего времени. В кабину входило около тридцати человек. Мне доводилось не раз подниматься на этом фуникулере в отель, на площадку перед рестораном и комнатой дуче. Теперь фуникулер стал историческим).

Операция планировалась на 6 сентября. Для усиления эффекта внезапности и отвлечения внимания карабинеров предложили итальянскому генералу Солети принять участие в операции. Тот согласился, как только услышал, что получит личную благодарность дуче, а главное, фюрера.

Итак, все было готово. Задерживалось только прибытие планеров. Наконец они появились. Отбытие было назначено на 14 часов в воскресенье 12 сентября. Скорцени и генерал Солети летели в одном планере и чуть не разбились. Говорят, что это придумал сам Скор-

цени, чтобы усилить впечатление собственной отваги и риска при выполнении миссии, порученной фюрером.

Так или иначе погода стояла прекрасная. Высокое голубое небо над Гран-Сассо. Муссолини в это время стоял у окна и видел парившие, словно Икары, планеры. Затем они приземлились, проломив себе деревянные животы, и из них высыпались солдаты в непонятной форме. Один был одет в форму итальянского офицера. Он истошно кричал: «Не стрелять!» И никто не стрелял.

Наконец охрана сообразила, что немцы застали ее врасплах. Но было уже поздно. Десантники занимали этаж за этажом. Скорцени потребовал к себе командира охраны — армейского полковника и предложил ему безоговорочно сдаться. Тот попросил одну минуту на размышление, скрылся за дверями какой-то комнаты и через несколько секунд появился вновь перед Скорцени — с бокалом вина в руке. «За победителей», — громко крикнул полковник.

После этого было освобождение дуче и последовавший знаменитый разговор по рации Гитлера и Скорцени. Муссолини радостно благодарил всех, тряс руки, обнимал Скорцени, обрел свой голос диктатора, голос дуче, и обещал «никого и ничто не забыть...».

По другой версии (не Скорцени, а итальянской), вся «церемония» освобождения заняла пять минут. Раздались всего несколько случайных выстрелов, и те в воздух и в потолок. Все были заняты тем, что продумывали, как вывезти дуче из Гран-Сассо. Самолет генерала Студента, пилотируемый асом германской авиации капитаном Герлохом, не заводился, и площадка для разбега была слишком мала. Тем не менее Герлоху было приказано, и он должен был лететь. Муссолини в зимнем огромном сером пальто (с чужого плеча), в черной широкополой шляпе из модного довоенного фетра тяжело поднялся на борт, занял место на сиденье рядом с Отто Скорцени. Он понимал всю опас-

ность предстоящего взлета: дюжина человек должны были толкать самолет, чтобы тот добрался по дорожке до обрыва и, по расчету летчика Герлоха, набрав скорость, помноженную на скорость падения, полететь. Как ни странно, так и произошло. Самолет вышел из «свободного падения», завелся и полетел параллельно земле на высоте всего нескольких метров. «Выкрутились... — проговорил Бенито. — Бог вновь со мной»...

Отто Скорцени стал самым известным боевиком СС 1943 года. «Заслуженно ли?» — спросил я барона фон Берлепца.

— Такой взлет, — говорил мне барон, — вызван не самим освобождением Муссолини, а умением доложить о событии. Я тоже выждал свою минуту, и, как помню, в 15 часов 30 минут, когда самолет с пленником поднялся в воздух, связался по радиации с генералом — командиром части и доложил: «Герр генерал, миссия выполнена. Дуче свободен!» И новые погоны не только у Отто Скорцени, но и у бывшего капитана барона фон Берлепца появились на плечах.

— Вы были приставлены к генералу Студенту, что вы о нем можете сказать?

— Это был старый, верный Германии прусский воjak, хорошо знавший свое дело. Об операции в Италии генерал узнал лично от Геббельса и понял, что освобождение дуче — операция не столько военного, но главное — политического характера. «На Гран-Сассо не будет отдельных героев, они будут потом, позже, от генерала до рядового телефониста, от парашютиста до авиатехника. А пока это — один отлаженный механизм, — говорил Геббельс генералу. — И это залог стопроцентного успеха». Так и было. Генерал выполнил приказ Геббельса.

— Как вы вычислили, что Муссолини был на Сассо?

— Разведка знала свое дело. За перемещением дуче следили пристально, хотя итальянцы умели замечать следы.

На вилле Вебер, где дуче находился около двадцати пяти дней, были люди СС, существовал план высадки на острове Маддалена, вблизи от Сардинии. Затем были получены данные, что 5—6 сентября дуче переведут на Эльбу, «поближе к Наполеону», как он сам хотел, но при условии, что когда-нибудь его останки перезахоронят в римском Пантеоне, рядом с королем—объединителем Италии и художником Рафаэлем.

У Отто Скорцени была форма матроса, и в этом одеянии он уже побывал и на Сардинии (на Маддалене), и на Эльбе в августе 1943 года.

— Но заметьте, — продолжал майор Морс, — роль Скорцени в освобождении Муссолини явно преувеличена. Сначала это преувеличение понадобилось самому фюреру и, главное, Геббельсу, а затем в «западню ошибок» попали историки, писатели-«мемуаристы».

Но «правда» и 50 лет спустя полностью не восстановлена. Каждый журналист, писатель «гнет» в сторону своих теорий, «видения» событий тех дней. Обозреватель газеты «Иль Пиколо» считает, что «не СС, а люфтваффе освободили Муссолини», газета «Паэзе сера» цитировала Морса: «Скорцени? Что вы! Это лично я освободил дуче. Это даже зафиксировано на фотографии». (Это фото видел и я.)

• • •

Далее все было, как было. Летчик повел машину надежно и виду не подал, что все были на волосок от смерти. Подавил чувство ужаса и Муссолини. Он только обнял за плечи Отто Скорцени, а через несколько минут уже спокойно говорил о красоте центральноитальянских пейзажей, в частности области Абруцци. Почти за месяц, который провел Муссолини на Гран-Сассо, он перечитал, за неимением другой литературы, все местные старые газеты, точнее, в основном обрывки от газет, а также справочники об Абруцци. И теперь рассказывал об узнанном Отто Скорцени.

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ. АБРУЦЦИ — «ВТОРОЙ РИМ» 2000 ГОДА

«Как спасти Рим, Флоренцию, Милан, Венецию и Неаполь от катастрофы, от людского наводнения на Рождество Христово и новый 2000-й год?» Напомним, что только в Вечном городе Ватикан и мэрия с тревогой ожидали небывалый в истории всего человечества единовременный наплыв — примерно 36 миллионов паломников, туристов и просто желавших провести первые дни 2000-го года в Риме.

Один из путей спасения — дать «выхлоп», разместить миллионы «пришельцев» так, чтобы они оказались одновременно «и вдали, и вблизи» от собора Святого Петра, могли бы за час-полтора утром добраться до центра итальянской столицы, а вечером отужинать, найти комфортабельный ночлег за пределами Рима, в местах тоже исторических, с большими традициями, национальной и религиозной символикой.

И такое заповедное пространство найдено — область Аbruцци, где под арестом в 1943-м находился Бенито Муссолини. Площадь примерно десять тысяч квадратных километров с населением всего около миллиона человек. Главные города: Акуила, Терамо, Пескара, Киети и сотни небольших уютных селений, расположенных в одном-двух часах езды от Рима по скоростным автострадам и железной дороге, с большим портом и аэродромом в Пескаре.

Первое предложение сделать Аbruцци римской «кислородной подушкой» 2000 года исходило от главы Святого престола папы Иоанна Павла II.

Отношение папы римского к области Аbruцци особое. Он избрал Гран-Сассо д'Италия (самая высокая гора (2914 м) Апеннинского массива) местом своего духовного отдохновения еще в апреле 1979 года, когда совершил первое восхождение на эту вершину и освятил перстом абруццские горы и долины. В апре-

ле 1995-го отсюда, с Гран-Сассо, Иоанн Павел II «увидел» возрождение Аbruцци, а город Акуила с кафедральным собором — церковью Святой девы Марии ди Коллемаджо назвал вторым по значению, после собора Святого Петра в Риме, центром паломничества и поклонения.

Почему именно этот храм? Иоанн Павел II возродил память христиан о Папе Целестино V, единственном понтифике, коронованном здесь в августе 1294 года, о духовнике и просветителе, об одном из самых почитаемых деятелей христианского мира средневековья. Мало кто знает, что папа Целестино V был врачом, большим ученым того времени, уровня Ибн-Сины (Авиценны), обладал даром предвидения и даже предсказал «авиньонское пленение пап» (1309—1377). Сам Целестино V пробыл на Святом престоле всего пять месяцев, отрекся от трона (такого жеста добровольно никто из пап ни до, ни после него не делал) и закончил жизнь отшельником на горе Морроне. Возведен в лик святых 5 мая 1313 года. Данте назвал его самым великим затворником, оставившим о себе память. Подлинное светское имя Целестино V — герцог Пьетро дель Мурроне. Его мощи покоятся в мавзолее — справа от алтаря кафедрально-го собора Акуилы. Во время нахождения на Гран-Сассо Муссолини изучил историю Целестино V.

Пьетро дель Мурроне был избран против его воли на папский престол 5 июля 1294 года, а вступил на трон в августе того же года. 13 декабря он уже отрекся от престола, ушел в горы, стал монахом-отшельником, 9 мая 1296 года, согласно последним историческим открытиям, его нашли убитым во дворце Фуноне. Его папский «наследник на троне» Бонифаций VIII подтвердил официальное заключение: «Смерть наступила естественным путем», — и тем допустил правонарушение. Целестино V был убит. Об этом свидетельствовала рана на голове: в черепе — дыра от гвоздя, что было обнаружено еще в XVI веке и описано в

книге аббата Джузеппе Целидоньо «Святой Петр из Морроне (Мурроне) — Целестино V».

• • •

— Пескара — город по итальянским меркам молодой. Заложен под знаком Скорпиона всего двести лет назад. И характер его жителей (население — 162 тысячи человек) — «скорпионий», — улыбался Энцо Джаммарино — президент местного туристического агентства «Экотур», предприниматель, сотрудник издательского дома «Карса». — Жители Пескары, как и всей области Абруцци, — провинциалы, но быть в «аутсайдерах» не желают, хоть в чем-то стремятся опередить столичные города. Например, в градостроительстве, в оформлении ресторанов, баров, кафе. И продукты у нас особые — креветки, устрицы, рыба. В кулинарии свой «стиль» отработан — пескарыйский, в архитектуре пока нет. Но наибольший расцвет градостроительство получило в период Муссолини, в 20—30-е годы. Приезжали к нам русские архитекторы. Говорят, что чему-то учились. Хотели им показать, как строятся новые церкви, они демонстративно отказались, назвав пескарцев провокаторами. Чуть ли не произошел скандал. Обстановку разрядил Муссолини, взял под защиту русских атеистов, заявил, что Бог — это история, а русские в своей истории всемирную историю перетрясли, и поэтому им церкви стали не нужны. Они их просто вытряхнули из «мешка истории». Но когда-нибудь и они вернутся в лоно церкви, религии и других понятий. Мы все в поиске. Возможно, новое Возрождение, возможно, «морское барокко», «либерти палм»... что-то совсем неожиданное создается в камне и фонтанах».

А пока шел трудный поиск звучного названия архитектурного стиля, легко, тихо и быстро возводятся храмы, новые жилые кварталы.

В строительство храмов в Пескаре крупные средства вкладывали частные лица, а на первом камне все-

гда ставят знак Скорпиона. Так сделал первым Габриеле д'Аннунцио в церкви Святого Четтео — покровителя Пескары. В соборе (архитектор Чезаре Баццани) похоронена мать поэта — маркиза Луиза д'Аннунцио.

Вернемся из «воспоминаний» о настоящем и будущем» в мир прошлого. Итак, что произошло после того, как Муссолини вылетел из Аbruцци?

...На аэродроме Пратика ди Маре, куда Герлох благополучно привел свой самолет и ловко посадил его, не заставив Бенито Муссолини даже вздрогнуть и вспомнить о невероятном взлете в Аbruцци, произошла пересадка. Пассажиры перебрались в «хейнксель», чтобы лететь на аэродром Аспери в Вене. Для дуче был подготовлен номер-люкс в гостинице «Континенталь». Даже от цветов здесь отдавало запахом одеколона, который буквально выливал на себя шеф венского СС группенфюрер Кермер.

Ночь Муссолини провел спокойно и только к утру сделал свое «историческое венское открытие». Какое оно? Все ждали за завтраком слов дуче, и тот сказал: «После Гран-Сассо я понял, что, оказывается, и я способен на большие ошибки. За них приходится дорого платить. Я никогда, например, не знал и не думал, что итальянский королевский дом, который мне стольким обязан, — мой враг и предатель. Знать бы это, следовало сделать Италию республиканской сразу после Абиссинской кампании».

13 сентября дуче вылетел в Мюнхен, где его уже ждала супруга Ракеле с детьми. Сюда же прилетела утром 14 сентября старшая дочь Эдда, и здесь же, в Мюнхене, был муж Эдды граф Чиано. Бывший министр думал после Большого совета получить у немцев визу в Испанию. «Лиса» Риббентроп, ненавидевший графа Чиано, дальше Мюнхена своего итальянского коллегу не пропустил, тем самым за три с половиной месяца до «веронской развязки» подписал смертный приговор зятю Муссолини.

Эдда умоляла отца принять графа для объяснений. Муссолини не пожелал видеть Галеаццо и встретился с ним только после беседы с глазу на глаз с Адольфом Гитлером в Восточной Пруссии, где были расставлены все точки, а ружья взвода исполнителей расстрела были поставлены на боевой взвод...

Как провели два месяца без дуче Ракеле и вся семья Муссолини, теперь ненавидевшие изменника — графа Чиано? Вот некоторые записи Ракеле.

27 июля 1943 года

Офицеры и солдаты были со мной очень обходительны. Они старались бесшумно передвигаться по дому.

Один офицер, представившийся мне как барон Г*** из Флоренции, сказал: «Мы знаем, где дуче; я имею эти сведения от моего брата, который служит в казарме карабинеров и видел Муссолини». Произнося эти слова, он казался очень взволнованным, затем добавил, что, по его мнению, «дуче недолго быть в заключении».

29 июля 1943 года

Сегодня четверг, день рождения Бенито. Куда они его сослали?

Наконец я располагаю прямыми и официальными сведениями о Бенито. Его письмо принес некий генерал Полито. Он пришел на виллу в сопровождении двух офицеров карабинеров — полковника и капитана. Вот что писал мне Бенито: «Дорогая Ракеле, тот, кто принесет это письмо, скажет тебе, что мне нужно. Ты знаешь, что мне можно есть. Еще мне нужна кое-какая одежда и книги. Я не могу сообщить тебе, где нахожусь, но заверяю тебя, что мне хорошо. Не беспокойся и поцелуй за меня детей. Бенито». По этим кратким строчкам стало ясно главное: он жив. Какая судьба ему уготовлена?

Ракеле дали прочесть еще одно письмо, но генерал Полито забрал его. Это было письмо от Бадольо, на-

писанное официальным языком. В нем новый глава правительства просил прислать вещи и деньги для Муссолини. Без этого, как отмечалось в письме, его не будут кормить. Письмо возмутило Ракеле. «Вы совершенно правы, синьора: увы, я мало что могу, но вы можете на меня рассчитывать. Постарайтесь сохранить спокойствие», — сказал полковник карабинеров и показал фашистский значок на отвороте своего мундира. Жена собрала Муссолини большую посылку, а также книги. В том числе «Жизнь Христа» Риччотти, которая была раскрыта на его письменном столе.

30 июля 1943 года

Вернулся генерал Полито. Он был когда-то комиссаром полиции в Болонье и выказывал себя страстным фашистом и большим почитателем Муссолини. Как большинство жителей мирной Болоньи. Это был усердный служака. Для него было чрезвычайно почетно нести чемодан «донны Ракеле». Теперь он был в звании генерала. Он не мог даже дать возможности поговорить с детьми по телефону, все линии были блокированы.

• • •

...Переезд из Рима в Рокка был труден и занял вместо обычных шести-семи более двенадцати часов.

С одиннадцати часов утра 4 августа 1943 года в Рокка началось заключение семьи Муссолини. Всем было предписано не покидать ограду парка и даже не приближаться к забору. В случае нарушения карабинерам было приказано стрелять. Запрещены были посещения друзей. В течение недель, проведенных в Рокка, Ракеле получила четыре письма от мужа. О себе он рассказывал мало, в основном, интересовался делами семьи. Письма приходили открытыми; по их тону Ракеле поняла, что Бенито не в курсе происходящих событий.

Заказали мессу по случаю годовщины смерти сына, но власти Форли ответили на просьбу отказом. В этот

день никто из семьи не смог посетить кладбище, где похоронен Бруно.

Телефон, разумеется, не работал. Анна-Мария и Романо, словно ничего не понимали, много играли на фортепиано.

Еще раньше Муссолини приютили в Карпене сорок пять детишек из семей беженцев из Генуи и теперь хотели, чтобы их привезли в Рокка. Детей удалось поместить в колонию Предаппио.

9 сентября 1943 года

В начале сентября англо-американцы высадились в Калабрии. Положение значительно ухудшилось, наблюдение усилилось. Вечером 8 сентября сержант карабинеров сообщил о «перемирии». Долина огласилась звоном колоколов, в небо взметнулось пламя костров и огни фейерверков. Четыре дня спустя наступила развязка: 12 сентября около десяти часов утра в Рока делле Каминате явились немецкие солдаты и офицеры. Карабинеры сдали немцам оружие. Один сержант, который до этого вел себя крайне вызывающе, превратился вдруг в настоящего ягненка. Через некоторое время немецкие офицеры предстали передо мною; они казались сильно взволнованными и просили меня быть готовой немедленно отбыть с детьми. Я попросила объяснений, но они знали только, что конечным пунктом путешествия была Вена.

Я быстро сложила вещи и собрала Анну-Марию с Романо. В полдень все были на аэродроме в Форли. Мы улетели на бомбардировщике в сопровождении другого самолета. Над Вероной пилот изменил курс, чтобы не встретиться с вражеской эскадрилей. Заслон облаков позволил нам избежать опасности, но тем временем погода испортилась, и мы были вынуждены приземлиться вместо Вены в Мюнхене. Нас разместили в отеле «Четыре времени года».

Едва мы закончили обедать, как пришел высокий военный германский чин и, стоя навтыяжку, объявил срывающимся голосом, что у него хорошая новость для донны Ракеле Муссолини: «Наши летчики освободили дуче

из тюрьмы в Гран-Сассо. Дуче уже на пути в Вену». Романо и Анна-Мария, счастливые и взволнованные, бросились мне на шею...

13 сентября 1943 года

Вопрос о размещении Бенито был решен с невероятной быстротой. Его временной резиденцией стал «Карл Палласт», один из лучших дворцов Мюнхена. В мгновение ока новость о приезде дуче распространилась по городу, и вестибюль дворца наполнился офицерами и гражданскими высокопоставленными лицами Германии, а также местными итальянцами. До поздней ночи мы слушали фашистское радио из Мюнхена, передававшее последние новости о положении в Италии. Потом Бенито рассказывал историю своего ареста, сорока пяти дней, проведенных в тюрьме, о своем освобождении...

В одиннадцать часов дуче уехал в ставку Гитлера, а Ракеле записала все услышанное об аресте со слов Бенито. И это была окончательная версия.

14 сентября 1943 года

«В дверях виллы «Савойя» появился король. Вид у него был взволнованный. Он говорил отрывисто. Фразы давались ему с трудом. Иногда были непонятны отдельные слова. Когда мы вошли в его кабинет, он обрушился на меня на пьемонтском диалекте. Он говорил, что все идет плохо, солдаты не хотят сражаться за меня. Во время своей речи он не переставал грызть ногти. В конце концов он произнес: «В настоящий момент именно вас больше всего ненавидят в Италии; вам не на кого рассчитывать; у вас остался только один друг, это я». Он тут же объявил о своем намерении заменить меня на Бадольо, ему надлежит теперь формировать кабинет, чтобы взять в свои руки управление страной и продолжать войну. «Это будет переходное состояние, которое не продлится более шести месяцев. В течение этого периода мы должны выработать политику на будущее». Я старался сохранять спокойствие; признал, что, как я уже говорил

на Большом совете, невозможно руководить страной столь долгое время, заставить людей принести такие жертвы, не вызывая при этом чувства негодования и ненависти. Разговор продолжался около двадцати минут. Король проводил меня до дверей и протянул мне руку. В то время как я направлялся к машине, поглощенный своими мыслями, меня остановил офицер карабинеров и тихо сказал: «Его величество поручил мне защищать вас». В тот момент я не придавал значения этой фразе и продолжал идти к машине. Тогда офицер указал на стоявший в отдалении санитарный автомобиль и объяснил, что именно в него следовало сесть. Я сел в санитарную машину вместе с советником и личным секретарем Де Чезаре и многочисленными вооруженными карабинерами. Автомобиль тронулся с места и поехал на большой скорости...

Я ни на минуту не усомнился в словах монарха. Только выйдя из машины рядом с казармой при школе карабинеров, я начал понимать происходящее. Меня препроводили в кабинет коменданта. На следующее утро, когда я заметил в коридорах и во дворе огромное количество часовых с оружием наизготовку, я понял, что арестован. Чуть позже я получил письмо от Бадольо следующего содержания:

«Его превосходительству, кавалеру Бенито Муссолини. Нижеподписавшийся глава правительства доводит до сведения Вашего превосходительства, что все действия в отношении Вас совершаются единственно в Ваших интересах, так как, судя по поступившим из различных источников достоверным сведениям, против Вашей персоны существует серьезный заговор. Глава правительства выражает свое сожаление и доводит до Вашего сведения, что он готов отдать необходимые распоряжения для обеспечения Вашей безопасности и, при соблюдении подобающего Вашему рангу уважения, приказать отвезти Вас туда, куда Вы благоволите указать. Глава правительства, маршал Бадольо».

Муссолини дал ответ незамедлительно. «26 июля 1943 года, 1 час дня. 1) Я хотел бы поблагодарить маршала Бадольо за проявленное ко мне внимание. 2) Един-

ственная резиденция, которой я располагаю, — это Рокка делле Каминате, и я готов отправиться туда в любой момент. 3) Я хотел бы заверить маршала Бадольо, что, хотя бы в память о нашей совместной деятельности в прежние годы, он не только не встретит никакого противодействия с моей стороны, но напротив, я готов оказать всяческую помощь. 4) Я удовлетворен решением, которое было принято в отношении продолжения войны и выполнения союзнического долга, как того требуют честь и интересы Родины, и от всей души желаю, чтобы решению столь трудной задачи сопутствовал успех, тем более что к ее выполнению маршал Бадольо готовится по приказу и от имени Его Величества короля, верным слугой которого я был все эти двадцать лет и являюсь по сей день. Да здравствует Италия!»

Письмо это осталось без ответа. В течение всего утра 27 июля в казарме происходили какие-то передвижения, продолжавшиеся до самого вечера. Около восьми часов явился генерал Полито, шеф полиции верховного главкомандования, и объявил об отъезде. Этот странный генерал не старался скрыть, что фашизм был для него способом сделать свою собственную карьеру; в течение всего пути он делился различными эпизодами из своей жизни полицейского.

Я полагал, что движемся в сторону Рокка делле Каминате, но через час пути, несмотря на плотные занавески на окнах, понял, что машина направлялась к югу. Первым пунктом была Гаэта. В порту нас ожидал корвет «Персефона», и, как только мы взойшли на борт, он взял курс на остров Вентотене. Но во время пути пришел другой приказ. Может быть, потому, что на Вентотене был небольшой немецкий гарнизон, корвет сменил курс и пошел на Понцу.

• • •

В Понце по случаю второй годовщины смерти Бруно по моей просьбе мессу отслужил местный священник. В ночь на 7 августа путь лежал на Маддалену (Сардиния).

• • •

На Маддалене Муссолини доверили попечению адмирала Бривонези. Это он во время битвы при Мармарике самовольно покинул конвой, и только вмешательство короля спасло его от военного трибунала и расстрела.

Муссолини поселили на небольшой вилле. Вокруг царила атмосфера неприязни, если не сказать враждебности. Кордон часовых. Вне всяких сомнений, все боялись немецкого вмешательства. В самом деле, любой немецкий самолет, низко пролетевший над крышей виллы, мог бы явиться причиной нового поспешного переезда.

Между тем вручили двадцать четыре тома полного собрания сочинений Ницше — подарок Гитлера к шестидесятилетию дуче. Первый сигнал из внешнего мира. 28 августа Муссолини прибыл в Гран-Сассо, где началась канатная дорога, и провел несколько дней в здании, прилегающем к фуникулеру. Затем перевели в большое здание, возвышавшееся над Кампо-Императоре, — особую тюрьму, расположенную на высоте более двух тысяч метров над уровнем моря.

Охрана была сторожайшая. И все же Муссолини позволили слушать радио, и таким образом после нескольких недель изоляции он узнал первые новости. Вот что рассказывал сам Бенито.

«Освобождение произошло после полудня 12 сентября. Я стоял возле окна, из которого открывался крутой спуск в долину. Было, должно быть, часа два дня, так как я только что пообедал. Внезапно в ста метрах от здания легко и бесшумно приземлился самолет, и прежде чем я успел понять, кто бы это мог прилететь, увидел приближающихся людей в военной форме. Сначала решил, что это англичане, но затем, почти сразу же, узнал немецкую форму. События развивались очень быстро. Пулеметы были установлены и нацелены в направлении здания; в это время приземлились и выстроились на той же площадке другие

самолеты. Люди быстро заняли позиции к атаке и изготовили оружие к бою. В коридоре слышался шум бегущих людей, крики, поспешные приказания, но снаружи немцы решительно приближались к зданию; внезапность и быстрота их атаки не оставили времени гарнизону организовать сопротивление, хотя, думаю, то же самое произошло бы, будь оборона и подготовлена. Как бы то ни было, затворы бряцают, и с минуты на минуту я ожидал услышать пальбу. Тогда я крикнул в окно: «Вы что, не видите? Это же итальянский генерал!» Действительно, в первом ряду отчетливо вырисовывалась фигура офицера в серо-голубой форме. Это был генерал Солети. Как я узнал позднее, он согласился на эту роль добровольно. Видимо, мой поступок помешал драматической развязке. Через несколько минут, едва переводя дыхание, в комнату ворвался радостный немецкий офицер. Это был капитан Скорцени. Я взволнованно обнял его и поблагодарил Гитлера, который его послал. Он сразу же начал рассказывать о подробностях операции, упомянув, что в ходе трудной посадки раненых было немного. В это самое время карабинеры братались с немцами.

Но время поджимало, нельзя было терять ни минуты. Через несколько мгновений я уже был на борту «аиста» рядом с пилотом и капитаном Скорцени. Взлет был трудным, но, тем не менее, самолет поднялся в воздух. Карабинеры махали руками. Все заняло не более часа».

•   •   •

Муссолини уехал. Семья принялась осматривать Мюнхен. Город произвел на них огромное впечатление, потому что, несмотря на бомбардировки, он оставался по-прежнему очень красивым со своими многочисленными разнообразными памятниками в готическом и неоклассическом стилях. Во всех витринах были выставлены фотографии Муссолини и Гитлера.

К вечеру из ставки фюрера позвонил Бенито. У него был продолжительный разговор с Гитлером, и он выразил удовлетворение их первой встречей после осво-

бождения. Гитлер проявил большую озабоченность здоровьем дуче и прикрепил к Муссолини своего личного врача.

В тот же вечер в большом зале дворца состоялся просмотр нескольких документальных фильмов — прежде всего, об освобождении Муссолини. Кинооператоры умели работать. Война многому научила. Фильм был смонтирован и озвучен.

18 сентября 1943 года

Муссолини вернулся из ставки после трех дней напряженной работы с Гитлером (привожу его слова, зная, какой смысл вкладывал Бенито в понятие «напряженная работа»). Он возвратился усталым. Он был немногословен. Тон его высказываний был сдержанным. Его тяготила вынужденная необходимость находиться рядом с Гитлером в униженном положении, в которое повергала ситуация в Италии.

Затем он выступил по мюнхенскому радио; это было его первое обращение к итальянцам со времени освобождения. В маленькой комнате «Карл Паласта» все было подготовлено к трансляции. Пусть это не покажется странным, но по германскому и итальянскому радио Муссолини выступал всего во второй раз. До сих пор его речи были обращены непосредственно к собравшимся на площадях, а затем они транслировались по радио. «Я убежден, что Италия еще может спастись», — сказал он глухим голосом.

• • •

Тем временем из-за участившихся авиационных налетов семье пришлось переселиться. Немцы предоставили в распоряжение Муссолини замок Хиршберг, возвышавшийся в живописном месте в восьмидесяти километрах к югу от Мюнхена, в Баварских Альпах, рядом со спортивным курортным комплексом. Оттуда были видны сполохи пожаров, вызванных бомбардировками Мюнхена.

Подходы к Хиршбергу и сам замок были так замаскированы, что за все пребывание Муссолини и семьи там не было воздушных налетов. (После семьи Муссолини там жил маршал Петен.)

Именно в этом уголке Баварии возникли идея и первые наброски плана создания Социальной республики, которые привлекли внимание маршала Грациани, других деятелей и даже прежних противников режима. Муссолини повторял: «Нужно все переиначить, разработать новые идеи, привлечь новых людей, с учетом нашего тяжелого опыта».

Немцы настаивали, чтобы во вновь формируемый кабинет министров и в партию, которая будет учреждена, вошли бы люди, принимавшие участие в перевороте 25 июля и не вызывавшие доверия не только у Бенито, но и у многих других. В замке появились Атилио Феруцци, Телезио Интерланди, Фариначчи, также пожелавший получить портфель. (Но ему дуче резко отказал, посоветовав вернуться в свою Кремону.)

В конце сентября Муссолини решил возвратиться в Италию. Ракеле с детьми должны были остаться в Баварии.

Пока Муссолини были в Мюнхене, Галеаццо Чиано вместе с Эддой и тремя детьми — Фабрицио, Раймондо и Марцио — жил под надзором немцев на вилле, находившейся на берегу озера в окрестностях Мюнхена. Граф отправил Эдду в ставку, чтобы получить разрешение у фюрера на отъезд в Португалию или Испанию с необходимой им денежной суммой. Однако Гитлер ответил решительным отказом. Тогда Эдда решила повидаться с отцом. Она приехала, когда Бенито вернулся из ставки, и стала настаивать, чтобы отец принял Галеаццо. Эта мучительная встреча произошла в Мюнхене, в «Карл Паласте». Чиано отвергал обвинения в измене, сваливал всю тяжесть ответственности на Бадольо. Бенито был раздражен, но тем не менее он слушал зятя. Он ни словом не обмолвился о том, что судьба Чиано уже была решена в Берлине.

Эдда уехала в Италию одна. Галеаццо, вернувшись на свою виллу на берегу озера, не нашел там своих детей. Немецкий генерал Вольф перевез их в замок Муссолини. Галеаццо примчался к Ракеле и стал излагать свой проект возвращения в Италию. Он надеялся получить политический пост, а в противном случае вернуться в армию простым военным летчиком. Так как Ракеле продолжала обвинять его в двурушничестве, он разразился проклятиями в адрес Бадольо, Кавалльеро, Гранди. Узнав, что Кавалльеро покончил жизнь самоубийством, он воскликнул: «И правильно сделал!».

Эдда продолжала хлопотать за мужа перед отцом в Рокка делле Каминате. В конце концов немцы выдали Чиано разрешение уехать в Италию. Но только самолет приземлился в Вероне, как граф был арестован представителями немецкой и итальянской полиции и заключен в городскую тюрьму. Это было уже начало конца. Но граф в это не желал поверить...

• • •

...А там, за границей Италии, в этот относительно спокойный период дети — Романо и Анна-Мария — обследовали окрестности замка Хиршберг, ловили рыбу, совершали дальние прогулки в горы, иногда доходили даже до Мюнхена. Ракеле предпочитала оставаться в замке, возвышавшемся над двумя небольшими озерами.

Бенито звонил ей из Рокка каждый вечер, справлялся о семье, рассказывал о своих новостях. «Это — тяжелый труд, но я добьюсь успеха. Как-нибудь вывернусь», — как и прежде повторял он. Ситуация в Италии сильно его волновала. «Ты была права, — говорил он, — почти ничего не осталось... как после бури».

15 сентября 1943 года

...На специальном аэродроме ставки фюрера приземлился «Ю-52» с дуче на борту. На летном поле — Адольф Гитлер. На ресницах фюрера — слезы.

Позже, уже в кабинете, Гитлер задал Муссолини главный вопрос: что дуче собирается делать, как действовать в новых условиях? Дуче ответил, что не исключает уход из политической жизни. У него много собрано материалов, готов заняться журналистской, писательской деятельностью.

«Это невозможно! — воскликнул фюрер. — Без сильного фашистского правительства Италия пропадет. Немецкие армии будут вынуждены действовать беспощадно. В соответствии с законами военного времени. Немцам придется отступать до долины реки По (Паданской долины), до самых Альп, оставляя за собой выжженную землю. Только методы варваров могут спасти Италию», — кричал Адольф Гитлер, и Муссолини верил фюреру и не видел для себя иного выхода из тупика, как остаться на посту.

«Без примерного наказания предателей фашизма возрождение фашизма в Италии невозможно, — говорил Геббельс Гитлеру после встречи с Муссолини. — И первый, с кем следовало бы свести счеты, — это с Галеаццо Чиано». «Но он же мой зять!» — заметил дуче. «Тем более. Тем более тяжким стало его предательство; его преступление не может быть прощено».

Из дневников Геббельса: *«Дуче не сделал из катастроф Италии тех выводов, которые ждал фюрер. Дуче должен был начать с отщипывания предателям. А Муссолини проявил слабость. Он не революционер, как фюрер или Сталин. У него нет силы и широты революционного масштаба. Фюрер утратил все иллюзии относительно личности дуче».*

СОЦИАЛЬНАЯ РЕСПУБЛИКА И СТАРЫЕ КОМПРОМАТЫ

С 15 по 17 сентября 1943 года Муссолини опубликовал шесть декретов, провозгласивших возобновление

фашистского правления, создание Социальной республики в Италии. Как всегда, началась упорная борьба за портфели. Доносы шли в три конца. Одни — немцам; другие — Муссолини; третьи — маршалу Бадольо. В зависимости от ориентации и взглядов в данный момент «пишущего и сообщающего». Например, в ведомствах Геббельса и Гимmlера особенно ценились сообщения о «слабостях, просчетах», об антигерманских настроениях и высказываниях дуче, о его недостаточном антисемитизме как о несоблюдении одной из основ фашизма и нацизма. Но при всех «изъянах» дуче другой кандидатуры у немцев на пост диктатора в Италии не было. 27 сентября в сопровождении генерала Карла Вольфа — шефа СС в Италии дуче вернулся в Рокка делле Каминате. Если новое правительство Социальной республики обосновалось в Сало и тем самым утратило свой римский престиж, то Муссолини потерял почти все, поселившись на вилле Фельтринелли в городке Гарньяно на озере Гарда. Эта вилла ни в коей степени не смогла ему заменить столичную виллу Торлония на Номентано и тем более палаццо «Венеция» с балконом для публичных выступлений перед многотысячной ликующей толпой.

Но главное — дуче терял волю, становился неврасцеником, человеком, круглосуточно охраняемым и не умеющим скрывать свое настроение. «Вольф и Долманн — мои тюремщики», — сказал дуче, и эти его слова попали в досье Гимmlера. «Всякий раз, как выгляну из окна, вижу перед собой немецкую каску. Они тут всегда, как пятна на шкуре леопарда...» И снова слова — для досье и доноса. Вновь компроматы на дуче — результат проверки на лояльность, верноподданничество Берлину.

• • •

Пытаясь спасти Чиано, Эдда пошла ва-банк. Встреча с отцом, слезы, крик, взаимные обиды и выяснения «личных отношений» результата не дали. Эдда угро-

жала отцу, что «откроет глаза матери Ракеле на связи дуче с Клареттой Петаччи». И этот довод не сломил Муссолини. «Здесь нет отца. Есть только дуче фашизма», — говорил он. Уже был создан декретом от 24 ноября 1943 года специальный трибунал, фашистская инквизиция приступила к разбору «дела о веронском узнике».

Эдда не отступала. Она написала письмо Гитлеру. Но фюрер ответил, что «не германское это дело», и отказался вмешиваться в историю графа Чиано. Эдда была доведена до состояния нервного истощения, много пила, теряла сознание. В тот период она стала клиентом психиатрических лечебниц. Сначала в Италии, под Пармой, потом в Швейцарии, под Женевой.

Решение веронского трибунала можно было без труда предугадать. Высшая мера наказания всем девятнадцати обвиняемым, из которых лишь шестеро оказались на скамье подсудимых (остальные или успели эмигрировать, или скрывались где-то в Италии). Среди обвиняемых — 78-летний маршал Эмилио де Боно, приехавший в Верону при всех орденах и в военной форме.

Суд начался в воскресенье, 8 января 1944 года в зале Кастельвеккио — старой крепости в Вероне, что был и герцогским дворцом, и тюрьмой, и местом собраний, и ныне музеем на берегу быстрой и в те годы чистой реки Адидже. Все члены трибунала — в черных «партийных» рубашках. За ними — черное полотнище с изображением фашистского знака-эмблемы.

В основе обвинения — действия, направленные на подрыв государства. Мера наказания — смертная казнь, которая была произведена в Вероне утром 11 января 1944 года. За несколько часов до смерти Чиано узнал, что Эдда с помощью маркиза Эмилио Пуччи выехала в Швейцарию. В последнюю ночь в каземате, до перевода в общую камеру смертников, Чиано исповедался у веронского священника и имел встречу с 22-летней блондинкой — немкой-переводчицей (она имела также итальянскую фамилию). Синьорина работала на

гестапо, была штатным осведомителем и пришла на «последний контакт» с высшего дозволения и с целью выведать у Чиано, где он прятал свои дневники. Не узнала. Дама эта жива до сих пор, и большое интервью с ней поместил еженедельник «Дженте». Из интервью становилось ясно, что Чиано до последней минуты не верил в то, что приговор останется в силе. Но все прошения о помиловании не были удовлетворены, а последнее просто не дошло до Муссолини, чтобы «не расстраивать дуче и не заставлять его отказывать в очередной раз...»

...Приговоренные умирали по-мужски. Их лица запечатлел на фотопленку мастер Мюллер, а офицер, командовавший взводом расстрела, рассказывал позже, что смертники вели себя достойно. Карло Паречи снял с себя меховое пальто и отдал его солдату. Чиано сострил, обращаясь к старому маршалу: «Займите самое почетное место!» «Не стоит заботиться о протоколе, — ответил де Боно. — В предстоящем путешествии привилегированных мест нет. Высокое положение никакого значения не имеет и преимуществ не дает...» Им завязали глаза и не позволили принимать смерть в лицо. Де Боно воскликнул: «Да здравствует Италия!» Его поддержали и остальные — Карло Паречи, Луччиано Готтарди, Галеаццо Чиано. Джованни Маринелли был без сознания...

Другой обвиняемый — Тулио Чианетти, который утверждал, что всегда был верен дуче, а «черт его не попутал», был приговорен к тридцати годам тюрьмы и от счастья что-то бормотал на суде, кого-то упорно благодарил...

После расстрела в Вероне дуче стремился упоминать о приговоренных только в редких случаях. Хотя в историю вошли его слова: «Если мы начали катать головы в пыли, то делать это надо до конца». Он представил главе полиции синьору Тамбурини список неблагонажных фашистов, но потом почему-то утратил к ним интерес, сделал вид, что о них забыл, и никто из спис-

ка не пошел под спецтрибунал. С января 1944 года Муссолини стал чаще запирается в комнате на вилле Фельтринелли, делал записи, которые до сих пор не найдены, или уединялся в саду, долго играл на скрипке произведения Вагнера, Верди, Бетховена.

Усложнились и отношения с Берлином, где неожиданно захотели перевода большинства промышленных предприятий, расположенных в долине реки По, за Бреннеро, на германскую территорию. Муссолини с трудом удалось убедить Гитлера в том, что разрушение промышленности на севере Италии противоречило бы интересам самой Германии. Муссолини составил объемное донесение, в котором доказывал, что даже простое перераспределение промышленных предприятий помимо нанесения прямого ущерба итальянской экономике, как в настоящем, так и будущем, что особенно опасно, должно было повлечь за собой миграцию сотен тысяч рабочих. Дуче был решительно против исхода итальянской рабочей силы за рубеж.

Муссолини понимал, что отношения с Германией до войны и после ее начала нарушили традиционные экономические связи Италии, заставили ее переориентировать многие хозяйственные пути. Простая статистика заставляла задумываться и считать: если в период 1931—1935 годов Германия занимала в импорте Италии 15,3 процента, а в экспорте из Италии — 12,8 процента, то в 1937—1939 годах — соответственно 24,3 и 17,4 процента; в 1940—1942 годах — уже 52,7 и 43,5 процента. Индекс промышленного производства начинал резко падать и в 1942 по сравнению с 1938 годом был уже на 11, а в 1943 году — на 31 пункт ниже. А это означало рост безработицы, голод, недовольство фашизмом и самим Муссолини. Ведь фашизм до 25 июля 1943 года уже ассоциировался с режимом — муссолинизмом. Казалось бы, милитаризация экономики, подготовка к войне и тем более сама война регулирует и организует рынок рабочей силы, армия поглощает массы безработных. Но эта логика в Италии 1942—1945 годов оказа-

лась верной лишь в малой своей части. Все повалилось с 1943 года, и развал экономики шел не только вместе с крахом муссолинизма, но и обгонял его по своим темпам. В сентябре 1941 года в Италии были введены карточки на основные виды продовольственных товаров. Вскоре дневная норма хлеба стала 200 граммов, месячная норма мяса — 400 граммов, сахара — 500 граммов, оливкового масла — 100 граммов. Индекс цен к 1942 году вырос на 163 процента. А война только началась. Обесценение лиры, которое сам Муссолини называл «дорогой к пропасти», шло быстрыми темпами (в обороте за два года — 1941—1942 — денежная масса возросла более чем в пять раз и составляла 156 300 млн. лир). Отправка итальянских рабочих в Германию латала дыры в гитлеровской промышленности и разрушительно действовала по отношению к экономике в Италии.

Как-то Наполеон — идеал Муссолини сказал: «Духовная сила относится к физической как три к одному». В условиях Италии и Второй мировой войны эта пропорция резко возросла в пользу моральных, духовных качеств, а они, эти качества, стремительно и бесповоротно летели вниз. И Муссолини это понимал, как бы высоко в воздух ни подбрасывали его солдаты из батальона «Сан-Марко», вернувшиеся после прохождения стажировки в Германии в 1944 году. Моральный дух был низок. Из России разбитые части АРМИР, или то, что от них осталось, весной 1943 года были отозваны на родину. В Северной Африке, в Ливии итальянская армия потеряла убитыми и ранеными свыше половины своего личного состава. Фашистский режим Муссолини трещал по швам вместе с моральным духом фашизма. В ночь с 9 на 10 июля 1943 года союзники по антигитлеровской коалиции высадили десант в Сицилии. 160 тысячам бойцов англо-американского десанта противостояли 300 тысяч солдат итальянских войск. И что же? Поражение обороняющихся при таком соотношении сил теоретически считалось невозможным, но оно произошло.

Разгром на всех фронтах, низкий моральный дух способствовали тому, что фашистская «революция» свернула с «революционного пути». У Италии оставался один выход: переход в 1944—1945 году в лагерь союзников по антигитлеровской коалиции. А это помогло Италии и в деле послевоенного восстановления и развития.

• • •

«Рим — это Италия. Италия — это Рим. Потеря Рима — это потеря Италии. Это — конец. Почти конец». Так реагировал Муссолини на падение Рима, на вступление в столицу гарибальдийцев и частей антигитлеровской коалиции.

...После встречи с Гитлером Бенито вернулся к Ракеле взволнованным, с белым, как полотно, лицом. Записи в дневнике Ракеле становятся сбивчивыми, более эмоциональными. Она как бы живет на несколько домов: семья; необходимость оказывать поддержку Муссолини — она его тыл; ревность и желание покончить с Петаччи. Ракеле оставляет редкие строки, но жизнь видится расколотой и уже «на закате». Все катилось по наклонной плоскости — «путь с ярмарки»; а еще надо было иметь силы на «дипломатические» встречи с министрами и немцами. На все были нужны энергия, время, спокойствие, прощательность, одних инстинктивных чувств и ума не хватало. Приходилось узнавать о разных интригах...

24 июля 1944 года

Как только мы остались одни, Бенито рассказал о покушении на Гитлера. «Это, — сказал он, — чистая случайность, что мы оба избежали гибели, с дьявольской ловкостью задуманной генералами-заговорщиками. Подумать только, Гитлер был всего в нескольких шагах от смертоносного механизма, а меня там не было только

потому, что воздушная тревога задержала меня более чем на час в Бренnero. Теперь я понимаю, почему некоторые из немцев в Бренnero торопили меня продолжать путь».

Гитлер, как обычно, приехал встретить Муссолини и не сразу рассказал о том, что случилось. Здороваясь, он протянул дуче левую руку; правую держал на груди под одеждой, она не двигалась. Затем фюрер показал дуче то место, где произошло покушение. Взрыв, вероятно, был очень сильным, так как потолок помещения, где находились Гитлер и штаб, рухнул. Без сомнения, заговорщики продумали все до мелочей и были уверены в успехе. К тому времени они вышли на связь со всеми фронтами и объявили, что фюрера больше нет...

«Значит, в Германии тоже есть предатели?» — спросил Муссолини, выслушав этот рассказ. «Предательство существовало во все времена и у всех народов, — заметил фюрер. — Давайте переменяем тему и поговорим о новых видах оружия. Они созданы. Машина ломает и еще ломает мир. Человечество становится заложником своего собственного прогресса. Мы движемся к апокалиптической стадии войны...»

• • •

Именно в этот период вступили в силу соглашения между Гитлером и Муссолини, согласно которым около миллиона итальянских военнопленных становились гражданскими лицами и могли вернуться на Апеннины. Но скоро сказка сказывается...

Это была последняя встреча Муссолини с Гитлером.

• • •

Но все-таки кое-какие «проблески» в настроении дуче бывали. Их вызывали посещения дивизий, которые, пройдя инструктаж, готовились к возвращению на родину и к отправке на фронт. Это были дивизии «Сан-Марко», «Монтероза», «Италия», «Литторико».

В каждой из этих дивизий Муссолини ждал горячий прием, сам дуче приветствовал солдат, как в прежние времена, пламенной речью.

«ФОРМЕННЫЙ» И ФОРМАЛЬНЫЙ ДУЧЕ

7 августа 1944 года Бруно дуче отправился на могилу сына, и это оказалось последним посещением. В последующие дни он объезжал военные дислокации, совершал инспекционный осмотр позиций от реки Меттауро, вдоль горных хребтов и до района Муральоне, у Кастрокаро.

Послеобеденное время Муссолини проводил в одиночестве в своем кабинете или в парке Рокка. Принимал людей, а по вечерам звонил жене. Во время поездки в Гарньяно он сделал остановку на вилле в Рокка, где встретился с генерал-фельдмаршалом Кессельрингом и маршалом Грациани. Содержание беседы неизвестно. Говорили, что маршалы напились.

15 августа 1944 года

Вечером вернулся Бенито. Он рассказал разные эпизоды из событий пяти дней, проведенных на фронте. Даже немцы, холодные по природе, не ожидали увидеть Муссолини на позициях, вставали навытяжку. Там, где не могла проехать машина, Бенито шел пешком, зачастую под шквалом огня. Ему даже казалось, говорил он впоследствии, что время вернулось назад и он находился в траншеях «другой, первой войны».

20 августа 1944 года

Возвращение Бенито на озеро Гарда было омрачено трагическим происшествием в Милане. На одной из площадей немцы расстреляли заложников в отместку за немцев, убитых партизанами. «У немцев нет никакого понятия о правилах поведения в чужой стране, —

кричал Муссолини. — Нельзя унижать такой город, как Милан, нельзя чинить расправы без суда и следствия. Даже в военное время».

Дуче отправил протест германскому послу Райну, а Гитлера уведомил, что никто не вправе обрушивать репрессии на итальянской территории против итальянцев, не поставив в известность его, Муссолини. Но никто ни о чем больше не ставил в известность Муссолини. Он стал «форменным» и формальным дуче. Он это понимал, и это его особенно терзало. Даже за столом, в окружении семьи, он стал рассеян. Как и на вилле Торлония, в Риме по вечерам он много читал. Философские произведения его завораживали. Он считал философские теории самым высшим достижением человеческой мысли, при этом признавался, что сам он не в состоянии оторваться от политики и до настоящей философии не дорос, не тянул.

5 сентября 1944 года

В Гарньяно приехали офицеры с японской подводной лодки. Два месяца назад они вышли из Иокогамы и привезли с собой подарки микадо для дуче: чай, апельсины, консервированные фрукты, какао. Их Одиссея по коварным морям и океанам с тысячами скрытых ловушек, подстерегавших их на протяжении всего пути, была завершена и оставила много историй. Японцы рассказывали об этом с японской простотой, не приукрашивая по-итальянски. Дуче принял посланцев микадо радушно, пригласил на обед на вилле Фельтринелли.

Японские офицеры немного говорили по-итальянски, но беседа развивалась с некоторыми трудностями. Молчали более красноречиво, чем говорили. Они старались дать понять, что микадо, зная о диете, предписанной врачами Муссолини, прислал ему особые гастрономические дары. На военные темы — ни слова. Это — результат выдержанности, свойственной всем морякам, и особенно японцам, записала Ракеле.

• • •

...Наступление англо-американцев на Готическую линию день ото дня становилось все более сильным. К концу лета их передовые части вклинились и углубились в немецко-итальянские позиции. Под угрозой оказались горные подступы к Болонье. Если падет Болонья, неминуем был захват Паданской долины. В это же время участились вылазки партизан. Они вместе с поляками и русскими вступили в Рокка делле Каминате, заняли виллу Муссолини. Через некоторое время пал и провинциальный центр Форли.

В такой трудной обстановке стали слышны требования замены многих членов правительства, скомпрометировавших себя в прошлом. Муссолини намеревался провести необходимые перестановки, но этому противились экстремисты и немцы, на которых большое влияние оказывал генерал Вольф, связанный с министром внутренних дел Буффарини.

Буффарини не нашел общего языка со своим заместителем Паоло Дзербини, конфликтовал и с новым замом Джорджо Пини. Но был еще один человек, негодный Буффарини. Это была Ракеле Муссолини. Она знала, что после ареста префектом полиции Рима на вилле Торлония 26 июля 1943 года Буффарини, заключенный в римскую тюрьму «Бочча», направил оттуда письмо королеве. В послании он дал слово никогда не разглашать документы, касающиеся королевской семьи и принца Умберто. В конце 1944 года у Ракеле состоялся разговор с этим министром в присутствии экс-префекта Рима, и она потребовала показать ей эти документы. Он сказал, что документы уничтожены.

По убеждению Ракеле, именно министр Буффарини был главным виновником всех интриг, которые сплелись вокруг Клары Петаччи. Немцы освободили эту даму вместе со всем ее окружением из тюрьмы Новары, там она провела сорок пять суток во время

ареста Бенито по решению Бадольо. Ей дали возможность быстро собрать вещи в Риме (за всем следили немцы, а точнее, лично генерал Вольф), а затем препроводили в Гардону. К ней был приставлен молодой немецкий офицер СС. В Гардоне она жила в квартире по соседству с атташе японского посольства. По чистой случайности недалеко от нее проживали родители Урсулы, невестки Муссолини, и таким образом Ракеле быстро узнала о появлении Петацчи.

Во время встречи с Бенито в Мюнхене Ракеле смогла спокойно выяснить отношения и сочла «инцидент» исчерпанным. Как будто ничего никогда не было. Естественно, Ракеле было неприятно, когда со всех сторон стали приходить письма, анонимные и с подписями, о том, что Петацчи находится в районе озера Гарда. Значит, ее встречи с дуче продолжались.

Ракеле не знала ее местонахождения, но поговорила с Бенито и поняла, что ситуация вновь чревата скандалом. Он полностью признался, что был в Гардоне всего лишь раз, и то только затем, чтобы «окончательно разрешить этот вопрос». А министр Буффарини обещал сделать все возможное, чтобы эта дама больше не появлялась на глаза. Для этого она переседет в замок Трентин, предоставленный ее семье.

Прошло несколько месяцев. И вот однажды Ракеле узнала, что Петацчи после короткого отсутствия опять вернулась в Гардону. В ее распоряжении тринадцать или больше копий, снятых с писем Муссолини, которые дуче пересылал Кларетте. Ракеле сообщила об этом мужу, и тот дал приказ префекту полиции, консулу Бигацци отправиться к Кларетте, изъять у нее эти копии, становившиеся важными компрометирующими дуче документами.

Вокруг Кларетты, которая, скорее всего, не была виновна, а была лишь инструментом в руках других (в основном ее брата — авантюриста доктора Марчелло), плелись сети политических интриг и финансовых спекуляций.

У Ракеле тоже была налажена своя «разведка». Однажды она получила компроматы на доктора Марчелло Петаччи, которого никогда раньше не видела. Тот купил на противоположном берегу озера Гарда быстрый катер, заплатив за него два миллиона четырехста тысяч лир. Откуда такие деньги? Согласно доносу, этот катер должен был служить для романтических прогулок и даже для... похищения дуче.

И Ракеле приняла решение: лично пришла к Буффарини и заставила его проводить ее к этой Петаччи. Вот версия Ракеле.

«Я всегда полагала, что во всех случаях лучше всего спокойно объясниться. Видимо, для Петаччи мой визит стал полной неожиданностью. Она долго не появлялась. Наконец спустилась со второго этажа в домашнем платье. Вид у нее был растерянный. Молодой немецкий офицер, выполнявший функции охраны, сопровождал ее и присутствовал во время всего разговора (он даже обыскал меня)».

Ракеле старалась справиться с нахлынувшими эмоциями. Петаччи несколько раз становилось дурно в течение продолжительного и трудного разговора.

«Я старалась убедить эту женщину, которая, без сомнения, любила Муссолини (из тюрьмы в Новаре она посылала мужественные письма), что мы обе должны пожертвовать своими личными чувствами и переживаниями, нельзя беспокоить дуче в такой трудный момент для нации. Я объяснила ей, что иначе мы поставим себя под угрозу, а она может даже быть убита».

Ракеле действительно питала страшную ненависть к сопернице и могла задумать операцию и убрать Кларетту. Но этого она не сделала. Во время встречи Ракеле для себя уяснила, что всеми действиями Кларетты руководила любовь к Муссолини: она никогда не получала ни подарков, ни каких-либо материальных выгод от связи с дуче. Ракеле не верила, что сам Муссолини считал необходимым прекратить отношения с

Клареттой. Не верила в это и Петацчи. Чтобы убедиться, она позвонила на виллу Орсолина. Ответ, который она услышала, был холоден: «Я знаю, что там моя жена. Она права. Надо с этим кончать!»

Ракеле вернулась в Гарньяно. Она была очень взволнована. Уже в комнате на втором этаже у нее началась истерика. Бенито несколько раз звонил из штаба, интересовался состоянием здоровья Ракеле и вскоре приехал сам. Он был предупредителен. Его слова были полны нежности.

Из дневников Ракеле:

Я успокаивалась, но все-таки тревога не оставляла меня. Я думала не столько о Петацчи, сколько об опасностях, которым постоянно подвергался мой муж, думала об этом проклятом катере, на котором его должны были похитить. Я сказала ему, что не переживу новое 25 июля...

Муссолини надоели интриги, и он решил заменить министра внутренних дел. Но разве этим можно было спасти или даже изменить положение?..

• • •

С декабря 1944 года Муссолини уже не мог напрямую связываться с Гитлером. Этому мешали некоторые немецкие подразделения, действиями которых руководил генерал Вольф, а также определенные официальные лица Гиммлера в немецком посольстве. Чтобы быть уверенным, что его письмо дойдет до фюрера, Муссолини с зимы 1945 года был вынужден отправить в Германию сына Витторио. Как-то он воспользовался услугами атташе посольства Японии. Каждое послание Муссолини стало объектом особых поисков многих разведок и контрразведок. Вновь пошли разговоры о возможном похищении Петацчи и физическом устранении Буффарини. Поговаривали и о государственном перевороте. За переворот ратовали члены 10-й М.А.С. (М.А.С. — Мотоскафо АнтиСобмерджибили — дивизион торпедных катеров против подводных лодок), командиром которой был принц Валерио Боргезе, и

вместе с ним молодые республиканцы, офицеры и полицейские из охраны дуче.

16 декабря 1944 года

Муссолини после долгого перерыва решил поехать в Милан. «Я слишком долго сижу здесь взаперти; мне нужно возобновить контакты с массами», — сказал он вечером, а утром уехал. В восемь часов. Небо было безоблачным и спокойным, все предвещало налет вражеской авиации... Но встреча в Милане прошла удачно.

Некоторое время спустя Муссолини принял в генеральном штабе фельдмаршала Кессельринга, а в январе 1945 года уехал инспектировать западный сектор фронта.

В конце зимы Муссолини отправился в окрестности Мантуи проверять боеготовность войск. Миновали городок Цзенциано, и тут их небольшой кортеж автомобилей попал под обстрел истребителя-бомбардировщика. Он появился неожиданно, летел низко на бреющем полете. Открыл огонь. Все поняли, что катастрофа неминуема. По приказу Муссолини шофер резко затормозил, повернул влево, направил машину в укрытие к первому попавшемуся домику. В это время снаряд угодил в машину генерала Вольфа, следовавшую за дуче. Один офицер был убит. «Моя счастливая звезда по-прежнему охраняет меня», — сказал Бенито. Он не придавал этому эпизоду большого значения и больше к нему не возвращался. «Выкрутился». Не пострадал и генерал Карл Вольф.

21 февраля 1945 года

Эта дата вошла в историю. Утром 21 февраля через чиновника секретариата дуче направил письмо, в котором извещал о снятии с должности Буффарини, находившегося в тот момент на своей вилле. В течение нескольких часов под различными предложениями он отказывался принять посольного, пытался выиграть время, связался с немецким посольством, надеялся получить там защиту. И действительно, посол Райн приехал к дуче,

чтобы защищать Буффарини. Получив твердый отказ, он хотел договориться о трехдневной отсрочке и не опубликовывать приказа. Но Муссолини, чувствуя неладное, приказал передать по радио о своем решении. На пост министра внутренних дел был назначен Паоло Дзербино, в то время чрезвычайный комиссар Пьемонта (Турин). Одновременно выяснилось, что по приказу генерала Вольфа полковник Кенплер арестовал нескольких людей, негодных Буффарини, среди них — экс-начальник полиции Тамбурины. Взбешенный таким вмешательством, Муссолини выразил решительный протест генералу Вольфу и послу Райну. Те кивали головой и знали, что случившееся нескоро дойдет до Берлина и неизвестно как еще отнесся бы к этому инциденту фюрер.

Ожидалась чистка в аппарате правительства, однако весеннее наступление англичан и американцев изменило ход событий.

24 марта 1945 года

Офицер немецкой армии, новый атташе при генеральном штабе, заменил капитана Хоппе. После приема у Муссолини он пришел к Ракеле и сказал: «Немецкое командование против планируемого переезда дуче и семьи в Милан». И повторил несколько раз: «Дуче должен совсем не покидать Гарньяно. Здесь сражойнее...»

1 апреля 1945 года

Пасха. После мессы Ракеле раздала подарки всему персоналу. Вдруг послышался гул самолетов. Спустились в убежище все, кроме Бенито. Началась бомбардировка автомобилей на противоположном берегу озера. Черные клубы дыма...

5 апреля 1945 года

Решили связаться с Эддой, которая находилась в швейцарской клинике. Контакт установили через монаха, отца П., совершавшего постоянные челночные переходы

через границу. Узнали, что Эдда выздоравливает. Поняли, что связь может быть установлена со Швейцарией самая разная. Но не для семьи Муссолини.

Подпольная радиосвязь использовалась довольно широко иностранцами, а иногда и итальянцами, шпионившими в пользу Лондона. После передачи противнику сведений о различных точках расположения войск начинались бомбардировки. Бомбы падали без разбора, куда попало, на участки, обозначенные якобы как места концентрации живой силы и техники. И зачастую на подвергшейся бомбежке местности стояли лишь жилые дома, школы, госпитали. Именно так произошло с госпиталем Сан-Доната в Пьяве. Двести раненых погибли вместе со всем медицинским персоналом. В Горла, около Милана, более трехсот школьников были расстреляны с воздуха самолетом-бомбардировщиком, действовавшим по наводке «информаторов». И взятки гладки...

...Уезжать надо было и семье Муссолини. Собрали чемоданы. Багаж совсем легкий. В Гарньяно было совсем мало вещей.

15 апреля 1945 года

«Что бы ни случилось, это «что-то» не исчезнет никогда, потому что оно неразрывно связано с нашим прошлым».

Бенито объявил, что скоро уедет один. Воевать на Готическую линию. Через некоторое время семья к нему присоединится. Бенито намекнул, что последняя надежда на сопротивление в Вальтеллине. Если поражение — это конец. Будем уходить в Швейцарию. Там больше надежд на спасение...

17 апреля 1945 года

Муссолини и несколько сопровождавших его лиц покинули Гарньяно. Перед отъездом он обговорил все, что следовало предпринять. Уже собираясь сесть в машину, он остановился в нерешительности. Вернулся, обвел взглядом сад виллы, пристально посмотрел мне в глаза. Как

будто собирался сказать что-то важное, но не проронил ни слова.

Этими словами заканчивался дневник Ракеле.

А что в дневнике Эдды? Он до сих пор у сына и не опубликован...

Но появились другие заметки Ракеле. Они начинались и заканчивались военными потерями в семье Муссолини. На последнюю военную Пасху 1 апреля погибает один из племянников Ракеле. Он был убит партизанами в окрестностях Сиены. С потерей Бруно семья дуче начала трагический отсчет смертям. Вслед за Бруно погиб кузен Джермано, затем в 1944 году его брат, летчик Сесто Моши. Потом был сбит самолет майора авиации Туллио Муссолини, двоюродного брата Бенито. Убит зять Эдвидже, граф Рикки Гризолини. И, наконец, позднее Тино Манчини, сын Эдвидже и Бонданини — доброволец шестнадцати лет, пропал без вести под Миланом.

23 апреля. Когда Ракеле была в саду, ее срочно позвали к телефону. Звонил из Милана Бенито: «Вечером в семь часов приеду»...

Но приехал не он, а его молодой секретарь Гатти. Он стал разбирать бумаги, откладывая то, что следовало увезти, и то, что подлежало уничтожению.

Примерно через час снова телефонный звонок. Опять Бенито. Он сказал, что не сможет приехать в Гарньяно, так как Мантуя пала и город Брешия под угрозой. Все были в замешательстве.

С каждым часом вой сирен все чаще и чаще разрывал воздух. Спешно упаковали чемоданы. Проверили, чтобы ставни дома были плотно закрыты.

Вскоре стали рассаживаться в автомобиле: Ракеле, Романо, Анна-Мария, полицейский и префект. В другой машине ехал еще один полицейский с багажом. Ехали с потушенными фарами. Обстрел не прекращался. Навстречу нескончаемой вереницей шли немецкие грузовики, войска. Время от времени летели бомбы. Взрывы, вспышки озаряли небо зловещим све-

том. Ракеле думала о том, что происходило в Милане. Почему Бенито не вернулся? Гатти сказал, что в Монце семья будет жить на королевской вилле, а затем к ней присоединится Бенито...

• • •

...Полицейские указали, где остановиться. Какой-то человек бежал по направлению к ним. «Где дуче?» — немедленно спросила его Ракеле. Чиновник ответил, что дуче в Милане, и добавил: «Дуче звонил несколько раз, справлялся, приехали ли вы...»

...Поднялись по ступенькам, ведущим на виллу. Вошли в дом, в отведенные две комнаты: одна для Ракеле и Анны-Марии, другая — для Романо. Примерно в одиннадцать часов снова позвонил Бенито и сказал, что семье следует ехать в Комо. У дуче появилась возможность улететь в Испанию, где жила жена его секретаря Гатти — испанка по национальности. Кардинал Шустер вел какие-то переговоры. Рождался один план, рушился, немедленно возникал другой. Рушился вновь...

...27 апреля. В два часа утра Ракеле услышала звук шагов у порога виллы, послышались голоса. Один из полицейских приблизился и сказал: «Синьора, письмо от дуче». Ракеле встала с кровати, схватила конверт; узнала почерк Бенито, его красно-синий карандаш. Им он пользовался, когда вел личную, очень конфиденциальную корреспонденцию.

Ракеле разбудила детей, и они прочитали письмо. Читали и перечитывали много раз: «Дорогая Ракеле, я нахожусь на последнем этапе жизненного пути. Это последняя страница в книге моей судьбы. Может быть, мы не увидимся более, поэтому я пишу тебе эти строки. Прошу тебя простить мне все то зло, которое я вольно или невольно тебе причинил. Ты хорошо знаешь, что ты — единственная женщина, которую я действительно любил. Клянусь тебе в этом перед Богом и именем нашего сына Бруно. Ты знаешь, что мы долж-

ны ехать в Вальтелину. Постарайтесь добраться до швейцарской границы. Там вы начнете новую жизнь. Думаю, что тебя не остановят на границе, поскольку я всегда им помогал, и, кроме того, вы чужды политике. Если эта попытка не удастся, вам придется сдать-ся на милость союзников, которые, может быть, будут более великодушны, чем итальянцы. Я вручаю тебе судьбу Анны и Романо, особенно Анны, так как она еще очень нуждается в твоих заботах. Ты знаешь, как сильно я их люблю. Обнимаю и целую тебя и наших детей Твой Бенито. Комо, 27 апреля 1945 года».

Весь текст письма написан синим карандашом, а подпись в конце — красным. Это был договоренный сигнал, означавший «все кончено».

Невыразимый ужас проник в сердце. Тон безысходности, такой несвойственный Муссолини, не оставлял сомнений, что готовится что-то ужасное и он полностью это осознавал... Ракеле пыталась связаться с Бенито по телефону: Один из полицейских что-то кричал в трубку.

Вот наконец появилась связь с Миланом. Трубку взял секретарь: «Это вы, Гатти? Кому вы передали письмо?» — «Агенту полиции»... Внезапно слышу голос Бенито: «Ракеле, наконец-то услышал твой голос!» Он говорил, что остался совсем один. Все, включая его шофера Чезаротти, покинули его. И добавил: «Я иду навстречу судьбе, но ты должна спасти детей. Я еще раз повторяю то, что сказал тебе в письме: прости меня за то зло, что я причинил тебе. Если бы не я, твоя жизнь могла быть спокойной. Но я всегда любил тебя, и ты это знаешь. Рядом со мною больше нет никого, я один, Ракеле, я отчетливо осознаю, что все кончено. Хочу попроситься с детьми...» Муссолини не лгал. Он был искренен. Голос его дрожал...

Романо в отчаянии. Он просил отца не покидать нас, но тот его успокаивал, уверял, что бояться нечего: мы не были повержены даже после 25 июля...

Вокруг дuche все было повержено в прах. Самое тяжелое состояние — это чувствовать себя один на один с самим собой... на последнем витке жизни...

Бенито попрощался с Романо и с Анной-Марией. Затем еще раз сказал свои последние слова: «Вы начнете новую жизнь. Не теряйте времени. Прощай, Ракеле, прощай!..»

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ МУССОЛИНИ

Автомобиль осторожно двигался вперед. Совсем рядом с Комо — швейцарская граница. Эта нейтральная страна не вводила комендантского часа, когда затемняются все окна. Весь район в зоне границы светился огнями. Множество машин. Люди искали убежища на территории Конфедерации. Семья приблизилась к ита-ло-германскому пропускному пункту. Их встретили чиновники, специально присланные Бенито. Неподалеку стояла машина Буффарини. Он предложил объединить действия по переходу границы. Ракеле не ответила. На представленные документы швейцарская полиция дала отрицательный ответ: «Это невозможно». Ракеле вспомнила слова Муссолини: «Они не откажут тебе во въезде, они мне обещали». Всем остальным, напротив, было разрешено пересечь границу. Всем, за исключением семьи. Что ни делается, все к лучшему, подумала Ракеле. Здесь, в Италии, будет легче получить известия о Бенито...

Дорога назад. В Комо. На дорогах полно немцев и итальянцев. Все движутся хаотично, в различных направлениях. Прибывают из Швейцарии, с гор спускаются многочисленные группы партизан. Тут и там раздаются выстрелы. Машина остановилась перед зданием местной фашистской федерации. Битком народу: одни взволнованно обсуждали, что делать; другие в растерянности молчали. Анна-Мария села на ступень-

ки лестницы перед домом. Один из полицейских предложил укрыться в его доме, где есть хоть небольшая гарантия безопасности. Но, впрочем, какие гарантии?

Безопасность — безопасностью, но сообщили, что машину дуче уже украли. Положение стало критическим. Время от времени по радио стали передавать приказ начать избиение фашистов, не предоставлять им убежища. Из соседнего госпиталя уходили кое-как одетые раненые. Они старались раствориться в толпе, но их били, расстреливали. Террор толпы. Дети в ужасе... Потерян счет времени. Но вот сообщение по радио о резне в Донго.

«Правосудие свершилось», — кричал голос диктора.

Вместе с Муссолини погибли люди, которых Раке-ле знала в течение стольких лет. Вместе с ними была женщина: в последний момент она была рядом с Муссолини... Это — Кларетта Петаччи. Она сделала вместе с ним последние шаги по той самой «лестнице» перед смертью...

Известие о смерти мужа подавило в Раке-ле всякую способность сопротивляться. Она вдруг перестала слышать взрывы и стрельбу вокруг. Гражданская война вспыхнула в одночасье по всей стране. Дети плакали... Их рыдания еще больше обостряли страдания.

А вокруг резня продолжалась. Волна жестокости нарастала. Мужчины, женщины, дети погибали при малейшем подозрении в причастности к фашистам и фашизму. Гражданская война.

В Комо Раке-ле встретила свою невестку Джину — жену покойного сына Бруно. Затем они попали к американцам.

• • •

2 мая 1945 года в автомашине пленников доставили в Милан, поместили в здании недалеко от замка Сфорца в историческом центре города. Там все было так близко и знакомо. Казалось бы, шагами отмерен каждый метр.

На следующий день, в шесть часов вечера, в открытом грузовике повезли в Монтекатини, под Флоренцией. К девяти часам утра добрались до места, остановились в отеле «Империо». Агент американской военной полиции Дэвид Розен, сопровождавший семью на протяжении всего пути, держался подчеркнуто учтиво. В отеле провели одну ночь. А наутро снова тронулись в путь. Следующая ночь в отеле «Итало-Арджентино», где все были переданы на попечение англичан до 10 мая. Конечным пунктом был город Терни. На закате солнца семью поместили в концентрационный лагерь, созданный за колючей проволокой фабрики синтетического каучука. Было промышленное предприятие, стал лагерь. Тюрьма.

Ракеле с детьми поместили в шести комнатах в госпитале. Жена Муссолини попросила начальника лагеря дать ей какую-нибудь работу. Этого не ожидали, но на кухне требовались рабочие руки, и начальник лагеря согласился.

Работа кипела до самого вечера, было всего шестеро кухарок, а кормить приходилось несколько сотен человек.

...В лагере протянулись четыре месяца заключения. Следующим этапом был мыс Мизена на берегу Тирренского моря. Ракеле добиралась туда на катере. Не хотелось думать, но возникала мрачная перспектива закончить жизнь на полупустынном острове. Еще один зловещий поворот судьбы...

Но вот и берега Искии. Гора Эпомео. Вечер 26 июля 1945 года. Для Ракеле начался новый отсчет времени...

• • •

...Летом 1946 года до Искии дошли слухи, что останки Муссолини были тайно вывезены с кладбища Музокко в Милане, затем найдены и водворены обратно. Ракеле вспомнились слова, которыми ее муж закончил свою книгу о брате «Жизнь Арнальдо»: «Мое единственное желание — это быть похороненным ря-

дом с моими родственниками на кладбище Сан-Касьяно. Было бы большой наивностью просить оставить меня в покое после смерти. Могилы лидеров, инициаторов великих волнений, которые люди называют революциями, не знают покоя. Но то, что произошло, не может просто так исчезнуть. Мой дух отныне свободен от брэнной материи, он будет жить...»

...Когда Ракеле заканчивала свои мемуары, она еще не знала, где похоронен Муссолини. Ей отказались сообщить.

Теперь они вместе... И становится понятно, почему Муссолини всегда интересовался тем, как закончили свои дни Цезарь, Наполеон, Бетховен, где похоронен Александр Македонский... Он думал о себе...

ЧЕЛОВЕК В ШИНЕЛИ НЕМЕЦКОГО КАПРАЛА

В марте-апреле 1945-го Муссолини еще никак не мог согласиться с мыслью, что «все кончено», поражение неизбежно, выход — один: полная и безоговорочная капитуляция со всеми вытекающими последствиями.

Дуче не знал, что генерал Вольф и полковник Долманн вели секретные сепаратные переговоры с представителями союзников, а именно с Алленом Даллесом и его людьми в Сиене. О многом был осведомлен архиепископ Милана Идельфонсо Шустер, выступавший иногда даже прямым посредником. Неясно только, почему, будучи связанным с Бенито Муссолини личными дружескими и весьма доверительными отношениями, он не сделал даже намека «главе правительства». Он говорил об усилении отрядов партизан, об их вооружении союзниками, о росте влияния просоветских настроений, но ни слова о переговорах и известных ему контактах с союзниками. Все эти «по-

чему» ушли вместе с Шустером и никогда уже не будут разгаданы, ибо архиепископ нигде «особых замечаний» об этой эпохе не оставил.

Но священнослужитель знал многое: и о встрече штандартенфюрера СС Доллманна (якобы, уже занесенного в списки военных преступников на будущем суде народов) в кафе «Бьянки» с неким профессором Гуссманом из Цюриха; о переговорах Вольфа с тем же Гуссманом в купе поезда Киассо—Цюрих и, наконец, о встрече 19 марта 1945 года неподалеку от берега озера Маджоре с английским генералом Эйре и американцем Лемнитцером, обсуждавшими условия возможной скорой капитуляции. Все главные точки были расставлены, но вдруг из Берлина пришел вызов Вольфу с требованием прибыть в ставку Гитлера. Генерал понял, что ищейки Гимmlера вышли на него и его «дипломатические связи».

Не приехать в Берлин? Было невозможно: семьи Вольфа и Доллманна находились под пристальным вниманием гестапо.

18 апреля 1945 года в бункере Гитлера состоялся доклад генерала. Вольф увидел перед собой уже много, «вялого» фюрера, которого больше не интересовала ни Италия, ни тем более Муссолини. Гитлера захватывала «идея» внесения раскола в ряды союзников и переброски всех войск рейха на Восточный фронт, чтобы максимально противостоять русским, остановить их стремительное наступление на Берлин.

У Вольфа не оставалось иллюзий об исходе всей войны, поэтому после встречи в Италии с представителями союзников он пошел и на встречу с партизанами в резиденции кардинала Шустера. Там были оговорены условия капитуляции немецких войск. Вольф гарантировал, что отдаст приказ начальнику гестапо в Милане полковнику Рауффу, который бы запретил войскам СС вмешиваться в боевые действия и отмежевывался бы от частей республики Сало. То есть от Муссолини.

А что же Муссолини? Он грустил, хандрил, витал в своих «философских облаках», мечтал о том, как создать прочную основу Социальной республики, очень похожую на СССР, провести полную национализацию промышленности, банков, укрепить верную армию.

13 марта он с большим опозданием подумал о поисках мира, по крайней мере об обеспечении безопасности населения при отступлении немецко-фашистских войск из Италии и сосредоточении итальянских фашистов на позициях в Вальтеллине, севернее Бергамо, в Альпах, где «герои дадут последний бой». Если не Милан, то Вальтеллина станет итальянским «Сталинградом», и если фашизму суждено будет погибнуть, то он уйдет во всем блеске славы, мужественно, оставит о себе память в веках. Послание было написано и направлено кардиналу Шустеру. Пять страниц текста с приложениями передал священнику сын Муссолини Витторио. Затем письмо двинулось по эстафете: папский нунций в Берне — штаб союзников в Казерте. Ответ был логичным: отказ от переговоров и одно требование — безоговорочная капитуляция.

6 апреля дуче узнал, что немецкие части готовились к эвакуации. Он встретился с представителями генерала Фитингофа, заменившего фельдмаршала Кессельринга, и тот заверил Муссолини, что немцы будут «сражаться в Италии до конца», не оставят своего друга дуче, а распускаемые слухи об эвакуации, а не о «перемещении» — это злостная целенаправленная пропаганда врага, чтобы усилить недоверие, внести раскол.

Дуче хотел в это поверить и поверил. 13 апреля Муссолини вызвал к себе заместителя министра внутренних дел и спросил: «Есть ли у нас шансы избежать поражения?» Тот, наверное, впервые честно ответил: «Никаких шансов нам не оставлено, дуче».

«Тогда нам следует отдать приказ об организации обороны Милана», — сказал Муссолини.

•   •   •

«Командующий миланским гарнизоном генерал Венинг просил доложить, что он уже начал возводить баррикады на улицах города и даже на соборной площади перед Дуомским храмом».

«Прекрасно!» — похвалил Муссолини, но к вечеру передумал: в случае боев пострадает «бриллиант» Италии, город, бывший в течение четырех веков в далеком прошлом столицей Великой Римской империи. «История нам не простит», — сказал дуче и сделал ставку на оборонительные рубежи в Вальтеллине. Милан будет оставлен без боя.

14 апреля состоялся Большой совет, и план обороны Вальтеллины был утвержден на вилле делле Орсолине в присутствии немецких генералов и лично обергруппенфюрера СС Вольфа. И никто не обескуражил дуче, не обмолвился и словом о возможной и неизбежной капитуляции. Муссолини долго стоял в своей прежней монументальной позе и вдруг громко сказал: «Никто не обязан ехать сражаться в Вальтеллину. Это — дело чести каждого. Каждый решает сам за себя!»

15 апреля Муссолини долго беседовал с армейским капелланом доном Эусебио. Тот ушел от дуче, так и не поняв, зачем призывал его «глаза режима».

16 апреля дуче принял другого священника-иезуита дона Пончино и, низко склонив голову, сказал: «Давайте попросимся, падре. Благодарю за ваше заступничество перед Богом. Прошу вас не оставлять меня в своих молитвах. Я в этом очень нуждаюсь. Я знаю, что буду убит».

Вечером 16 апреля у Муссолини состоялась встреча со старым другом Динале, и ему он признался как на «гражданской исповеди»: «Я во власти горьких и мрачных предчувствий. Ими наполнен воздух. Я словно распят на кресте. Я много раз испытывал судьбу, и вот наконец она повернулась ко мне спиной. Перед

смертью все верующие надеются на милость Божию. Как я им сейчас завидую! У меня все позади».

Эту фразу Муссолини приводят биографы дуче. Но никто не увидел в ней, кроме откровения, эмоционального настроения, ощущения смерти, еще и возможности ответа на вопрос: был ли Муссолини атеистом или все-таки стал верующим человеком?

Из этой фразы, из его признания следует, что не был Муссолини глубоко верующим человеком. При первом кризисе, перед концом жизни многие взывают к Богу. Это же сделал и дуче. Только по-своему. Позавидовал верующим людям. И дальше. Слова атеиста-«игрока»: «Я играл до конца, но проиграл. Я оставляю этот мир без ненависти, без обиды, без гордыни. Прощайте!» Он выразил сожаление еще и о том, что не примет смерть в кругу семьи, которую он так мало видел...

19 апреля дуче в последний раз обнял Ракеле в саду виллы Фельтринелли. (Эта вилла на берегу озера Гарда, к которой мы вернемся еще не раз, ныне превращена в фешенбельный отель, купленный германской финансово-промышленной фирмой. Гостиница перестроена архитектором Джорджо Ровари. В ней всего четырнадцать номеров стоимостью не ниже 300 долларов каждый. Как мне сказал администратор: «В память о дуче разумно невысокая цена».)

• • •

На закате солнца дуче отправился в Милан под охраной роты СД во главе с штурмфюрером Фрицем Бирцером. У него было два задания (каждое из них дополняло другое): защищать Муссолини, но и следить за каждым его шагом, каждым контактом.

В том, что Муссолини не сделает ни малейшей попытки покончить с собой, немцы были убеждены. Но, впрочем, и такой «выход» мог бы устроить и генерала Вольфа и, пожалуй, даже фюрера.

Впрочем, разные выводы можно сделать из последних слов дуче, обращенных к сестре Эдвидже: «Кто

знает, где и как нас застигнет смерть, где и как будут брошены наши кости? Германия находится на пределе сил. После окончания войны ее территории будут надолго поделены между Россией и западными союзниками — США, Англией, Францией. Я же готов вступить в безмолвные просторы царства смерти, которые меня не пугают и готовы меня принять...»

В Милане Муссолини оборудовал свою резиденцию на первом этаже палаццо Монфорте, где располагалась городская префектура. О том, как провел там дуче пять суток, принимая «потоки посетителей», написано и рассказано много. Но вот последняя публикация в «Коррьере делла сера» 23 августа 1999 года одного из очевидцев тех дней и участника событий Джорджо Соави.

«Я был дезертиром, сбежал из казармы батальона Социальной итальянской республики и скрывался у моего старшего друга известного журналиста Адриано Болцани, в гостинице «Амбашатори», что в галерее «Дель Корсо».

В городе действовал комендантский час. Передвижение по улицам было небезопасным. Особенно тем, кто был дезертиром. Но утром 25 апреля Адриано пришел возбужденным и сказал мне: «Событие по-журналистски уникальное. Надевай военную форму. Поедем в здание префектуры. Там Муссолини собирает новобранцев и выступит перед их отправкой на огневые позиции на Готической линии в Альпах (Вальтеллина). Будет сказано что-то особенно важное. Опасность ареста минимальная. Патрули сняты. Поспешим же!»

В префектуре собрались действительно иерархи фашизма, коменданты национальной республиканской гвардии. Было много немцев. Каждый четвертый среди присутствовавших носил германскую форму. Здесь были такие известные в то время киноактеры, как Луиза Фериди и Освальдо Валенти, надевший на белую футболку военную форму. Он, видимо, заимствовал ее у какого-то солдата.

Солдаты собрались на мостовой во дворе префектуры. Муссолини спустился к ним по лестнице медленно, величественно. Перед всеми вновь был тот же прежний дуче. На нем — серо-зеленый военный френч, но без погон, знаков отличия, орденов и медалей.

«Дуче, дуче!» — выдавливали из себя солдаты. Они неуклюже щелкали каблуками, порознь выбрасывали руку в римском приветствии, пялили глаза... Все выглядело очень смешно и даже театрально, но солдаты это вряд ли осознавали. Видел и понимал все дуче. «Всего полгода-год назад такого зрелища просто не могло бы быть...»

Дуче, положив руки на бедра, в своей обычной позе оратора, трибуна, вождя начал говорить. Возгласы радости и поддержки в этот раз не прерывали его пылкую речь. Он закончил ее так: «Как итальянцы мы не предали нашу Родину. Мы будем сражаться до последнего солдата. Мы не сделали ни одной ошибки, нет, мы не ошибались. Мы организуем группы сопротивления в Вальтеллине и будем защищаться. До встречи на Готическом валу в Альпах!»

Но сражаться до «последнего солдата» желающих оказалось немного. Больше было иных. Тех, кто поспешил дезертировать, не дожидаясь, пока будет поздно... И они действительно станут «последними». Или их не станет вообще.

...Вечерело. 25 апреля 1945 года. В 19 часов в серо-зеленом плаще Муссолини спустился по ступенькам епископского дворца в Милане. На улице его не узнал Сандро Пертини. Позже лидер социалистов заявит: «Если бы я понял, что это был дуче, пристрелил бы его на месте». В 20 часов 10 минут партизанский командир Мародзин (подпольная кличка Веро) сообщил Сандро Пертини по телефону, что колонна автомашин вместе с дуче двинулась по направлению к Семпione и далее к швейцарской границе.

Из Милана по Корсо Монфорте и Литторио путь колонне проложил отряд чернорубашечников. Муссо-

лини сидел в открытой машине «альфа-ромео». Всего в колонне было около 30 грузовиков и автомашин. В одной из последних с испанским номером ехала Кларетта с братом Марчелло. Все знали и все видели весь кортеж. Трудно объяснить, почему Муссолини не был схвачен, а путь колонне не прегражден.

Что бы могло в таком случае произойти? Теперь это риторический вопрос. С одной стороны, все руководители сил освобождения Италии от фашизма — коммунисты, социалисты, христианские демократы, либералы, партия действия — единогласно поставили свои подписи под приговором к смертной казни — расстрелу Муссолини. Но с другой — как быть с настоятельным требованием союзников, чей штаб находился в Сиене, о выдаче им в случае захвата дуче и всех иерархов, следовавших с ним лиц? Но произошло то, что произошло с 25 по 28 апреля 1945 года. Непонятно лишь, как в течение трех суток смог метаться по дорогам в замкнутом квадрате крупный отряд итальянских фашистов вместе с охраной гитлеровцев и не попал ни в одну партизанскую ловушку до местечка Муссо, 27 апреля? Далее все, казалось бы, описано, но появились некоторые новые детали. Безусловно, никто не оспаривает главного: эсэсовская охрана, по требованию партизан-гарибальдийцев, «отмежеввалась» от итальянских «подопечных» и ушла через границу. Муссолини, переодетый в немецкую форму, был опознан на пограничном пункте Донго заместителем политкомиссара партизанской бригады Урбано Ладзаро (фронтовой псевдоним Билл). По другой версии, Муссолини опознал и выдал местный священник. Я сторонник этой последней версии.

Утром 27 апреля Муссолини ожидал прибытия большого отряда поддержки во главе с верным иерархом Паволини. Тот не подвел — прибыл на броневике.

— А где сопровождение? — спросил дуче.

— Все сдались партизанам. Дошли человек двадцать, — ответил Паволини.

Муссолини вспомнил последний разговор с кардиналом Шустером. Дуче рассчитывал, что с ним в последний бой пойдут тысяча, ну, может быть, триста верных бойцов.

Кардинал только сказал: «Блажен, кто верует». Для «атеиста» дуче все обернулось трагично. С ним было только двадцать вооруженных солдат, готовых разбежаться при первых выстрелах, которые прозвучали у поросшей лесом скалы под названием Рокка ди Муссо. Короткая перестрелка. Затем переговоры. Мучительные ожидания. Наконец немцы получили разрешение двигаться до Донго, где будет совершен досмотр. С целью проверить, нет ли среди эсэсовцев переодетых итальянских фашистов.

Тем не менее капитан Бирцер предложил дуче надеть шинель и каску, сесть в немецкий грузовик и положить на судьбу. При досмотре надежд остается немного, но это — единственный шанс. А вдруг получится, и он опять «выкрутится».

В это время мелькнула юношеская фигурка в комбинезоне и в шлеме летчика. Когда юноша снял шлем, Муссолини увидел: это была Кларетта Петаччи.

— Я обещала всю жизнь быть рядом с тобой. И я буду с тобой, — только и сказала Кларетта, не сдерживая рыданий.

— Синьора, вам здесь не место, — обратился к Петаччи галантный офицер Бирцер.

Грузовик стал набирать скорость. Кларетта долго не отпускала борт машины. Но немцы так и не взяли ее.

Муссолини долго молчал.

«Мы не договаривались быть всегда вместе», — затем процедил дуче. В Донго он ехал, догадываясь, нет, зная, что партизаны оповещены о нем, о его присутствии в составе колонны. Об этом их предупредил священник дон Маннетти, видевший и узнавший Муссолини у бронемашин. Он бы, наверное, раньше и промолчал. Но теперь? Вряд ли...

У дуче оставался один шанс против тысячи... У дру-

гих иерархов, брошенных немцами, не оставалось ни одного шанса. Одни пытались бежать в горы, в лес. Другие бросались в воду озера. Было лишь делом времени выловить каждого... Паволини, Каррадори с пачками документов (которые затем куда-то таинственно пропали), Барраку и другие.

У грузовика замкомиссара партизан Ладзаро увидел сгорбленную фигуру в шинели с погонями капрала.

— Вы итальянец? — спросил, направляя пистолет, партизан.

— Да, я итальянец, — последовал ответ.

Ладзаро узнал Муссолини. Он и вошел в историю как человек, опознавший дуче в Донго. О священнике все быстро забыли. И это было в его интересах. Священник — лицо духовное. Зачем ему вмешиваться в дела военные, опасные...

Далее Муссолини обыскали, забрали оружие. Нашли и заряженный револьвер 9-го калибра, который он надеялся спрятать в заднем кармане. Были отобра ны и два кожаных портфеля.

— Не ройтесь! — почти закричал дуче. — Там документы, важные для истории и будущего Италии.

Личный секретарь Муссолини позже расскажет, что дуче собирал документы против всех своих партнеров из Германии, против короля, против всех, кто даже теоретически мог бы выступить против него в случае если он будет арестован и состоится суд над фашизмом и над ним лично. Впрочем, себя Муссолини никогда не отделял от итальянского фашизма, который в середине 20-х — начала 30-х годов мог бы называться муссолинизмом. И это было бы более точно. Но пока в политический язык это термин не вошел.

...Муссолини окружили партизаны. Никто не рвал на нем одежду, как рассказывали некоторые очевидцы. Никто не поднял руки на дуче. Напротив, ему нашли стакан воды, а затем даже чашку кофе. Роскошь для военного партизанского времени. Пока партизаны допрашивали дуче, в Комо в отделение ко-

митета национального освобождения было отослано донесение, подписанное политкомиссаром гарибальдийцев Франческо Терци. В донесении говорилось о том, что дуче захвачен, и никто не задавал вопрос, как с ним поступить. Почему?

Все понимали, что решение может быть только одно: смерть. А когда и как привести этот «приговор» в исполнение — оставлялось на усмотрение захвативших Муссолини партизан из 52-й бригады имени Гарибальди...

...Муссолини стянул с плеч немецкую шинель. Остался в серо-зеленом мундире. Без головного убора. «Я не желаю больше видеть ничего немецкого, и даже эту шинель...» — сказал с пренебрежением дуче.

Стало прохладно. Партизаны поместили дуче в закрытое помещение, приготовили скромный, какой могли, ужин, накормили Муссолини. Это было в местечке Джермазино. Там в одиннадцать часов вечера усталого дуче поместили в небольшую комнату с решеткой на окне. Он вспомнил 25 июля 1943-го. Тогда арест был иным.

•   ;   •

Кларетта Петаччи была обнаружена в Донго в одной из комнат местной ратуши графом Беллини, человеком авантюристического склада характера, случайно оказавшимся в рядах движения Сопротивления и еще более случайно узнавшим Петаччи. Кларетта выдавала себя за сестру испанского посла, роль которого исполнял ее брат Марчелло. Он сидел за рулем того самого автомобиля с испанским номерным знаком, который был в кортеже Муссолини. Она вынуждена была назвать себя.

— Вы можете кое-что сделать для меня? — спросила Петаччи графа Беллини.

— Что именно? — вскинул брови революционный вельможа.

— Поместить меня в одной камере вместе с дуче.

Я должна и хочу разделить его судьбу. Если его убьют, то убейте и меня!

• • •

...Около двенадцати ночи был получен приказ о переводе Муссолини из Джермазино на виллу Реми Кадематори. В два часа тридцать минут в районе Понте дель Фалько произошла остановка машин, и там неожиданно состоялась встреча дуче и Кларетты. Петаччи узнала Муссолини, несмотря на то, что он был закутан в солдатское одеяло, голова завязана, сапоги забрызганы грязью, лицо небритое. Щеки были серые, впалые...

— Добрый вечер, почему вы здесь, синьора?

— Я хочу быть с вами... — И весь их разговор.

И снова была ночь; тяжелая ухабистая горная дорога. Муссолини и Петаччи везли в разных машинах.

В четвертом часу утра остановились в Адзано. Пленников поместили в доме супругов Джакомо де Мария. Пожилые горцы развели огонь, а затем предложили неожиданным «гостям» ночлег.

Они спали как супруги. Вместе, в одной постели. Синьора де Мария и двое охранников не решались их тревожить. Муссолини засыпал со словами: «Кларетта, простишь ли ты меня?» Она отвечала: «Будь во всем спокоен, Бен...»

Завтракали поздно. Лия де Мария оказалась доброй расторопной хозяйкой, приготовила поленту (кукурузную кашу. Еда бедных людей — чем богаты, тем и рады), подала на ящик, служивший столом, колбасу, хлеб, воду.

После еды Кларетта вновь улеглась в кровать. Муссолини сел рядом. Шел последний день их жизни.

В четыре часа дня в комнату к Муссолини и Петаччи вошел высокий мужчина в коричневом длинном пальто:

— Собирайтесь, я приехал, чтобы освободить вас.

— Неужели? — воскликнул Муссолини, и ему, ви-

димо, вспомнилось лицо Отто Скорцени в сентябре 1943 года.

У этого не было шрама на лице и вид был какой-то неуверенный. Странная улыбка на уголках губ. Нервные длинные пальцы. Явно не немец...

— И вы тоже поворачивайтесь, — подогнал он Кларетту. — Вам-то ничего не понадобится... Мы обо всем позаботимся... Потом...

Супруги де Мария помахали постояльцам рукой. Она — Кларетта — уходила на высоких каблуках. Он прихрамывал, едва скрывая боль в ногах. То и дело поскользнулся, но ни разу не упал.

Шел мелкий дождь. Сели в автомобиль. Они были рядом. На заднем сиденье. Можно было подумать, что все шло по какому-то плану. Но это была импровизация партизана Аудизио — того высокого с автоматом через плечо. Человека в желтом пальто.

Затем Аудизио, назвавшийся полковником Валерио, велел остановить машину. Приказал Муссолини выходить и взвел курок. (Подлинное имя «Валерио» — Вальтер Аудизио — Италия узнала лишь 23 марта 1947 года.)

Кларетта пыталась помешать, что-то кричала. Аудизио пытался выстрелить, но автомат молчал. Он выхватил пистолет. Но и тот дал осечку. Тогда он взял автомат находившегося здесь же партизана-гарибальдийца Микеле Моретти и застрелил сначала Петацци, а потом Бенито Муссолини, якобы обнажившего грудь и кричавшего: «Целься сюда!»

Все было кончено. Партизаны выкурили по сигарете. Затягивались даже те, кто не курил. Затем погрузили трупы в грузовик, повезли в Донго, по дороге перегрузили Муссолини и Кларетту в фургон для доставки мебели и так повезли в Милан.

Утром в воскресенье 29 апреля добрались до площади Лорето в Милане. В городе были уже установлены американские посты, но «странный транспорт» никто не остановил.

На пьядцале у полуразрушенного гаража и бензо-

заправочной станции трупы свалили на землю. Голова дуче лежала на груди Кларетты.

Какие-то молодые люди по-футбольному ударили дуче по лицу, обезобразив Муссолини. Затем собралась толпа, и люди дали волю своим ожесточившимся чувствам.

Кто-то разряжал свои пистолеты, кто-то просто молча, наблюдал это зрелище. Наконец перешли к повешению гегемонов-иерархов за ноги. Нашли веревки. Первым вздернули Муссолини. Затем всех по очереди. Четырнадцать. Плюс Кларетта Петаччи. Всего шестнадцать. Паволини, Буффарини, Стараче и так далее.

Это — финал. Финал, где точно только последняя сцена повешения. Предыдущие акты имеют многие различные версии. Мы поведали в деталях только две: одну — официальную, приблизительно так изложенную в разной литературе и другую — мое интервью с Микеле Моретти, который утверждает, что это он застрелил Муссолини. И с него я начал мой рассказ.

...Недавно мне довелось побывать на одном аукционе, где продавались вещи-символы, вещи, принадлежавшие разным людям «той эпохи» — двадцатилетнего периода муссолинизма.

— Я об одном сожалею, — заметил человек, сидевший рядом со мной в зале. — Тогда, 29 апреля 1945 года и позже, никому в голову не пришло разобрать бензопилу на площади Лорето и сейчас, почти пятьдесят пять лет спустя, продать по частям с аукциона. Желающих купить много. Вот был бы бизнес...

• • •

Пьяццале Лорето. В каком бы городе Италии ни была площадь с подобным названием, она уже более полувека обязательно ассоциируется в сознании итальянца с той площадью миланского предместья, где были повешены Муссолини, Кларетта Петаччи и четырнадцать фашистских иерархов.

С 1992 года в Италии ежегодно поступают предложения переименовать все существующие пьядцале Лорето (их около 50) в площади Муссолини. Предложения эти пока не проходят, но их сторонники, полные «творческой выдумки», делают новые предложения, которые, судя по всему, где-нибудь да «проклюнутся». Например, в Милане, где к такому предложению особенно благосклонны, а Муссолини назван самым влиятельным итальянцем, оставившим свой след в истории XX века: он был не личностью-победителем, а личностью страдающей и причиняющей страдания другим.

В феврале 1999 года на «программной» конференции партии «Национальный альянс» в Вероне был проведен опрос о значении Бенито Муссолини в истории Италии XX века. Результат был неожиданным. «А может быть, наоборот, ожидаемым», — комментировала печать. 58 процентов респондентов сочли режим Муссолини «хорошим режимом», а 70 процентов в целом положительно отзывались о Муссолини как «о личности в истории Италии». И 80 процентов осудили Муссолини только за то, что он пошел в связке с Адольфом Гитлером. Его участие на начальном этапе Второй мировой войны и главное — против СССР — это было преступление, которое он мог бы еще искупить, если бы после «освобождения» с Гран-Сассо в сентябре 1943 года он ушел с политической арены, не стал орудием или «игрушкой» в руках Гитлера, Гиммлера, Геббельса. Он расправился с членами Большого фашистского совета, назвав их изменниками, врагами, предателями, но они, переходя на сторону союзников, давали и ему шанс, использовать который Муссолини не мог и не смог. Упорно ходили слухи, что Муссолини и семья готовили в 1945 году пути отхода, бегства из Италии.

В качестве доводов в пользу этого предположения приводили разные факты. Поговаривали, что при участии дуче было продано здание и земельный участок, принадлежавший газете «Пополо д'Италия», за значи-

тельную сумму, выплаченную в швейцарских франках. Но при чем тут Муссолини, который не имел подставных лиц в Швейцарии и не держал счетов в банках?

Более того, стремясь отомстить буржуазии за измену, он просчитывал возможности ввести «зародыши социалистической, а не социальной революции в итальянское общество», о чем он думал еще в 1919 году. И не случайно после создания «правительства Сало» Муссолини вернулся к дружбе со старым партнером — «серым кардиналом», экс-коммунистом Николо Бомбаччи, который был в России, когда Юденич начинал наступление против Советской власти, и находился рядом с Лениным. Дуче был под влиянием Бомбаччи, говорил о социалистическом правительстве в Италии, но позиции в войне не изменил.

Все слухи о подготовке эгства Муссолини в Японию, Латинскую Америку не подтвердились. Только старшая дочь Эдда покинула пределы Италии. Но это произошло, когда отец расстрелял ее мужа, она была в состоянии нервного истощения и ей нужно было лечение у психиатров в Швейцарии или где угодно, но вдали от Италии.

Теперь о «словах и делах» Бенито Муссолини. Отношение к евреям, что в 90-х годах стало на Западе важным критерием в оценках политического курса каждого политического деятеля. Не только в кругу семитов, но и среди гораздо более умеренных никогда не простят Муссолини заявления, сделанные в угоду Гитлеру, о том, что евреи — «зараза, которую он готов истреблять огнем и мечом». Но вот только как это делается, он просто забыл.

Муссолини всегда много говорил, но на следующий день забывал, о чем шла речь. Например, он видел «основу всех зол в Ватикане» и при этом сам спас ценности христианского мира, сосредоточенные в Ватикане. Чтобы заставить повиноваться себе, муссолинизму, он готов был насаждать повсюду тактику террора, рабочим угрожал расстрелом за малейшее наме-

рение бастовать — но эти меры не применял. Приветствовал Черчилля и английский колониализм за «изобретение» карательных операций по прочесыванию местности (в России у нас теперь есть словечко «зачистка»), но сам к такого рода маневрам не прибегал. Сплошные противоречия? Да. Множество противоречий. Потому что в Муссолини жило множество «Муссолини»; и Муссолини — фашист, партнер Гитлера, и анархист-философ, так сказать, несостоявшийся Кропоткин; и социалист, державший на столе сочинения Маркса, но которые ему не подошли ни в одной части. Это — и тщеславный полководец, мечтавший о лаврах Наполеона, но провалившийся как в Африке, так и в снегах России; это и непоследовательный атеист и последовательный изменник по отношению к христианским ценностям, интеллигент и парвеню, вельможа и вечный крестьянин, простолюдин... Замечания насчет «многоликости» фашистского лидера в Италии можно продолжить. Но главное: в Италии 1922—1945 годов был он, а все остальное — вокруг него или связанное с ним. «За» и «против». Он был «центром», лидером и все пули — в него!

Это, казалось бы, теперь — история. Но о ней в Италии заговорили вновь, и не с однозначных позиций. Италия Муссолини рухнула тогда, в 1945-м, был уничтожен диктаторский фашистский режим. Но в чем же притягательность Муссолини сегодня? Почему вновь Европа и Италия заговорили о нем?

Сегодня, когда укрепление позиций неофашистских сил многое меняет в политическом мировоззрении некоторых слоев итальянского общества, пытаются доказать, что новая Италия строилась на «насилии и варварстве масс» и казнь Муссолини была не справедливым возмездием, а актом беззакония и террора. По одному из каналов итальянского телевидения был показан фильм, названный «историко-символическим», который ставит под сомнение многое. Утверждается, например, что Муссолини якобы пы-

тался защитить любовницу, которую насильовали партизаны. И был изрешечен пулями. Бытуют самые разные версии, вплоть до самых «патриотических». Но к истории они имеют отдаленное отношение.

И все же многое о Муссолини остается до сих пор неизвестным. Захвачены были партизанами два портфеля с документами. А где они? Есть версия, что они были вывезены в 1946 году в Дамаск. А оттуда? Ушли в неизвестность письма к Черчиллю, пропали в Лондоне. Четыре контейнера с секретными документами сброшены в озеро Комо. И что же? А записи Эдды? И т.д.

Время, понятно, стирает остроту восприятия событий прошлого, пятидесятилетней давности, но не может реабилитировать фашизм, преступления против человечества. И в этом отношении тяжела судьба детей и внуков тех, кто стоял во главе фашистских и диктаторских режимов.

...11 апреля 1995 года в римской церкви на площади Эуклиде (строительство храма было завершено во времена Муссолини) ирландский священник (заметим, не итальянец) отпел Эдду Чиано — старшую дочь Бенито Муссолини. На похоронах присутствовали лишь родные и близкие: братья Витторио и Романо, сын Фабрицио и внучки Алессандра, Адрия, Эдда и Сильвия. И никого из лидеров бывшей неофашистской партии — Итальянское социальное движение. Никто из руководителей ИСД (в Италии аббревиатура — MSI) не пришел в базилику... (Партия готовилась к предстоящей избирательной кампании и не пожелала рисковать ни одним голосом, предпочла под разными предложениями уклониться от участия в панихиде, которая, впрочем, и не могла бы вылиться в какую-либо серьезную политическую акцию.)

И все-таки уход из жизни графини Эдды Чиано-Муссолини (ее похоронили в Ливорно) не прошел без «поклонений» прошлому. Вспомнили ответы Эдды журналистам. Ее спрашивали: «Вы были фашисткой?» Она только вскидывала голову: «Я — дочь своего отца».

Вспомнили, как она отправлялась санитаркой в Албанию, тонула и выплыла, затем поездка на Восточный фронт, в Сталино (Донецк); она была вывезена из российских снегов только по настоянию самого дуче. Послевоенные годы любимая дочь Муссолини проводила между стаканом вина и карточным столом. «Эдда блефовала за зеленым сукном и читала Киплинга», — писала римская газета «Мессаджеро», словно поражаясь стоической твердости старшей наследницы Муссолини.

...Эдда Чиано завещания не оставила. Сын Фабрицио запер на ключ материнский дом на римской улице Фризи. Там осталось немного реликвий, связанных с именем дуче, но в шкафу — главное наследство, возможно, дневники с записями Эдды. Она писала (и много) всегда. По-своему «фотографировала» и комментировала события, высказывала свое отношение к поступкам окружающих ее людей, самого дуче, матери Ракеле, графа Чиано.

Кто первый теперь получит доступ к записям Эдды Чиано? Открыта настоящая охота чтобы заполучить эксклюзивное право на публикацию ее дневников. Ожидаются сенсационные открытия. Что писала графиня до и после апрельских дней 1945-го?

Публикации эти, думается, появятся скоро. Рукописям не дадут залежаться в доме на улице Фризи. Но пока о самой Эдде пришли сообщения из швейцарского федерального архива в Берне. Документы принадлежали доктору-психиатру Андре Репону, под наблюдением которого с января по июнь 1945 года находилась Эдда Чиано, высланная в Швейцарию после расстрела отцом ее мужа графа Галеаццо Чиано. Материалы касаются обстановки в доме Муссолини.

«Жизнь в семье была невыносимой. Отец Бенито и мать Ракеле Гвиди находились постоянно в ссоре. Он — человек нервный, импульсивный, страдавший желудочными болезнями, создавал тяжелейшую обстановку. Она — хозяйка в доме, тоже не обладала боль-

шим терпением, легко возбуждалась и любила, копируя чванливые манеры супруга, высмеивать его не только в семейном кругу».

Отношения между Муссолини и его любовницей Клареттой Петаччи были известны детям и жене диктатора. Эдда и Романо — дети Бенито и Ракеле — высказывали свое резкое мнение отцу, но он лишь выставлял их за дверь.

Эдда — истеричка, алкоголичка, впадала в депрессии и запои, жила в «аду безысходности». В политическую деятельность отца попыталась вмешаться лишь однажды: после ареста Муссолини и содержания его под стражей в августе-сентябре 1943 года в горах на Гран-Сассо. Эдда умоляла диктатора уйти в отставку, но не добилась ничего. К расстрелу мужа — графа — отнеслась спокойнее, чем к запрету семьи в свое время, в молодости, выйти замуж за предпринимателя и зубного врача, которого охранка Муссолини вынудила выехать за границу, в Испанию, где его следы затерялись. Войти в сомнительное родство (профессия, не-итальянская национальность и т.д.) Муссолини не мог. Эдда получила тогда первый удар, и память о нем сохранила на всю жизнь.

«Открытия» же доктора Репона — лишь «штрихи к портрету» диктатора и его семьи; журналисты считают, что нащупаны новые архивные «тракты» к документам империи и проходят они через тайники Швейцарии, Англии, а также Италии, США и Франции.

• • •

...Четыре металлических ящика, затянутые водорослями, каждый весом 25 килограммов, подняты с 50-метровой глубины озера Гарда.

Эти контейнеры пролежали на дне озера с 18 апреля 1945 года. В ту ночь они были вывезены из виллы Фельтринелли — одной из главных северных резиденций Муссолини, перегружены на моторные лодки и сброшены в воду.

Живым свидетелем этой операции остается лишь один человек — 82-летний Франко Кампетти, в прошлом столяр в мастерской при вилле Фельтринелли, выполнявший специальные заказы членов свиты Муссолини и самого дуче.

Старый Франко молчал 48 лет и заговорил только в мае 1993 года. Почему так долго длилось молчание столяра, почему никому не приходило в голову хотя бы на всякий случай обследовать дно озера перед виллой Фельтринелли, почему, зная о пропавшей части сокровищ главы итальянского фашизма, никто не пытался провести расследование именно в этом районе? Ответов на эти вопросы до сих пор нет.

Аквалангисты-карабинеры легко нашли место, указанное столяром, вытащили из воды четыре ящика, передали их отряду корпуса карабинеров из местечка Кастелло Гарньано. Далее находку передали представителям центральной власти в присутствии членов семьи Муссолини.

Журналисты при обнаружении ящиков не присутствовали и не обладали точной информацией, поэтому выстроили несколько догадок. Одни предполагали, что в ящиках находились богатства Муссолини и его любовницы Кларетты; другие считали, что это были контейнеры с оружием и боеприпасами, оставленными в расчете на будущее; третьи — более «политизированные» — утверждали, что в контейнерах секретные документы Муссолини, в частности его переписка с Черчиллем, запись переговоров с деятелями Ватикана, свидетельства о контактах с союзниками, с Алленом Даллесом через посредников в Швейцарии, о попытках добиться сепаратного мира. Были неподтвержденные сведения о том, что Муссолини не исключал установления связей с движением Сопротивления, в первую очередь делал ставку на представителей социалистов. Многие из этого имеет косвенные доказательства, и не все содержится в бесчисленных томах, собранных в государственном центральном ар-

хиве в Риме, в квартале ЭУР. Я же не думаю, что гарибальдийцы могли пойти на переговоры с дуче. Но среди партизан были не только ярко-красные...

Все гипотезы журналистов, зря дежуривших на берегах озера Гарда, не подтвердились. В ящиках не оказалось ни секретных документов, ни боеприпасов, ни сокровищ. Только «историческая пустота»... Но поиски потерянных писем, например, к Черчиллю, продолжаются, ибо из этих писем можно узнать многие тайны XX века, Второй мировой войны.

Известно, что в феврале 1945 года Муссолини приказал сделать по три копии двухсот секретных документов — среди них переписка с Гитлером, Бадольо, папой римским, королем Витторио Эмануэле, а также с Черчиллем, с которым он поддерживал контакт через тайных агентов разведывательных служб. Где все эти оригиналы и копии?

Существуют предположения, будто личная охрана Муссолини в апреле 1945 года возила на грузовике в двух чемоданах секретные документы дуче. Одни исследователи утверждают, что эти документы попали в руки партизан при аресте Муссолини и других главарей итальянского фашизма. (Урбано Ладзаро — партизанская кличка Билл — заявлял, что якобы он сам видел эти документы, и было их около трехсот.) Но затем чемоданы с бумагами пропали: о них в пылу победной эйфории никто просто не позаботился. Могло ли быть такое?

Возможно, но маловероятно. Если допустить, что партизаны не придали особого значения двум «коричневым чемоданам», то такой оплошности никогда бы не совершили кадровые английские разведчики, первыми из союзников вышедшие на контакт с партизанскими командирами. И не случайно высокопоставленный чиновник разведывательного департамента при МИД Англии докладывал 11 июня 1945 года в Лондоне о том, что важные документы Муссолини захвачены и находятся в руках англичан. Но где они?

Не отбрасывается и третья версия: Муссолини приказал охране или закопать секретные документы, или утопить чемоданы на дне озера Комо, а с ним «путешествовали» по дорогам Северной Италии два коричневых чемодана-«двойника». Дно озера специалисты проверили до сантиметра, обыскано за десятилетия все, что возможно. И вновь — только неизвестность, одни предположения...

Исследователи отыскивали еще одну сенсационную «деталь», подвергают ее тщательной обработке, изучают архивы. В июле 1945 года Уинстон Черчилль проиграл на выборах и решил взять отпуск. Поехал он отдыхать в Италию. Эттли предоставил великому политику специальный самолет, и тот направился не в Рим, а на берега озера Комо. С кистью и холстом, чтобы писать послевоенные итальянские пейзажи. При этом особенно влекли «человека с сигарой» те живописные места у озера Комо, где еще недавно проходила колонна немцев и охрана с Муссолини. Случайность, совпадение, «туристическая любознательность» или поиск чего-то? Можно сразу взять под сомнение саму вероятность «поиска»: вряд ли великий Черчилль снизошел бы до уровня рядового сыщика-любителя. Но загадка остается: что хотел узнать на берегах Комо Уинстон Черчилль, почему и зачем расспрашивал бывший премьер директора отделения банка «Карипло», который был якобы хорошо информирован о документах Муссолини? Исследователям есть еще чем заняться. Но пока все стоит перед фактом: переписка Черчилля и Муссолини неоспоримо существовала, следы же ее нигде не проявляются... И это тоже неразгаданная тайна.

Тайны вокруг Муссолини можно условно разделить как бы на две основные группы: первое — куда пропали «личные» ценности дуче, которые вывозились на грузовике 25 апреля 1945 года из Милана, следовали в конце колонны и боевого охранения, и второе —

где большие коричневые чемоданы и контейнеры с архивами лидера итальянского фашизма?

Домыслов множество. Появилась и такая версия, будто гарибальдийцы из 52-й бригады (командир под псевдонимом Педро, комиссар Пьетро, начштаба Нери), захватившие все «золото Донго» (по названию селения), передали в 1946—1947 году часть драгоценностей секретной военной организации, поддерживавшей связь с русской миссией в Милане на улице Маттеотти в доме № 10.

Версия невероятная, но очень живучая, коль всплыла пятьдесят пять лет спустя. Вопрос: кому это выгодно и зачем?

Сенсацией стал обнаруженный дневник партизана Билла (подлинное имя — Урбано Ладзаро). В записях прослеживалось, как «исчез» вечером между 19 и 20 часами 25 апреля 1945 года грузовичок с ценностями Муссолини. Приводится детальный перечень всего, что «пропало» при аресте дуче. А где две шубы Петаччи, которые она несла перед расстрелом? Документы, интересующие историков, журналистов, писателей и некоторых политиков, пущены с молотка 3 декабря 1996 года и вновь бесследно исчезли...

Итак, ищут документы, ящики, портфели, даже шубы. Ищут предметы, факты, но ищут и память. В Италии берегут память об ушедших из жизни, ищут и стремятся возвращать на родину останки погибших на чужбине. Берегут и память о солдатах, павших в те теперь далекие годы войны. Теперь мы восстанавливаем в деталях все, что произошло после того, как утром 22 июня 1941 года, дуче, едва разбуженный Ракеле, отдал приказ об отправке итальянского корпуса на русский фронт.

ГЛАВА IX

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

В римском храме Святой Марии и Ангелов прелат монсиньор Пинтонелло, полковой священник во времена Второй мировой войны, капеллан, хоронивший итальянских солдат на русском фронте, провел необычную мессу.

На полу в форме креста, покрытого трехцветным итальянским флагом, составлены основанием к алтарю 157 ящиков с останками солдат, ушедших более 55 лет назад на русский фронт и «вернувшихся» в Италию только в 1997-м...

Уже многие годы в России шел розыск останков итальянских военнослужащих, погибших во время военных действий или находившихся в плену. В 1996 году итальянскому центру ветеранов войны российской стороной был передан список и документация из архивов бывшего КГБ обо *всех* итальянских военнослужащих и пленных, находившихся на территории СССР. Останки же погибших продолжают разыскиваться и возвращаются в Италию. Это — акт гуманизма, умения затягивать старые больные военные раны.

РОЗЫСК ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПАМЯТЬ НЕ УМЕРЛА...

Я нередко задавал себе вопрос: почему тема поиска захоронений итальянских военнопленных, солдат и офицеров итальянского экспедиционного корпуса, погибших на Восточном фронте во время Второй мировой войны, стала «моей темой», предметом журналистского и человеческого поиска? Возможно, потому, что полюбил Италию и итальянцев, встречался с теми, кто воевал против России, Советского Союза и стал, как ни парадоксально, другом моего Отечества.

Режиссер Андрей Тарковский, живший в Италии, как-то сказал: «Художник не станет искренним до тех пор, пока в своем труде не пронесет боль погибших через собственное сердце». Мне близки и понятны эти слова. Мой отец — тоже Михаил Ильинский — погиб в ноябре 1941 года. И я не знаю, где его могила... Была война...

В детстве я видел колонны военнопленных: немцев, итальянцев, румын. Тогда в наших глазах кипела ненависть. В сердцах — пламя отмщения. Даже детские руки сжимались в кулачки. Все это было по тем меркам, далеким временам войны, крови, лишений, —

справедливо. Шла самая суровая, жестокая война, вырвавшая многие десятки миллионов жизней.

В 1946 году под Рузой через колючую проволоку один военнопленный протянул мне вырезанную из ветки дерева дудочку и взамен попросил кусок хлеба. Я взял дудочку, отдал последнюю четвертинку хлеба и, спрятав «инструмент» под рубахой, бежал. Бежал, словно совершил что-то незаконное, предательское.

...Через многие годы тема военнопленных сделалась и моей. Продуманной, выстраданной. В марте 1988 года я написал статью «Забвению не подлежит» о том, как итальянские военнопленные были уничтожены гитлеровцами под Львовом. Тогда я знал лишь одну сторону дела. Еще были закрыты архивы КГБ, и мало кому было известно, что каждый третий итальянский военнопленный, не вернувшийся домой, погиб в бериевских лагерях.

В римской военной прокуратуре скрупулезно собирались данные, связанные с судьбой итальянских военнослужащих, не вернувшихся с полей сражений, прошедших концлагеря и многие другие испытания во время Второй мировой войны.

Из 200 000 итальянских солдат, отправившихся на Восточный фронт, 80 079 не вернулись домой. Эти данные известны с 1957 года. Затем были внесены многие уточнения, позволяющие итальянским семьям получить более полные (пусть трагические) сообщения о погибших родных и близких.

В раскрытых архивах КГБ находилось четырнадцать тысяч томов, в которых была «запечатана» судьба 50 тысяч итальянских заключенных. 27 тысяч из них, как сообщала итальянская печать, погибли в концлагерях. В сохранившихся «делах» — фотографии, личные письма, признания, исповеди.

Многие и многие оказались зачисленными в «без вести пропавшие». Почти полвека спустя открылось то, что, казалось бы, погребено навсегда.

Прежде на многочисленные запросы итальянцев со-

ветской стороной давался ответ, что районы, где находились так называемые «полевые захоронения», в буквальном смысле перепаханы и, кроме того, в послевоенный период подвергались интенсивному «сельскохозяйственному и промышленному освоению». Это было так — и не совсем так. Римской военной прокуратуре были доподлинно известны главные места захоронений итальянских военнопленных. Прах многих теперь вернулся на родину.

...Мне позвонила супруга художника из Болоньи Энрико Визани. Прах ее старшего брата, погибшего в 1943 году, возвращен в Эмилию-Романью. Она благодарила за помощь... И сколько было таких звонков, телеграмм, писем. Чтобы ответить на них, я проводил многие часы в римской военной прокуратуре, занимавшейся поисками без вести пропавших.

Но судьбы многих итальянских военнопленных оставались неизвестными. Время постепенно раскрывало некоторые страницы истории. Вот что мне писали, например, из Саратова: «Однажды зимой 1943 года учительница из Вольска Ираида Алексеевна Клементьева (она до недавнего времени, кажется, жила в Вольске) приехала на станцию и обратила внимание на зловещую тишину. В эшелоне, прибывшем из Сталинграда, находились не раненые, а мертвые. Тела, прижатые друг к другу, смерзлись так, что их не могли разъединить. Так и выносили из вагона — по два, по три складывали неподалеку в штабеля.

Несколько дней спустя учителя заметили, что школьники обмениваются какими-то открытками и фотографиями. На них — виды Рима, Неаполя, Генуи, портреты и семейные снимки красивых черноволосых людей. Тогда и догадались, что замерзшие из эшелона — итальянцы».

Лишь много лет спустя в архивах управления внутренних дел нашли имена 13 итальянцев, захороненных под Вольском. Аймонс Джованни Антонио (1919); Луиджи Винтенер Товани (1921); Вакадо Антонио Витто

(1919); Колумбано Джованни (1921); Маркизо Доминико (1916 или 1919?); Нобили Карло (1918); Панцере Пиорино Марио (1922); Париджано Паскуале (1911); Пантимос Паскуале (1918); Томазелли Антонветто (1922)... Написание имен и фамилий было сделано по-русски, судя по всему, человеком, который не знал итальянского языка, но, тем не менее, появилась основа для поиска, розыска.

Другое письмо. Оно пришло из подмосковного города Долгопрудный от Д.В. Чигринова. В начале 1943 года ему было 17 лет, и вот что он вспоминал:

«После того как итальянские военнослужащие попали в плен, с ними случилась настоящая трагедия. Их гнали на станцию Калач через Дон по селам Андреевка, Белогорье, они были слабые, голодные. Стоял страшный мороз. Многие из них остались лежать на льду Дона и в поле. Тех, кто падал и не мог подняться, добивали конвоиры из состава НКВД. А когда сельские жители пытались дать итальянцам картошку, хлеб, конвоиры отгоняли их с руганью и словами: «Вы что, фашистов спасаете?»

Итальянцев приходилось хоронить нам самим. Я могу и сейчас показать те места, где были зарыты тела. Это около Андреевки: там мы похоронили 8 человек. А на дне Дона, по моему мнению, их лежит около 150».

В несколько другом тоне прислал заказное письмо ветеран войны и труда В.И. Елькин из Кирова. Он вспоминает: «В конце февраля на разъезде Белушкино сформировали эшелон для военнопленных. На каждой станции охрана вскрывала запертые вагоны, и живые выносили мертвых товарищей. Едва ли многие добрались до Центральной России. Воинское обмундирование было такое, словно они собирались не в Россию, а в Эфиопию.

Несмотря на плачевный вид итальянцы мне запомнились общительными и добродушными. Пригласим их к костру, они отогреются и запоют что-нибудь душещипательное. Думаю, что если потом кто-то из них

и попал в ГУЛАГ, то это могли быть единицы, по какой-нибудь случайности...»

Количество писем увеличивалось. Я надеялся, что их содержание заинтересует российского и итальянского читателя. Откликнулся профсоюзный деятель из Ломбардии Вальтер Гамбузера. Он позвонил мне и сказал, что рассчитывает открыть в Милане небольшой музей, в котором хотел бы собрать личные вещи, письма, фотографии — все, что осталось от бывших итальянских военнопленных в России. Идея гуманная, необходимая всем: и итальянцам, и русским, и украинцам. Память о погибших не должна умереть. Я стал собирать документы, но эта идея заглохла.. Но не заглохла наша человеческая дружба, поиски и понимание истинных начал.

• • •

Италия с благодарностью восприняла гуманитарные действия России по розыску и возвращению на родину останков, документов, личных вещей итальянских военнослужащих, погибших на Восточном фронте и в лагерях для пленных на территории СССР. В Италии в местах перезахоронений (Триест) установлены памятники, родственники получили точные сведения о своих близких, «когда-то без вести пропавших на русских полях». Это — одна сторона памяти.

Но есть и другая, негативная. Ее в итальянской печати назвали «новым историческим открытием» на основе архивных документов, ставших достоянием гласности. В новых исследованиях по материалам института истории итальянского движения Сопротивления и ряда московских рассекреченных архивов на первый план вышла, на мой взгляд, странная цель-задача: не борьба и разоблачение преступлений фашизма введшего человечество в огонь Второй мировой войны, а представление в самых мрачных красках тех условий, в которых оказались итальянские и другие солдаты на Восточном фронте и в плену. Там они подвергались

интенсивной идеологической обработке: «Красная Армия, — сделала вывод Марина Росси, исследователь из университета Триеста, — завербовала и подготовила в период 1941—1944 годов две тысячи солдат из числа итальянских военнопленных. Они прошли курсы идеологической муштры. Из них была сформирована воинская бригада, способная сражаться вместе с союзниками против немцев. В бой итальянцы не были брошены, и в 1946 году вместе с 11 тысячами других военнопленных вернулись в Италию. В плену и во время подготовки итальянские солдаты делали разные заявления, распространяли листовки вместе со своими фотографиями. (Это происходило полвека назад. Что подумают об этом наши современники, если эти документы будут обнаружены и опубликованы?)»

В Новаре, на Севере Италии, писала газета «Мессаджеро», прошла выставка «Между фашизмом и демократией». Представлены свидетельства о том, как в лагерях военнопленных действовали секретные агенты Коминтерна, внедрялись «пропагандисты», руководимые коммунистическими лидерами. Пальмиро Тольятти возглавлял «итальянские» издательские службы.

Это — одни «открытия». Исследования продолжаются.

Одновременно в печати прошла и другая информация на старую шпионскую тему. Один московский историк, предпочитающий не называть своей фамилии, передал «Стампе» копию «секретнейшего документа», из которого следовало, что в лагерях для военнопленных оперативные работники советских органов внутренних дел вербовали агентуру для дальнейшего использования в послевоенный период на Западе. Только с 1 апреля по 31 декабря 1944 года было завербовано 5214 агентов. Среди завербованных — 3402 немца, 1194 румына, 226 венгров, 359 итальянцев и так далее.

Из 359 итальянцев на «должность шпионов» окончательно отобрано 164. В лагере номер 48 с оперативниками сотрудничали даже три итальянских генера-

ла. «Жизнь в обмен на измену» — выносила в подзаголовок миланская газета «Коррьере делла сера». В распоряжении газетчиков документ под номером 2800/4925 от 1 сентября 1943 года, где в качестве информаторов ведомства Лаврентия Берия назывались генералы Баттисти, Риканьо и Пасколини. В протоколе нет ни одной фразы, которая бы говорила об «измене» генералов. В погоне за сенсацией «Коррьере делла сера» явно сгустила краски. Вот что написано в документе, например, о генерале Баттисти: «Это — патриот, заинтересованный в поражении гитлеровской Германии. Он не фашист и не связан идеологически с немецким фашизмом. Всеми своими силами готов помочь СССР в борьбе против Германии» (Баттисти не был коммунистом. После войны он голосовал за крайне правую партию — итальянское социальное движение (ИСД — неофашисты). Ему принадлежат слова: «Если бы Италия не вышла из войны, то к власти пришли бы большевики. А это недопустимо».)

• • •

Но продолжим тему о пропавших без вести. Чтобы больше без вести не пропадали. Возвращение на родину останков военнослужащих, павших на фронтах Второй мировой войны, и военнопленных, умерших в лагерях, — задача сложная, дорогостоящая, но проблема общая, интернациональная, гуманитарная, отвечающая интересам народов Европы, Америки, Азии, Австралии.

Многие десятки тысяч итальянских семей после 1945 года не имели сведений о местах захоронений своих родных и близких. У многих не осталось надежды. Но теперь невозможное еще несколько лет назад стало не только возможным, но и осуществленным. Останки нескольких тысяч итальянских военнослужащих, погибших в России, на Украине и в Белоруссии, уже вернулись на родину. Итальянская организация памяти павших при министерстве обороны

провела церемонию, чтобы воздать должное всем, кто способствовал и способствует выполнению этой гуманитарной миссии. Но это лишь один аспект деятельности.

В поисках мест захоронения итальянских военнослужащих и военнопленных вместе с официальными организациями на территории бывшего СССР участвовали представители созданных отделений общества милосердия, частные лица.

Во Флоренции проходил международный симпозиум общества милосердия, на котором были представлены многие сведения о судьбе бывших итальянских военнопленных в Советском Союзе. Из секретных архивов Москвы получены 13 583 фамилии итальянцев, погибших и захороненных на территории Советского Союза. (О них прежде не сообщали военные ведомства.) Обнаружена карта, на которой обозначен 101 кладбище, где погребены итальянские военнопленные (в Тамбове — 6864 человек; во Владимире — 728... В Узбекистане — 97...)

Представитель российской организации милосердия сообщил для итальянской печати, что в московском архиве содержатся сведения о примерно 64 тысячах военнопленных. В документах содержались все данные о военнопленных: вплоть до цвета глаз и волос, медицинские освидетельствования, причины смерти и место захоронения. (С точностью советских бюрократов, комментировала римская газета «Република», бюрократов, «умевших все держать в порядке и в строжайшем секрете».)

Вот, например, как выглядела «выжимка» из одного личного дела, на рядового Архимеде Риккардо Гораччи, находившегося в лагере № 29. «Взят в плен в канун Нового, 1943 года. Поступил в лагерь 12 июня 1943 года. До армии — крестьянин. Призван под знамена фашистской Италии в 1939 году. Женат на 30-летней Сантине Бартолоцци. Имеет двух детей: Энцо трех лет и Манилу шести лет.

В лагерь поступил с ослабленным здоровьем. Два года спустя, 3 июня 1945-го, помещен в госпиталь лагеря № 3. Скончался на следующий день...»

Репортаж в «Республике» под заголовком «Эти 13 тысяч солдат из экспедиционного корпуса «АРМИР» умерли в сталинских лагерях», а также другие публикации с флорентийского симпозиума прочитали сотни тысяч итальянцев. Их отношение к публикациям? Понимание и осуждение тяжелейших последствий войны. Сострадание, гуманизм, милосердие — великая миссия всех времен и тем более нашего современного мира «без конфронтации двух систем». Итальянцам возвращались имена павших соотечественников: дело для нации, безусловно, святое, важное, выстраданное. И Россия способствовала этому.

Милосердие потому и милосердие, что не требует ничего взамен. Милосердными должны быть все. Только ни одной строкой в печати здесь не отмечены судьбы военнопленных из России, Украины, Белоруссии, Узбекистана, людей разных национальностей из СССР, погибших в Западной Европе, в фашистских концлагерях. Параллельно ни слова о советских воинах, сражавшихся и погибавших в Италии. Конечно, о русских героях в Италии известно немало. Но о них не вспомнили в связи с этой важной политической кампанией. Кому-то это явно было не по вкусу или пропагандистски выгодно. В духе минувшей «холодной войны».

• • •

Самолет «С-130» итальянской военно-транспортной авиации доставил из Подмосковья в Ронки — аэропорт Триеста необычный груз. Его встречали самые высокие официальные итальянские лица.

На борту авиалайнера — останки 1528 итальянских солдат и офицеров, павших на полях России и Украины, а также погибших в концлагерях не только на территории СССР, но и в Германии.

— После долгих и упорных поисков и надежд, — заявил в Триесте священник монсиньор Марра, — на родину вернулись останки итальянцев, павших во время Второй мировой войны, участников трагической «экспедиции» в Россию. «Возвращение» павших стало возможно благодаря разрядке, духу взаимопонимания и сотрудничества, развивающемуся в Европе, конструктивной политике России.

Информация собрана самая разная. Есть и такая: всего 40 тысяч из примерно 200 тысяч итальянцев, брошенных на «русский фронт», вернулись живыми домой. 11 872 были убиты на полях сражений в России и на Украине, 70 275 — пропали без вести. Еще в 60-х годах говорили о передаче итальянской стороне останков погибших, но по многим причинам переговоры затягивались.

Только в декабре 1990 года была впервые проведена церемония передачи итальянской стороне останков Неизвестного солдата. Это была не политическая акция, а гуманный жест, высоко оцененный итальянским народом. В ноябре 1991 года были доставлены из России в Италию останки 1279 итальянских военнослужащих, уже опознанных и возвращенных семьям. Тех, кого не запросили родственники, перезахоронили в Храме поминовения в североитальянской провинции Удине.

В 1992 году из Москвы и с востока Германии уже прибыли останки 379 итальянцев: их имена — на памятной доске в городе Бари.

— Передача останков, — заявляли в беседах со мной представители министерства обороны Италии, — свидетельство укрепления политики мира, демократии, уважения прав человека и народов на Европейском континенте. Нам нужно всем вместе сделать все возможное для уничтожения настроений, порождавших ненависть, взаимное недоверие, конфронтацию. Ни сталинизм, ни муссолинизм тех лет больше не подходят ни Европе, ни человечеству.

И еще следует напомнить, что война предполагала, а люди располагали. Судьба военнопленных итальянцев в России была трудной, но были еще пленные итальянцы-«союзники», которые гибли от руки гитлеровцев. И вокруг этой темы долгие годы была полная тишина.

«Под Львовом не было никаких массовых расправ над итальянскими военнопленными, учиненных гитлеровскими фашистами». К этому выводу пришла следственная комиссия, созданная в феврале 1987 года министерством обороны Италии. Комиссия завершила свою работу, подписав два документа, утверждающих, что никаких письменных и других достоверных свидетельств не сохранилось. А значит, не было зверских расправ, не было уничтожения гитлеровцами в концлагерях итальянских военнопленных... Так ли это?

...В небольшом горном селении, неподалеку от города Удине на севере Италии мне довелось провести вечер среди бывших партизан, бойцов движения Сопротивления, сражавшихся против немецко-фашистских захватчиков. Они вспоминали о событиях более чем полувековой давности, рассказывали об отгремевших сражениях, о жестокостях войск СС на территории Италии. Я записал в свой журналистский блокнот слова Джорджо Веккини:

— В борьбе против нацизма десятки тысяч итальянцев погибли, пропали без вести не только на нашей земле. Многие итальянцы отказывались воевать на стороне фашистской Германии, не строили фортификационных объектов, не участвовали в карательных операциях. Среди них были не только солдаты, но и старшие офицеры, генералы, представители разных слоев итальянского общества. Судьбы многих по сей день неизвестны. И весьма странной выглядит пассивная позиция наших компетентных органов, практически не прилагающих усилий для розыска павших. Более

того, есть и такие, которые упорно тормозят всякие поиски.

Мысль бывшего партизана Веккини совпадала с вопросом, который задали представители общественности Италии: почему топталось на месте расследование «львовского дела» — оставались невыясненными обстоятельства расправы спецотрядов СС над итальянскими военнопленными под Львовом? И, наконец, почему подписанное следственной комиссией «заключение» не имело ничего общего с фактами?

Кому-то, видимо, выгодно не ворошить прошлое. Я обратился с просьбой об интервью по «львовскому делу» к заместителю министра обороны Италии. Но пока ждал, разразился очередной правительственный кризис. Кабинет министров ушел в отставку. Интервью не состоялось... А между тем становились известными новые факты злодейских преступлений нацистов.

Итальянская печать, опираясь на данные, поступившие из Польши, сообщила о том, что в концлагере в Демблине — юго-восточнее Варшавы — немецко-фашистские каратели, войска СС уничтожили тысячи итальянских солдат и офицеров — всех, кто отказывался воевать на Восточном фронте и сотрудничать с нацистами. Военнопленные находились в шести отсеках концлагеря крепости Демблин.

Сначала в концлагере было 2507 итальянских военнопленных. Затем к ним прибавились еще 7765. Их заставляли рыть подземный туннель, в котором они и были заживо погребены...

Польские компетентные органы еще в апреле 1991 года предоставили в распоряжение Рима документы о судьбах итальянских военнопленных, находившихся в 132 гитлеровских концлагерях на территории Польши. Но представитель официального Рима, писала газета «Унита», заявил, что «это Италию не

интересует». Позже появились конкретные данные о расправах гитлеровцев над итальянцами в Демблине. И что же? Реакция примерно та же.

На страницах ряда газет, в программе телевидения появились явно тенденциозные выступления. Их цель: замять и «размыть» демблинское дело. «В концлагерях содержались не только итальянцы, но и представители других наций. Что касается итальянцев, то они, мол, в концлагере Демблин находились в 1943—1944 годах, страдали от голода, холода, блох, но вот чтобы гитлеровцы чинили расправу...»

Пролить свет на эту историю могли бы архивы, хранившиеся в ФРГ и Западном Берлине. Однако несколько десятков тысяч материалов... исчезли из западно-германских архивов. По некоторым данным, таких документов было более восьмидесяти тысяч. Кто и куда сумел вывезти эти секретные архивы? Опять тайна. Случайно ли это? Нетрудно догадаться, что какие-то силы заинтересованы в том, чтобы замести следы преступлений фашистов не только против народов Восточной Европы, но и против народов государств Западной Европы, стран, входящих в Атлантический блок. В стане НАТО лучше не ворошить прошлое. Особенно его «неудобные стороны».

В итальянской печати появилось еще одно сообщение. На этот раз оно пришло из Греции. Железнодорожник Такис Паненгелопилос рассказал журналисту Никосу Политису о том, как погибли в октябре 1944 года сотни итальянских военнопленных. Их уничтожил немецкий истребительный отряд. Железнодорожник лично видел, как сорвался в пропасть с высоты 120 метров состав с итальянскими военнопленными. Внизу гремели взрывы...

Какие именно итальянцы были в поезде? Почему пришел состав с военнопленными? Кто дал приказ об уничтожении поезда? Все эти вопросы пока остаются без ответа. Я больше не задавал вопрос: «Почему?»

Слава Богу, что в итальянских городах и селениях установлены памятные доски, стелы, на которых начертаны имена павших за освобождение Италии.

•   •   •

Правительства республик из состава бывшего СССР подтвердили, что принимают на себя обязательства по соглашению с Италией от 23 апреля 1991 года о статусе мест погребения итальянских военнослужащих в бывшем СССР и советских военнослужащих и гражданских лиц в Италии, погибших во время Второй мировой войны.

«Коррьере делла сера» опубликовала карту, на которой указаны кладбища и места захоронений. Данные из архивов Лубянки: в Тамбове погребено 6846 итальянских военнослужащих, в Кирове — 1136, в Саратове — 1084, в Иванове — 922, во Владимире — 928, в Нижнем Новгороде — 520, в Одессе — 429... В сентябре 1991 года итальянская сторона получила разрешение перевезти на родину останки 200 солдат третьего и шестого стрелковых полков, погибших в боях на Дону. Оpozнание не было трудным. Капелланы при каждом погребенном укладывали в могилу бутылку с документами солдата...

От бывших советских военных в 1989—1992 годах я получал письма, в которых приводились некоторые данные (копии я отсылал в Милан Вальтеру Гамбузера).

«Во время Великой Отечественной войны в плен было захвачено около 50 тысяч итальянских военнослужащих, — писал полковник Виктор Иванов. — Основной приток военнопленных пришелся на конец января — начало февраля 1943 года, когда под Сталинградом, вместе с 6-й и 4-й танковой немецкими, 3-й и 4-й румынскими, была окружена и разгромлена и 8-я итальянская армия.

Командование окруженной группировки длительное время отклоняло предложение о капитуляции. Находящиеся в «котле» солдаты гибли от голода и болезней. Они умирали от дистрофии и после капитуляции — в лагерях и госпиталях для военнопленных.

На советской стороне Восточного фронта лагерями для военнопленных ведало Главное управление по делам военнопленных и интернированных — ГУПВИ НКВД СССР. ГУЛАГ никакого отношения к лагерям военнопленных не имел.

Нормы довольствия военнопленных, официально утвержденные ГУПВИ 29 июня 1941 года, предусматривали для одного человека в день 600 граммов хлеба, 90 граммов крупы, 10 граммов макарон, 40 граммов мяса, 120 граммов рыбы, 20 граммов растительного масла, 20 граммов сахара, 600 граммов картофеля и овощей, чай, перец, лавровый лист, соль, мыло, спички, махорку...

Сливочное масло в 1943 году для москвичей было большой редкостью. В ходу были главным образом маргарин и комбижир. Но некоторые пленные — особенно ценные — получали масло. Если бы такой паек могли давать на той стороне всем взятым в плен советским солдатам...

Смертность среди военнопленных, захваченных под Сталинградом, была очень высокой. Многие — и немцы, и итальянцы — умирали на второй-третий день после доставки в госпиталь. У них не было сил даже для того, чтобы назвать советским медикам свое имя, и они были похоронены безымянными...

Каждый третий итальянец, не вернувшийся с Восточного фронта, погиб не в ГУЛАГе, а в лагерях или госпиталях для военнопленных, и большинство из них — в первые дни после капитуляции 8-й итальянской армии под Сталинградом».

«Я, как участник боев с немецко-итальянскими захватчиками, — писал мне в «Известия» Д.Н. Чигринов, — хотел бы поделиться своими впечатлениями о

действиях итальянцев и об отношении к ним наших воинов. В июне 1942 года 1-я стрелковая дивизия, а в конце войны 58-я гвардейская ордена Ленина, Краснознаменная, ордена Суворова Красноградско-Пражская стрелковая дивизия (это ее бойцы встретили американцев на Эльбе) заняла оборону по левому берегу реки Дон.

Противник окопался на правом берегу реки. В первую линию обороны немцы поставили итальянцев, а сами отошли от передовой на 1—1,5 км. Река Дон стала линией фронта. Итальянцы, находясь в обороне против 412-го стрелкового полка, не вели активных боевых действий. Нередко кричали: «Русь, не стреляй, почитай нам сводку Совинформбюро о боях за Сталинград». Тогда из окопа вылезал командир роты старший лейтенант Осипов Михаил Иванович, будущий Герой Советского Союза, и читал им сводку. Когда обстановка обострялась, итальянцы кричали с правого берега: «Русь, уходи, идут немцы!»

Никто из сторон не нарушал временного перемирия. Я был очевидцем происходившего. В то время рота, где я был политруком, поддерживала минометным огнем роту Осипова. Так продолжалось до декабря 1942 года.

16 декабря 1942 года, выполняя приказ командования, дивизия прорвала оборону противника на одном из участков Дона, при этом понесла большие потери.

Продвигались с боями к городу Миллерово... Навстречу 412-му полку двигалась колонна пленных итальянцев. Примерно 500—600 человек. С ними был ехавший верхом на лошади итальянский генерал. В хвосте колонны тянулись повозки с ранеными и обмороженными итальянцами, и никто их не расстреливал».

«МАМА, ОТЗОВИСЬ!»

Давно отгремела Вторая мировая война. Но время не зарубцевало шрамы в сердцах многих людей. В Милане и Комо, Флоренции и Неаполе я встречал многих бывших партизан — бойцов итальянского движения Сопротивления, которые стремились разыскать своих советских товарищей по оружию. Им они обязаны собственной жизнью. Например, флорентийские партизаны разыскивали Арама Вартаняна из Ленинкана. На моем столе пожелтевшая фотография Вартаняна из тех далеких сороковых годов. Жив ли он? Бойца-героя помнят бывшие флорентийские партизаны, спасшие от разрушения многие величайшие произведения Данте и Микеланджело, Леонардо да Винчи и Вазари.

Из писем, которые находятся в моем распоряжении, выделил бы одно. Его нельзя читать без волнения. Письмо пришло из Милана от Стефано Марио Синискалки. «Я обращаюсь к тебе или к неизвестному другу, который знает твою историю и передаст тебе об этом письме, — писал Марио Синискалки. — Я твой сын, который давно ищет тебя. Ты познакомилась с моим отцом, итальянским моряком, находясь в плену в Берлине. Вы работали на заводе «Данцеб Квант». Я родился уже после войны, 10 января 1946 года. Храню одну фотографию, где ты держишь меня на руках. Мы с тобой так мало жили вместе. Всего месяцев шестнадцать. Судьба разлучила нас в апреле 1947 года. Уже прошло много лет, но стремление хоть на миг увидеть тебя не покидает меня. Я терзаюсь, но это, наверное, не входит ни в какое сравнение с перенесенными тобой страданиями. Война жестока. От нее страдают все. Если я найду тебя, то буду вознагражден за поиски. Тебя зовут Екатерина Шанина (возможно, Санина), и, насколько я знаю, ты родилась в Харькове в 1922 году. Мама, отзовись! Заранее искренне благодарю всех, кто мне поможет в поисках матери».

Десятки людей в генконсульстве СССР в Милане, а также в Союзе обществ Красного Креста и Красного Полумесяца стремились оказать помощь в поисках матери Марио.

...И мама отозвалась.

...С 47-го года Стефано Марио Синискалки был разлучен с матерью. Трагедия, каких война и послевоенная бесчеловечность породили множество. Ребенок, рожденный в Германии, в неволе, был позором. Страх перед расплатой заставлял молодых матерей оставлять младенцев у чужих людей. Но Катя сына не бросила — его у нее отняли. Отцом ребенка был пленный итальянец. Она собиралась к нему в Салерно. Ее же отправили на родину, а мальчика отнесли на вокзал и подкинули итальянцам, возвращавшимся из Берлина домой...

Всю жизнь он искал свою русскую маму. К бесчисленным обращениям прикладывал письмо к ней: «Где ты? Я храню фотографию, где ты держишь меня на руках. Сегодня я взрослый, отец двух детей, и хорошо понимаю, сколько любви и нежности ты отдала мне. Жестокая судьба оторвала меня от тебя. Я терзаюсь, хотя, наверное, мои страдания ничто по сравнению с твоими».

Кто только не пытался помочь ему — советский генконсул, мэр Харькова (Екатерину фашисты угнали из Харьковской области), управление розыска Советского Красного Креста. Наконец, газета «Известия»...

В 1989 году была напечатана моя заметка — корреспондента «Известий» в Италии, затем о Марио Синискалки упоминалось в статье «Я не знала, что я русская...» (№ 98, 1989 год). Все мы искали Екатерину Шанину.

После статьи пришло письмо из Караганды от Е. Генце: «Я знала эту женщину. Нас вместе везли этапом в лагерь, где мы отбывали свои «десятки». Ее фамилия не Шанина, а Ханина».

Так и нашлась мама Стефано Марио.

Сейчас мать живет у сына в Милане.

Но это одна сторона истории, оставленная Италией, России, Европе Второй мировой войной. Есть и другая. До сих пор находятся в разных странах документы о преступлениях гитлеровцев. Отыскиваются уже, видимо, последние гитлеровцы, чинившие свои преступления в Италии и других странах. Возмездие свершается.

СЕФАЛОНИЯ — КОРФУ. «ЗАБЫТЫЙ РАССТРЕЛ»

Итальянские солдаты тысячами гибли от руки нацистского союзника и военного партнера. Вот что стало известно только в сентябре 1999 года.

...Красивый греческий остров Сефалония — одно из излюбленных и недорогих мест отдыха, где проводят летние отпуска многие итальянцы со средними финансовыми возможностями. И им невдомек, что этот живописный ухоженный островок в Ионическом море был местом гибели итальянских солдат, расстрелянных гитлеровцами.

Перемирие от 8 сентября 1943 года с армиями антигитлеровской коалиции застало многих итальянских военных за рубежами Италии, на Балканах — в Греции, Албании, Югославии. На греческих островах Корфу, Сефалония находились итальянские части из дивизии «Аккуи», сильно потрепанной еще в 1941 году и не имевшей возможности вернуться на Апеннины.

8 сентября 1943 года германское командование потребовало от итальянцев сдать оружие. Но генерал Гандин, командир дивизии, и полковник Лузиниани, командовавший итальянскими подразделениями на острове Корфу, заявили, что должны запросить генеральный штаб и получить его разрешение на сдачу оружия без боя.

Распоряжение из Бриндизи, где расположился штаб, действовавший вместе с англо-американскими частями, пришло 10 сентября 1943 года, и в нем приказано по-военному коротко: «Без боя не сдаваться. Да здравствует свободная Италия».

Генерал Гандин оказался демократом и провел опрос среди солдат и офицеров. Вопрос был поставлен следующим образом: «Стать под командование немцев, как предлагал дуче Муссолини, и продолжать войну; сдать оружие и стать военнопленными, как желали того гитлеровцы; или принять бой».

Большинство солдат и офицеров выступили за третий вариант, и генерал Гандин телеграфировал немцам: «По решению Генштаба итальянской армии и по воле большинства контингента дивизии «Аккуи» оружие сдано не будет».

Немецкая бомбардировочная авиация ответила на это послание ожесточенными налетами. Приказ летчикам был: все и всех уничтожать. 1200 итальянских солдат и 65 офицеров были убиты. 22 сентября 1943 года генерал Гандин поднял белый флаг. 4700 солдат и 155 офицеров сдались в плен в полном обмундировании, как военнослужащие. Но жизнь им гитлеровцы не сохранили. Их приравнивали к дезертирам и расстреляли. Генерал Ленц — командующий немецкими вооруженными силами в Греции якобы надеялся сохранить жизнь генералу Гандину и даже послал запрос в Берлин. Но ответ был резким: «Расстрелять. Немедленно привести в исполнение приказ фюрера».

Генерал Гандин (венецянец) был расстрелян 28 сентября 1943 года вместе со 195 офицерами и 17 моряками.

На Корфу побоище было не менее жестоким. Во время бомбардировок погибли 640 человек, 1200 были ранены. После прекращения огня гитлеровцы добились оставшихся в живых, включая полковника Лузиниани, командира гарнизона Корфу.

Вся ответственность за злодеяния гитлеровцев на Корфу и в Сефалонии теперь возложена на генерала Ленца и майора Хиршфельда — палача, исполнителя приказа фюрера.

Кое-кому из тех, кто сдал оружие добровольно, удалось выжить, сообщила газета «Республика». Их предполагалось депортировать на пароходах в Германию. Первую группу из 840 пленных погрузили на корабль «Ардена». Он вышел в море и по неизвестной причине взорвался. 120 немцев, находившиеся на борту, были спасены. Из итальянцев в живых остались единицы.

Два других судна с итальянцами подорвались на минах. В море погибли почти все. А те единицы, кто все-таки остался жив, что с ними стало? Их поместили в германские концлагеря. К концу 1943 года в лагерях нацистов находились уже 600 тысяч бывших итальянских фашистов, не пожелавших воевать в частях Муссолини, в армии республики Сало.

...На Нюрнбергском процессе американский обвинитель генерал Тэйлор упоминал о гитлеровских расправах над итальянскими военнопленными в Греции, но эти обвинения пронесли тогда слабой тенью на фоне всех злодеяний и преступлений гитлеровцев. Но удивительно, что об этом забыли или почти забыли в Италии. Забыли военные, забыли почему-то историки — представители левых сил, которым сам Бог велел бы найти следы и разоблачить эти преступления. Но они всплывают только сейчас, пятьдесят шесть лет спустя.

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ. ВЕРДИКТЫ ВОЗМЕЗДИЯ

...Военный трибунал Турина приговорил к высшей мере наказания — пожизненному заключению (эргас-толо) 88-летнего Тео Саевекке — экс-нациста, бывше-

го начальника германской полиции в Милане, обвинявшегося в соучастии в убийстве пятнадцати антифашистов в августе 1944 года. В знак отмщения фашистскому режиму за это и другие преступления, по решению сил, входивших в итальянское движение Сопротивления, были казнены Бенито Муссолини, четырнадцать иерархов итальянского фашизма, а вместе с ними и Кларетта Петаччи в апреле 1945 года на пьядцале Лорето...

...На римском военном аэродроме Чампино приземлился самолет. Спецрейсом из Аргентины в итальянскую столицу был доставлен военный преступник, бывший капитан СС Эрих Приебке, обвинявшийся в уничтожении 335 итальянских граждан 23 марта 1944 года и пока не понесший наказания.

...Весна 1944-го. Партизаны провели в Риме боевую операцию, взорвали казарму, откуда не смогли выбраться тридцать три гитлеровца. Из берлинской ставки фюрера последовал приказ: «Подвергнуть возмездию Рим, расстрелять за каждого погибшего эсэсовца десять итальянцев». Начались облавы. В числе жертв — гражданские лица, священники, подростки, узники тюрьмы «Реджина Коели»... 335 человек. Подсчет смертников, отправлявшихся в ров Адреатине, вел эсэсовец Эрих Приебке...

После войны Приебке бежал из английского лагеря для немецких военнопленных на Адриатике. При содействии гитлеровцев из организации «Одесса» добрался до Аргентины, сначала до Буэнос-Айреса, затем «легализовался» в Сан-Карлос-де-Барилоче. Работал официантом, потом стал хозяином отеля и аптеки. Жил под своей фамилией, западногерманское посольство в Аргентине регулярно выдавало ему визы и все необходимые документы.

В 1994 году на след Приебке напали американские телерепортеры. Началось журналистское расследование. Эрих Приебке перед микрофоном Эй-Би-Си зая-

вил о своем участии и роли в расстреле итальянских граждан в марте 1944-го. Он был уверен, что «за давностью» совершенного преступления и находясь вдали от Италии, он неподсуден. Ошибся. Преступления эти срока давности не имеют.

Италия по военно-юридическим и дипломатическим каналам добилась выдачи Аргентиной нацистского преступника. Дождливый утром 20 ноября 1995 года наряд аргентинских полицейских предоставил Приебке возможность исповедаться у священника Барилоче, препроводил его в красном фургоне на местный аэродром и передал под стражу десяти агентам Интерпола. Затем экс-капитан СС оказался в Италии. Дело Приебке вел военный прокурор Рима Антонио Интелизано.

«Бойня 23 марта 1944 года. — говорил мне следователь, — не была актом военного возмездия. Это была массовая расправа. Приебке был одним из ближайших подручных палача Рима эсэсовца Герберта Капплера. Груды тел в гроте Ардеатине заминировали и взорвали. Так грот стал рвом Ардеатине...»

Эрих Приебке находился в римской военной тюрьме «Форте Бочча». Итальянская общественность требовала справедливого наказания нацистского убийцы. Через пятьдесят лет после начала Нюрнбергского процесса суд над гитлеровскими преступниками стал важным политическим событием.

Бывший эсэовец, совершивший преступления в Италии (расстрел мирных граждан во время Второй мировой войны), не защищен никаким иммунитетом. Напротив, международные законы требуют розыска и наказания всех нацистских преступников без учета срока давности.

Где и как содержался в Италии под стражей 86-летний Приебке? В декабре 1997 года он был переведен в римский квартал Аурелио, в дом № 5, квартиру С 12, принадлежащую прокурору Паоло Джакини, и только после заседания Кассационного суда был препровожден

ден в одну из тюрем, где отбывает пожизненное заключение — «срок, который не заканчивается никогда».

Соседи по дому, где находился Приебке, реагировали на его присутствие по-разному. Одних раздражало, что дом круглые сутки был под «оком» карабинеров; других контроль успокаивал, создал гарантии, что они не будут ограблены.

Сутки содержания Приебке под стражей обходились итальянскому государству в десять миллионов лир (1 доллар равен 1800 лирам).

Римский кассационный суд — последняя инстанция — вынес окончательный вердикт бывшему эсэсовцу Эриху Приебке: «эргастоло» (пожизненное заключение). Приговор обжалованию не подлежит. Нацистский преступник, обвинявшийся в расстреле мирных итальянских граждан, начинал уже у некоторых современников в Италии вызывать даже определенное чувство жалости, а кое-кто за давностью совершенных преступлений и учитывая возраст Э. Приебке, был склонен отпустить палача «с миром».

И еще в сознании многих укоренилось представление, что Приебке, мол, был лишь «шестеркой», «стрелочником», выполнял чужие приказы, послушаться которых, как человек военный, не мог. И время было другое. И не просто время — а целая эпоха. И судить-то теперь Приебке особо не за что: была война. С тех пор выросли уже два поколения. У многих растут правнуки.

Но чтобы помнили все поколения, восстановим, что же произошло в те весенние дни марта 43-го. Итальянские партизаны убили 32 немецких солдата. В ответ, в знак возмездия, если не будут найдены участники партизанского нападения, по приказу лично Гитлера подлежали расстрелу по десять мирных жителей за каждого убитого германского солдата. Это значит — 320 римлян...

Но в это время был убит еще один эсэсовец. И Приебке взял на себя «инициативу». По той же схеме «1 к

10» он приказал расстрелять и бросить в ров очередную группу невинных жертв.

Возмездие пришло только теперь, 55 лет спустя.

Римский процесс над нацистским военным преступником Эрихом Приебке, начинавшийся как акция юридического, политического и морального характера, вышел за рамки обычного судопроизводства, дал толчок для нового видения событий Второй мировой войны, перешел в новую поствоенную плоскость поиска огромных финансовых средств, награбленных гитлеровцами и используемых подпольными фашистскими структурами и организациями в своих преступных целях в течение десятилетий после 1945 года.

Вскрываются новые факты, свидетельствующие о том, как нелегальная фашистская оперативная сеть, закодированная под названием «Одесса», выводила из Европы нацистских преступников, обеспечивала их существование, финансировала создание фашистских групп и партий, накапливала средства, занималась контрабандой золота, других ценных металлов (в обороте многие десятки тонн), нелегальной торговлей и перевозкой произведений искусств. Обнаружен, писала римская газета «Республика», документ, на двух страницах которого изложены факты, даты, имена фашистских агентов, а также промышленников, банкиров, частных лиц, содействовавших преступникам.

В 1993 году в Швейцарии вышла книга цюрихского журналиста Дж. Треппа о событиях 1939—1945 года и о роли швейцарских банков во время войны. Тогда работа осталась почти незамеченной, но в результате римского процесса обрела актуальность, вызвала всеобщий интерес в Европе своими открытиями. Оказывается, БРИ (Банк для международных расчетов в Базеле) использовался германским рейхсбанком для многоходовых финансовых операций. Например, БРИ скупал золото в Германии (не спрашивая, понятно, о том, как и откуда оно появилось) по ценам ниже мировых, платил швейцарскими франками, на которые

Берлин мог закупать все необходимое для третьего рейха под «чужим финансовым флагом».

А что же представители союзников при БРИ? Они тоже преследовали свои интересы: получали конфиденциальную информацию. Так, американцы знали, что рейхсбанк продал в Швейцарию восемь тонн французских золотых монет, которые БРИ переплавил в слитки... Где теперь это золото?

Аналогичных вопросов возникло множество. Где ценности из Польши, Италии, других европейских государств, разграбленных гитлеровцами? Прошло более пятидесяти лет, но эхо войны продолжает еще звучать. Возобновился и поиск «исчезнувших» богатств, которые, как утверждают эксперты и журналисты, лежат не на дне морском, а в сейфах известных банков, названия которых газеты пока не открывают.

И вдруг очередная сенсация, достойная внимания прессы: Эрих Приебке — военный преступник, бывший капитан войск СС... «бежал из-под домашнего ареста».

...Процесс по делу Эриха Приебке продолжался в римском военном трибунале в течение нескольких лет и завершился весной 1999 года в Кассационном суде приговором эсэсовца к пожизненному заключению с последующим дозволением (с мая 1999 года) отбывать наказание в домашних условиях. Из-за тяжелого состояния здоровья и вследствие «примерного соблюдения всех тюремных правил поведения и распорядка». Обстоятельства сложились таким образом, что бывший «герр капитан» обрел не только полусвободу и апартаменты на римской улице Сан-Феличе (квартал Аурелио), но и расположение заботливой 64-летней вдовы, проникшейся разными чувствами к экс-эсэсовцу и оказывавшей ему всю необходимую по возрасту заботу. «Пока без руки и сердца», что тоже возможно. Суд их временно разлучил, а заболевание сердечно-сосудистой системы Приебке их объединило...

И вот ночью Приебке плохо себя почувствовал. Он, как положено, направил факсы своему адвокату, карабинерам, обеспечивающим его охрану в «домашних условиях», получил должное подтверждение, что его послания приняты, и, соблюдая таким образом все формальности, отправился в госпиталь Форланини.

Но случилось невероятное: все факсы «заблудились» и не были получены карабинерами. Наутро, во время проверки, Приебке на вызов не откликнулся. Не оказалось немца и у вдовы. Значит, бежал... Как когда-то эсэсовец Капплер, решили карабинеры и немедленно объявили розыск.

Далее сыщикам следует отдать должное. Они быстро нашли «беглеца», не поверили в его версию «приступа болезни, отосланных факсов», взяли под арест, несмотря на протесты врачей, и доставили в карцер при карабинерской казарме.

Несколько часов бывший эсэсовец провел под арестом, пока не был возвращен в квартиру на Аурелио.

На этом дело не кончилось. И дело теперь не в личности Приебке, а в том, что возмущены медики: с их мнением не посчитались, были нарушены порядки госпиталя, «затронуты права и личная жизнь больного»... Оправдываться пришлось служащим правопорядка, карабинерам из охранного корпуса. Дело даже запахло судом.

А бывший нацист, ныне покорный и исполнительный заключенный, живет с доброй дамой из Рима — его «Клареттой» и выздоравливает... Насколько позволяет возраст...

ГЛАВА X

НЕЗЕРКАЛЬНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И МУССОЛИНИЗМ

Фашистское государство. Определяя его сущность в 20—40-х годах, многие социологи впадали в обычное для них упрощенчество, сравнивали диктаторские режимы Западной Европы и Советского Союза. Это не были зеркальные отражения. Сравнения эти правомочны, если анализировать методы и цели действий репрессивного аппарата: полиция, слежка, суды, тюрьмы, аресты из политических соображений, ссылки идеологических и других противников. Социалистические государства объявляли себя государствами ра-

бочих и крестьян, привлекали к себе трудовую интеллигенцию (именно трудовую, не уточняя ее социальное происхождение). Фашистские государства Западной Европы представлялись, в противовес, как орудие крупного монополистического капитала, что было, на мой взгляд, явным преувеличением, если не сознательным перегибом, чтобы, слив вместе фашизм и монополии, вынести им совместное обвинение. В фашистском государстве в органах власти господствовали не монополии, а политические партии с преобладающей ролью представителей средней и особенно мелкой буржуазии. Из ее среды вышли Гитлер, Муссолини, другие лидеры немецкого нацизма и итальянского фашизма, что близко по сути, но, повторяю, не одно и то же.

Крупный монополистический капитал не давал в 20—40-х годах в Германии и Италии лидеров политической элиты и был готов служить интересам фашистской элиты, умел быстро приспособливаться, находя для себя большой экономический и политический интерес в захватнической и колониальной политике фашистских государств Италии, Германии. Не успев достаточно поживиться в XIX веке, эти государства потребовали свой кусок от колониального пирога в начале XX столетия. Иными словами, фашизм, будучи в первоначальье выходцем из мелкой и средней буржуазии — более мобильной, активной, жаждущей обогащения и власти, быстро стал выразителем интересов монополистического капитала. И безосновательно звучит спор: кто, кому и в какой степени служил. Они были все взаимосвязаны, и каждый класс и прослойка играли свою роль.

Что же касается отношений между трудом и капиталом — это другая социально-политическая и экономическая плоскость; здесь фашистское государство действовало в интересах капитала, запрещая выступления протеста рабочего класса и крестьянства, преследуя оппозиционные политические партии, прибегая к изош-

ренной демагогии, на словах сливая «интересы государства и народа». В этом отношении фашистские и социалистические государства, преследуя каждое свои цели, прибегали к аналогичным пропагандистским методам. И не удивляйтесь тому, что монументальное искусство, архитектура, зодчество, скульптура, живопись, литература, журналистика плыли словно в одном мощном потоке, служили аналогичным целям, выполняли похожие функции и задачи.

Фашисты в Италии предпочитали называть свое государство «корпоративным», «надклассовым», что «огосударствляло» профсоюзы, превращало их в рычаг «классового сотрудничества» под видом защиты социальных интересов рабочего класса, который также становился значительным резервом для армии и зарубежной экспансии фашизма. И все хором кричали: «Да здравствует дуче!» Примерно так же было в СССР, где все тоже славил вождя и «текли, куда надо, каналы...»

Фашистское государство строилось в итоге «сверху вниз», выдвигая идею фашистской «народности». Юридически фашизм в Италии опирался на законную власть монарха, и его всерьез не пытались ни разу свергнуть. На деле политическая власть неограниченно находилась у «главы правительства» и верхушки фашистских иерархов, которые на деле не допускали и не признавали никаких «корпоративных принципов», кроме своих — диктаторских, иерархических, фашистских.

«Фашизм, — утверждал Муссолини, — подразумевает неизбежное неравенство, которое благотворно и благодетельно для людей, которые не могут быть уравнены механически и внешним фактором, каковым, например, служат всеобщее голосование и выборы вообще». В какой бы стране выборы ни проходили в XX веке, на смену избирательной арифметике пришла высшая математика. «Логарифмами» успешно пользуются финансовые олигархи, выпуская вперед, «наперсточников», выходцев из мелкой и средней бур-

жуазии, или то, что от нее осталось, или то, что, подобно ей, нарождается.

Тоталитаризм — это не только «жесткий режим», но и неотделимые от него эстетика, культура. Фашистская политика в области культуры считалась «краеугольной» и была важным элементом в борьбе за «духовную гегемонию», при которой государство выступало как «коллективная власть» во всех областях, включая и духовную. И фашизм, создавая свой духовный мир в обществе, должен был оставить таким образом свой след в истории. В архитектуре, искусстве, театре, скульптуре, живописи, литературе, кино. Один из идеологов фашизма в области культуры синьор Мораини на собрании архитекторов и скульпторов в ноябре 1933 года (когда и в Германии фашизм пришел к власти, что косвенно усилило режим в Италии) позволил себе так сформулировать идеологическое кредо фашизма и муссолинизма: «Фашизм призван к созданию больших монументальных памятников и великих художественных творений режима. Творчество должно быть реалистическим, коллективным и принадлежать коллективу. И выделять следует только тех художественных индивидуумов, которые нужны коллективу».

Эти «установки» нашли особенно яркое воплощение в архитектуре, где зодчие, как по мановению какой-то могучей «палочки», все разом обратились к монументальному выражению идей, провозглашенных фашизмом и лично дуче в Италии. Все рождающееся в новой архитектуре фашизма — в «неореализме муссолинизма» — должно было наглядно агитировать за величие и незыблемость идей, провозглашенных фашизмом. Темпы возведения новых памятников были удивительно быстрыми. Аллеи Империи и Триумфа в Риме и целый квартал ЭУР, фреска Карпонетти, прославлявшая Муссолини, на здании министерства корпораций. Это здание было построено в виде многих пчелиных сот, воплощавших в камне идею фашистской «народности», единства иерархов и народных масс.

Но об архитектуре 20—30-х годов, муссолинизме в зодчестве, урбанизме разговор особый. Заранее оговорюсь, не моя цель критиковать, высказывать положительное или отрицательное мнение об искусстве 60—70-летней давности, но право на констатацию очевидных фактов, определенный параллелизм в культурных тенденциях в различных, но диктаторских государствах Запада и Востока я за собой сохраняю. Без стремления преследовать какие-либо идеологические интересы.

• • •

Федерико Феллини, Ренато Гуттузо, Ренато Рашел — автор знаменитой песни «Арриведерчи, Рома», с которыми я был связан многолетней дружбой, после каждого совместного ужина любили побродить по Риму, и то ли обстановка ночного города, то ли особый внутренний настрой вызывали постоянно на разговоры о культурных ценностях, об историческом наследии народов, о памятниках искусства, о месте времени Муссолини в XX веке. Федерико Феллини считал, что Бенито Муссолини принял совершенно правильное архитектурное решение в Риме, повелев зодчим просчитать и прорубить проспект, называемый ныне Императорские форумы и соединяющий Колизей и Алтарь Отечества на площади Венеции; точно так же красива и полезна 300-метровая улица-стрела между площадью Святого Петра и набережной Тибра...

При Муссолини отжили свою многовековую жизнь улицы Древнего Рима в Трастевере (район за рекой Тибр), которые были подлинной колыбелью Вечного города, а не Капитолийский холм, как утверждают большинство справочников.

— Старые улицы, если они лишены практического назначения, хороши для проливания слез умиления перед стариной — и бесполезны и даже вредны для местного жителя, — говорил маэстро.

Сам Феллини жил в Риме с середины 30-х годов и,

как он острил, стал римлянином давным-давно, хотя родился в Римини (где и похоронен).

— Я люблю новое в старом, — улыбался Федерико, когда Джульетта Мазина готовила нам кофе. — В моем доме XVIII века все перестроено по последнему слову архитектурной моды. В целом по Риму перестройка была начата при Муссолини. Казалось бы, улица Маргутта (там в доме № 110 жили Феллини и Мазина) остается в первоизданном виде. Такой ее видели Николай Гоголь, Адам Мицкевич, тут держали галереи многие римские художники XVIII—XX веков. Стены домов будто бы старые, с облезшей краской. А внутри — подлинные палаццо-дворцы.

И весь старый Рим таков — на площадях Испании и Аргентины, на улицах Кондотти и Фраттина, у фонтана Треви и на площади Навона, на проспектах Корсо и Национале, Витторио Эмануэле и Кавур...

— Муссолини был великий строитель, — считал Марчелло Мastroяни. — Я — актер и снимался в разных кварталах Рима. У фонтана Треви и на площади Венеции перед Венецианским дворцом, где с балкона выступал перед народом дуче, на улицах в зоне ЭУРа, перед Дворцом труда, который Муссолини утверждал как свой мини-Колизей XX века. Муссолини имел вкус градостроителя, — говорил Марчелло.

Муссолини если и сносил старые дома, о которых теперь все забыли и помнят лишь по старинным гравюрам, то делал это так (все планы он утверждал, как Сталин, лично), чтобы выделить и украсить исторические памятники, и этим очень гордился (вспомните, как Муссолини привозил Гитлера к Колизею).

• • •

Во все европейские языки вошли слова, которые мы часто применяем — и не подозреваем, что словно отдаем дань Италии, Риму. Мы говорим: «колоссально наследие Вечного города» и вряд ли задумываемся над тем, что само слово «колоссально» пришло из

Рима, от стен Колизея (Колосseo). Перед этим величественным эллипсоидным строением (длинная ось — 188 метров, короткая — 156 метров, высота — 57 метров) человек чувствует себя песчинкой во всех измерениях — во времени и пространстве. Колизею более двух тысяч лет. Древние римляне называли Колосseo Амфитеатром Флавия. Здесь под гул голосов 100 тысяч зрителей гремели гигантские бои. Представьте себе 15 год н. э. Один из обычных римских праздников. На арене — две тысячи гладиаторов. Страшный кровавый «пир»: убиты 32 слона, 60 львов, 10 тигров, 6 бегемотов, 19 жирафов, 16 лосей, 44 быка... Тогда это было ординарное зрелище. Муссолини приветствовал любое проявление гигантомании. Красочные праздники были частью его жизни.

— А какие сейчас планы вокруг Колизея? — спросил я архитектора Антонио Пиччони.

— Завершается реконструкция. Скоро снимем все леса, — говорит зодчий, построивший в Риме и его предместьях более двухсот домов. — Конечно, реконструкция обошлась казне в многие сотни миллиардов лир, но это же — Колизей!

• • •

Знаменитый итальянский актер с экрана продавал одному доверчивому американцу фонтан Треви, другому — Колизей...

«Сколько стоит Колизей?» — приценивался заокеанский гость.

«Стоит две тысячи лет», — ответил всерьез Тото.

...Когда-то шутили, теперь обеспокоены, ибо итальянская реальность такова, что в одно прекрасное утро могут действительно одним махом оказаться проданными самые знаменитые культурные ценности: «приватизированы» Колизей, музей Уффици во Флоренции, галерея Брера в Милане, королевские дворцы в Неаполе и Казерте... Огромному государственному достоянию (охраняемому и содержащемуся не лучшим

образом) грозит перекочевывание в частное владение. В министерство казначейства, как утверждают, даже поступил первый список культурных ценностей, якобы, подлежащих «неизбежной приватизации». Всего около двухсот памятников старины. К концу лета 1999 года этот список пополнился еще 800 памятниками, которые могут быть «выброшены на рынок» и якобы принесут в госказну многие миллиарды лир.

Мэр Вечного города Франческо Рутелли, отвечая на вопросы в клубе иностранной печати, отрицал возможность продажи Колизея, фонтанов на площади Навона, Испании, Барберини, других памятников — по крайней мере в тот период, пока он возглавляет муниципальное правительство. Но в Риме дыма без огня не бывает. За слухами о «приватизации» Колизея, старинных мостов через Тибр (по которым не проходит движение городского транспорта) стоят конкретные лица и фирмы. И они действуют.

— При Муссолини такого беспорядка быть бы не могло, — замечал Антонио Пиччони. — Представьте себе, что при Сталине кто-либо завел бы просто разговор о приватизации Кремля или Зимнего дворца. Можем только предположить, что ожидало бы несчастного.

— Муссолини, — продолжал Антонио, — выработал и свою «архитектурную стратегию», и не только для Рима, но и для всей Италии: «Древние греки, римляне, этруски, египтяне строили на тысячелетия. Неужели наше поколение, — говорил Муссолини, — обращаясь к своему болонскому другу инженеру Маркони, так слабо, что не в состоянии придумать такое, что встало бы рядом с греческими храмами и колоннами Бернини перед храмом Святого Петра? Так замахнемся на заслуги перед вечностью!»

И замахнулись. Работали лучшие зодчие — в коллективах, создавая архитектурные комплексы в стиле Муссолини. Они за несколько лет поднялись по всей Италии, от Милана до Сицилии. Многим этот тяже-

лый стиль фашизма в архитектуре не нравится. Но это дело вкуса. Фактом стало то, что стиль этот существует, как «либерти» начала XX века, насчитывает уже более 60—70 лет и простоит минимум несколько веков в третьем, а возможно в следующем тысячелетии. Вокзал в Милане стал самым большим и удобным транспортным центром довоенной Европы. Римский стадион — крупнейшей довоенной спортивной ареной мира, «Чинечитта» — самой современной и большой киностудией Европы до 1941 года.

— Эта киностудия, — рассказывал архитектор, — была выстроена всего за 457 дней и стала выпускать первые фильмы с 28 апреля 1937 года. На «Чинечитте» создано 75 процентов всех итальянских фильмов до 1990 года. Студия площадью в 40 тысяч квадратных метров, на которых разместились шестнадцать «театров», включая «театр № 5», где многие годы работал Феллини (заканчивал очередной фильм и вывешивал в тот же день объявление: какой фильм будет следующим); сохранился знаменитый «бассейн», в котором «купались» Клеопатра и Казанова, устраивали баталии пираты средневековья; находятся в «запасниках» античные статуи, украшавшие интерьеры при экранизации исторических лент.

— Теперь «Чинечитта» тоже приватизирована, — с унынием говорит Антонио. — Грустно видеть современный «Вишневым сад», когда гибнет былая слава. Этот итальянский Голливуд на римской улице Тусколана...

Впрочем, старая «Чинечитта» умирала медленно. Еще Феллини три последние года жизни не имел средств для работы над фильмами. И неудивительно, что многие ведущие актеры — София Лорен, Джина Лоллобриджида, Клаудиа Кардинале, Мария-Грация Куччинотта — предпочитают работать за рубежом, хотя любят римскую «Чинечитту». Но там денег уже давно нет. Вот и понадобилась приватизация, которая в Италии «хорошее большое кино пока не показала».

— Сегодня пустой разговор, как отнесся бы Муссолини к приватизации его любимого детища «Чинечитты», — говорила актриса Мария-Грация Куччинотта. — Другая эпоха. Но тогда Муссолини любил кино и делал все для его развития, считая, что итальянское кино должно быть лучшим в мире. И оно было таковым.

Муссолини и сам однажды побывал в «шкуре актера». Это было, кажется, в 1935 году, когда группа американских кинодокументалистов «мучила» его, снимая на вилле Торлония в течение двух часов фильм о жизни дуче.

Утверждают, что именно после этой «пытки» Муссолини неожиданно прозрел и издал указ о скорейшем создании итальянской студии, более современной, чем любая студия в мире. Он, обладая размахом, думал о развитии государственных учреждений культуры.

Состояние дел на радио его вполне удовлетворяло. Еще 8 февраля 1923 года, сразу после «марша на Рим», он для укрепления и пропаганды своей власти издал госдекрет № 1067. Этим актом он обусловил контроль центральной власти «над предприятиями, которые в будущем собирались развить свою деятельность в области телекоммуникаций». 27 августа 1924 года в Риме по решению Муссолини был создан Радиофонический союз Италии (УРИ), который 15 января 1928 года перерос в ЕИАР, а 15 января 1944 года — в РАИ — госпредприятие Италии по радиовещанию.

«Радио Ватикана» начало работу 12 февраля 1931 года. Первый передатчик сконструировал специально для студии Гульельмо Маркони, которому Муссолини по этому поводу послал поздравление. Дуче вообще не пропускал ни одного случая, чтобы не обратиться с похвалой или словом приветствия к ученым и деятелям искусства, понимая, что такой жест ставит его на уровне с великими адресатами. Вместе с

ними он тоже входил в историю. Он даже однажды посетил шхуну «Элеттра» (построена в 1904 году в Шотландии по заказу австрийцев. Длина 71,5 метра), с борта которой Маркони из Генуи осуществил прямую связь с Сиднеем.

— Ничто в Риме и в Италии в целом не происходило без участия дуче. Самым большим памятником Вечного города Муссолини считал конную статую императора Марка Аврелия, — отмечал архитектор Антонио. — Он мечтал, что подобное памятнику великому императору он прикажет однажды отлить для себя и установит монумент на проспекте Императорских форумов, где проходили после захвата Эфиопии все военные парады.

Марк Аврелий — единственный памятник сохранившийся с императорских времен. «Ранние» христиане и варвары разрушали все языческие памятники, но Марка Аврелия сохранили «по ошибке», приняв его... за императора Константина Великого (306—337), допустившего Миланским эдиктом свободу исповедания христианства.

В течение тринадцати веков восседал Марк Аврелий на своем бронзовом коне в центре Латеранской площади в Риме, перед кафедральным собором. Затем «перебрался» на площадь перед мэрией.

Ныне на площади перед Капитолием точная копия Марка Аврелия, а сам император — под крышей дворца слева от копии. «Статус-кво» установлен в апреле 1997 года — в канун 2750-летия Рима.

...Замышлял Муссолини украсить улицу Корсо, уходящую лучом от Венецианской площади к площади Народа, «лапидами» — памятными досками в честь Наполеона (в угловом доме с балконом, выходящем на угол площади Венеции и Корсо, на втором этаже жила долгое время мать императора), а также в честь его генералов и... себя лично. По «принципу»: здесь был Наполеон, здесь был Бенито Муссолини...

РИМ — ВЕЧНЫЙ, ОТКРЫТЫЙ ГОРОД

Издrevле площади Рима украшали египетские колонны разных размеров — их в Вечном городе 36. Муссолини «подарил» Риму в 1937 году после своих африканских походов еще две и установил их перед древнеримским Большим цирком (Чирко массимо) и перед городским вокзалом.

В 1947 году подписание договора о восстановлении мира между Италией и Эфиопией предполагало возвращение двух великих памятников древности Аддис-Абебе, но Рим не торопился с выполнением обязательств. В 1970 году после визита в итальянскую столицу негуса Хайле Селассие отправился на историческую родину обелиск Льва с вокзальной площади Термини. Стела же из святого эфиопского города Аксум казалась прочно прописавшейся против здания ФАО (в прошлом там располагалось министерство Итальянской Африки), и о ней в столице старались не вспоминать как об «эхе войны», наследии колониального грабежа. Обелиск стал как бы своим, римским, и редкий римлянин знает даже его название и его эфиопское происхождение.

Но потомки древних эфиопов напомнили Италию о невозвращенном долге, и заместитель министра иностранных дел Италии, посетивший Эфиопию, обещал вернуть реликвию. Но как?

Чтобы привезти стелу Аксум (высота 24 метра, вес 160 тонн) в Рим, Муссолини потребовалась неделя. Возвращается же Аксум уже больше полувека. В 1999 году долго заседали эксперты и решили, что вывезти стелу можно только морским путем и распилив на две части. Другого способа не нашли. «Ладно, — сказали эфиопы, — пилите, затем склеим. Делайте, как возможно».

Согласны, ответили итальянцы, только заплатите за реставрационные работы, покройте стоимость взятых в аренду строительных лесов, архитектурных про-

ектов и т.д. Денег у эфиопов на непредвиденные расходы, понятно, не оказалось. Значит, долг повис. А у Аксума — еще проблема. Нельзя оставлять великую стелу в строительных лесах. Что скажут об эфиопах и римлянах миллионы туристов? Значит, леса — снять, а Аксум еще постоит на площади перед ФАО и если когда-либо вернется в Аддис-Абебу, то только в третьем тысячелетии. Рим с подарком Муссолини расставаться не желает и не собирается.

Но что такое все-таки архитектурный стиль Муссолини? Прежде всего это громоздкие, мощные здания, с квадратными или прямоугольными окнами, с тяжелыми каменными или бетонными наличниками, с колоннами у подъездов, со скульптурными комплексами в сером, или коричневатом цвете. Палаццо, в котором не только жить, но и держать оборону превосходно. Стены пушечным снарядом и фауст-патроном не пробьешь. Двери — тяжелые, из бронзы, стали, хороших пород дерева. Большие карнизы на крышах. Это — типичные главные линии, но каждому городу позволялась своя инициатива в соответствии со своими традициями и архитектурными особенностями. Муссолини учитывал, что Италия меньше века была единым государством; сто городов страны в разные эпохи считались столичными, и, сохраняя их колорит, архитектура построек в муссолиниевском стиле от этого только выигрывала. А внутренний комфорт давал и новые преимущества. — Века не спорят, не конфликтуют, а дополняют друг друга, следуют, не забегая вперед, один за другим, — любил повторять дуче. «Век следующий всегда отличается от предшественника, поэтому возникает естественная ностальгия по прошлому, к которому не вернешься, и разгорается жажда заглянуть в будущее, которое сокрыто густым туманом. Поэтому рекомендую строить дома повыше и мощнее, желательно с выходами на все стороны света. Это — мудро. По-итальянски».

• • •

А дальше всегда была «лирика»: что нравится женщинам в мужчине? Или более цинично: за что синьоры отдают свою любовь?

В свое время Бенито Муссолини, отвечая на этот вопрос перед фонтаном Навона, был категоричен и лаконичен: «Только власть».

Теперь 1500 опрошенных радио «Монте-Карло» дали более широкую гамму мнений, сделали множество оговорок, учли самые тонкие нюансы человеческих взаимоотношений. Но власть по-прежнему остается главной силой, притягивающей женщин к мужчине, основной «базой», «толчком» при начале, развитии и окончании связей.

Вот как «по следам Муссолини» классифицированы в процентном отношении «чары» мужчины и что больше всего влияет на горячую женскую любовь: власть — 19 процентов, деньги — 15 процентов, общее обаяние — 14 процентов, красноречие — 12 процентов, умение красиво и модно одеваться — 10 процентов, красота — 8 процентов, ум — 5 процентов, чувство юмора — 4 процента, культура — 3 процента.

А место для «чистой любви»? Таковой почти незаметно... Но она была у дам сердца Муссолини. У них тоже была власть над дуче.

Все — и власть и измена, протест и покорность — легко и гармонично уживается в итальянце. Многочисленные опросы, которые в моде у итальянских журналистов, позволяют сделать своеобразный «рентгеновский снимок» психологии и характера итальянца, который за последние 50 лет претерпел сильные изменения. И Муссолини не узнал бы своих «ардити» — храбрецов на женском «боевом поле». Иноземный психолог с удовлетворением узнает, что более 80 процентов итальянцев против брачных измен — и недоумевает: как те же более 80 процентов тут же отчаянно смело, как на амбразуру, бросаются в адюльтер?

«Хронической супружеской неверностью» страдают 71,4 процента опрошенных итальянских женщин. При этом инициатива измены (на 65 процентов) исходит от замужних дам, которые (на 42,5 процента) предпочитают партнера более молодого, чем они. Каковы побудительные мотивы? 28,1 процента итальянских женщин ищут приключений, чтобы «сменить пластинку», вырваться на короткий миг из семейной рутины; 20 процентов снимают таким образом стресс; 26,1 процента вообще не знают «зачем»; 22 процента в надежде на новое счастье и сильного мужчину и т.д. И, конечно, большинство женщин жалуются на физическое и психологическое давление со стороны мужей. Любовники же — ангелы по сравнению с законными супругами. Дарят более дорогие подарки и всегда лучше одеваются. Даже Муссолини был очень часто небрежным к своему внешнему виду. Был часто небрит.

Наиболее агрессивны мужчины-итальянцы в возрасте от 25 до 44 лет. Самые миролюбивые и покладистые — от 19 до 24 лет. Из каких социальных кругов агрессивные мужчины? 22,9 процента — служащие государственных учреждений; 11 процентов — военные; 17,7 процента — рабочие; 15 процентов — крестьяне; 11,5 процента — коммерсанты; 9,8 процента — лица свободных профессий; 9 процентов — изнуренные знаниями студенты; 4,9 процента — руководящие деятели, политики.

• • •

Рим — город фонтанов, и самые известные из них созданы по проектам Бернини. Муссолини настаивал на возведении системы фонтанов в ЭУРе, и, понятно, это было сделано.

— Какой из фонтанов Вечного города вы считаете самым лучшим? — спросили журналисты Муссолини при открытии фонтана на площади в ЭУРе.

— Этого фонтана еще не построили. Но пока чаще всего посещают фонтан Треви. Он ближе всего к площади Венеции.

Муссолини знал все даты, касающиеся архитектурных ценностей, памятников Рима.

— Фонтан Треви называют фонтаном Бернини? Неверно! — восклицал дуче и пояснял: — Фонтан Треви возведен в 1762 году архитектором Николо Сальви по проектам и рисункам Бернини. Ни один из трех архитекторов, от Бернини до Сальви, участвовавших в разных папских конкурсах, не увидел, как бьет вода из акведука консула Агриппы (здесь он проходил с 19 года н. э.). Все умирали раньше...

И Муссолини всегда бросал монетку в бассейн — ложе фонтана.

Помимо фонтанов у дуче была своя привязанность к просторным площадям, которых немало в Вечном городе.

— Площади — место собраний народа, собраний, на которых испокон веков принимались самые важные решения, — объяснял дуче-«урбанист». — Вот, например, площадь Плебесцита, площадь Собраний. И все они у Венецианского дворца... Создавая новые города, предместья, архитекторам следует думать о конфигурации площадей, привязке их к местности. Чтобы и людям было удобно, и площади вбирали больше людей...

Представьте себе площади Флоренции или Сиены. С любой точки все видно и слышно. А главная площадь Сиены, где устраиваются традиционные конные соревнования? Верх средневекового тосканского урбанизма. А улицы и площади Вечного города? Здесь они словно дышат политикой.

Каждая площадь в Риме, помимо своего исторического значения, приобретала в XX веке свои политические краски в зависимости от того, партии какой ориентации избирали ее местом собраний, митингов, манифестаций.

Площадь Святого Петра перед собором и Ватиканом как бы исторически и административно отдана и подвержена влиянию Святого престола.

«Матерью всех площадей» Рима считается площадь Венеции — площадь «океанских волн», названная так из-за людского «моря», собирающегося здесь по всем важным праздникам. Отсюда с балкончика Венецианского дворца Муссолини произносил свои речи, которые затем по радио транслировались на всех римских площадях. После войны и разгрома фашизма было решено, что площадь Венеции больше никогда не будет служить местом для политических собраний.

В 60-х годах площадь была превращена в обширный паркинг. В то время это было модно, но неэстетично. В 80-х здесь разбили самый большой в Риме цветник, перед Рождеством ставят одну из самых высоких в Вечном городе елок, пожалуй, вторую по высоте и красоте после елки перед собором Святого Петра. (Елка перед собором Святого Петра вне конкуренции в мире. Елка на площади Венеции по красоте и высоте соревнуется с елкой перед Рокфеллер-центром в Нью-Йорке. С успехом.) На юбилейный 2000 год здесь была установлена елка высотой в 25 метров, привезенная из Чехии.

Самое большое количество людей вмещает площадь Сан-Джованни перед кафедральным собором столицы. Более миллиона человек прошло здесь в августе 1964-го, когда Италия хоронила видного политического деятеля, лидера коммунистов, одного из руководителей движения Сопротивления против фашизма Пальмиро Тольятти. Тогда реяли красные флаги, и площадь стали «политически» называть «Красной». В 1978-м после убийства «красными бригадами» Альдо Моро на площади собрался миллион итальянцев под флагом христианских демократов — белое полотнище со щитом и крестом. Площадь называли «Белой».

В 1984-м на похоронах Энрико Берлингуэра — генсека ИКП, утвердившего независимый курс от КПСС, — вновь реяли красные знамена, и никто тогда не мог

предвидеть, что партия рабочего класса и трудового крестьянства всего через пять лет изменит свое название, цели борьбы, партийные символы и знаки. Потух «красный костер»... Коммунисты «сдали» площадь.

Демократические христиане? Они также сдали свои позиции, расслоились, разделились, распались. Собираются в залах кинотеатров, на площадях малых периферийных городов.

Правые силы — монархисты, неофашисты (их последователи из Национального альянса) предпочитают проводить митинги и демонстрации на площади Народа. Даже сам древнеримский вид этой площади-амфитеатра мобилизует правых на проведение здесь своих встреч, демонстраций, «политических мускулистых форм». Все напоминает скульптурные ансамбли времен Муссолини.

Площадь Навоны с фонтанами Бернини, площадь Испании с фонтаном «Лодка» Бернини-отца, площадь перед фонтаном Треви... Более трехсот больших и малых площадей Рима. У каждой площади — своя история, своя социальная, политическая, я бы сказал, классическая окраска.

• • •

Как-то лет десять назад к очередному дню рождения Рима (21 апреля) я попросил Федерико Феллини написать короткий очерк о его любимом городе. Маэстро рассмеялся и сказал:

— Хочешь все о Риме и коротко? Что же, напишу!

И написал одно слово: «Рим». Чарли Чаплин однажды по тому же поводу написал «длиннее», но так же ярко: «Люблю...»

Каждый из великих и невеликих любит и знает Рим по-своему.

Оставил свой след и Муссолини. От Алтаря Отечества до Колизея он пробил широкий проспект для проведения военных парадов. На месте проспекта в начале этого века стояли древние императорские фо-

румы. Дуче был горд идеей и собственным творением: он пробил в Риме первый прямой проспект, оставил «достаточное наследие» Риму почти на 45 гектарах земли по соседству с форумами Юлия Цезаря, Нерона, Августа, храмами Венеры, Марса, колонной Траяна, воздвигнутой 12 мая 113 года в честь победы императора над даками... А проспект от Тибра к Ватикану? Это — тоже Муссолини.

Базилика Святого Петра — святилище всего христианского мира, центр государства Ватикан, место паломничества христиан со всех континентов. Кафедральный собор Рима, где коронуются папы римские, — базилика Святого Иоанна-ин-Латерано, основанная императором Константином Великим в IV веке как Храм Спасителя. Напротив в небольшой церкви ценнейшая реликвия христианского мира — Святая лестница, привезенная в Рим матерью Константина императрицей Еленой в 326 году. По преданию, по этой лестнице в свою последнюю ночь в доме Пилата поднимался Христос...

Пожалуй, ни одна страна мира не исследовала себя лучше, чем Италия. Каждый город, провинция, область издали десятки различных самых подробных справочников, путеводителей, каталогов, иллюстрированных книг и даже энциклопедий. В них можно найти ответы практически на любой вопрос (ежегодно Италию посещают около ста миллионов иностранцев). Замечу, что первые серийные справочники по городам Италии стали выходить при Муссолини по его личному указу.

...В каждом итальянском городе есть что-то очень важное, существенное, исторически значимое, так или иначе связанное с именем Бенито Муссолини.

Как-то дуче в редкие минуты откровения во время прогулки по аллее у озера Комо признался находившемуся с ним рядом охраннику, будущему журналисту: «Как бы хотелось иметь спокойный отпуск, мирное небо над головой. Я поехал бы по Италии. Кри-

тично и разумно взглянул бы на то, что сделано за двадцатилетие, сравнил бы со строениями веков минувших и, наверное, пришел бы к интересным выводам. Прежде всего я бы посетил Рим, Милан, Флоренцию, Болонью, Неаполь, Казерту, Палермо, Геную и никогда не прекращал бы путешествия по этим удивительным городам мира. Но, видимо, больше не суждено. Партия сыграна. Мат...»

И все-таки, несмотря ни на что, растертый историей в пепел, проигравший, униженный, разбитый, расстрелянный, повешенный за ноги (что еще?), он, дуче, остался в истории Италии, в жизни ее городов. Он хотел превратить Милан в «итальянский Сталинград». Одного желания мало. Нужен еще для этого характер, дух. Сталинград мог быть только русским, советским. Как Ленинград. Любая долгая упорная оборона обрекает город на разрушения. И Муссолини это понимал. Налеты авиации союзников уже разбили многие палаццо Милана. Бомба угодила в театр «Ла Скала», разнесла сцену, зал, купол...

И Муссолини не допустил уличных боев. Он уходил в горы в Вальтеллину. Он уходил, чтобы погибнуть. Погибнуть красиво, но он не знал, как это «красиво». Этот «последний бой» историки не выставляют на передний план. Но теперь, более полвека спустя признаем этот жест. Капитуляция — всегда поражение, но не всегда акт трусости и предательства.

Никто не призывает ни в Риме, ни в Милане, ни в Венеции или Неаполе реабилитировать Муссолини, но камни его эпохи, вместе с другими страницами истории, сохранились. Они тоже умеют «говорить».

• • •

Миланский вокзал. Его открытие было приурочено к приезду Гитлера... Захоронения иерархов в склепе флорентийской церкви Санта-Кроче... Комната для дуче в королевском дворце Реджо ди Казерта... Венеция — Серениссима, город на лагуне...

ЧЕТЫРЕ КРУГА ИСТОРИИ

Милан в архитектурном отношении — город особый, ничем не напоминающий другие великие исторические центры Италии — Рим, Флоренцию, Венецию, Геную, Неаполь. И, наверное, «повинны» в этом прежде всего сама его история, географическое положение, а также военачальники, политические деятели — от древних римлян до Муссолини и сегодняшних политиков, зодчих, оказавших главное влияние на застройку и дух города.

У современного Милана как бы четыре «кольца». Каждое складывалось в определенную эпоху, перенасыщалось от людского наплыва, расширялось и приводило к необходимости создания нового крепостного защитного «круга». Милан моложе Рима почти на четыреста лет, и ему еще не исполнилось 2400.

Римляне, заложившие Милан, пришли на земли, где прежде обитали воинственные кельты и галлы, захватили равнинные территории и основали свой город Медиоланум («Посреди равнины»). С тех пор город-крепость знал многие периоды расцвета и разрушений, пожаров и восстаний, времена триумфа герцогских и королевских династий, поднятия республиканских знамен.

Когда говорим о четырех «кольцах» миланского градостроительства, то будто «окольцовываем» историю: Милан античный, от которого в историческом центре остались лишь отдельные камни; раннесредневековое кольцо герцогов Висконти — цитадель и «границы» владений герцогов Гонзага — Сфорца (XIV—XV вв.); Милан времен австрийского влияния (с 1706 года), победоносного прихода Наполеона, создания Итальянской республики, а затем Итальянского королевства (1805) и, наконец, кольцо коммунальных построек с 1922 года, то есть времена Муссолини и нынешние застройки Милана.

Архитектурный стиль фашистского периода нашел

в Милане самую благодатную почву, проявился, пожалуй, больше, чем в других городах Италии. Он увековечен в широких проспектах, монументальных массивных строениях из серого камня, мощных палаццо, отелях, банках, выставочных территориях, в вокзале «неоимператорского» размаха. (Самым восприимчивым последователем этого стиля на Востоке стала Москва 30-х годов — здание Совета Министров СССР, гостиница «Москва», ВДНХ и т.д. Понятно, мы сейчас об этом не говорим, как не говорили и прежде.)

Милан XXI века уже спроектирован в конкретных планах и новых идеях архитекторов. Учитывается главная тенденция: рассредоточение населения на периферии. Численность городского населения уменьшается и скоро не будет превышать миллиона человек.

• • •

Музыкальное искусство для Муссолини — и это особенно он чувствовал в Милане — было «обуревающей страстью». И дуче приходил в «Ла Скала»...

В августе 2000-го знаменитому театру «Ла Скала» исполнится 222 года. Здание построено по проекту архитектора Джузеппе Пьермарини, и первый спектакль в Королевско-герцогском театре состоялся 3 августа 1778 года. Театральный сезон «Ла Скала» начинался и начинается ежегодно в начале декабря. У Муссолини была в «Ла Скала» своя ложа. Но он от нее отказался и занимал место только тогда, когда приезжал в Милан.

— Открытие сезона, как и каждый спектакль, — говорил дирижер «Ла Скала» Рикардо Мути; — это всегда праздник, продолжение великих традиций оперного, балетного, музыкального искусства, изящества и артистического таланта, вкуса. На сцене «Ла Скала» только опера Джузеппе Верди «Аида» выдержала двадцать девять постановок и почти 550 спектаклей после премьеры 8 февраля 1872 года. (Композитор создал «Аиду» летом 1870 года и, по некоторым справочникам, опера была поставлена в декабре 1871 года.) Вер-

ди, Россини, Пуччини, Доницетти, певцы Карузо, Шаляпин, Марио дель Монако, Лучано Паваротти, дирижеры Артуро Тосканини, Гвидо Кантелли, Герберт фон Караян, директор и декоратор Николай Бенуа... Здесь танцевал Рудольф Нуриев. Сколько славных имен!

Великий Стендаль впервые побывал в «Ла Скала» в 1799 году, а в 1816-м оставил такие строки: «Есть только одно избранное общество, и оно собирается в миланском «Ла Скала». Его слова справедливы на многие столетия. И не случайно скульптурный портрет Стендаля — в нижнем холле «Ла Скала», рядом с Верди, Беллини, Доницетти. Во время войны «Ла Скала» подвергся бомбардировке. Сцену восстановил в 1946 году Николай Бенуа.

...Флорентийские храмы. Их в городе на реке Арно более двухсот. Это — чудодейство зодчих и художников, перенесение эпох минувших в наше время. Утверждают, что Санта-Кроче (Святой Крест) была любимой базиликой Данте и Микеланджело. Здесь поблизости, в 300 метрах, дом, где провел детские годы великий художник. Памятник Данте Алигьери когда-то украшал центр обширной площади перед храмом Святого Креста, но поэта-мыслителя попросили «подвинуться» и разместили слева от входа в собор. В самом храме памятник Данте, но там нет гробницы. Уже несколько столетий бьют челом благородные флорентийцы и просят дозволения перезахоронить Данте в Санте Кроче, но жители Равенны, где находится и по сей день гробница Данте, не отдают прах средневекового гения. Флоренция когда-то изгнала своего сына, поэта-философа, спустя столетия вернула себе и Италии его «свободный дерзкий ум», но обречена на невозвращение останков великого флорентийца с венцом из шипов роз и терна. Погребенный в Равенне, Данте стал вечным гражданином города на берегу Адриатики. Флоренции отведена участь лишь строить памятники поэту и вспоминать о том, что язык Данте — это язык его родной Флоренции.

Претендовала Санта-Кроче и лично мэ́р Флоренции на перезахоронение в знаменитой базилике тела Федерико Феллини. «Спор» продлился всего две недели, и посягательства флорентийцев вновь оказались отвергнутыми. Федерико останется в семейном склепе в Римини, другом североитальянском городе на берегу Адриатического моря.

Мэры Флоренции считают себя своеобразными «светскими» покровителями Санта-Кроче. И несут они миссию трудную и сложную. Ведь здесь покоятся такие флорентийцы: Микеланджело, Макиавелли, Галилео Галилей, уроженец города Пезаро композитор Россини (умер во Франции)...

В Санта-Кроче создавали свои творения Джотто, Гадди, Донателло, Вазари. Муссолини всегда напоминал, что знаменитая американская статуя Свободы в Нью-Йорке — это копия увеличенной в десятки раз скульптуры из Санта-Кроче. Созданной во Флоренции гораздо раньше, чем французом-«плагиатором» в Америке. Об этом «архитектурном» факте умалчивают справочники и историки, видимо тактично щадя болезненное самолюбие «молодых» американцев. Муссолини их не щадил.

Вокруг Санта-Кроче в 20—40-х годах «группировались» многие деятели режима. Почему? Оказывается, в Санта-Кроче на кладбище при храме заранее приобретали, «бронировали» места иерархи Муссолини. Там они и лежат по сей день под тяжелыми мраморными камнями. По большому «блату» и за немалые деньги... Было и это...

Большинство произведений искусства, сосредоточенных в соборах, принадлежит не церкви, а государству, и государство несет ответственность за сохранение и реставрацию ценнейших фресок, картин, скульптурных ансамблей. Это было узаконено еще при Муссолини в 1929 году. Но где теперь взять деньги на реставрацию памятников? Практически неоткуда...

Жесткий политик, Муссолини всегда покидал Флоренцию с душой «размягченной», даже романтической. И такое бывает с диктаторами.

ВЕНЕЦИЯ — СЕРЕНИССИМА

Вы знаете, кто лучший гид по Венеции? Гондольер со стажем. Он называет себя в зависимости от обстоятельств то «водным таксистом» (на нем соломенная «форменная» венецианская шляпа с длинными синими ленточками), то певцом из местных театров (гондольеры обладают сильными, приятными голосами), то искусствоведом, знатоком ста главных соборов и пятнадцати постоянно действующих музеев Венеции, где собраны лучшие коллекции картин Тинторетто, Виварини, Тициана, ди Пальма, Беллини, то историком (все расскажут о встрече Гитлера и Муссолини на королевской вилле — что они ели-пили)...

И все это правда. Хотя известно, что венецианец по складу характера склонен несколько преувеличивать свои возможности. Ему все прощается, потому что он из Венеции — города дождей, равного которому по красоте и величию на Земле нет.

Пристань на площади Рима. Здесь же — Центральный венецианский вокзал Санта-Лючия, построенный в эпоху Муссолини. Здесь же несколько многоэтажных гаражей, где можно на «твердой земле» оставить автомашину и дальше передвигаться только пешком или на плавучих средствах. Гондольер отвязал лодку от сваи, оттолкнулся веслом, и мы начали наше путешествие по Венеции — городу о 120 островах и 400 мостах. Но из этого огромного количества мостов через Большой канал — главную водную артерию Венеции — перекинуты лишь три. Первый — самый «молодой», каменный, построен по проекту протеже дуче — архитектора Эудженио Миоцци в 1934 году называется Скальци, так же

как и находящаяся рядом церковь XVII века, еще три столетия назад служившая обозначением восточных границ исторического центра Венеции.

— В рождении Венеции, — с улыбкой говорил гондольер, — «повинны» предки сегодняшних русских. Разные скифы, вестготы и другие варвары, полчища Аттилы заставили местных жителей в северной части Адриатики искать убежища и спасения в глубине лагуны. Так в V—VI веках на острове Торчелло поднялись первые церкви и строения, заложившие основу Великой Венеции, которую со времен средневековья и дожей велено величать с почетом Серениссима. Я бы сказал самая светлая, нежная, родная... и не только для венецианца.

Лагуна, окружающая Венецию со всех сторон, кажется с борта гондолы могучей, глубокой, широкой, хотя ее подлинная ширина невелика и лишь при разливе вод в период дождей и таяния снегов в горах достигает в некоторых районах 12—25 километров. Глубина же здесь в среднем 80—120 сантиметров. Для движения морского транспорта прокладываются специальные маршруты — фарватеры, по которым входят в город, даже к центральной площади Сан-Марко, океанские лайнеры. Их ведут лоцманские катера, и опасность сесть на мель исключается. Фарватеры проверяются и прочищаются постоянно, их границы на просторах лагуны отчетливо видны: стоят полосатые сваи-вехи, словно выкрашенные камни на обочинах дороги. Первые такие вехи стали ставить в канун приезда Гитлера. Муссолини хотел и на воде поразить воображение фюрера итальянской организованностью.

Могучую силу Венецианской лагуны человек познает во времена штормов и наводнений, от которых город пока не спасает многокилометровая дамба. Разработан новый проект защиты Венеции от наводнений. На первом варианте проекта от 1936 года стоит подпись дуче. Ныне действует консорциум «Новая Венеция», истрачены астрономические суммы денег, но город на

лагуне во время дождей и ветров по-прежнему выставляет тревожные сигналы об опасности наводнений. Новая дамба, видимо, еще долго не будет построена.

Старых венецианских знатных родов в городе дожей осталось меньше половины. До сих пор из десяти тысяч средневековых палаццо реставрировано менее 25 процентов. Около тридцати процентов этих зданий продано иностранцам — американцам и немцам, а это значит, в них будут жить люди не более двух-трех месяцев в год, вряд ли они будут вкладывать средства в реставрацию домов выше второго-первого этажа. Тем более мало кто из зарубежных хозяев позаботится о ремонте венецианских дворов, системы водоснабжения, канализации, о так называемой «гигиене и косметике» города. В этом причина «физического износа» красавицы Венеции.

Камни тоже стареют. А новые не везде могут быть заложены. Так, в Венеции новые здания теперь строятся только на «твердой земле», в городе-спутнике Местре. Там за последние двадцать лет построено свыше 2250 домов, поднялись новые отели, рестораны, мосты, промышленные и коммерческие предприятия. Но, конечно, это не Венеция, хотя стоит Местре близко. Всего в пяти километрах. В самой же Венеции за этот период возведено и реставрировано 271 здание. 200 — во времена дуче.

На правом берегу Большого канала — дворец Вендрамин-Калерджи. (Его строительство начал архитектор Мауро Кадусси в 1504 году.) Теперь в этом палаццо одно из четырех крупнейших казино Италии. У стен заведения 13 февраля 1883 года умер великий композитор и дирижер Рихард Вагнер. «Ныне в казино тоже играют, — замечал гондольер, — но... музыку Вагнера «предложат» только в нижнем приемном салоне. «Что пожелаете? Из второго акта «Тристана и Изольды», а может быть, вступления к «Лоэнгрину», «Кольцу нибелунга»? Как в ресторане музыкальных вагнеровских блюд и грез... Не случайно в Венеции казино называ-

ют «Храмом Вагнера в лагуне молчания...» Здесь побывали и Муссолини с фюрером. Дуче был поклонником Вагнера. Гитлер — тоже...

Дворец Ка д'Оро, построенный в первой половине XV века (архитектор Марино Контарини). Линии окон, балконы, крыша, фронтоны, парадный подъезд, — все стало хрестоматийным выражением архитектурного венецианского стиля, который по ажурным формам, изящным колоннам узнаваем в любом североитальянском городе, находившемся под влиянием Серениссимы (этот стиль местные архитекторы называют также Венето-Византийским. Он характерен для Вероны, Падуи, Равенны...). Муссолини считал, что его стиль — для венецианских окраин, Местре и других городов, и был, видимо, прав. Его стиль на Серениссиму «не замахнулся». А еще дуче всегда восхищался трубами на крышах венецианских домов.

От Ка д'Оро до самого знаменитого в Венеции моста Риальто примерно двести метров «гондольного пути» по Большому каналу. Вот уже почти четыреста пятьдесят лет от Риальто по первым воскресеньям сентября отправляется в плавание по каналу «Историческая регата». В первой гондоле всегда находились венецианский дож и его ближайшие соратники, далее — плыли заморские послы, купцы, гости Венеции. Обычай этот превратился в своеобразное театрализованное представление и в таком виде дошел до наших дней. В роли венецианского дожа, в его традиционной одежде выступает мэр Венеции. «Послы» и «купцы» — ненастоящие. Их роли исполняют гондольеры. В 1934 году «Историческую регату» на черной гондоле открывал Бенито Муссолини.

— Но Муссолини в Венеции оставил меньше следов, чем, например, лорд Байрон, — заметил гондольер Андреа.

С именем лорда Байрона в Венеции связано начало XIX века. Гондольер привез нас по Большому каналу к дому, на фасаде которого установлена мраморная

памятная доска: здесь жил поэт. (Лapidу открывал, понятно, Муссолини.)

Лорд Байрон приехал в Венецию 10 ноября 1816 года и записал такие слова: «Венеция мне понравилась. Она меня ждала, и я ее тоже очень ждал. Романтичность города на лагуне будоражит, наполняет могучими силами. А какие здесь дамы! Они очаровательны, хотя не сразу встретишь чистокровную венецианку из аристократической семьи».

• • •

...Площадь Святого Марка — главная площадь Венеции, верх архитектурного совершенства города на лагуне. Легенды доносят до нас, что здесь покоятся останки Марка-Евангелиста. Святой ангел спустился на землю и изрек: «Здесь, Марк, ты обретешь мир». И Марк «обрел» здесь сначала, в 832 году н.э., небольшой храм, а с 1063 года — огромный златоглавый собор (площадью в четыре тысячи квадратных метров). В течение столетий венецианские дожди хранили в соборе сокровища морской республики — «запас финансовой прочности» на случай войны, экстренных работ, стихийных бедствий, которые так часто обрушивались на Венецию.

Скульптуры коней издревле украшали фасад храма. Но золотых коней вывез во Францию Наполеон в 1797 году. Муссолини пытался вернуть четверку могучих коней, но это сделали уже позже него. После войны.

ЖЕМЧУЖИНА ПОД НЕАПОЛЕМ

Дворец, где подписана капитуляция немецко-фашистских войск на территории Италии.

«Пошлите посла к королю Карлу в Неаполь. На него, по моим сведениям, работает датчанин-архитектор

Лойс Ванвит. Редкий мастер. Ему бы потрудиться над возведением дворцов в наших городах, и прежде всего в Санкт-Петербурге...» Эти слова о славном городе Казерта под Неаполем приписывают российской императрице Екатерине II Великой. Царица имела тесные контакты с неаполитанским Королевством обеих Сицилий, состояла в личной переписке с сувереном Карло (затем поднявшимся на испанский престол как Карлос III), с королем Фердинандом II, его супругой Марией-Каролиной.

Императрица была справедливо убеждена, что итальянцы — в прошлом, настоящем и будущем — непревзойденные зодчие и только им можно доверять строительство дворцов и храмов в Санкт-Петербурге и Москве (руками, конечно, русских мастеров).

Лойс Ванвит, обласканный российской царицей, провел несколько недель в Санкт-Петербурге, где его знали под итальянским именем Луиджи Ванвителли, но следов своего гения в России он не оставил: весь его талант принадлежал уже Италии, где он за огромную в те времена сумму — 489 343 дуката — возводил архитектурную жемчужину, королевский дворец в Казерте, который своей красотой, утонченностью линий, роскошью, парками, лужайками, каналами, фонтанами и прудами должен был превзойти французский Лувр, Версаль и другие шедевры мирового зодчества всех веков и народов. (И здесь была «своя» комната-апартаменты у дуче.)

Первый камень дворца — Реджо ди Казерта — был заложен Луиджи Ванвителли 20 января 1752 года в присутствии короля Карло, его супруги королевы Амалии Саксонской, всего двора, министров, кавалеров и папского апостолического нунция. Через двадцать лет на дворец в Казерте было уже истрачено 6 133 507 дукатов — таких расходов на архитектуру в XVIII веке еще не знала ни одна страна в Европе. Палаццо поднималось во всей своей красе. Пять этажей с классическим портиком, колоннадой и часами; высота — 41 метр,

длина фасада — 247 метров... В 1200 комнатах замка 1742 окна, 242 из которых выходили на парк, простирающийся на 3,2 километра и заканчивающийся фонтанами и каскадами водопадов.

Королевские покои, включая тронный зал, занимали 120 комнат, те самые, что и по сей день открыты для гостей Казерты. (А их здесь ежегодно проходит более 1,2 миллиона человек.)

Восхитителен «золотой» театр «Реджо», спроектированный и построенный Луиджи Ванвителли в 1770 году, то есть раньше, чем миланская опера «Ла Скала», римский театр «Арджентина».

В 1799 году Реджо ди Казерта облюбывал адмирал Нельсон. В его честь салютовали «доверчивые» и «податливые» неаполитанцы. Сам же дворец превзошел французский Версаль по многим архитектурным и художественным параметрам. Но есть другая «веха». Если Версальский мир заканчивал одну великую войну, то в Казерте 27 апреля 1945 года был подписан важнейший документ — капитуляция немецко-фашистских войск на территории Италии. Муссолини оставалось жить меньше суток...

И этой вехой я заканчиваю повествование.

**ДАТЫ, ФАКТЫ, ТЕРМИНОЛОГИЯ, ИМЕНА,
ПРИМЕЧАНИЯ, КОММЕНТАРИИ
К ЭПОХЕ БЕНИТО МУССОЛИНИ**

- 29 июля 1883 года в деревне Довиа в провинции Форли в семье кузнеца атеиста Алессандро Муссолини и учительницы, фанатичной католички Розы Мальтони родился первенец, старший из троих детей, Бенито Муссолини. Он получил диплом преподавателя в Форлимпополи. Проявил интерес к произведениям К. Маркса. В двадцать лет становится социалистом, но больше всего увлекается теориями Ницше. В 1913-м он как-то сказал своей любовнице: «Мне нужны слава и богатство. Я хочу быть вершителем судеб». «Как Наполеон», — воскликнула полушутя юная дама. «Нет, больше, чем Наполеон». Итак, путь в будущее был намечен.

- В 1914-м Муссолини создает первое «фашио» (в дословном переводе «пучок») — боевую группу действия, которая боролась за вступление Италии в Первую мировую войну.

- «Эра Джолитти», «эпоха Джолитти». В историографической практике так принято называть период с 1901 по 1914 год, когда Джованни Джолитти играл особую роль на итальянской политической арене и произошел поворот от политики репрессий к политике буржуазного либерального реформизма. Именно тогда начинался этап преобразований в Италии, этап, превративший аграрную страну в индустриальное, быстро развивающееся государство. Италия становилась не просто капиталистическим, но и империалистическим государством в высшей форме его проявления.

- Отход Италии от союза с Германией и Австро-Венгрией сопровождался сближением с Францией, Англией и Россией. В 1902 году было заключено соглашение Италии и Франции, по которому Рим обязался соблюдать нейтралитет, если Франция станет объектом нападения со стороны одной или нескольких держав. В 1902 году подписано англо-итальянское соглашение по Ливии, а в 1903 году состоялся визит английского короля Эдуарда VII в Рим, где его принимали теплее, чем германского императора Вильгельма II.

- В 1902 году состоялся первый государственный визит итальянского короля Витторио Эмануэле III в Санкт-Петербург. Ответное посещение Николаем II Италии состоялось в 1909 году, когда император всего одну ночь провел во дворце Мадама (сегодняшний сенат. Там сохранилась мемориальная доска).

- Захват Италией Ливии в результате итало-турецкой войны 1911—1912 годов обострил положение в Средиземноморье, но ускорил развитие политических процессов внутри самой Италии, выросли влияние и значение различных партий, в первую очередь социалистов, избавившихся в 1908 году от анархо-синдикалистов. (В 1912 году в ИСП было 47 724 члена.) Прочные позиции удерживали республиканцы, партия радикалов, появившаяся на той же основе, что и социалисты, и близкая к организациям итальянского масонства, за что не раз подвергалась гонениям. Для масонства был характерен антиклерикализм, что могло ужиться в буржуазно-демократических порядках стран Запада, но с большим трудом в католической Италии, где католическое движение имело особое влияние во всех слоях общества.

- Крайне правые позиции занимали националисты, оформившиеся в самостоятельную партию в 1910 году. Эта партия имела большое влияние на представителей интеллигенции, высшие аристократические круги, буржуазию. Именно тогда поднялся на пьедестал итальянского национализма Бенито Муссолини и его кумир, трибун, произносящий ура-патриотические речи, любимец женщин (которым никогда не платил и не дарил подарков из своих средств, чем и был особо знаменит), идеал ницшеанского сверхчеловека Габриэле Д'Аннунцио — «берсальер» с пером на офицерской шляпе, повеса с бравыми усами и завсегдай лучших салонов Рима, Милана, Неаполя, Генуи и Флоренции. Он во многом расчистил поле для появления идеологии, философии, культуры,

литературы и искусства в двадцатилетний период фашистского режима Б. Муссолини.

- Интервентизм — сложное, типично итальянское явление, объединявшее политических деятелей, представителей самых различных кругов, выступавших за вступление в войну и против политики нейтралитета Италии. Это был исторический феномен, подготовивший приход к власти фашистов. Интервентизм нашел поддержку среди населения городов, мелкой и средней буржуазии, деклассированных элементов, части интеллигенции, студенчества, анархо-синдикалистов, реформистов, влившихся позже в фашистское движение.

- В 1911 году Италия объявила войну Турции.

- В боснийском городе Сараево 28 июня 1914 года был убит наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд. Месяц спустя после дипломатических схваток с предъявлением заведомо неприемлемого ультиматума 28 июля 1914 года Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Конфликт перерос в европейскую, а затем в мировую войну, в которой все державы четко определили свои позиции. Лишь Рим маневрировал в течение почти года, вычислял на «аптекарских весах», к какой из воюющих сторон присоединиться. Безошибочный выбор пал на Антанту, хотя сомнения были на самом высоком уровне: «В каком положении можем оказаться мы, если Австрия и Германия победят и потребуют от Рима ответа?» Но история распорядилась так, как зафиксировано в Версальском договоре.

- Италия — страна трехцветная, ибо жила среди трех красок: белой — либералов, красной — социалистов и черной — католиков. Принятие избирательного закона состоялось в 1912 году. На парламентских выборах 1919 года социалисты и «популари» получили более половины мест в законодательном органе страны.

- «Фашо ди Комбаттименто» — первая фашистская организация возникла в 1919 году. Учредительная про-

грамма «Союза борьбы» была принята в Милане в особняке Сан-Сеполькро («Святое погребение») 23 марта 1919 года.

- С сентября 1920 года фашизм в Италии превратился в движение, пользующееся поддержкой широких народных масс, представителей крупного капитала, аграриев и правящих кругов. Определился поворот в сторону «фашо» среднего крестьянства, напуганного идеями социалистов экспроприировать земельную собственность.

- Первый фашистский профсоюз был создан 28 февраля 1921 года в провинции Феррара.

- В январе 1921 года на съезде в Ливорно революционное крыло ИСП создало коммунистическую партию Италии.

- 30 октября 1922 года. Приход фашистов к власти. С этого дня фашисты начали «с нуля» свой отсчет времени «новой фашистской эры».

- В декабре 1922 года создан Большой фашистский совет (БФС).

- В январе 1923 года образована Добровольная милиция национальной безопасности, попавшая под юрисдикцию главы правительства, а именно Б. Муссолини. В милицию с 1930 года вербовались на добровольной основе только члены фашистской партии в возрасте от 17 до 55 лет.

- В марте 1923 года произошло слияние фашистской и националистической партии, выразившей интересы крупного капитала, всех правых, а также монархических кругов.

- 6 апреля 1924 года состоялись выборы в парламент. За кандидатуры фашистского «Национального блока» проголосовали 4,5 миллиона человек. За все другие списки — 3,5 миллиона. Фашисты получили 374 мандата, все остальные — 157. Муссолини подвел итог: «Никто не может более сомневаться в согласии нации с нашей работой».

- 31 декабря 1925 года издан закон о праве префек-

тов запретить выпуск «опасных для общественного спокойствия газет». «Свобода печати кончилась тем, что выродилась в анархический произвол, — писали с голоса Муссолини фашистские авторы. — Всякая индивидуальная свобода имеет значение и цену, поскольку она протекает в рамках государства и дисциплинируется им. Это касается и печати, которая должна быть подчинена дисциплине государства».

- 31 января 1926 года издан закон о лишении итальянского гражданства политических эмигрантов.

- В октябре 1926 года принят устав фашистской партии.

- 12 декабря 1926 года ликторский пучок королевским декретом объявлен государственным гербом, включен 11 марта 1927 года в государственную гербовую печать.

- Ноябрь 1926 года. Принятие чрезвычайных законов. Введена смертная казнь «за покушение на жизнь, неприкосновенность и свободу короля, королевы, главы правительства», то есть Бенито Муссолини. Учрежден особый трибунал по защите государства. В числе первых арестованных — руководитель итальянских коммунистов Антонио Грамши. Чрезвычайные законы запретили свободную эмиграцию из Италии. Государство получило право запрещать неудобные партии, общественные организации, профсоюзы.

- 21 апреля 1927 года — в юбилей дня основания Рима — провозглашена «Хартия труда» — основа для разработки законодательных актов, имевших правовой и юридически-нормативный характер в фашистском государстве Муссолини.

- 1925—1926 годы. Заключение соглашений с США и Англией по урегулированию расчетов по военному долгу Италии. По договору, подписанному в Лозанне, острова Додеканес и Родос перешли к Италии.

- Джакомо Маттеотти (1885—1924) — один из лидеров Итальянской социалистической партии. По образованию юрист. Во время Первой мировой войны за

антивоенную деятельность был арестован и заключен в тюрьму. С 1919 года депутат парламента. В октябре 1922 вместе с другими реформистами был исключен из Итальянской социалистической партии, участвовал в основании Унитарной социалистической партии, был ее политическим секретарем. В отличие от других реформистов выступал за решительное сопротивление фашизму. В палате депутатов Маттеотти разоблачал избирательные махинации и злоупотребления фашистской партии, требовал аннулировать мандаты фашистских депутатов, готовил новые разоблачения фашистского режима. Был похищен и убит фашистами.

- 29 декабря 1925 года Бенито Муссолини оформил брак с Ракеле. Согласно одному из принципов фашизма все функционеры должны были обязательно быть женатыми.

- Юнона — в древнеримской религии и мифологии жена Юпитера, покровительница брака, брачной обрядности, замужних женщин и рожениц.

- Латеранские пакты, или Латеранские соглашения, между итальянским государством и Ватиканом привели к правовому урегулированию взаимных претензий между Италией и папским престолом, определили права и привилегии католической церкви, ее положение в итальянском государстве. Соглашения подписаны 11 февраля 1929 года в Латеранском апостолическом дворце (Palazzo Laterano). Состоят из договора, финансовой конвенции и конкордата. Договор признал католицизм единственной государственной религией Италии и суверенитет Святого престола в международных делах; предусматривает образование государства-города Ватикан. Финансовая конвенция предусматривала выплату Италией папскому престолу 750 миллионов лир в пятипроцентных ценных бумагах. Взамен папский престол отказывается от финансовых претензий к Италии, появившихся в результате образования итальянского государства. Конкордат опре-

делял права и привилегии католической церкви в Италии. Государство объявило нерабочими днями 10 церковных праздников, а также воскресенья; епископы обязывались присягать на верность главе государства. Подписали: со стороны Ватикана кардинал Гаспарри; от Италии — кавалер Бенито Муссолини. Латеранские соглашения и поныне определяют правовые отношения между итальянским государством и католической церковью в Италии в соответствии со ст. 7 Итальянской республиканской конституции 1947 года.

- Камилло Бенсо Кавур (1810—1861) — граф, государственный деятель и дипломат Пьемонта (Сардинского королевства) и Италии эпохи ее воссоединения; конечной целью Кавура было объединение Италии под главенством Савойской династии. С провозглашением единого Итальянского королевства (март 1861 года) стал первым премьер-министром Италии.

- Хайле Селассие I (1892—1975) — император (негус) Эфиопии в 1930—1974 годы (до коронации — Тафари Маконнен). Родился в семье государственного деятеля Маконнена, двоюродного брата императора Менелика II. В 1916 году объявлен регентом при императрице Заудиту, после смерти которой короновался императором Эфиопии (2 ноября 1930 года) под именем Хайле Селассие I. Ввел централизованное управление страной, отменил рабство и работорговлю, осуществил некоторые прогрессивные мероприятия в области образования, здравоохранения, провозгласил (1931) первую в Эфиопии конституцию и др. В 1923 году добился принятия Эфиопии в Лигу Наций. Во время итало-эфиопской войны эмигрировал за границу, где вел активную деятельность по привлечению иностранных держав к освобождению Эфиопии. 5 мая 1941 года, когда большая часть страны была очищена от итальянских захватчиков, вернулся в Аддис-Абебу. В результате переворота 12 сентября 1974 года низложен.

- Гульельмо Маркони (1874—1937) — итальянский

радиотехник и предприниматель, один из изобретателей радиотелеграфии. Нобелевский лауреат (1909). Маркони занимался также политической деятельностью: был сенатором, входил в руководящие органы фашистской партии, поддерживал личные контакты с Муссолини.

• Пьер Лаваль (1883—1945) — французский государственный деятель. Адвокат по профессии. В 1914—1919 и 1924—1927 годах депутат парламента. В 1927—1940 годах сенатор. Неоднократно входил в правительство. В январе 1931 — январе 1932 и в июне 1935 — январе 1936 года премьер-министр, с октября 1934 по июнь 1935 года министр иностранных дел. Встречался с И.В. Сталиным, Муссолини и Гитлером. В 1935 году заключил соглашение с Италией (Римский пакт), способствовавшее развязыванию агрессии фашистской Италии. С начала Второй мировой войны 1939—1945 годов стоял на пораженческих позициях, добивался подписания сепаратного мира с нацистской Германией. После заключения Францией перемирия Лаваль 23 июня 1940 года занял пост государственного министра в правительстве Петена. В апреле 1942 — августе 1944 года премьер-министр коллаборационистского правительства Виши. В момент освобождения Франции (1944) бежал из страны, был арестован в Австрии, в американской зоне оккупации и в августе 1945 года выдан французским властям. На судебном процессе был приговорен к смертной казни как изменник.

• Пьетро Бадольо (1871—1956) — итальянский военный и государственный деятель, маршал (1926). Участник Первой мировой войны. В 1919—1921 годах начальник генштаба. В 1924—1925 годах посол в Бразилии. С 1925 года начальник Генштаба, одновременно был в 1928—1933 годах генерал-губернатором Ливии. В 1935—1936 годах главнокомандующий итальянскими войсками в итало-эфиопской войне 1935—1936 годов. После захвата Эфиопии — вице-король Эфиопии (1936—1937). После первых поражений Италии на ита-

ло-греческом фронте во время Второй мировой войны вышел в отставку с поста начальника генштаба (1940). В условиях кризиса фашистского режима участвовал в государственном перевороте (25 июля 1943 года), приведшем к падению фашистской диктатуры Муссолини. Был назначен премьер-министром. Правительство Бадольо 3 сентября 1943 года подписало договор о военном перемирии с антифашистской коалицией и 13 октября 1943 года объявило войну Германии. В марте 1944 года восстановлены дипломатические отношения между Италией и СССР. Маршал Бадольо был вынужден уйти в отставку 9 июня 1944 года после включения в правительство коммунистов и социалистов.

- Родольфо Грациани (1882—1955) — италофашистский маршал. В 1930—1934 годы вице-губернатор Киренаики, в 1935 году губернатор Итальянского Сомали. За участие в итало-эфиопской войне (командовал Южной армией) получил звание маршала и титул маркиза, вице-короля Эфиопии. В 1939—1940 годах начальник штаба сухопутных войск. С июня 1940 года главнокомандующий итальянскими войсками в Северной Африке. После ряда поражений уволен в отставку. Во время немецко-нацистской оккупации Италии (1943—1945) военный министр Итальянской Социальной республики, возглавлял борьбу против партизан. В 1950 году приговорен к 19 годам тюрьмы, но в том же году амнистирован. С 1952 года был почетным президентом неофашистской партии Итальянское социальное движение.

- Галеаццо Чиано (1903—1944) — государственный и политический деятель фашистской Италии, дипломат. Зять Б. Муссолини. С 1925 года на дипломатической службе. В 1936—1943 годах министр иностранных дел. Во время Второй мировой войны под влиянием военных поражений итальянских войск и начавшегося кризиса фашистского режима примкнул (с конца 1942 года) к той части итальянских правящих групп,

которая склонялась к сепаратному миру. В феврале 1943 года был снят с поста министра. Участвовал в заговоре против Муссолини и голосовал 25 июля 1943 года в Большом фашистском совете за отстранение Муссолини от власти. После оккупации Италии немецко-нацистскими войсками (сентябрь 1943 года) интернирован в Германию и выдан фашистским властям Социальной республики Сало. Осужден военным трибуналом и расстрелян.

• «Стальной пакт». 25 октября 1936 года Италия заключила с Германией договор о сотрудничестве. Муссолини подписывал документ, будучи в предельно пьяном состоянии. Берлинский пакт 1940 года, договор о союзе был подписан 27 сентября в Берлине представителями Германии (И. Риббентроп), Италии (Г. Чиано) и Японии (С. Курусу) сроком на 10 лет. Предусматривал раздел мира между тремя империалистическими государствами; Германии и Италии предназначалась ведущая роль при создании так называемого «нового порядка» в Европе, а Японии — в Азии. Участники Берлинского пакта обязались оказывать политическую, экономическую и военную помощь друг другу. К Берлинскому пакту присоединились правительства Венгрии (20 ноября 1940 года), Румынии (23 ноября 1940 года), Словакии (24 ноября 1940 года), Болгарии (1 марта 1941 года). Позднее к Берлинскому пакту присоединились Финляндия, Испания, Таиланд, Хорватия, Маньчжоу-Го и правительство Ван Цзинвэя в Китае.

• Антикоминтерновский пакт был заключен 25 ноября 1936 года в Берлине между Германией и Японией. Статья 1-я специального секретного соглашения предусматривала совместные меры борьбы против СССР. 6 ноября 1937 года к Антикоминтерновскому пакту присоединилась Италия, 24 февраля 1939 года — Венгрия и Маньчжоу-Го, 27 марта 1939 года — Испания. В 1939—1940 годах Антикоминтерновский пакт был превращен в открытый военный союз Германии, Ита-

лии и Японии. 25 ноября 1941 года Антикоминтерновский пакт был продлен на 5 лет, тогда же к нему присоединились Финляндия, Хорватия, Дания, Румыния, Словакия и Болгария, а также образованное японцами на оккупированной части Китая правительство Ван Цзинвэя. Победа антифашистской коалиции во Второй мировой войне привела к ликвидации пакта.

• • •

• 1927 год — год начала подготовки Муссолини материального и идеологического потенциала войны. «Мы должны увеличить наш флот и так усилить наши военно-воздушные силы, чтобы шум их моторов сделал неслышным всякий другой шум и чтобы их тень закрывала собой солнце над итальянской землей... Нам нужен воздух, чтобы дышать, земля для экспансии, уголь и нефть для наших машин, горизонты и флот для героизма и поэзии», — писала фашистская газета «Империо», цитируя Бенито Муссолини.

• 24 марта 1929 года прошли выборы в палату депутатов по новой корпоративной избирательной системе, которая, как говорили фашисты, оформила и открыла «новый тип политической цивилизации», когда на основе «идеологического фашистского единства» сглаживались главные противоречия между предпринимателями и наемной рабочей силой.

• Декабрь 1929 года. Принят устав фашистской партии, в котором отмечается, что партия получила «особый смысл». Фашизм определялся как «вера, имеющая своих последователей, объединяющая воинствующих новых итальянцев, рожденных усилиями победоносной войны, следовавшей затем борьбы нации с антинациональными силами». При этом подчеркивалось, что партия может быть только меньшинством, «аристократией духа». Что это такое? «Фашистская партия должна быть аристократией в том смысле, что она должна содержать в себе цвет нации... Но она не может не быть массовой партией, поскольку должна

давать десятки тысяч людей, способных нести тяжелый груз строительства нового государства». (Параллели напрашиваются самые разные.) Низшее звено партии безоговорочно подчинялось и повинилось высшему руководству, совмещавшему государственное и партийное руководство. На вершине пирамиды единолично стоял Муссолини, дуче (вождь). И в этом было что-то мистическое, представлялось как посланное Италии, Европе, миру «сверху». А «народ его призвал и признал по его воле, по его силе, по его делам».

- В 1933 году на базе Консорциума по субсидированию промышленных предприятий был создан Институт промышленной реконструкции — ИРИ, открывший эпоху в развитии государственно-монополистического капитализма в Италии, существующего до сих пор. В 1936 году в итальянской промышленности было занято 5,5 миллиона человек из 18,3 миллиона самостоятельного населения.

- Со времени создания Особого трибунала (суда) в 1927 году до 1935 года были осуждены 2947 антифашистов.

- Курс на необходимость вооруженной борьбы против фашизма был принят на съезде Итальянской социал-партии в июле 1930 года в Париже и подтвержден коммунистами в марте 1931 года на съезде в Кёльне и Дюссельдорфе. В августе 1934 года между коммунистами и социалистами был заключен Пакт о единстве действий. Коминтерн определил фашизм как «открыто террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала».

- 3 октября 1935 года. Начало войны Италии против Эфиопии. Создано «идеологическое» оправдание захватнических действий: «Судьба и история — женщины, которые любят только смелых мужчин... Война — это явление, сопутствующее развитию человечества... Война для мужчин — это то же, что материн-

ство для женщины». Мир — это вред для «основных добродетелей мужчины, которые развиваются только в кровавых подвигах». Почему погиб Древний Рим? Он погряз в роскоши, неге, прекратил военные походы и ослабил мускулы его бойцов. А это — гибель. Война — это жизнь!.. Так для фашизма стремление к империи, военным завоеваниям обросло «своей теорией», стало стимулом к существованию. «Умирующие народы теряют территории и тем более отказываются от всяких земельных притязаний. Могущество требует дисциплины, координации сил, чувства долга и жертв».

- Абиссинская война вызвала экономическую блокаду со стороны 52 стран — членов Лиги Наций.

- 5 мая 1936 года пала Аддис-Абеба. К титулу итальянского короля добавился титул императора Эфиопии.

- Октябрь 1936 года. Зять Муссолини, министр иностранных дел Италии граф Галеаццо Чиано подписал в Берлине договор с Германией о помощи фашистскому мятежу в Испании. В секретном протоколе говорилось о предполагаемом выходе Италии из Лиги Наций по примеру Германии, о приоритетах итальянских интересов в зоне Средиземноморья. Германия признавала присоединение Эфиопии к Италии.

Италия и Германия договорились о проведении согласованной внешнеполитической линии. Возникла «Вертикаль и ось Рим—Берлин», а два государства стали называться «державами оси».

- Март 1937 года. Муссолини совершил «историческую» поездку в Ливию. Формальным предлогом было открытие автодороги, построенной с помощью Италии. Подлинная суть визита — претензии на роль главы арабского мира, на господство в зоне Средиземного моря, на материальное, военное и идеологическое сближение с арабскими столицами. Не случайно позже в речи 20 августа 1937 года Муссолини объявил Сицилию «географическим центром новой Римской империи».

Средиземноморье в своем кругу Муссолини сравнивал с «тюрьмой», сторожевыми башнями которой служили Корсика, Бизерта и Мальта, а стенами — Гибралтар и Суэц.

• • •

- К 1939 году артиллерийский парк в итальянской армии на суше и море составлял 14 тысяч орудий. Легких танков было всего 70 единиц. Из 2586 самолетов боееспособными могли считаться только 1190. Все вооружение армии в военно-техническом отношении отставало от Германии и Европы. Но Муссолини претендовал на часть французской территории до реки Рона, на остров Корсика, на Тунис и Французское Сомали. Об этом стало известно лично Гитлеру. Тот во время встречи с Муссолини 18 июня 1940 года намекнул, что все знает о «претензиях» Рима.

Пропаганда милитаризма шла по всем направлениям. На все лады повторялась в школах фраза: «Итальянская армия — самая храбрая в мире» (чем-то напоминает «Красная Армия всех сильнее»). А что стоили отточенные, ежедневно звучащие призывы: «Италии нужны новые земли», «Дуче призван сделать Рим столицей мира», «Солдаты, вы должны быть такими же храбрыми, как Муссолини, и такими же доблестными, как король».

- В Испании было 3,5 тысячи итальянских добровольцев, воевавших на стороне республиканцев, и 40 тысяч солдат экспедиционного корпуса, посланного Муссолини на помощь генералу Ф. Франко.

- Март 1938 года. Аншлюс. Захват Гитлером Австрии.

- 7 апреля 1939 года. Высадка итальянского морского десанта в Албании. 8 апреля захвачена Тирана. Албанский король бежал в Грецию.

- 25 августа 1939 года Гитлер сообщает Муссолини о предстоящем нападении на Польшу и рассчитывает на «понимание» со стороны Италии.

- 1 сентября 1939 года. Начало Второй мировой войны.
- 18 марта 1940 года на встрече с Гитлером в Бреннере Муссолини сообщил, что Италия вступит в войну, как только Германия «создаст благоприятную ситуацию».

- 10 июня 1940 года Италия вступила в войну против Англии и Франции. «Солдаты на земле, в море и в воздухе! — вещал Бенито Муссолини со знаменитого балкона в Риме на стене Венецианского дворца на площади Венеции. — Чернорубашечники революции и легионов! Мужчины и женщины Италии, империи и королевства Албании! Слушайте: час, предназначенный судьбой, пробил в небе нашей родины. Мы вступаем в бой с плутократическими и реакционными демократиями Запада».

Одиннадцать дней спустя, 21 июня 1940 года итальянские войска начали наступление против французов, которое захлебнулось через четыре дня и закончилось провалом, хотя и был захвачен пограничный городок Ментона (Мантон) в пяти километрах от итальянской Вентимильи.

- Осенью 1940 года итальянские войска начали наступление на Грецию.

В Риме все якобы рвались в бой. «Если и есть проявления недисциплинированности в армии, — докладывали генералы Муссолини, — то это только из-за нетерпения быстрее начать боевые действия».

- 6 апреля 1941 года гитлеровские войска вторглись в Грецию и Югославию.

- 5 мая 1941 года англичане выбили итальянцев из Аддис-Абебы. Этот день считается началом падения «фашистской империи».

- 22 июня 1941 года Германия напала на СССР, и в тот же день Италия объявила о своем вступлении в войну.

- В экспедиционном корпусе Италии в России (АРМИР) числилось 220 тысяч солдат. Остатки АРМИР отозваны в Италию весной 1943 года.

- Борис III — царь Болгарии (1894—1943), зять короля Италии Витторио Эмануэле III.

- Ион Антонеску — генерал, позже маршал. Начальник румынского генштаба. Сохранял все посты при короле Михе I до 23 августа 1944 года.

- Вильгельм Кейтель (1882—1946). Генерал-фельдмаршал. 1 октября 1946 года на Нюрнбергском процессе приговорен к смертной казни. Повешен в ночь на 16 октября 1946 года. В 1932 году Кейтель посетил Советский Союз и считал, что советское танкостроение опережало германское и это преимущество станет решающим при возможном конфликте. Итальянские танки В. Кейтель всерьез не принимал и считал, что итальянцам лучше петь и «играть в солдатики», но на войну не ходить.

- 7 декабря 1941 года японская авиация и флот атаковали Пёрл-Харбор и американский Тихоокеанский флот. 12 декабря 1941 года Германия и Япония объявили войну США.

- Какие средства массовой информации находятся в распоряжении понтифика? Прежде всего газета «Оссерваторе Романо» («Римский наблюдатель»), выходящая еще в начале XX века. «Радио Ватикана» начало работу 12 февраля 1931 года. Первый передатчик для «Радио Ватикана» сконструировал инженер Маркони при финансовом содействии Муссолини. Станцию открыл лично папа римский Пий XI и передал под управление «Компани Джезу». С 1970 года Центр разработки программ располагается во дворце Пио, где оборудованы 14 станций, ведущих постоянно передачи на 34 языках и на 11 племенных языках (киконго, липгала, йоруба и т.д.). Центр контроля «Радио Ватикана» находится во дворце папы Льва XIII в тени венецианских садов.

- Запретов за многовековую историю Ватикан издавал множество. Папа римский Урбан VIII запретил духовным лицам заниматься торговлей. Папа Григорий XIII нашел форму, чтобы отблагодарить иезуи-

тов, и даровал им право «практиковать занятие коммерцией и банковскими операциями». Иезуиты быстро захватили всю торговлю в Южной Америке.

- В 1229 году папа Григорий IX (1227—1241) основал инквизицию (розыск, тайный церковный суд), на которую возлагалась задача обнаружения, наказания и предупреждения — профилактики «ереси». С этой целью (профилактики) он запретил в 1231 году чтение Библии «мирянам», чтобы верующие не обнаруживали бы противоречивых сведений в библейских текстах.

- Муссолини говорил на шести языках и еще четыре понимал. В ЮНЕСКО представлен регистр «живых» языков, на которых говорят народы нашей планеты. На 1600 страницах регистра перечислены около десяти тысяч языков. Самый «разговорный» — китайский, на котором говорят 1200 миллионов человек; наименее «разговорный» — бикиа. На этом языке изъясняется только одна на Земле 87-летняя женщина, живущая в селении на границе Камеруна и Нигерии.

На втором месте среди самых «разговорных» — английский язык, на котором (как на родном) говорят 470 миллионов человек. Изучили и могут объясняться на английском языке более 1730 миллионов человек.

418 миллионов землян говорят на хинди, 372 миллиона — на испанском, 288 миллионов — на русском, 235 миллионов — на арабском, 124 миллиона — на французском. Немцы, итальянцы и разные прочие шведы — в меньшинстве.

- 1 июля 1941 года граф Чиано записал в своем дневнике слова, брошенные Муссолини: «Я желаю только одного, чтобы немцы оставили побольше перьев в этой кампании на Востоке». После известий о поражении немцев под Москвой последовала другая запись: «Муссолини удовлетворен развитием военных действий в России; сейчас он не скрывает, что счастлив в связи с неудачами германских войск».

- 23 января 1943 года англичане заняли Триполи. В этот день закончила свое существование итальянская колониальная империя. Муссолини рассылал многих своих приближенных послами подальше за границу. И тогда его сравнили с Калигулой. «Тот ввел в римский сенат лошадь, а Муссолини назначал послами ослов...»

- В ночь с 9 на 10 июля 1943 года союзники успешно высадились на Сицилии, в зоне Марсалы. Еще за несколько дней до этой высадки Муссолини громко заявлял: «Если враг попытается высадиться, то он сразу же будет уничтожен на той же линии, где кончается вода и начинаются берега».

- 19 июля 1943 года во время встречи в Фельтре Гитлера и Муссолини дуче рассчитывал объявить фюреру, что Италия больше не может продолжать войну, но не решился. В тот же день американская авиация нанесла первые бомбовые удары по Риму. Одна из бомб угодила в угловой дом XV века на площади Фьори, у «ворот» еврейского гетто. Эта отметина войны сохранилась до сих пор. 19 июля авиация союзников бомбила Болонью.

- 24 июля 1943 года состоялось открытие Большого фашистского совета, который закончился после 9 часов работы в 2 часа ночи 25 июля 1943 года. 25 июля 1943 года в 17 часов 30 минут Муссолини был арестован капитаном карабинеров на королевской вилле «Савойя». В 22 часа 45 минут римское радио сообщило: «Его величество король и император принял отставку главы правительства, первого министра, государственного секретаря кавалера Бенито Муссолини и назначил главой правительства кавалера маршала Пьетро Бадольо».

- 3 сентября 1943 года представители итальянского правительства и англо-американского командования подписали документы о перемирии. Монархическое правительство Бадольо 13 октября 1943 года объявило войну гитлеровской Германии.

- Социальная республика — марионеточная фашистская республика, образованная в сентябре 1943 года на территории Италии. Официальное название — Итальянская Социальная республика. Главные министерства располагались в г. Сало (отсюда названия — Республика Сало, Социальная республика Сало). Основы фашистского курса республики были изложены в так называемой Веронской хартии (ноябрь 1943 года). Глава республики Б. Муссолини проводил политику полного подчинения страны гитлеровской Германии. Социальная республика Сало прекратила существование в дни антифашистского апрельского восстания 1945 года. Большая часть ее главарей казнена партизанами.

- 26—28 апреля 1945 года. Последние дни Б. Муссолини и иерархов фашистского режима.

- «Кумиры Муссолини». Никколо Макиавелли (1469—1527) — итальянский политический мыслитель, писатель, историк, военный теоретик. Из обедневшей знатной семьи. С 1498 года был секретарем Совета десяти Флорентийской республики, выполнял важные дипломатические поручения. В 1512 году, после восстановления тирании Медичи, был отстранен от службы и сослан в свое поместье под Флоренцией. Наиболее значительные сочинения: «Рассуждения по поводу первой декады Тита Ливия», «Государь», «Князь», «История Флоренции». Патриот, считавший, что бедствия Италии объясняются, главным образом, политической раздробленностью, создал теорию государства, способного, как он полагал, преодолеть эту раздробленность.

- Тит Ливий (59 год до н.э. — 17 год н.э.) — древнеримский историк. Жил и работал в Риме. Автор «Римской истории от основания города», в которой изложена вся история Рима от легендарного основания города до 9 года до н.э. Из 142 книг «Римской истории» сохранилось 35. Современники и последующие поколения видели в произведении Ливия образец исторического труда, а в самом авторе — «римского Геродота».

- Чезаре Борджиа (ок. 1475—1507) — из аристократического рода испанского происхождения (из Арагона). Играл значительную роль в XV — начале XVI века. В 1499 году Чезаре стал правителем Романьи, послужил прототипом государя в произведениях Макиавелли.

•   •   •

- Антанта. «Сердечное согласие», блок Англии, Франции и России, иначе именуемый «Тройственным согласием», оформившийся в 1904—1907 годах и объединивший в годы Первой мировой войны, 1914—1918, против германской коалиции более 20 государств. Италия перешла на сторону Антанты в 1915 году. К концу войны в состав государств антигерманской коалиции (Россия вышла из Антанты и из войны после Октябрьской революции 1917 года) входили: Англия, Бельгия, Боливия, Бразилия, Гаити, Гватемала, Гондурас, Греция, Италия, Китай, Куба, Либерия, Никарагуа, Панама, Перу, Португалия, Румыния, Сан-Доминго, Сан-Марино, Сербия, Сиам, США, Франция, Уругвай, Черногория, Хиджаз, Эквадор, Япония.

- Чернорубашечники. Черная рубашка — обязательная принадлежность партийной униформы фашиста.

- Ирредентизм. Ирредента (итал. Italia irredenta — «неискупленная, неосвобожденная Италия») — политическая доктрина молодого итальянского национализма. По этой доктрине итальянские области, не вошедшие в состав Италии при ее объединении (1870) и оставшиеся под владичеством, главным образом, Австро-Венгрии и Франции, должны быть присоединены к итальянскому государству. Ирредента оформилась как политическая партия под водительством Мелотти Гарибальди, сына Джузеппе Гарибальди, в 1878 году. В программу ирреденты входило отторжение от Австро-Венгрии населенных итальянцами областей — Триента, Триеста, Истрии и Далмации с островами в Адриатике.

• Габриеле Д'Аннунцио (1863—1938) — итальянский писатель и политический деятель. В сентябре 1919 года возглавил националистическую экспедицию, захватившую югославский г. Фиуме (Риека), был его комендантом до декабря 1920 года, когда по требованию Антанты итальянское правительство предложило Д'Аннунцио оставить город. При фашизме в 1924 году получил титул князя, в 1937 году возглавил Королевскую академию наук. Всегда поддерживал Муссолини и видел в дуче свою опору.

• Витторио Эмануэле III (1869—1947) — последний король Италии в 1900—1946 годы. Из Савойской династии. Поддерживал фашистскую диктатуру (установленную при его содействии в 1922 году в Италии) вплоть до ее краха в 1943 году, когда под угрозой массовых волнений в стране Витторио-Эмануэле III пришлось отстранить Муссолини и отдать власть правительству Бадольо.

• Палаццо Виминале — МВД Италии на Виминальском холме.

• Раймон Пуанкаре (1860—1934) — французский политический и государственный деятель. Адвокат по образованию и профессии. С 1887 года депутат парламента, сенатор, занимал министерские посты. В 1912—1913 годах премьер-министр, в 1913—1920 годы президент Франции. В годы Первой мировой войны был сторонником ведения ее до победного конца. Стремился использовать ее результаты для установления французской гегемонии в Европе. В 1922—1924 годах премьер-министр и министр иностранных дел. В 1926—1929 годах премьер-министр и (до ноября 1928 года) министр финансов, один из лидеров «национального блока».

• Джордж Натаниел Керзон (1859—1925) — государственный деятель Великобритании, дипломат. Консерватор. Один из наиболее видных выразителей интересов империалистической буржуазии и земельной аристократии. В 1899—1905 годах вице-король Индии. В 1919—1924 годах министр иностранных дел.

- Лозаннская конференция 1922—1923 годов. Международная конференция с участием представителей Англии, Франции, Италии, Японии, Греции, Румынии, Болгарии, Югославии, Бельгии, Португалии и Турции.

- Остин Чемберлен (1863—1937) — государственный деятель Великобритании. С 1892 года член парламента. С 1900 года занимал различные министерские посты, в 1924—1929 годах министр иностранных дел. В 1931 году морской министр. В последние годы жизни высказывал опасения относительно агрессивных устремлений Германии.

Эдуард Фредерик Линдли Вуд Галифакс, с 1925 года барон Ирвин (1881—1959) — английский государственный деятель. В 1910 году избран в парламент от консервативной партии. В 1926—1931 годах вице-король Индии. В 1938—1940 годы министр иностранных дел; сторонник умиротворения фашистских агрессоров. В ноябре 1937 года вел переговоры с Гитлером, во время которых изложил программу англо-германских соглашений, имевшую антисоветскую направленность. В 1941—1946 годах посол в США.

- Папа римский Пий XI (в миру — Акилле Ратти) (1857—1939) — папа римский с 1922 года. Префект Ватиканской библиотеки, Ратти был послан в 1918 году представителем Ватикана в Россию (куда не был допущен), Польшу и Прибалтику. В мае 1919 года стал нунцием в Варшаве, где сотрудничал с представителями империалистических держав в их борьбе против Советской России. В 1921 году архиепископ Миланский. В том же году возведен в кардиналы. При Пии XI были заключены Латеранские соглашения с Италией (1929) и конкордат с нацистской Германией (1933). В своих посланиях Пий XI призывал к «крестовому походу» против СССР. В 1937 году издал антикоммунистическую энциклику, а также энциклику, осуждающую политику преследования католической церкви в Германии, разгул расизма нацистов.

- Эудженио Пачелли (1876—1958) — папа римский

Пий XII с 1939 года. Выходец из семьи римской финансовой аристократии, связанной с Ватиканом. В 1901 году начал свою церковную карьеру в ватиканском статс-секретариате. В 1917—1920 годах нунций в Баварии. В 1920—1929 годах нунций в Берлине. В декабре 1929 года возведен в кардиналы. В 1930—1939 годах статс-секретарь Ватикана. Занимал антисоветские позиции. В годы, предшествовавшие Второй мировой войне, и во время войны выступал по существу сторонником фашистских держав, а после войны активно поддерживал политику «холодной войны». В 1949 году конгрегация священной канцелярии Ватикана, во главе которой стоял Пий XII, опубликовала декрет об отлучении от церкви коммунистов и всех, кто их поддерживает. Документ действует до сих пор.

• Ахмет Зогу (1895—1961) — албанский государственный деятель. В 1928—1939 годах король Албании. Имел звание полковника австрийской армии. После оккупации Албании Италией в апреле 1939 года бежал за границу.

• • •

• В Риме 998 церквей. Из них 330 католических приходов, которые возглавляют 46 кардиналов, 94 епископа и другие «сановники» Ватикана. 668 церквей имеют меньшее, скажем, городское значение. При них находятся 3511 «рядовых» священнослужителей и 265 студентов-теологов.

• Стрезские соглашения. Конференция 1935 года по вопросу о нарушении Германией Версальского мирного договора состоялась 11—14 апреля в г. Стреза (Италия). В работе форума приняли участие представители Великобритании, Франции, от Италии Б. Муссолини. Конференция рассмотрела французский меморандум, представленный в связи с нарушением Германией военных статей Версальского договора (в марте гитлеровское правительство объявило об отказе от обязательств не создавать военную авиацию, приступило к созданию

армии на основе всеобщей воинской повинности). Участники конференции осудили действия гитлеровского правительства. В дни работы конференции англичане «неофициально» дали понять Муссолини, что Великобритания не будет препятствовать осуществлению его агрессивных планов в отношении Эфиопии.

- Тобрук, город в Ливии, на приморской автостраде; во время Второй мировой войны 1939—1945 годов являлся важным опорным пунктом в Киренаике в ходе Северо-Африканских кампаний 1940—1943 годов. 22 января 1941 года после девятидневной осады занят австралийской дивизией, захвачено 30 тысяч пленных. 11 апреля — 10 декабря 1941 года Тобрук, обороняемый австралийской (позже английской) дивизией и польской бригадой, выдержал восьмимесячную осаду итало-немецких войск. 21 июня 1942 года был захвачен немецко-нацистскими войсками. После поражения армии генерала Э. Роммеля под Эль-Аламейном 13 ноября 1942 года был освобожден английскими войсками.

- Эль-Аламейн — населенный пункт на севере Египта. Во время Второй мировой войны 8-я британская армия (командующий генерал-фельдмаршал Монтгомери) провела 23 октября — 4 ноября 1942 года западнее Эль-Аламейна наступательную операцию против итало-немецкой танковой армии «Африка» (командующий генерал-фельдмаршал Э. Роммель). Войска Роммеля оборонялись западнее Эль-Аламейна на шестидесятикилометровом укрепленном рубеже. Поздно вечером 23 октября британские войска перешли в наступление. До 27 октября британские войска вклинились лишь на семь километров, после чего наступление было приостановлено. 2 ноября 8-я британская армия возобновила наступление при поддержке корабельной артиллерии и авиации. Роммель пытался контрударами из глубины сорвать наступление союзников, но атаки итало-немецких танковых дивизий были отбиты с большими для них потерями. 8-я британская армия продвинулась на

направлении главного удара еще на 5 километров, а утром 4 ноября подвижные группы развили успех и создали угрозу охвата итало-немецкой группировки. Роммель начал поспешный отход в Ливию. В результате победы под Эль-Аламейном был достигнут перелом в ходе Северо-Африканских кампаний 1940—1943 годов в пользу союзников. Итало-немецкая армия была вынуждена окончательно отказаться от наступательных планов и начать общее отступление.

- Эрвин Роммель (1891—1944) — генерал-фельдмаршал (1942). На военной службе с 1910 года. Участник Первой мировой войны. С 1919 года в рейхсвере, затем в вермахте. В 30-х годах был преподавателем и начальником военной академии. С сентября 1939 года военный комендант ставки Гитлера, с февраля 1940 года командир 7-й танковой дивизии во время похода во Францию. С февраля 1941 по март 1943 года командовал германскими экспедиционными силами в Северной Африке. В июле — ноябре 1943 года командующий группой армий «Б» в Северной Италии. В декабре 1943 года выполнял функции военного инспектора ставки верховного командования в Дании. С декабря 1943 года командующий группой армий «Б» во Франции. 17 июля оставил этот пост в связи с тяжелым ранением. Был связан с правым крылом заговорщиков против Гитлера и после раскрытия заговора по приказу Гитлера покончил жизнь самоубийством.

- Анри Филипп Петен (1856—1951) — французский военный и государственный деятель. В Первой мировой войне 1914—1918 годов в чине генерала командовал пехотной бригадой, затем армейским корпусом, в июне 1915 — апреле 1916 года — второй французской армией, которая участвовала в битве за Верден. В мае 1916 года назначен командующим группой армий «Центр», в апреле 1917 года — начальником генерального штаба, в мае 1917 года — главнокомандующим французской армией. В ноябре 1918 года получил звание маршала. В 1920—1931 годах заместитель председателя Высшего

военного совета и одновременно (с 1922 года) генеральный инспектор армии. В 1925—1926 годах командовал французскими войсками, подавлявшими национально-освободительное восстание в Марокко. В феврале — ноябре 1934 года военный министр. В 1939—1940 годах посол во франкистской Испании. 17 мая 1940 года стал заместителем премьер-министра, а 16 июня — премьер-министром. Проводил пораженческую линию. 22 июня 1940 года подписал Компьенское перемирие с нацистской Германией. 10 июля 1940 года, после переезда правительства в Виши, Петен получил всю полноту власти от французского Национального собрания. В июле 1940 — августе 1944 года Петен — глава государства «режима Виши». Под руководством Петена были ликвидированы демократические свободы, проводилась политика сотрудничества с немецко-нацистскими оккупантами и преследования французских патриотов. В апреле 1945 года арестован. В августе 1945 года приговорен Верховным судом к смертной казни (замененной пожизненным заключением).

- Альберт Кессельринг (1885—1960) — немецко-нацистский генерал-фельдмаршал (1940). В 1936—1937 годах начальник главного штаба ВВС. С февраля 1938 года командовал 1-м воздушным флотом, участвовал в 1939 году в агрессии против Польши. Командовал (с 1940 года) 2-м воздушным флотом во время Французской кампании 1940 года, воздушных налетов на Англию в 1940—1941 годах и нападения на СССР. С декабря 1941 года главнокомандующий германскими войсками Юго-Запада (Средиземноморье — Италия), с марта по май 1945 года главнокомандующий германскими войсками Запада. В октябре 1947 года как военный преступник приговорен британским военным трибуналом к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением. В октябре 1952 года освобожден. Был почетным членом реваншистских обществ в ФРГ.

- 2 сентября 1945 года закончилась Вторая мировая война.

ОБ АВТОРЕ

Журналистская судьба Михаила Ильинского началась в «Комсомольской правде» и газете «Советская торговля». С 1966 года — известинец, собственный корреспондент газеты в военном Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, затем спецкор в Афганистане, участник боевых событий на советско-китайской и китайско-вьетнамской границах. Автор более 30 книг и сборников на русском, английском, вьетнамском, хинди, урду, болгарском, и других языках мира.

Михаил Ильинский — исследователь нравов и обычаев народов мира. Его книги «Иду под гремящим небом», «Напалм и пальмы», «Мирные зарницы над Вьетнамом», «Лаос: огненный коридор», «Вьетнам единый», «Чампа — цветок революции», «Резидент об этом не знает», «Афганистан — вперед!», «Ее Величество мода», «Джанни Версаче» и другие — выходили общим почти миллионным тиражом.

С 1985 года Михаил Ильинский — собственный корреспондент «Известий» в Италии. Сотрудничает в итальянской, французской, английской, швейцарской, болгарской печати, на государственном и частном телевидении Италии, читает лекции в различных университетах. Призер международных литературных премий — «Калабрии», «Тренто».

Особая область его журналистских исследований — жизнь и деятельность Бенито Муссолини, членов его семьи, ближайшего окружения.

Академик Михаил Ильинский — Президент Итальянской Академии народов мира, ответственный член трех международных академий.

СОДЕРЖАНИЕ

**Вместо предисловия.
На чашку кофе с Муссолини**

5

Глава I

28

Глава II

59

Глава III

73

Глава IV

132

Глава V

176

Глава VI

232

Глава VII

280

Глава VIII

305

Глава IX

374

Глава X

402

**Даты, факты, терминология,
имена, примечания, комментарии
к эпохе Бенито Муссолини**

433

**В серии «Военные тайны XX века»
изданы следующие книги:**

Л. Безыменский. «Человек за спиной Гитлера»

В. Карпов. «Расстрелянные маршалы»

Л. Хавас. «Покушение на Большую Тройку»

С. Славин. «Секретное оружие третьего рейха»

М. Курушин. «Стальные гробы рейха»

К. Залесский. «Вожди и военачальники третьего рейха»

Б. Соколов. «Тайны финской войны»

М. Ильинский. «Жизнь и смерть Бенито Муссолини»

Ильинский М.М.

И 46 Жизнь и смерть Бенито Муссолини. — М.: Вече, 2000. — 464 с., илл. (16 с.)

(Военные тайны XX века)

ISBN 5-7838-0608-0

Бенито Муссолини — одна из самых ярких и загадочных фигур XX века, вокруг которой сложилось немало тайн. Какую роль сыграл лидер итальянского фашизма во Второй мировой войне? Каково его личное отношение к Гитлеру, Сталину, Черчиллю, Рузвельту? Кто и почему спас папу римского от берлинского плена? Как и кем был убит сам Муссолини? Какова была личная жизнь диктатора? Почему он остается таким популярным в современной Италии? Ответы на эти и другие вопросы читатель найдет в книге известного журналиста Михаила Ильинского.

Михаил Михайлович ИЛЬИНСКИЙ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ БЕНИТО МУССОЛИНИ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Редактор *С.В. Шевелев*

Корректор *Т.Л. Легостаева*

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — «Вече-графика»

Б.А. Федотов, О.Г. Фирсов

Верстка *Д.В. Грушин*

ЛР № 064614 от 03.06.96

Издательство «Вече»,

129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.

Подписано в печать 2.02.2000. Формат 84x108 1/32.

Гарнитура «Ньютон».

Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 14,5.

Тираж 7 000 экз. Заказ 1350.

Изготовлено в Тульской типографии.

300600, г. Тула, пр. Ленина 109.